

**НЕМЕЦКИЙ
МИР
РОССИИ
(Уральский путь)
1 том**

**г. ЧЕЛЯБИНСК
2015**

Немецкий культурный центр (1989 — 2014)

25 лет

Библиотека Ассоциации национально-культурных объединений «Ассамблея народов Челябинской области»

Об авторе-составителе: Нахтигаль Александр Яковлевич в 1985 года стал членом инициативной группы, которая организовала в 1989 году Немецкий культурный центр. Член правления с основания культурного центра и более 15 лет председатель правления. С этого же времени стал активным участником общественного движения советских (российских) немцев. Был членом областного оргкомитета по выборам делегатов I Съезда немцев СССР, делегатом III Съезда, членом последнего состава Совета немцев СССР. Активно включился в процесс объединения национальных объединений Челябинской области.

Немецкий культурный центр стал одним из пяти организаций-учредителей Ассоциации национально-культурных объединений «Ассамблея народов Челябинской области». В период с 2000 по 2004 был председателем Совета Ассамблеи, когда число членов ассоциации достигло 17 областных национальных организаций. Сейчас Александр Яковлевич является заместителем председателя Совета АНКО «Ассамблея народов Челябинской области», членом Совета по межнациональным отношениям Законодательного собрания, членом Совета Форума народов Челябинской области и член Координационного совета при администрации Челябинска. (nacht57@mail.ru)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интересовался ли я в детстве, когда играл с друзьями в лапту или в прятки, какой они национальности? Конечно же, нет. Человеческие качества мы оценивали по другим признакам: кто честней, кто смелей. Это я считал естественным.

Только потом я узнал, что среди моих друзей есть татары, русские, чувашаи, а сам я немец. Никогда не думал, что принадлежность человека к определенной национальности может сыграть в его жизни большую, а иногда решающую роль.

Я не испытал на себе ущемления моих прав гражданина из-за национальности: окончил университет, получил профессию, о которой мечтал, женился на любимой девушке, кстати русской, у нас растут прекрасные дети, теперь уже внуки.

Но ведь жизнь сложнее и если у меня все хорошо, то это не значит, что такое же безоблачная история у моего народа. Знал ли я ее? Нет, не знал. Кое-что рассказывали родители, но это не позволяло представить всю картину.

Перестройка сделала возможным впервые прикоснуться к тем страницам истории народов нашей страны, которые долгие десятилетия были скрыты. Но кто добрым словом вспоминает время М.С. Горбачева? Сейчас это не модно. Тем более развивать то, что начиналось в тот период: переосмысления нашей истории, раскрытие, а не очернение, событий и фактов, которые вычеркнули из истории в угоду непонятым политическим интересам.

Россия непредсказуемая страна. С этим утверждением уже давно никто не спорит. Но самая непредсказуемая у России история. Нам ее преподносят, кто как хочет. Но мы удивительные люди: несмотря на все горы лжи, нам все же хочется знать правду. На многие понятия мы стали смотреть по-другому, о многих событиях мы впервые узнали правду.

Но одна тема по-прежнему остается вне внимания российской общественности. Это репрессии против граждан бывшего Советского Союза по национальному признаку. Чуть приоткрыли завесу таинственности в годы перестройки, а потом тема исчезла со страниц газет и журналов, по этому поводу перестали высказываться политические деятели.

Почему же она стала такой непопулярной?

А происходит это, на мой взгляд, потому, что при изучении истории народов нашей страны могут возникнуть неудобные вопросы, на которые придется отвечать и нынешним российским властям, будут поставлена под сомнения правильность действий руководства страны в последнее десятилетие. Поэтому безопаснее эти темы обходить стороной.

Но допустимо ли, чтобы вновь наше стремление знать правду до конца, зависела от благосклонности власти? Народы России уже этого никогда не допустят.

Попытаюсь помочь вам понять один из российских народов. Это возможно только тогда когда знания пропущены через сердце.

Автор-составитель

СОДЕРЖАНИЕ

Народ пригласила Россия	5
Кто они такие, немцы?	7
Александр Нахтигаль. Российские немцы диаспора?	10
Александр Нахтигаль. «Все иностранным дозволяем в Империю Нашу въезжать и селиться...»	11
Из истории поселения немцев в Россию	16
Виктор Гринемаер. Верой и правдой	20
Дарья Брянцева. История «Красного Октября»: как немец москвичей конфетами накормил	21
Николай Титов. Свидетели истории	22
Прикосновение к родословному дереву	26
Александр Нахтигаль. Хаймат Урал	38
Виктор Гринемаер. Знаменитости	40
Чудесное путешествие	40
Привороженные Уралом	42
С особым поручением	45
Лекарь Фридрих	46
Буш — в Россию, Буш — в Америку	49
Петер Паллас	52
Академик Фальк	57
Имя на карте	58
Эдуард Эверсман	59
Лето 1918 года	62
Сергей Вершинин. Образ немца в творчестве П.П. Бажова	65
Немецкие мастера. Начало оружейного Златоуста	67
Были первыми	70
Федор Яблонский. У истоков Златоуста: последний владелец	71
Андрей Гилодо. Каслинское художественное литье	73
Зоя Зимиухова. Немец из... Америки	77
История семьи Гроо в России	78
Анатолий Резнер. «Никита Шелковников — мой дед»	94
Ученый Бадер Отто Николаевич	102
Марина Резонтова. История одной немецкой семьи	106
Гаяз Самигулов. Господин городничий	107
Русские немцы — первая нация царской России	109
Валерий Зайцев. «Человеку, как и дереву, нельзя без корней»	110
Ольга Соловьева. Бужские голендры	112
Хроники	118
Давид Фельк. Семья: вспоминая поименно	118
История семьи	127
Полина Лохтачева. Туалетный столик	136
Александр Моисеев. Маленькие истории	139
Немецкие населенные пункты в Российской империи	140
Предполагаемые немецкие населенные пункты в Российской империи	141

Памяти родителей,
Фриды Андреевны и Якова Яковлевича
Нахтигаль, посвящается.
Они любили жизнь и друг друга.

НАРОД ПРИГЛАСИЛА РОССИЯ

КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

Сколько предрассудков у граждан нашей страны связано с жизнью немцев в России. В мировой истории с немцами связывают только две мировые войны. В учебниках истории Отечества о российских немцах ни слова. Кое-где появляются статьи в газетах или сюжеты на телевидении, которые рассказывают о жизни наших немцев, после прочтения и просмотра которых у большинства наших граждан возникает одно желание: отправить бы их всех в Германию и все дела.

История нашего Отечества пишется постоянно. И этим в основном занимаются специалисты, в первую очередь те, кто историю выбрал делом своей жизни. Какая у них получается история, мы знаем. Предлагаю историю российских немцев, написанную самим народом. Возможно, кому-то она покажется слишком эмоциональной и даже необъективной.

Но история, которая осталась в сердце, в душе, в памяти, и есть самая настоящая наша история. Давайте вместе пройдем по основным вехам жизни российских немцев — близкого и неизвестного российскому обществу народа.

КТО ОНИ ТАКИЕ, НЕМЦЫ?

НЕМЦЫ, дойче (самоназвание), народ, основное население Германии. Общая численность 86000 тыс. человек, в том числе в Германии — 74600 тыс. человек. Многочисленные группы немцев имеются в США (5400 тыс. человек), Канаде (1200 тыс. человек), Казахстане (958 тыс. человек), Российской Федерации (843 тыс. человек. Данные переписи 1989 года), Бразилии (710 тыс. человек) и других странах Европы и Латинской Америки, в Австралии и Южной Африке. Говорят на немецком языке германской группы индоевропейской семьи. Выделяют 2 группы немецких диалектов: нижненемецкую (платт-дойч) и верхненемецкую. Некоторые исследователи из последней выделяют средненемецкие диалекты. На платт-дойч имеется своя литература. Письменность на основе латинского алфавита. Верующие — протестанты (в основном лютеране) и католики. Среди немцев, проживающих за пределами Германии, кроме католиков и лютеран, довольно многочисленны последователи других направлений протестантизма — баптисты, меннониты, адвентисты и т. п.

Основу немецкого этноса составили древнегерманские племенные объединения франков, саксов, баваров, алеманнов и др., смешавшиеся в первые века нашей эры с романизированным кельтским населением на юго-западе и юге Германии и с ретами в Альпах. После раздела Франкской империи (843) выделилось Восточно-франкское королевство с германоязычным населением. В начале X века оно стало называться

Тевтонским (название восходит к этнониму древнегерманского племени тевтонов); в немецкой форме самоназвание — диутисце (позднее дойч) известно с середины X века, что свидетельствует о сложении немецкой общности. В X—XIV веках немцы заселили земли к востоку от Эльбы, частично ассимилировав местное население. В эти века шёл и процесс переселения отдельных групп немцев на территории современных Чехии, Польши, Венгрии, Румынии и других стран Европы. Последующая многовековая политическая раздробленность Германии тормозила развитие немцев как единого народа. В течение нескольких столетий этническая история немцев протекала двояко: продолжался процесс развития сложившихся в раннем средневековье народностей — баварской, саксонской, швабской, франконской и др. — и в то же время складывались общие для всех немцев черты культуры. В начале XVI века процесс консолидации проявился прежде всего в создании единого немецкого литературного языка на основе саксонского (мейсенского) диалекта, но произошёл религиозный раскол немцев на католиков и протестантов-лютеран, что обусловило некоторые различия в быту и культуре. Слабое экономическое развитие, опустошавшие немецкие земли войны вызвали в XVIII—XIX вв. активную эмиграцию немцев в различные страны Америки и Европы (в том числе в Россию). Только во второй половине XVIII века ускорился процесс развития немецкого национального самосознания. В 1871 произошло объединение Германии под

эгидой Пруссии. Объединение страны, проведение ряда реформ вызвали быстрое развитие промышленности, сложился общегерманский рынок. Концентрация населения в промышленных центрах способствовала культурной нивелировке, стиранию этнографических особенностей. В конце XIX века сформировалась немецкая нация, хотя культурно-бытовое своеобразие населения отдельных земель сохранялось. В процессе длительного исторического развития сложились как общие этнические черты, так и этнографические особенности отдельных групп немцев, которые частично стираются в условиях высоко развитого индустриального общества с абсолютно преобладающим городским населением. У немцев, проживающих в других странах, сохранились областные самоназвания — баварцы, швабы, саксонцы, франконцы и др.

Из традиционной культуры лучше всего сохранились жилище, некоторые обычаи и обряды и фольклор. Для Германии была характерна каркасная строительная техника (фахверк), лишь на юге и местами в бывших славянских районах на востоке — срубная. В сохраняющих средневековый колорит небольших городах (например, Кведлинбург, Вернигероде, Целле, Гослар и др.) немало фахверковых домов. Строения в готическом стиле и каркасные дома сохранились и в более крупных городах (Лейпциг, Штральзунд, Кёльн, Кобленц, Любек и др.). Среди традиционных сельских построек выделяют 4 типа домов. Нижненемецкий дом — одноэтажная прямоугольная каркасная постройка с жилыми и хозяйственными помещениями под одной крышей, двор-гумно в середине, по сторонам его — стойла для скота, у противоположной входу в дом стены — жилая часть с очагом и подвесным котлом. С конца XIX века планировка нижненемецкого дома претерпела существенные изменения: очаг заменён камином, жилое помещение разделено на несколько комнат, хозяйственные строения отделены от жилой части. Средненемецкий дом, каркасный, двухэтажный, в нижнем этаже — жилая часть, в верхнем — подсобные помещения, позднее спальни. Дом и двухэтажные хозяйственные постройки (стойла, сарай и др.) охватывают двор с трёх или четырёх сторон. Дом разделён на 3 части, вход с боковой стороны ведёт в тёплые сени, к задней стене жилой части примыкает коровник (под одной крышей). Кроме открытого очага в жилом помещении — печь. Граница между нижненемецким и средненемецким типами совпадает с границей между нижненемецким и средненемецким диалектами. На юге Германии (Верхняя Бавария) преобладает альпийский дом (характерный и для австрийцев). Локальные особенности прослеживаются в отделке мебели и бытовых предметов: на севере преобладала резьба, на юге — роспись. На юго-западе Германии (земля Баден-Вюртемберг) распространён переходный между средненемецким и альпийским шварцвальдский дом, жилые и хозяйственные помещения которого расположены под одной крышей по плану средненемецкого дома.

Немецкая традиционная одежда начинает складываться с XVI—XVII вв. на основе средневековых элементов одежды и городской моды; сохраняется в некоторых районах Германии (Шаумбург, Липпе, Гессен, Шварцвальд, Верхняя Бавария). Основные элементы женской одежды — корсаж

или кофта, сборчатая юбка (или несколько, как в Гессене, разной длины из толстой шерстяной ткани), передник. Нередко носили наплечный платок. В Верхней Баварии в XIX — начале XX вв. вместо юбки и кофты носили платье. Особым разнообразием отличались головные уборы — платки, повязываемые разными способами, различной формы и размеров чепцы и соломенные шляпы. В XIX веке распространились кожаные башмаки с пряжками, кое-где полусапожки. Местами до XX века носили деревянные башмаки. Традиционный мужской костюм состоял из рубахи, коротких (до колен) или длинных штанов, безрукавки (позднее жилета), шейного платка, башмаков или сапог. В XIX—XX вв. широко распространился (включая и города) так называемый тирольский костюм — белая рубашка с отложным воротником, короткие кожаные штаны на подтяжках, суконная красная безрукавка (жилет), широкий кожаный пояс, чулки до колен, туфли, шляпа с узкими полями и пером. Бытует профессиональная традиционная одежда овчаров, трубочистов, горняков, гамбургских плотников.

В пище областные различия в значительной степени обусловлены направлением хозяйства. На севере преобладает картофель и различные блюда из него, ржаной хлеб, на юге — мучные изделия (лапша, клёцки и т. п.) и пшеничный хлеб; молочные и мясные блюда больше распространены у швабов и баварцев, хотя сосиски и колбасы считаются общенемецкой пищей. Наиболее распространённый напиток — пиво. Из безалкогольных напитков предпочитают кофе со сливками, чай, сельтерскую воду. Праздничная пища — свиная голова (или свинина) с квашеной тушёной капустой, гусь, карп. Пекут много кондитерских мучных изделий (различные печенье, пряники, торты), готовят конфитюры.

С конца XIX века у немцев преобладала малая семья с 1—2 детьми. У некоторых групп немцев вне Германии сохранялись многодетные семьи. В городских семьях между помолвкой и свадьбой иногда проходило несколько лет, пока молодые не обзаводились собственным жильём; в крестьянских семьях женитьба сына-наследника также затягивалась из-за раздела хозяйства: после его свадьбы родители переселялись в отдельную жилую часть усадьбы. Для общественной жизни немцев характерны различные ферейны (по типу землячеств, по интересам и др.).

Частично сохранились в виде реликтов или развлечений некоторые календарные и семейные обряды, главным образом у католиков. Из Германии в XIX веке распространился обычай украшения ёлки на Новый год или Рождество. В январе-феврале устраивают карнавалы: широкой известностью пользуется Кёльнский карнавал. В устном народном творчестве преобладают шванки (короткие комические рассказы), сказки, саги, очень популярны народные танцы и песни. Пению отводится значительная роль в воспитании подрастающего поколения. Продолжает развиваться прикладное искусство (обработка дерева, металла, стекла, плетение, вышивка, гончарство). У немцев, проживающих в других странах в сельской местности в инонациональном окружении, сохранились некоторые бытовые и культурные особенности, обряды и обычаи, а иногда и традиционное жилище. Дольше этнографические особенности сохранялись у конфессиональных

групп, быт которых более замкнут. Немцы, поселившиеся в больших городах, быстрее теряли свою самобытность.

Немцы России и бывшего СССР более двух столетий почти не контактировали с немцами Германии и поэтому сильно отличаются от них по основным элементам материальной и духовной культуры, а также по самосознанию. «Немцы» — название, данное русскими всем переселенцам из Германии. Сами они себя называют «дойчен» (Deutschen), а жителей Германии — «германцами» (Deutschlander). По отношению ко всем остальным народам страны — они «немцы», а по отношению к немцам Германии — «советские немцы» (а в последнее время они часто называют себя «российские немцы», независимо от того, в каком государстве бывшего СССР живут). Для немцев России и бывшего СССР характерна иерархичность национального самосознания. Сами себя они часто называют швабами, австрийцами, баварцами, ципсерами, меннонитами и др. Во времена их переселения в Россию процесс сложения немецкой нации далеко ещё не завершился, и сама Германия состояла из более чем 300 самостоятельных княжеств (государств). Областное самосознание, особенно в среде крестьян и ремесленников (а их среди колонистов было большинство) преобладало, что естественно нашло отражение и в самосознании этих групп. Отдельно выделяют себя поволжские немцы (Wolgadeutschen), в течение 2 десятилетий имевшие свою национальную автономию. С немецким населением смешались и колонисты из других стран — голландцы, швейцарцы, французские гугеноты и др.

Предки российских немцев переселялись в разное время и из разных земель Германии. В Прибалтике они обосновались со времён средневекового «Дранг нах Остен» — наступления немецких феодалов на земли славян и прибалтийских народов. В дальнейшем немцы составили значительную часть прибалтийского дворянства и городского населения (главным образом ремесленников, торговцев, интеллигенции). К середине XVII века и в Москве была уже Немецкая слобода, где помимо немцев жили голландцы, фламандцы и другие иноземцы, близкие по языку и культуре к немцам. Их приток в Россию усилился при Петре I и его преемниках. Это были в основном ремесленники, купцы, военные, врачи, учёные. В основанной в 1724 Академии наук длительное время работало много иностранцев, в большинстве своём немцы. К середине XVIII века в пределах Российской империи уже жило около 100 тыс. немцев, преимущественно в прибалтийских губерниях.

Однако основная масса немецких колонистов появилась в России в последней трети XVIII — начале XIX вв. В 1764—74 были основаны колонии на Волге в районе между Саратовом и Камышином (более 100 колоний). С этого же времени начали возникать колонии и в других регионах страны. С присоединением к России причерноморских степей и Крыма возникла проблема их заселения. Правительство Екатерины II приглашало немецких колонистов для заселения этих районов на льготных условиях. В правление Александра I в 1803—23 образовано ещё 134 новых поселения на юге Украины, 17 — в Бессарабии, 8 — в Крыму. В это же время (в 1817—19) возникли и немецкие

колонии в Закавказье (в Грузии и Азербайджане). В Россию переселялись преимущественно колонисты из юго-западных земель Германии (Вюртемберга и Бадена, Пфальца и Гессена), в меньшей степени из Баварии, Восточной Тюрингии, Верхней Саксонии и Вестфалии. С конца XVIII века несколькими волнами в Россию — в Причерноморье, а позднее (в 1855—70) в район Самары переселяются также меннониты из Пруссии. В середине XIX века (1830—70) на Волыни поселились немецкие переселенцы из Польши. Колонии под Одессой отчасти создавались немецкими переселенцами из Венгрии, куда они ранее переселились из Пфальца. С начала XVIII века шло также переселение немцев и в Закарпатье. Здесь поселились швабы и франконцы из Германии, а несколько позднее (в конце XVIII века) австрийцы из Зальцкаммергута и Нижней Австрии, а в середине XIX века немцы из Чехии и Спиша (Словакия). Для немцев с самого начала их поселения на новых землях было характерно дисперсное расселение, однако иногда они образовывали компактные группы. Высокий естественный прирост привёл к образованию новых анклавов — выселков в Киевской и Харьковской губерниях, Донской области, на Северном Кавказе, в Поволжье.

После Октябрьской революции в октябре 1918 на Волге была создана Трудовая коммуна немцев Поволжья, преобразованная в 1924 в Автономную республику немцев Поволжья с центром в городе Энгельс (бывший Покровск). В период Великой Отечественной войны с оккупированных немцами территорий было вывезено более 650 тыс. немцев, однако не все они успели достичь Германии и около 170 тыс. немцев было возвращено в СССР (из Югославии и Венгрии). В 1941 немцы европейской части СССР были насильственно переселены в Казахстан и восточные районы РСФСР, и Автономная республика немцев Поволжья прекратила своё существование. Общее число депортированных немцев составило около 700—800 тыс. человек. В 1959 в СССР насчитывалось 1619,7 тыс. немцев (в том числе в России — 820,1 тыс.). Основная масса немецкого населения сосредоточилась в Западной Сибири и в Казахстане (660,0 тыс.). К 1970 численность немцев составила 1846,3 тыс. По данным переписи населения 1979, число немцев в бывшем СССР составило 1936,2 тыс. К 1989 численность немцев возросла до 2038,6 тыс. человек. С середины 1980-х гг. их стало меньше в связи с массовой эмиграцией немцев в Германию.

Значительная часть немцев России занята в промышленности, сфере обслуживания, науке и искусстве. Однако до 50% немцев занято в сельском хозяйстве. Они сохранили многие элементы традиционной культуры — жилище, пищу, некоторые обряды и фольклор. Коренным образом изменился лишь тип поселений. Если в Германии резко преобладают кучевые формы поселений, то в России — линейные.

Основу хозяйства немцев традиционно составляло земледелие. Использовали трёхпольную систему обработки земли, основной зерновой культурой была пшеница. Развито производство семенного зерна. Из огородных культур выращивают картофель. Большую роль играет животноводство. Благоприятные климатические условия привели к широкому распространению

птицеводства, свиноводства, коневодства, разведению крупного рогатого скота.

Основной формой семьи является малая семья, в сельской местности часто встречаются многодетные семьи.

В строительстве колонисты сочетали национальные традиции с имевшимися строительными материалами. В южных степных районах дома были глинобитными или саманными. В северных районах преобладают деревянные постройки. Крыша двух- или четырёхскатная, из черепицы или досок. Встречается несколько типов жилых домов: дом с линейным расположением помещений, поставленный узким фронтоном к улице (так называемый фронтонный дом); дома, расположенные осью вдоль улицы, когда окнами на улицу выходят несколько помещений, четырёхкомнатные дома, где помещения расположены не последовательно, а «крестом», вокруг главной печи. Пол, потолок, печь в доме окрашены. Обязательным элементом немецкой усадьбы является летняя кухня. Сарай, баня, коптильня, специальный задний двор для скота объединяются под одной крышей, охватывая двор с трёх сторон. Фасад дома, ворота, заборы украшают орнаментом (резьба, роспись). Интерьер жилища отличают резная деревянная мебель, пуховые перины, обилие вышитых и вязаных салфеток. Вышивают гладью цветы, птиц, изречения из Библии.

Яркой вышивкой украшалась праздничная одежда. Традиционный костюм отошёл в прошлое. У женщин он состоял из кофты, сборчатой юбки, передника, головного платка, кожаных башмаков. Существовала деревянная обувь «шлёры». Из овечьей шерсти вязали кофты, жилеты, чулки, носки, варежки. Мужской костюм состоял из рубахи, штанов, жилета, башмаков, шляпы. Одежда меннонитов отличалась тёмными цветами и отсутствием украшений.

Традиционная пища — куриная лапша (нудль), суп с клёцками, фруктовый суп. На праздники готовят свинину или гуся с капустой, пекут пироги (кухе). Существует несколько вариантов рулета (штрудель). На зиму коптят сало, мясо и рыбу, делают разнообразные колбасы. Из напитков предпочитают кофе.

Знание немецкого языка у немцев непрерывно уменьшается. Если в 1926 94,9% немцев назвали немецкий язык своим родным, то в 1939 — 88,4, в 1959 — 75,0%, в 1970 — 66,8, в 1979 — 57,0%. По данным переписи населения 1989, 48,7% немцев бывшего Союза считали своим родным немецкий язык, а 50,8% — русский (кроме того, 45,0% немцев свободно им владели). Что касается немцев Российской Федерации, то здесь родным считали немецкий язык 41,8% (русский — 53,2% и свободно им владеет — 38,4%). Таким образом, немцы России становятся всё более русскоязычными.

Александр Нахтигаль

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ ДИАСПОРА?

Вы прочитали статью из энциклопедии, которая познакомила вас с немцами. Думаю, она даёт довольно подробное и цельное представление об одном из европейских народов. Но насколько оно отражает все нюансы формирования народа Германии и связанного с ними историческими корнями российских немцев? Есть немало деталей, которые, на мой взгляд, несколько меняют подходы к формированию и развитию этих народов. Я не случайно пишу во множественном числе.

Начнем с того, что в энциклопедии все немцы, проживающие за пределами Германии, представлены как часть одного целого народа. Эта позиция начинает проявляться и в практике внутренней национальной политики, когда российских немцев стали считать диаспорой. Это нашло отражение в тексте письма президента России В.В. Путина участникам, так называемого, XII Форума российских немцев. В приветствии мероприятию президент отметил: «... Сегодня представители немецкой диаспоры принимают самое активное участие в жизни страны... (форум - А.Н.) Послужит консолидации диаспоры, укреплению межнационального диалога в российском обществе».

Думаю, такое утверждение не совсем точно. Что такое диаспора? В научной среде вокруг этого понятия идут острые дискуссии. Выскажу свою точку зрения. Формирование народов занимает разные исторические периоды. Мы довольно часто эти процессы упрощаем, у нас, как в кино,

получается монтаж. Основополагающее в понятие диаспоры то, что это часть народа, которая проживает за пределами своего государства. А что, если люди уезжали, когда юридически не было государства и не было единого народа? Швабы, саксонцы, баварцы приезжали в Россию со своим языком (диалектом), традициями, культурой до формирования Германии и до появления объединяющей государственной идеологии т.е. до формирования немецкой, а точнее, германской нации.

Поэтому немецкие сообщества на территории Германии, России и в США формировались порознь, но при этом фундамент их национальной ментальности имеет одну основу. Не случайно немцы, которые выехали из России в конце XIX века и поселились в Северной и Южной Америке позиционировались государством Германии, как немцы из России или российские немцы.

На территории России под влиянием русской, украинской и других культур сформировался своеобразный народ — российские немцы, благо для этого было достаточно времени, со своей национальной психологией и характером. Я придерживаюсь этой позиции.

В то же время я хочу обратить внимание на то, что сейчас после массового возврата российских немцев в Германию и изменения политической ситуации вокруг проблемы российских немцев, в обществе настойчиво продвигается идея о немецкой диаспоре в России, т.е. о российских немцах как составной части немцев Германии.

Категорически с этим не согласен. История жизни моего народа это подтверждает. Несмотря на все исторические бури, российские немцы сохранили самобытность, характер, привязанность и национальное чувство, которые говорят о том, что российские немцы отличаются от своих соплеменников с которыми они вышли из одной исторической прародительницы.

Поэтому исторически правильней, на мой взгляд, считать, что немцы живут в России, а в Германии — германцы.

Александр Нахтигаль

«ВСЕМ ИНОСТРАННЫМ ДОЗВОЛЯЕМ В ИМПЕРИЮ НАШУ ВЪЕЗЖАТЬ И СЕЛИТЬСЯ...»

*Мы застряли в смертном сите эпохи.
Мы зажаты в тисках перемен.
Нехороши мы? Но и неплохи.
Случись ураган, мы не сделаем крен.
Виктор Гейнц.*

Сейчас нередко звучат рассуждения о сути межнациональных отношений в России. Чаше они даются под заголовками «национальные вопросы» или «национальные конфликты». Но такие послы не проясняют главного: между кем существуют эти проблемы и перед кем стоят эти вопросы. Их не было в пору моего детства на улице Дружбы в городе Еманжелинске, где жили русские, немцы, молдаване, болгары, татары, чуваша и представители других национальностей. Именно при поддержке простых людей выжили репрессированные российские немцы, с которыми делились последним теплом и хлебом и казахи, и русские, и татары.

Проблемы есть и, видимо, еще долго будут, но только в отношениях между властью и народами. И даже не важно, какой национальности представители органов власти.

Можно ли в России избежать межнациональных противоречий? Можно, если опираться на мнение народа, если прислушиваться к тем процессам, которые происходят в обществе. Но вот со слухом у государственных органов большие проблемы. История российских немцев яркое тому подтверждение. Давайте заглянем в прошлое.

Ни у одного западноевропейского народа нет таких стародавних и тесных связей с Россией, как у немецкого. И хотя вы знаете, что две мировые войны начинались с немецкой земли, но у истории взаимоотношений Германии и России немало прекрасных страниц. Тысячи немцев помогли России войти в общий европейский дом. Но вот эти страницы почему-то остались в стороне от исследований ученых, внимания педагогов, и говорить об этом у нас не принято. Совершим же небольшую экскурсию.

Еще в XV-XVI веках приезжали и жили в Москве иноземцы - по собственному почину, по приглашению правителей и отдельных лиц. Это были врачи, аптекари, хирурги, военные, торговцы. Им выделили место на реке Яузе, где они и построили Немецкую слободу. Впоследствии всем иноземцам - французам, голландцам, англичанам, немцам и другим было разрешено селиться только в ней. «Немцами» тогда называли всех иностранцев - это слово обозначало попросту

«немой», то есть такой, с которым трудно разговаривать, не говорящим по-русски. Выходцев из германских земель в Немецкой слободе было больше всех, они охотнее и чаще общались с русским населением, поэтому только за ними слово «немец» закрепилось как название национальности.

Немецкая слобода стала, своеобразным островком Европы посреди Российского государства. Отсюда русские люди многое заимствовали, многому здесь учились. В том числе и строительству по-европейски.

В XVII-XVIII веках очень много иностранцев, в том числе немцев, было приглашено российским самодержавием на государственную службу. Приезжали главным образом моряки, инженеры, архитекторы, военные строители, учёные, врачи. И не только для тех или иных работ, но в особенности для обучения этим профессиям русских. Современник Петра I, крестьянин по происхождению, политико-экономический писатель-самоучка Иван Посошков, патриот России, писал: «...много немцы умнее нас наукою, а наши острою, по благодати Божией...»; «...надлежит призвать иноземцев, которые учили бы нас тому и тому...»

К середине XVIII века перед Россией встали такие задачи, которые не могло решить приглашение единичных специалистов. К правлению Екатерины II, на окраинах России в результате присоединения новых территорий «накопилось» много свободных земель: на них было мало поселений, никто их не возделывал. В Среднем и Нижнем Поволжье по громадным просторам степей кочевали со своими стадами калмыки, киргиз-кайсаки. Хотя они и были российскими подданными, но время от времени совершали разбойничьи набеги глубоко внутрь поволжских территорий. Бродили по пустынному краю и свои «родные» российские разбойнички, песню пели: «Я гулять-то гулять по диким степям, на одной-то степи, на Царицынской, на другой-то степи, на Камышинской, а на третьей степи, на Саратовской». Подстерегали обозы с белорыбницей из Астрахани и других поволжских рыболовных мест, грабили казённые суда и убивали людей.

Земли эти крайне нуждались в заселении. Но кем? При крепостном праве в России свободных людей было мало.

Да и то население, которое здесь уже обитало, не отличалось спокойным нравом. В самом начале царствования Екатерины II в Поволжье был ряд восстаний крепостных крестьян. Против них приняли крутые меры, волнения улеглись. Но край оставался «взрывоопасным». Тогда и решила Екатерина II заселить его спокойными и надёжными людьми - иностранными колонистами. Она издала манифест, в котором провозгласила:

«Всем иностранным дозволяем в Империю Нашу въезжать и селиться, где кто пожелает, во всех наших Губерниях;... Но чтоб все желающие в Империю Нашей поселяться видели, сколь есть велико для пользы и выгодностей их Наше благоволение, то мы позволяем: 1/ всем прибывшим в Империю Нашу на поселение иметь свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно... 2/ не должны таковые прибывшие из иностранных на поселение в Россию, никаких в казну Нашу податей платить...»

Это выдержки из Манифеста 22 июля 1763 года императрицы Екатерины II, которая предоставила переселенцам из всех стран Европы большие привилегии и льготы: свободный выбор места поселения, свобода вероисповедания, самоуправления, освобождения от податей, налогов и всякого рода повинностей.

В начале желающих было очень мало. Тогда специально нанятые в самих германских княжествах люди, которым платили с «головы», развернули мощную зазывательскую кампанию. Набирали в самых разных уголках Германии и других стран Западной Европы. За 1762 - 1767 годы около 7000 семей решились переехать в Россию. Переселенцев везли на кораблях из портов Любек и Гамбург в Кронштадт, там перевозили в Ораниенбаум под Санкт-Петербургом.

Здесь они давали присягу на российское подданство. Далее их везли в Саратов или сухим путём на подводках через всю Россию, или отвозили в верховья Волги и сплавляли по ней на баржах. Длительность этих переездов по полтора-два года, с промежуточной зимовкой. Кое-кто за это время разбежался, многие болели и умирали. В первое переселение из Германии вышло 27000 душ, а после заселения колоний на 1 января 1769 года оказалось 23246 душ. Первые колонисты образовали в Саратовской губернии более 100 колоний, да ещё и Немецкую слободу в самом Саратове.

Переселенцы привезли в Поволжье новую культуру земледелия. Они стали применять удобрение перегноем, облагородили много солонцовых, песчаных и других неплодородных земель. Сеяли новые овощи, сажали картофель, которого в России ещё не было. В Сарепте возделывали горчицу и организовали горчичное производство. Окрестные российские крестьяне сеяли в основном рожь и почти не сеяли пшеницу, немцы стали сеять хорошие сорта пшеницы. Они привезли с собой некоторые орудия и инструменты, а кое-что сделали уже на месте: сохи переделали в плуги, вместо серпа применяли косу, вместо ручной молотбы - деревянные молотилки.

Переселения немцев в Россию, но менее значительные, чем это первое, происходили и позднее. Расселялись и поволжские колонии по самой Волге. А 500 семей с Поволжья переселилось на Кавказ. К концу XIX века, в 1871 году, на немцев-колонистов были распространены Общие Положения о крестьянах. Немцы-колонисты стали полноправными (и «полнообязанными») крестьянами России.

Через 100 лет в России насчитывалось уже 505 иностранных колоний, в подавляющем большинстве немецких и к 1908 году в нашей стране было два миллиона 70 тысяч граждан немецкой национальности. Они занимали в государстве разное социальное положение: от царского двора, высшего генералитета, министров, владельцев фабрик и заводов до ученых, писателей, художников, рабочих и земледельцев.

Жили они довольно обособленно, сохраняли, насколько это было возможно, свой уклад жизни. Но через 100-150 лет они стали уже совсем не такими немцами, как те, что жили в это время в Германии. Тяжёлый труд в суровом климате, суровые российские законы, российское окружение выковали особый народ — российских немцев, которых в Германии не всегда признавали своими. Когда в конце XIX века 50 семейств уехали в Германию, через год они вернулись обратно.

Даже язык российских немцев был уже не вполне современным немецким. Немцы для колоний набирались из разных мест. Были среди них вообще не немцы. А поскольку в Германии существовало множество диалектов, язык колонистов был очень неоднороден. Естественно, что в колонии вырабатывался свой особый язык, может быть, даже немного разный по отдельным сёлам. От этнической родины — Германии - колонии жили в изоляции, их языка не коснулись те процессы, благодаря которым выработался в XIX веке литературный немецкий язык.

Оказавшись вдалеке и в изоляции от этнической родины, немцы-колонисты, тем не менее, сохранили многие свои обычаи и обряды. На праздниках исполнялись песни и танцы, вывезенные ещё из XVIII века: «Ах, мой милый Августин!» и другие. В обрядовых обычаях, например, в свадебных, кое-что заимствовали и из русских, очень любили «Камаринскую». Торжественно отмечали каждое воскресенье, начиная с осени и до весенних полевых работ. «Ёлку» на Рождество колонисты устраивали, когда в русских домах она ещё не появилась - ведь это было «их» дерево, и праздник, зародившийся в Германии. Сохранили немцы и свою кухню, дополнив её русскими блюдами - пирогами, блинами. Праздничные костюмы также сохраняли черты нарядов, вывезенных из Германии XVIII века. В конце XIX и начале XX века началось приобщение к общенациональной российской культуре.

Приглашенные немцы служили России верой и правдой, очень многие принимали российское подданство, она становилась для них второй родиной. Вспомним лишь некоторые широко известные имена: генерал-фельдмаршал, президент военной коллегии, генерал-губернатор Сибири полководец, граф Бурхард Христофор Миних, соратник А.В.Суворова Меллер-Закомельский, екатерининский адмирал фло-

товодец принц Нассау-Зиген.

Поподробнее расскажу о доверенном лице М.И. Кутузова Егоре Фуксе. Егор Борисович историк и свою служебную карьеру он начал при князе Безбородко по дипломатической части. Императрица Екатерина II неоднократно поручала ему вести ее личную переписку. Во время русско-австрийской кампании Фукс неотлучно состоял правителем дел и поверенным лицом при Суворове. Во время Отечественной войны 1812 года Егор Борисович находился при Кутузове в должности директора военной канцелярии. После себя он оставил труды: «История российско-австрийской кампании 1799 г.»; «История генералиссимуса графа Суворова-Рымникского»; «Анекдоты графа Суворова» (1827); «О военном красноречии» (1825). В 1827 года вышло его «Собрание разных сочинений».

А мореплаватели. Иван (Иоганн) Крузенштерн, возглавлявший первую русскую кругосветную экспедицию на парусниках «Надежда» и «Нева»; Фаддей (Теодор) Беллинсгаузен, совершивший позднее кругосветную экспедицию на шлюпах «Восток» и «Мирный» и открывший Антарктиду. Учёные, академики Петербургской Академии наук, путешественники Иоганн Гмелин, Самуэль Гмелин, Петр (Петер) Паллас объехали всю Россию (включая Сибирь), составили большие труды по её природе, географии, экономике.

Когда в 1766 немца П.С. Палласа пригласили на службу в Россию, он уже был известен всей Европе как ученый-натуралист. В ранних работах он высказал идеи исторического развития органического мира, впервые дал изображение последовательных связей животных и растений в виде родословного древа. Паллас принял приглашение Петербургской академии наук, правильно рассчитав, что обширная и малоисследованная Россия представляет собой в отношении «натуральной истории» ничуть не меньший интерес, чем Америка, куда он мечтал попасть. П. Палласа назначили руководителем первой Оренбургской экспедиции.

После трехлетнего обследования Поволжья и Урала его отряд с 1771 по 1773 работал на Алтае и в Сибири. Общее описание путешествия по Сибири было напечатано Академией наук в трех томах по-немецки в 1773-1788, а затем в Париже в пяти томах с атласом по-французски. Одновременно «Путешествие по разным провинциям Российской империи» в трех частях и пяти книгах вышло на русском языке. Третья часть, озаглавленная «Путешествие по Сибири, к востоку лежащей, даже и до самой Даурии 1771 года», была переведена на русский язык сотрудником Палласа Василием Зуевым и вышла в 1788. Паллас открыл и описал много новых видов животных, в том числе ланцетника, которого ошибочно принял за моллюска. Ему принадлежат описания ископаемых остатков буйвола, мамонта, волосатого носорога. Значительная часть его открытий содержится в фундаментальной работе «Флора России» (1784-1788).

Со школьной скамьи мы знаем писателя Дениса Фонвизина (фон Визин), который написал знаменитую пьесу «Недоросль».

Так уж случилось, но немцы занимали очень высокие должности в государственных структурах царской России. Не многие знают, что главой

Кабинета министров в 1903 году стал Сергей Юльевич Витте. Во время русско-японской войны командный состав российской армии выглядел так: 1-й армией командовал генерал Линевиц, 2-й — генерал Грипенберг, 3-й — генерал, барон Каульбарс. Частями, входящими в армии, командовали генералы Засулич, Штакельберг, Мищенко и Ранненкамф. На совещании в Новом Петергофе в конце июля 1905 года, посвященном созданию Государственной думы, в первом ряду перед государем сидели: шеф императорской канцелярии А.А. Будберг, старейшина Госсовета Э.В. Фриш, министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, статс-секретарь барон фон Гильденбрандт, председатель департамента Госсовета Н.Н. Герард, член Госсовета О.Б. Рихтер, управляющий делами Кабинета министров барон Э.Ю. Нольде.

Ученые, военные и путешественники, пожалуй, в этих делах мало кто мог составить в России конкуренцию немцам. Остановимся только на одной фамилии — адмирала Николая Оттовича фон Эссена. Он родился в Петербурге в семье товарища (заместителя) министра юстиции, статс-секретаря Отто Васильевича Эссена. Как потомок остзейского дворянства имел титул барона и приставку «фон» к фамилии.

Окончил Морское училище с отличием в 1881 г., за успехи в учебе и примерное поведение его имя занесено на мраморную доску. В звании гардемарина совершил двухлетнее заграничное плавание на броненосном фрегате «Герцог Эдинбургский». Избрав командной специальностью системы вооружения корабля, поступил на учебу в Артиллерийский офицерский класс, который закончил в 1891 г. Дальнейшая служба была связана с Тихоокеанской эскадрой, где лейтенант Н.О. Эссен плавал с 1892 по 1897 г. артиллерийским офицером крейсера «Адмирал Корнилов». До 1900 г. служил на Средиземноморской эскадре командиром миноносца № 120 («Пакерорт»), старшим офицером мореходной канонерской лодки «Грозный», командиром штабного парохода «Славянка». В 1899 г. за отличия по службе присвоено звание капитан 2-го ранга. Во время зимовки парохода в Петербурге, с 1900 по 1902 г. преподавал в Морском кадетском корпусе теоретическую механику и девиацию. С 1902 г. — командир новейшего крейсера 2-го ранга «Новик». Приняв корабль на судостроительном заводе в Германии, Н.О. Эссен перевел его в Порт-Артур в состав эскадры.

С первых же дней русско-японской войны «Новик» активно участвовал в боевых действиях. Утром 27 января 1904 г., после внезапного нападения японского флота на Порт-Артур, Эссен вывел «Новик» в море на разведку. Обнаружив превосходящие силы противника, корабль атаковал крейсер «Якумо». Только попадание 8-дюймового снаряда вынудило «Новик» возвратиться в базу. Последующие дни были наполнены активной боевой деятельностью, командир и его экипаж проявили высокое воинское мастерство и героизм, показали пример выполнения долга. «Новик» участвовал в боях с японской эскадрой, поддерживал миноносцы, проводил разведку. На нем держал свой флаг командующий эскадрой вице-адмирал С.О. Макаров при выходе на спасение погибавшего миноносца «Стерегущий».

16 марта капитан 2-го ранга Н.О. Эссен назначается командиром эскадренного броненосца «Севастополь», а после того как корабль стал флагманом эскадры, исполняет и должность флаг-капитана при командующем. Был убежденным сторонником активных действий флота, выхода в море для ведения боя с противником. Разногласия в этом вопросе с контр-адмиралом В.К. Витгефтом привели к замене Эссена на посту флаг-капитана и переносу флагманского адмиральского флага с «Севастополя».

Броненосец несколько раз вступал в бой с врагом, участвовал в попытке прорыва эскадры во Владивосток, дважды подрывался на минах. Находясь в гавани, вел контрбатарейную борьбу с японской осадной артиллерией. После перехода в бухту Белый Волк корабль подвергся многочисленным атакам японских миноносцев, выпустивших по нему 180 торпед, две из которых попали в цель. Несмотря на повреждения, командир смог обеспечить активное использование корабельной артиллерии против сухопутных и морских целей. Попадания вражеских снарядов окончательно вывели «Севастополь» из строя. Н.О. Эссен был назначен начальником Ляотешанского отдела обороны с подчинением сухопутных частей и береговой артиллерии. Когда 19 декабря 1904 г. началось уничтожение кораблей эскадры, «Севастополь» единственным из всех стараниями бывшего командира был отбуксирован для затопления на большую глубину, что не позволило занявшим Порт-Артур японцам использовать его в своих целях. Н.О. Эссен последним покинул броненосец. За боевые заслуги Эссен был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и Золотым оружием с надписью «За храбрость», произведен в капитаны 1-го ранга.

После возвращения в Россию с 1905 г. он занимает должности заведующего стратегической частью военно-морского учебного отдела Главного морского штаба, командира 20-го флотского экипажа, с марта 1906 г. - командир строившегося в Англии броненосного крейсера «Рюрик».

С августа 1906 г. контр-адмирал Н.О. Эссен - начальник Отряда минных крейсеров Балтийского флота (позже 1-я Минная дивизия). На этом посту он «нашел благородное поприще для проведения на деле тех своих выводов, к которым ему пришлось прийти собственным горьким опытом в 1904 году». Эссен решительно боролся с упрощениями в боевой подготовке, которую впервые стал проводить круглый год, поддерживал думающих и инициативных офицеров. Под его руководством в результате интенсивных тренировок и учений соединение превратилось в основное боевое ядро флота. Корабли плавали в любую погоду во всех районах Финского залива, центральной и северной части моря. С ноября 1908 г. Эссен назначен начальником соединенных отрядов Балтийского флота, в 1909 г. - начальником морских сил Балтийского моря (с 1911 г. - командующий флотом Балтийского моря). Добился коренной перестройки деятельности всех учреждений, поставив их на службу потребностям действующего флота. Показал себя прямым последователем идей вице-адмирала С.О. Макарова, руководил разработкой и принятием в 1912 г. плана действий флота на случай войны, созданием минно-артиллерийских позиций для обороны петербургского направления.

Под командованием адмирала Н.О. Эссена Балтийский флот встретил начало Первой мировой войны в полной готовности к отражению нападения противника, в 1914-1915 гг. корабли провели блестяще организованные активные минные постановки в южной Балтике, на германских коммуникациях, успешно действовали в море. В 1914 г. Эссен награжден орденом Белого Орла с мечами. Умер в Ревеле 7 мая 1915 г. Тело доставлено в Санкт-Петербург на эсминце «Пограничник» и 15 мая захоронено на кладбище Новодевичьего монастыря.

Надо отметить, что имя адмирала Эссена не забыто в современной России. 29 апреля 2013 года командующий Черноморским флотом, вице-адмирал Александр Федотенков заявил, что флот примет в боевой состав шесть новейших сторожевых кораблей и среди них «Адмирал Эссен», который был заложен 8 июля 2011 года.

Сохраняя самобытность, немцы считали Россию своей родиной и в трудный час всегда вставали на ее защиту. В первую мировую войну сто тысяч российских немцев бок о бок с другими народами России сражались против врага, среди медицинского персонала было 14 тысяч немцев-санитаров.

Всегда считалось, что невозможно стать культурным человеком без изучения немецкой культуры. Это стало аксиомой и в России. Но, изучая вклад немцев в сокровищницу мировой культуры, в наших школах и вузах говорят только о деятелях культуры Германии, а точнее о писателях, композиторах, поэтах, князьях, из которых во второй половине XIX века сформировалось германское государство. Ведь ни при Гете, ни при Гейне, ни при И.-С. Бахе не было Германии.

Несколько слов о том же было на месте нынешней Германии. До 1806 года существовала Священная Римская империя германской нации, в которую входили также Чехия, Нидерланды, Швейцария. В 1814 году был организован Германский союз, в который входили Австрия и Пруссия. Причем Пруссия оставалась самостоятельным государством до 1867 года. Германская империя была образована в 1871 году императором Вильгельмом I. Последний король Баварии Людвиг III отрекся от престола в 1918 году. Большинство германских государств сохраняли самостоятельность даже в рамках единого государства. Это породило феномен языкового богатства — существование в Германии многочисленных диалектов. В результате чего берлинец не мог понять баварца или саксонца. Только в XX веке стала создаваться немецкая нация — deutsch. Огромную роль в объединении сыграл немецкий литературный язык. Благодаря ему, немцы Германии понимают друг друга, до сих пор сохраняя свое своеобразие. Вот и получается, И.-С. Бах своим творчеством прославлял Баварию.

У нас же, почему-то мы не изучаем вклад наших, российских, немцев в развитие российского государства, ведь благодаря и их таланту России встала в ряд мировых держав. Я говорю уже не о тех немцах, которые приехали в Россию из немецкоязычных стран, а тех, кто родился и трудился в России, и для которых она стала единственной Родиной. Попробуем хотя бы частично восполнить этот пробел.

А начать мне хочется с Лаврентия Блюментро-

ста. Эта фамилия для многих из нас неизвестна, а он был первым президентом Петербургской академии наук. Лаврентий родился в Москве в 1692 году в семье лейбмедика, тоже Лаврентия Блюментроста, который был врачом при царе Алексее Михайловиче. Сын получил образование у отца, у которого заимствовал любовь к языкам, впоследствии свободно владел немецким, французским, латинским и русским. Учился медицине и в 1712 году стал доктором медицины. По поручению Петра I подобрал препараты для будущей Кунсткамеры. В конце 1710 годов, когда Петр I стал задумываться об организации Академии наук Лаврентий Блюментрост стал его первым помощником. Используя свои связи он привлекал для работы в России европейских ученых — будущий костяк Академии. Лаврентий предложил императору структуру Академии, им была написана текст Проекта положения об учреждении Академии наук и художеств. В этом проекте впервые была сформулирована основная особенность петербургской Академии по сравнению с другими академиями Европы: соединение в ней академии и Университета, т. е. выполнение одним составом ученых, на одной материальной базе исследование и обучение.

Блюментросту пришлось приложить немало сил, чтобы после смерти Петра I сохранить его детище и продолжать организацию Академию. В конце июня 1725 года в Петербург стали приезжать первые академики, среди них уже имевший широкую известность математик Я. Герман, астроном Ж.Н. Делиль, историк Г.Ф. Миллер, ценнейшим приобретением был проезд из Швейцарии в 1727 году двадцатилетнего Л.Эйлера, впоследствии крупнейшего математика.

Всю эту работу Лаврентий выполнял, как сейчас бы сказали, на общественных началах и только 7 декабря 1725 года Екатерина I издала указ о его назначении Президентом Академии, при этом «забыла» назначить ему жалование.

Академия бурно развивалась: появилась типография, где издавали собственные труды, различную литературу, кроме церковной, выпускали газеты и журналы. Поэтому развили переплетное, граверное и словолитное дело, издавали карты. Последней важной акцией Академии при Блюментросте была подготовка отряда для экспедиции на Камчатку. 6 июля 1733 года его отстранили от должности. К. Свенске, написавший в конце XIX века биографию Блюментроста, сказал о его бесспорной заслуге, что он «вызвал к жизни учреждение, которое возникло одновременно с возрождением России, как утренняя заря ее просвещения и которое еще сейчас, через более чем полтора столетия, верно своему призванию, содействует распространению по всему государству благотворного света науки».

Вот и фамилия Бах была прославлена также и в России. Известна семья скульпторов, архитекторов и художников, основателем которой стал Роберт Генрихович Бах. Он учился в Риге и Петербурге, преподавал в Рисовальной школе Общества поощрения художеств, был признан почетным вольным общником Академии художеств. Дело отца продолжили сыновья: Александр, Евгений, Константин, Николай и Роберт.

Николай был разносторонне развитым человеком: как скульптор он получил звание академика, кроме этого хорошо играл на рояле, рисовал.

Создал ряд акварелей на произведения Лермонтова, Тургенева и других писателей. В 1884 году уехал на Урал и стал работать моделировщиком на Каслинском литейном заводе. Николай написал очерк «Завод Касли и его окрестности».

Александр - воспитанник Академии художеств, помощник архитектора Царскосельского дворцового управления, построил зал заседаний Государственной думы в Таврическом дворце.

Константин окончил петербургскую Академию художеств, выполнял образцы рисунков для Императорского фарфорового завода.

Роберт был скульптором, академиком петербургской Академии художеств, в 1926-29 годах работал профессором в Высшем художественно-техническом институте. Особую известность приобрели созданные скульптором бронзовая скульптура «Пушкин-лицеист» в Царском Селе, памятники М.И. Глинке в С.-Петербурге и Петру I в Туле.

Евгений - академик петербургской Академии художеств, по его проектам построены здания акционерного общества Русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске», техническая школа, Дом собраний, типография при Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Мало известно в России имя еще одного немца — Иогана Фридриховича Беггрова, гравера и литографа, основателя одной из первых в России частных литографий и магазина по продаже картин и других произведений искусств. В 1859 году он был назначен комиссионером петербургской Академии художеств «по продаже печатаемых в ее стенах эстампов и сношениям с границей». Его сын — Александр — был потомственным почетным гражданином, поставщиком Императорского двора, возглавлял Школу печатного дела Императорского Русского Технического общества.

И среди российских немцев было немало выдающихся музыкантов, в этом виде искусства немцы традиционно сильны. Для нас важно знать имя Андрея Федоровича Арендса, дирижера, скрипача, альтиста, композитора. Он работал альтистом в оркестре Большого театра. Основная деятельность Арендса была направлена на то, чтобы музыка заняла достойное место в драматическом театре. Создал музыку к спектаклям Малого театра «Имогена», «Сафо», «Равеннский боец», «Король Ричард III», организовывал на собственные средства летние симфонические концерты в Сокольниках, почти 25 лет был главным дирижером балета Большого театра. Под управлением Арендса впервые был поставлен балет «Раймонда» (1900), возобновлен балет «Лебединое озеро» Чайковского (1901).

Вместе со всеми народами России, немцы стойко пережили все сложные периоды роста государства российского. Заслужили даже то, что в 1918 году, в Нижнем Поволжье, где немцев проживало около половины населения, была даже образована Автономная республика немцев Поволжья. Она стала центром развития российской немецкой культуры, искусства и языка. Для этого в республике действовало пять вузов, 11 техникумов, четыре театра, издавалось 38 газет, в том числе 21 — на немецком языке, работало немецкое издательство, велись радиопередачи на немецком языке. В республике имелось 256 школ и в 153 преподавание велось

на немецком языке. Не менее высокие показатели в национально-культурном строительстве были у немцев Южной Украины и Крыма. К примеру, в Одесской губернии на 80 национальных сельсоветов имелось 110 немецких школ, а в национальных районах велась документация на немецком языке.

Каждому человеку хочется, чтобы о его достижениях все знали. Считается — это не скромно. Мне же хочется, чтобы с моего народа, российских немцев, слетел налет предрассудков, слухов, недомолвок и недоверия. Не заслужил он этого ни своей историей, ни своей сегодняшней

жизнью. Но для того, чтобы это понял каждый россиянин надо знать, как жили наши немцы в России почти 400 лет.

К сожалению, благие призывы екатерининского Манифеста не всегда выполнялись, особенно когда в жизнь российских немцев вмешивалась политика. Часто это происходило при ухудшении взаимоотношений между Россией и Германией. Все время мой народ оставался политическим заложником государства. Парадоксально, но до сих пор многие считают, что российские немцы это потомки военнопленных второй мировой войны.

Стереотипы нашей истории

В трактовки истории нашей страны накопилось немало стереотипов, которыми фактически нас вводят в заблуждение. Причем эти стереотипы активно поддерживаются властью и учеными, и длятся не одно столетие. Приведу один из них. Все мы знаем о широком партизанском движении в Отечественной войне 1812 года. В разряд партизанских формирований переводились и воинские формирования. Кто же был инициатором это мудрого военного решения. Вивипедия дает однозначный ответ:

«Первый партизанский отряд русской армии был создан по инициативе Д. Давыдова. Ещё за пять дней до Бородина к князю Багратиону явился подполковник Денис Давыдов, прослуживший у князя пять лет адъютантом. Он изложил ему свой план, заключавшийся в том, чтобы, пользуясь колоссально растянутой коммуникационной линией Наполеона — от Немана до Гжатска и далее Гжатска, в случае дальнейшего движения французов, — начать постоянные нападения и внезапные налеты на эту линию, на склады, на курьеров с бумагами, на обозы с продовольствием (1). Кутузов разрешил дать Давыдову 50 гусар и 80 казаков».

Ссылка на источник показательна: (1)Тарле Е. В. Нашествие Наполеона, 1959, с. 667

Уверен, во время появления этого исторического фолианта было создано немало исторических мифов.

А что же на самом деле. В реферате по истории ученицы 1 класса 505 школы (г. Москва) уже отражается исторический факт:

«Армейские партизанские отряды

Наряду с образованием крупных крестьянских партизанских отрядов и их деятельностью, большую роль в войне сыграли армейские партизанские отряды.

Первый армейский партизанский отряд был создан по инициативе М. Б. Баркляя де Толли. Его командиром был генерал Ф. Ф. Винценгероде, который возглавил объединенные Казанский драгунский, Ставропольский, Калмыцкий и три казачьих полка, которые начали действовать в районе г. Духовщины».

Я не хочу принизить полководческие таланты и патриотическую инициативу Дениса Давыдова. Не его вина, что из военной истории России вычеркивались герои с нерусскими фамилиями. Но мне приятно, что правда восторжествовала, хотя и не до всех она дошла.

ИЗ ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЯ НЕМЦЕВ В РОССИЮ

После издания Екатериной II в 1762 г. Манифеста «О позволении иностранцам выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» и в 1763 г. — «Манифеста о дозволении всем иностранцам, в Россию выезжающим, поселяться, в которых губерниях они пожелают, и дарованных им правам», в Россию начали переселяться жители различных областей Германии. Основными причинами массового переселения немецких крестьян можно считать малоземелье на родине, высокие подати и налоги, воинскую повинность, притеснения со стороны местных властей, войны, голод, в ряде случаев гонения за веру. В соответствии с манифестом Екатерины II переселенцы в России получали казенные

земли бесплатно, значительные привилегии, в том числе свободу от воинской повинности, освобождение от высоких податей, сохранение уклада жизни и свободу вероисповедания. В России немецким переселенцам предоставлялись пустующие плодородные земли в Тобольской, Астраханской, Оренбургской, Белгородской и других губерниях при условии принятия ими русского подданства.

С середины XIX в. была начата разработка закона об отмене крепостного права и параллельно с этим пересматривался закон о немецких колонистах. Правительство признало необходимым пересмотреть Устав о колонистах, и в 1850 г. при Министерстве государственных имуществ была создана особая комиссия. Работала эта

комиссия с перерывами. Только в 1867 г. была образована дополнительно еще одна комиссия, в состав которой входили члены Министерства государственных имуществ, Министерства юстиции и Министерства внутренних дел. Эта комиссия выработала ряд документов, в частности «Положение об общественном устройстве колонистов», «Правила о преобразовании общественного у них управления и передаче в ведение общих российских учреждений», «Положение о поземельном устройстве поселян». Комиссия закончила работу в июле 1870 г., а в июне 1871 г. Государственный совет принял «Правила об устройстве поселян собственников, водворенных на казенных землях в губерниях». В соответствии со статьей 13 «Правил» иностранные поселяне-собственники в шестимесячный срок передавались в ведение общих губернских, уездных и местных по крестьянским делам учреждений. Затем представители Министерства государственных имуществ в трехлетний срок выдавали бывшим колонистам акты на предоставленные им в надел земли, которые назывались владенными записями. Полученными землями поселяне могли распоряжаться по своему усмотрению - сдавать в аренду или продавать. Наследование земель определялось также колонистами, и, как правило, немцы пользовались майоратным правом наследования. Поселяне должны были выплачивать государственные подати, а также нести как земские, так и другие денежные и натуральные повинности. Кроме того, они облагались сбором на содержание местных по крестьянским делам учреждений и общественными сборами на содержание особых колонистских управлений, училищ и духовенства.

Вводя новое законодательство специально для немецких колонистов, правительство стремилось уравнивать права немецких поселенцев с правами русских крестьян. В дореформенной России немецкие крестьяне благодаря своим привилегиям очень быстро стали обладателями значительных капиталов. Русские же крестьяне в пореформенной России делали первые шаги по пути капиталистических отношений.

«Правила» 1871 г. касались всех немецких поселян-собственников. В статье рассматривается, как эти «Правила» претворялись в жизнь в немецких колониях Петербургской губ. во второй половине XIX в.

Первыми переселенцами в Петербургскую губ. в 1766 г. были крестьяне из Гессена, Вюртембурга, Бранденбурга. Всего под Петербургом разместилось 110 семей, которые основали 3 колонии. 60 семей поселились на правом берегу Невы, напротив Рыбной слободы (в настоящее время Рыбацкое), заняв земли площадью в 2100 десятин. А самая большая колония Петербургской губ. получила название Ново-Саратовская. Вторая по величине колония состояла из 28 семей, располагалась она в верхнем

течении р. Ижоры и получила название Ижорская, или Колпинская. Следующая по величине состояла из 22 семей, находилась в 12 верстах от города на пути в Царское Село и называлась Средняя Рогатка.

течении р. Ижоры и получила название Ижорская, или Колпинская. Следующая по величине состояла из 22 семей, находилась в 12 верстах от города на пути в Царское Село и называлась Средняя Рогатка.

Колонисты в Петербургской губ., как и во всей России, освобождались от податей, а в тех местах, где сосредоточивалось большое количество семей, освобождались от налогов в течение 30 лет. Поселенцам выдавалась из государственной казны ссуда на строительство дома, покупку скота и инвентаря с выплатой в течение 10 лет без процентов равными частями. Немецкие колонисты находились в ведении Канцелярии Опекунства иностранных колонистов. В период царствования Павла I при Сенате была создана Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства, в задачу которой входила, в частности, опека иностранцев, поселившихся в империи. В XIX в. немецкие колонисты входили в ведомство Министерства государственных имуществ. Во время правления Александра I условия жизни колонистов мало изменились. Вновь прибывшие в Россию семьи получили в районе Ориенинбаума 2000 десятин, а также значительные площади в поселке Извара и под Ямбургом. Но из-за сложности занятия хлебопашеством в последних двух районах несколько семей переехало в 1811 г. под Павловск и в район Стрельны на постоянное жительство, 11 семей получили земли около почтовой станции Кипень, а в 1812 г. между Ориенинбаумом и Петергофом 4 немецкие семьи создали Ориенинбаумскую колонию.

Значительное число семей из Извары и из-под Ямбурга переехало в южные районы России. После окончания Отечественной войны 1812 г. отмечался большой поток немецких переселенцев из Германии в южные губернии России, под Петербургом же количество переселенцев было незначительным. В 1817 г. была создана небольшая колония около Павловского парка под названием Этиуп. Около Царского Села ткач Кемпер обосновал небольшую колонию под названием Фриденвальская, жители которой ткали шелковые ленты для царского двора.

Итак, к 20-м годам XIX в. в Петербургской губ. образовалось 10 колоний немецких крестьян. Жили они по единым правилам, которые были приняты в 1803 г. под названием «Инструкция для внутреннего распорядка и управление в Санкт-Петербургских колониях». В ней очень четко регламентировался порядок и жизненный уклад в колониях. В то время у немецких крестьян был высокий уровень земледелия: использовали трехпольную систему

обработки земли, переходили к 6-7-польной, выращивали озимые и яровые хлеба, картофель, знали основы ветеринарии. В зимний период все жители колоний занимались рукоделием и ремеслом. Немцы вели обособленный от русского населения образ жизни, между собой говорили исключительно на немецком языке.

К середине XIX в., по данным 9-й ревизии 1856 г., число колонистов-домохозяев в Петербургской губ. составляло 1744 (6% всех немцев-колонистов России, которых насчитывалось в то время 28 тыс.). В Петербургской губ. немцы составляли меньшинство по сравнению с крестьянами других национальностей. Так, например, согласно статистическим данным 1866 г. по Петергофскому уезду, в 372 деревнях проживало 18 100 душ мужского пола, в 6 немецких колониях того же уезда насчитывалось их 387. На долю немецких колонистов в Петербургской губ. приходилось около 0.2% пахотных земель, ибо в 1893 г. из общей площади 3 644 649 десятин обработанных земель немецкие колонисты владели 7115 десятинами.

Благоприятные природные условия, льготы, которые русское правительство предоставляло переселенцам из Германии, трудолюбие и хорошая организация сельскохозяйственных работ способствовали экономическому процветанию колоний. Подрастало новое поколение, и, конечно, земель, на которых обосновались предки, стало недостаточно. Младшие сыновья не могли наследовать землю отца и были вынуждены основывать новые колонии. Колонисты были уже настолько состоятельны, что имели возможность покупать земли в окрестностях Петербурга. В основном это были выходцы из старых колоний — Ново-Саратовской и Средней Рогатки. Так, в 30-е годы XIX в. они купили у графа Воронцова более 100 десятин земли в районе между с. Муриным и Лесным и создали колонию Гражданка. В 1834 г. около Петергофа основана колония Александровская из 8 домов. В 50-60-е годы число дочерних колоний росло быстро: Приютино (1856), Янино (1863), Каменка (1865), Фарфоровая (1865), Новое Парголово (1868), Маленькая колония рядом со старой Средней Рогаткой (1872), Ново-Александровская (1872), Веселая колония около суконной фабрики Торнтон (1880), в Мурине (1889), Широ-кие места (1895), Волкове около Каменки (1892 или 1900).

Подтверждением расселения сыновей колонистов может служить завещание Адама Штро (Ново-Саратовская колония) от 12 сентября 1874 г., в котором он отдает распоряжения в отношении каждого наследника. У Адама Штро было 4 сына, 2 незамужние дочери и несколько замужних дочерей, которых он в завещание не включил, так как уже дал им приданое. Старший сын Федор, большой человек, должен был жить у одного из братьев, получая 1 рубль в месяц, готовое платье и питание. Яков получил 15 десятин 937 кв. сажен земли, купленной в 1856 г. старшим братом в Уткиной Заводи. Андрей получил надел в Ново-Саратовской колонии под № 30 со всеми строениями и службами, Карл - землю площадью 14 десятин со всем имуществом в с. Александровском, приобретенную Адамом Штро у графини фон дер Шуленбург в 1863 г.

Немецкие крестьяне, купив землю в другом уезде, пытались закрепить за собой право владе-

ния землей в старой колонии. В конце 60-х годов к Ново-Саратовской колонии было приписано 748 душ, реально же там проживало 552 человека, остальные распределялись следующим образом: 68 колонистов имели свои усадьбы в Санкт-Петербургском уезде, 98 - в Шлиссельбургском, 12 - около Фарфоровского завода, 18 - около Парголово. В 1874 г. началась переписка между группой немецких колонистов, имевших владения в других уездах, но причисленных к Ново-Саратовской колонии, с рядом правительственных учреждений: с Санкт-Петербургским по крестьянским делам присутствием, с Министерством внутренних дел, с Главным комитетом по устройству сельского состояния. Эта группа (Христиан Вализер, Себастьян Рейх, Якоб Роб) требовала оставить за ней право на владение землей в Ново-Саратовской колонии. Переписка продолжалась 5 лет. Правительственные инстанции отказали в их просьбе.

Примером взаимоотношений немецких колонистов с соседними крестьянами из Рыбной слободы может служить тяжба, длившаяся с 1860 по 1869 г. Суть дела состояла в том, что в 1769 г. при поселении 60 семей немецких крестьян на правом берегу Невы, на так называемой Выборгской стороне, напротив Рыбной слободы, им было отдано несколько более 2100 десятин, включая прибрежную полосу, которая ранее принадлежала крестьянам Рыбной слободы. Взамен русские крестьяне получили в вечное пользование 12 рыбных тонь, 7 из которых примыкали к берегу немецкой колонии. До 1859 г. немецкие колонисты беспрепятственно проходили по этим тоням, перевозили на барках удобрения из Петербурга и останавливались у специально построенных спусков на высоком берегу Невы для поднятия их на берег. С 1859 г. крестьяне Рыбной слободы начали активно пользоваться тонями и за плату давали возможность стоять проходившим по Неве плотам с лесом, что вызывало недовольство колонистов, так как плоты мешали подходу к берегу. Колонисты подали иск в суд с требованием запретить остановку плотов. Крестьяне Рыбной слободы подали встречный иск, в котором обвиняли колонистов в том, что при перевозке удобрения распространялось зловоние и загрязнялись принадлежавшие им тони, где гибла рыба. В результате долгой тяжбы Санкт-Петербургской губернской чертежной был составлен чертежберегового пространства с показаниями тонь русских крестьян, а немецким крестьянам было предписано перенести спуски к тем участкам принадлежащего им берега, где не было тонь.

Пользуясь правом распоряжаться данной им землей по своему усмотрению, крестьяне Ново-Саратовской колонии вплоть до 1896 г. сдавали в аренду участок размером 25 десятин владелице соседнего кирпичного завода г-же Стукёй. В последний год аренды на сельском сходе колонии (90 поселян) было решено продать владелице этот участок по 1050 руб. за десятину, т. е. за 26 250 руб. Земля была плохого качества, поэтому цена считалась выгодной, а вырученные деньги было решено внести в Губернское казначейство в уплату выкупных платежей за землю. Но поскольку по закону от 14 декабря 1893 г. продажная цена за десятину не должна была превышать 300 руб., в Санкт-Петербургском присутствии по административному делению было решено

Трудармейцы на отдыхе. Ухтинский нефтекомбинат. Коми АССР. 1946 г.
<http://www.omsk-germany.ru/forum/100-514-2>

передать дело на рассмотрение Министерства внутренних дел. По распоряжению министерства было установлено, что колонисты должны были выплатить за 20-летний срок 143 723 р. 20 к., а на 1896 г. было выплачено лишь 130 185 р. 49 к., и решение министерства было положительным, но только с условием, чтобы полученная сумма была выплачена в счет долга. Получив такой ответ, на сходе поселян в 1897 г. было решено, что выгоднее было сдавать владелице кирпичного завода в аренду по 145 руб. за десятину сроком на 24 года, а по истечении этого срока использовать эту землю под выгон скота.

Немецкие колонисты, накопив значительное состояние, могли, согласно указам от ноября 1863 г. и февраля 1877 г., выкупать земли, полученные ранее от государства. Выкуп проходил по согласованию с Удельным ведомством и по утверждению министра императорского двора. Цена на землю, расположенную от Петербурга ближе 25 верст, была 50 руб. серебром за десятину, на расстоянии более 25 верст - 41 рубль серебром.

В 1867 г. крестьяне из Ново-Саратовской колонии Севастьян Бич, Яков Штро, Петр Шефер и Андрей Штро выкупили свои наделы размером 17 десятин по 879 руб. за участок.

В пореформенной России русское крестьянство стало составлять конкуренцию немецким крестьянам, вывозя продукты земледелия на обширный рынок российской столицы. Подтверждением этого является прошение, с которым 50 поселян Верхне- и Нижне-Ижорской колоний Царскосельского уезда в 1882 г. обратились на имя министра внутренних дел. Они решили выкупить в личную собственность земли этой колонии. Удельное ведомство установило цену в размере 52 735 р. 30 к. за десятину с выплатой в течение 30 лет с 5% годовых. Но эта сумма, как указывали колонисты в послании, ссылаясь на тяжелое экономическое состояние семей, была для них высокой. И далее они писали, что после открытия железной дороги между Петербургом и Царским Селом «бывшие ямщики обратились к земле-делию и обрабатывают поля. Где прежде были пустоши, где прежде сбывались только наши земледельческие продукты и куда исключительно шло все удобрение из Павловска и Царского Села, там ныне все изменилось к нашей невыгоде».

Немецким поселянам предоставлялись большие свободы выбора сословного состояния. В Законах о состояниях IX тома Свода законов по официальному изданию 1876 г. поселяне в течение десяти лет могли записываться в другие состояния (сословия), оставаясь по желанию в прежнем сословии, при условии, что будут нести по обоим состояниям все повинности и окладные сборы. Подтверждением этому может служить факт перехода поселяна Ново-Саратовской колонии Эйкстеров в колпинское мещанство. На сельском сходе при участии волостного заслушали письменное заявление Ивана Иванова и Ивана Христианова Эйкстеров, которые (первый - с женой и детьми, второй - с матерью) просили выдать им увольнительное свидетельство. Оба просителя имели по «владенной» записи подворья и продавали их со всем земельным наделом поселянину той же колонии Якову Яковлеву Керну в вечное пользование за 4 тысячи серебром.

По «Правилам» 1871 г. немецкие поселяне имели право до 1881 г. выезжать из России без уплаты в русскую казну части нажитого им капитала. Это право было продлено до 1888 г.

И, наконец, о привилегии немецких колонистов в отношении воинской повинности, которую они получили со времен поселения на российских землях. В «Правилах» 1871 г. указано, что в течение 10 лет это положение сохраняется в силе до издания общего закона о воинской повинности. А уже в Законах о состоянии 1876 г., в разделе «Особые правила о сельских обывателях», в примечании к § 750, читаем, что если кто из поселян пожелает выехать из России, то должен заявить о своем намерении до 1 сентября того года, в котором подлежит призыву в армию. Если же это намерение не осуществлено и не объявлено об этом в Присутствии о воинской повинности, то поселянин привлекается к набору в солдаты как уклонившийся и подвергается повинности без жребия. Вероятно, это примечание внесено во избежание злоупотреблений при рекрутском наборе среди поселян призывного возраста.

Итак, можно сказать, что русское правительство, уравнивая в правах немецких колонистов с крестьянами других национальностей пореформенной России, в целом не ущемляло их политического и экономического положения, давало им возможность постепенно привыкнуть к новым порядкам. Но несмотря на то, что права крестьян Петербургской губ. были уравнены, в статистических данных по уездам немецкие колонисты выделялись в особую группу (в связи с их отличным от русских крестьян экономическим положением, специфическим укладом жизни, а также тем, что немецкие крестьяне, как правило, в общении использовали немецкий язык). Так, например, в ведомостях от 1904-1905 гг. о населении Шлиссельбургского уезда указано, что крестьян там - 46 009, колонистов - 525 душ; в Ямбургском уезде крестьян - 84 028, колонистов - 1205 душ; 25 в Парголовской волости в 1904-1905 гг. проживало из сельских сословий крестьян - 4236, колонистов - 387 душ; в Муринской волости крестьян - 2102, колонистов - 385 душ.

Исследования правового положения немецких поселяно-колонистов Петербургской губ. помогают понять процесс вхождения этой немногочисленной этнической группы в многонациональное Российское государство.

Виктор Гринимаер

ВЕРОЙ И ПРАВДОЙ

Северная война, которую вёл русский царь Пётр I с юным королём Швеции Карлом XII, имела решающее значение для определения господства на Балтийском море.

Начало войны показало слабость, неорганизованность русской армии, её недостаточную обученность. Царь, не имея достаточного количества командиров хоть мало-мальски понимающих в тактике военных действий, нанял их за границей. Он посылал своих кандидатов учиться в другие страны, преимущественно в немецкие. Но не всегда отобранные для учёбы люди соответствовали высоким требованиям для будущих командиров. Наёмники же не всегда умели справиться с русским солдатом. Свои, отпрыски видных фамилий, вместо учёбы часто ударялись в разгул с немецкими молодками. Да и времени на подготовку, как специалистов, так и самой войны, оказалось недостаточно. Слишком уж спешил Пётр, и к началу кампании оказалось мало действительно опытных начальников и обученных солдат.

Жуткое поражение русских под Нарвой тогда назвали помягче «Нарвской конфузией». Восемнадцатилетний Карл заносчиво изрёк на пире в честь своей над русскими победы:

— Нет никакого удовольствия, биться с русскими, потому что они не сопротивляются в бою, как другие, а бегут от нас. — Он многозначительно посмотрел в сторону послов и генералов других стран Европы, тоже приглашённых на пир.

Здесь же, в качестве унижения, на окраине праздничного застолья присутствовали некоторые русские офицеры, пленённые под Нарвой. Карл специально приказал посадить за пиршественный стол офицеров завербованных в русскую армию из других стран. Он хотел им лишний раз наглядно показать, какую роковую ошибку они допустили, выбрав для службы не того государя.

Не обращаясь к ним прямо, это было бы ниже его достоинства, он произнёс:

— Служить нужно той стране, тому государю, который может своим умением привести свою армию к победе и дать своим подданным их долю славы и добычи.

Ян Гуммерт, капитан бомбардирской роты русской армии, только что бесславно закончившей своё существование, сидя в дальнем углу на чужом пиру, понуро смотрел в столешницу и, в который раз, прокручивал в голове всё произошедшее с ним за последние дни. Как мог он, человек чести оказаться за этим столом, в стане врага. Как получилось так, что его рота сначала героически сражалась, а потом, завидев вблизи вражескую конницу, поддались панике и разбежались вслед за убежавшими соседями и пехотой, пряча свои ранцы в укромные местечки. Значит, они не поверили ему, побоялись, что он, иноземец, предаст их, а сами предали его, убежали как зайцы за своими.

Гуммерт тогда остался возле пушек всего с пятью бомбардирами, двое из которых недавно были завербованы в Саксонию, хорошо знали своё дело, были отважны, но без достаточного

количества помощников, оказались бессильными. Трое русских, не бросивших позицию, были из числа более опытных воинов, и Гуммерту уже удалось с ними более близко познакомиться и внушить им доверие к себе. Шведы, ворвавшись на позицию роты, окружили последних её защитников, и после непродолжительной потасовки, задавили их массой и пленили.

В России после этой «конфузии» на некоторое время воцарилось уныние. Очевидец русский политик, писал: «Ужас и смятение охватили Россию при известии о нарвском погроме. Армия лишилась начальников, задержанных в швейской неволе, лишилась и всего своего «снаряда». Дух войск, даже и не бывших в деле, был подорван».

Петру пришлось признать, что «шведы над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно».

Гуммерт тяжело переживал своё пленение. На предложение шведов поступить к ним на службу, он уклончиво отвечал, что должен подумать, а сам искал способ безопасно бежать обратно к русским и продолжить службу тому, кому присягал. При возможности он хотел бы вызволить и своих подчинённых, разделивших его судьбу. А пока он обдумывал причины пережитого, сочинял письмо царю.

«Сила вашего величества, — писал он, — неописана и так велика, что с тремя и четырьмя неприятелями вместе можно вести войну с пользой». Он задумался. Действительно у Петра есть всё для победы, воюя сразу на три фронта. Войска достаточно, резервов, провианта столько, что можно при нужде обеспечить не одну огромную армию.

«Люди сами по себе, — продолжал капитан свои размышления, — так хороши, что во всём свете нельзя найти лучше, но нет главного — прямого порядка и учения».

Гуммерт надолго задумался: действительно — каждый его солдат сам по себе прекрасный человек. За то недолгое время, что он командовал ротой, он успел пообщаться не только со своими ближайшими помощниками, но и едва ли не с каждым рядовым. Успел он с ними провести немало тренировок и уже знал слабые места в подготовке расчётов и многих бомбардиров. Но тех тренировок оказалось до крайности недостаточно. Настоящий воин, а тем более — бомбардир может быть обучен и воспитан стойким бойцом в течение продолжительного времени. Расчёты должны быть слаженны в ходе множества учебных баталий.

Немало пищи для размышлений дали наблюдения за начальниками, интендантами и всевозможными чиновниками, этой особой породой людей, озабоченных больше собственным благополучием, чем интересами отечества. Он опять взял в руку перо и решительно продолжил письмо государю:

«Никто не хочет делать должного, думают только наполнить своё чрево и мешок, а там хоть всё пропади».

Написав это, капитан засомневался, зная уже, как болезненно люди воспринимают такого рода критику, особенно из уст инородца, хотя бы и родившегося здесь и впитавшего любовь к этой земле с молоком матери. Тем более он, Гуммерт, иноземец, хоть и полюбивший Россию всей душой, но не ставший от этого своим.

Но, поразмыслив, решился: двум смертям не бывать, а одной не миновать. Если каждый станет лицемерить — хорошего не дождёшься! Должен же кто-то открыть царю глаза. Если его бояться свои, то ему, немцу, не пристало сглаживать то, что мешает положительному ходу событий.

И ныне, по истечении трёхсот лет, видим, что мало что изменилось в Матушке-России!

Царь Пётр письмо Гуммерта получил, поначалу сильно разгневался, как смеет какой-то немчишка учить его, хаять русских, но сделал некоторые выводы и даже озаботился судьбой капитана, вызволил его из плена и, даже, встретился с ним. Пожурился, всё же поблагодарил за откровение. Однако, счёл нужным сделать и некоторые внушения:

- Надлежит разуместь, над каким войском шведы оную победу учинили. Ибо только старый Лефортов полк был полностью способен к регулярному сражению. Из прочих, два полка гвардии были только на двух атаках у Азова, а полевых, наипаче с регулярными войсками, никогда не видели даже. Не то чтобы в них участвовать.

Вспомнив, однако, неприятные для себя резкие оценки и выводы, сделанные Гуммертом в письме, царь погрозил ему пальцем:

— Думаешь, не знаю о развратниках, мздоимцах и прочей погани среди моих подданных? Многих уже повесил за эту конфузию, многим внушил. Обучим вскоре новые полки и разобьём шведа. Они нас проучили. Но ученики выучатся и «отблагодарят» своих учителей! И тебе ещё придётся отслужить мне и за слова твои и за то, что в плену побывал. И оправдаться за всё в бою. Иди.

Пётр выводы сделал. Многие изменилось в русской армии, но не всё. И через триста лет

нет-нет, да встречается то, с чем не на жизнь, а на смерть боролся первый Российский Император. И в том

помогали ему верой и правдой многие его сподвижники.

Через год с небольшим, зимой 1701-02 года русские вновь пошли в наступление. Спешил опять царь, чуть не повторилась «конфузия» вновь. Но русские, наконец, хоть и с трудом, но одержали всё же свою первую победу над шведами у мызы Эрестфер. Русскими командовал Шереметев. Он опять недостаточно подготовился, неудачно выбрал позицию и уже был на краю поражения.

В «Русском биографическом словаре» записано: «С большим трудом удалось Шереметеву выстоять до подхода артиллерии Чамберса, освободившей его тыл; почти все снаряды были уже расстреляны — оставалось по выстрелу на орудие и по два заряда на ружьё». Шереметев вписан в историю как победитель, а спасшего положение Чамберса, кто теперь знает? Действительно, где о нём можно почитать?

Генерал-майор Иван Иванович Чамберс, первый командир гвардейского Семёновского полка досконально знал своё дело, воевать умел мастерски. Под стать командиру были и его гвардейцы, достаточно обученные, стойкие в бою! Одной из рот командовал секунд-майор Гуммерт, крестник царя.

Подкрепление, вовремя подоспевшее, позволило русским навалиться на шведов, сбить их с позиций, обратить вспять и прогнать по глубокому снегу за три версты за Эрестфер.

Эта победа стала началом побед царя Петра.

Награждая победителей, царь узнал Гуммерта:

— А, и ты — герой! Значит, не ошибся я: кто смел на слово — смел и в бою. А перед царём многие головорезы робеют. Ты не сробел. И в бою, сказывают, орёл! Вот тебе Орден. Служи и дальше с честью своей новой родине!

Дарья Брянцева

ИСТОРИЯ «КРАСНОГО ОКТЯБРЯ»: КАК НЕМЕЦ МОСКВИЧЕЙ КОНФЕТАМИ НАКОРМИЛ

Прародитель «Аленки» Фердинанд Теодор фон Эйнем приехал из Пруссии в Россию в 1850 году. С этого момента ведут свою родословную легендарные творения кондитерской фабрики.

«Мишка косолапый», «Красная шапочка», «Стратосфера», «Раковые шейки», «Шоколадный крем», «Аленка», - как много в этих словах для сердца русского/советского/российского слилось! Отозвалось в нем и просто безоблачное детство, и вожделенное обретение дефицита, и подарок с «Елки» в Кремле (для особо продвинутых октябрят!), и даже гордость за родину, готовую завалить мир сладостями в ярких обертках, дабы все слиплось внутри не только у соотечественников, но и у зарубежных туристов.

А началась эта сладкая сказка в 1850 году,

когда в Москву приехал предприимчивый молодой немец по имени Фердинанд Теодор фон Эйнем (Ferdinand Theodor von Einem). В багаже его имелось желание достичь успеха в незнакомой стране, о странных жителях которой по Западной Европе ходили легенды. Мол, русские шумят без устали, водку пьют сутки напролет, о том, как положено деловые переговоры вести, и не слыхивали, вкусы имеют варварские, когда сделку заключают - крест целуют. Возможно, некоторые пункты данного «лестного» списка и подтвердились. Однако вкусы русских оказались

не столь уж варварскими, во всяком случае в том, что касалось сладостей. И это не могло не обрадовать 25-летнего немецкого бизнесмена.

В 1851 году он открывает на Арбате небольшой цех по производству шоколада и конфет. Дела идут прекрасно: конкурентов немного, а Москва — хоть и солидный город, но отечественным шоколадом хорошего качества на тот момент не избалованный. Любопытству москвичей предела не было, интерес рос с каждым днем. Пора было расширяться.

Эйнем знакомится со своим соотечественником и будущим компаньоном Юлиусом Гейсом (Julius Heuss), и вместе они открывают сначала специализированный магазин на Театральной площади, а затем и фабрику на Софийской набережной Москвы-реки: «Эйнемъ. Товарищество паровой фабрики шоколадных конфетъ и чайных печений. Год основания 1867». То, что начиналось как «необыкновенные приключения немцев в России», обрело масштаб.

Фабрика на Набережной

Кондитерами «у Эйнема» служили, в основном, выходцы из подмосковных деревень. Селили их в общежитии при фабрике, кормили в фабричной столовой. Рабочий день составлял в те времена 10 часов. Открыли школу для детей-подмастерьев, создали больничную кассу, а тем, кто добросовестно отслужил на благо шоколадной промышленности 25 лет, полагались орден и пенсия. Эйнем зорко следил за тем, чтобы часть от прибыли шла на пожертвования: в пользу благотворительных заведений Москвы и на содержание школы для бедных и сирот.

Постепенно Эйнем отошел от дел, но название компании Юлиус Гейс не изменил: ужслишком хорошо раскрутился бренд. Магазины с фирменной продукцией буквально заполнили Москву, фабрика регулярно получала призы за качество шоколада и оформление изделий на отечественных и международных промышленно-художественных и продовольственных выставках-ярмарках, обзавелась филиалами в других российских городах, а в 1913 году стала поставщиком российского императорского двора.

Фердинанд Теодор фон Эйнем до этого счастливого времени не дожил. Он скончался в 1876 году в Берлине, но похоронен был, согласно его завещанию, в Москве. Российская кондитерская «авантюра» стала делом его жизни, а имя этого немецкого предпринимателя и мецената красиво вписалось в историю России и Москвы, «шоколадным царем» которой он мог считать себя по праву.

Упаковки изделий и рекламные плакаты «Эйнемъ» всегда были весьма привлекательными

В 1918 году история фабрики как частного предприятия прервалась. Компания была национализирована, а в 1922 году получила свое нынешнее название — «Красный Октябрь». Хотя еще довольно долго рядом с этим новым именем в скобках приписывали «Бывш. Эйнемъ». В 1925 году начинается выпуск конфет «Мишка косопалый», в 1927-м появляется «Южная ночь», а в 1936-м — «Стратосфера» и «Суфле». Во время Второй мировой войны в цехах предприятия производили специальный шоколад для летчиков и подводников, а также концентраты каш.

Новейшая история

После распада Советского Союза фабрика стала открытым акционерным обществом, начала активное сотрудничество с зарубежными компаниями. Сегодня «Красный Октябрь» входит в холдинг «Объединенные кондитеры», в составе которого также числятся предприятия «Бабаевский» и «Рот Фронт».

В 1994 году на фабрике был открыт музей, среди экспонатов которого — ценные исторические документы, рекламная продукция, примеры упаковок, фотографии. В одном из залов воспроизведен рабочий кабинет Юлиуса Гейса.

В 2007 году производственные цеха «Красного Октября» переехали на территорию концерна «Бабаевский», освободив место на набережной Москвы-реки для художественных галерей, музеев, редакций нескольких СМИ, кафе, офисов. Раньше туристы, проезжавшие по реке мимо здания фабрики на прогулочном теплоходе, могли вдохнуть здесь аромат шоколада. Но эти времена прошли.

Николай Титов

СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ

Председатель Марковского районного Совета ветеранов Николай Васильевич Титов в бытность своей работы в Марковском музее краеведения вёл переписку с бывшими жителями города и региона. В распоряжение редакции он предоставил несколько писем тех лет, в которых воспоминания о прошлом нашего края.

Люди вели письменный рассказ, как умели: порой сбивчиво, не всегда связно, иногда допуская неточности. Но в их словах — сама правда жизни. История, свидетелями которой они были, которую они делали, которую видели своими глазами.

Мы подготовили к публикации письмо, которое много лет назад прислал В.К. Цитцер.

О близких и о себе

Воспоминаниями Вы всколыхнули мою память, на поверхность всплыли события и подробности, которые давным-давно считались забытыми. Ведь прошло столько лет с тех пор, как нас безо всяких причин безжалостно вышвырнули с той земли, кровью и потом пропитанной нашими предками. Это вызывает неугасимую боль.

Итак, хочу начать с того, что российские немцы были равноправными гражданами империи. Об этом сказано в Уставе о колониях иностранцев в Российской империи, утверждённом Сенатом в 1877 году.

Как жили до революции? Всяко: были богатые, средние и бедные. В общем, хорошо. В основном занимались сельским хозяйством. Тяжело было, не было техники, всё делали вручную. Промышленности почти не было, но плодородные земли имел каждый. Некоторые продали свои земли и поэтому стали бедными. Но надо подчеркнуть, что бедные жили не хуже, чем сейчас, а лучше. Качество продуктов было намного лучше.

В своём изложении я опираюсь, кроме собственной памяти, на рассказы и записи моего двоюродного дяди Якова Петровича Цитцер, 1903 года рождения, проживавшего в Караганде, его слова будут в кавычках.

Семья моего дедушки Юстуса Яковлевича Цитцер, 1859 года рождения, насчитывала 9 человек. Они долго жили вместе с семьёй его старшего брата Петера Яковлевича. «Они были женаты на сёстрах Кениг: Генриэтте (моя бабушка) и Анне. Мы жили дружно, как одна семья, которая доходила до 16-18 человек».

Согласно Столыпинской аграрной реформе 1906 года, сельские жители выходили из крестьянских общин и оселялись на хуторах. Дедушке и его брату дали 40-50 рядом расположенных десятин. (1,09 га, прим. автора письма).

В 1907 или 1908 году эта большая семья разделилась. Дедушка Юстус начал заниматься сельским хозяйством на хуторе Альте Бруннен (Старые колодцы), теперь Комсомольское, а дедушка Петер продолжал, как и раньше возглавлять валяльное дело. Поэтому нас в городе всегда называли Цитцер-валяльщики.

Дедушка Юстус купил сноповязальную машину, кажется, американского производства. «Она до середины 30-х годов стояла у нас без надобности на заднем дворе. На выделенной нам земле работали до 1919 года. Выращивали в основном пшеницу, которую продавали купцам. Согласно новой земельной реформе 1919 года, дедушке

Петеру оставили всего лишь 2 десятины (он ведь занимался катанием валенок), сколько моему дедушке — не знаю. Организовывали коммуны, но они долго не держались, распались, потому что каждый хотел руководить, а работать никто не хотел».

Урожай в 1920 году был плохой, а в 1921 году — засуха. «Начался страшный голод, падёж животных, люди умирали целыми семьями, даже трупы валялись на улицах».

Семья дедушки Юстуса не страдала от голода. Однако летом 1921 года от тифа умерли дядя Саша (в 1917 году он вернулся из австрийского плена), дядя Петя (самый деловой, по словам матери), тётя Лиза (Элизабет), а после них, последней — бабушка Генриэтте.

Отец мой Карл Юстусович Цитцер на передовой первой империалистической войны не был: мобилизованный в армию он находился в Турции, где российские войска были дислоцированы в ожидании открытия нового фронта. Когда вышел Декрет Ленина о том, что земля — крестьянам, фабрики и заводы — рабочим, народ бедный не понял, и начался настоящий бандитизм: растаскивалось имущество состоятельных и богатых и дедушки Петера тоже.

«Репрессии с 1917 по 1927/28 годы я плохо помню, — пишет дядя Яша. — Богатые, кто хотел, уезжали неизвестно куда, оставляя своё имущество. Только двое остались и умерли в Марксштадте: Шефер Ф.Ф. и Дизендорф П.П.»

В 1918 году началась гражданская война. «Мой старший брат Иоаннес (Иван) был мобилизован в Красную Армию, но воевать не хотел никто. Был у нас такой комиссар Дотц. Он выступал и призывал взять оружие, говоря, что вы, товарищи, не знаете, что царь Николай хотел нас, немцев, утопить в Волге! И народ пошёл воевать. Фронт генерала Колчака шёл по берегу Волги до деревни Орловское (12 км от Марксштадта), а по степи — 40 км от нас. В 1919 году мой второй брат Андреас добровольно пошёл в армию. Оба служили в 14-й кавалерийской дивизии Будённого, в 1921-м вернулись». Позже, в 1941 году Иоаннес погиб в трудармии в Челябинске.

«Во время НЭП быстро началась хорошая жизнь. Создавались частные артели, но их прижимали налогами. В сельском хозяйстве создавали коммуны, но их результаты работы были плохие».

В официальной хронике нет данных о том, что в 1926 или 1927 годах (по словам дяди Яши) в Марксштадт приезжал Рыков (якобы он родом из Саратова) и выступал в Екатерининском садике. Ездил он и в Боарно (ныне Бородаевка, прим. автора), где коммуна просуществовала несколько лет. К слову, в 1921 году во время голода, с целью оказания голодающим помощи, в Марксштадт приезжал Михаил Иванович Калинин и исследователь Арктики Фридьоф Нансен.

В 1929 году началась коллективизация. «Мы с отцом отвели в колхоз одну или две коровы, но точно помню — две лошади, которые весной 1930 года сдохли с голоду. Налоги с крестьян взимались один за другим. Я работал с одним из «25-ти тысячников», неким Кабановым, по сбору средств в деревне Эндерс (ныне с. Усть-Караман, Энгельсский район). Очень многие крестьяне уезжали, зажиточных раскулачивали».

Как пишет дядя Яша, работа в колхозах почти не шла из-за плохой организации, да и качество

работ было низкое, урожаи малые, на трудодни выдавали граммы. В 1936/37 гг. урожаи стали хорошие, и колхозники зажили намного лучше. Но начались репрессии, «мы жили в постоянном страхе, что ночью придут и заберут. На машинах увозили невинных людей, в лагерях большинство погибло».

Наша семья и родственники пострадали от репрессий, за исключением двоюродного брата Владимира Давыдовича Шауфлер, неженатого, с которым я случайно встретился в трудармии. Он отбывал свой срок на строительстве Беломорско-Балтийского канала.

Началась война и, согласно Указу от 28.08.1941 года, началась депортация всех немцев Поволжья в Сибирь и Казахстан. Наша семья выехала 16 сентября из Маркштадта с последними переселенцами, потому что отец работал главным бухгалтером городской автоколонны, обеспечивающей доставку переселенцев в Энгельс, либо на берег Волги.

На баржах нас везли до железной дороги, а там пересаживали в товарные вагоны, до отказа заполненные репрессированными. Наш состав в сопровождении военных, словно мы преступники, следовал по Турксибу через Алма-Ату в Сибирь. Один всего лишь раз нас кормили супом, совсем холодным, пока руками несли его к вагонам в открытых вёдрах более 3-х км.

Выгрузились мы 2 октября на станции Болотное, в 120 км за Новосибирском. Несмотря на то, что было уже холодно, целые сутки ждали транспорт из колхозов в пакагузе. Многие болели, особенно старики и дети.

Наконец прибыли подводы. После сытых лошадей в ремённых с разными украшениями сбруях, мы увидели исхудалых лошадок в верёвках. Нас это очень удивило, ведь мы думали, что везде в нашей стране так, как у нас в родном Поволжье.

Нас и ещё несколько семей увезли в деревню Рыбинск, сразу всех поставили на спецучёт в военной комендатуре, где в качестве доказательства проживания в данной деревне мы каждый месяц обязаны были отмечаться. По разрешению коменданта, наша семья переехала в деревню Любомировка, там было полегче жить, затем в Варламово, где находился сельский совет.

В 1942 году отец, я, брат Виктор и сестра Эрна были мобилизованы на тыловые работы. Дома оставались мать и меньший брат, 1930 года рождения. Им надо было выжить. Мама была замечательная швея. В молодые годы дома, до революции работала у Шеффера. В ссылке она шила, особенно женскую одежду и ватные

одеяла из материала заказчика. Брат с 12 лет начал работать в колхозе.

Брат Виктор сбежал из трудармии, вернулся без обуви в январские сибирские морозы, его ноги были обмотаны тряпками.

Будучи на действительной службе, Александр был ранен на Смоленском направлении, после лечения брат вернулся к родителям.

По возвращении из трудармии, мы, прежде всего, построили себе дом из брёвен. В 1956 году, после комендатуры, мы уехали из Сибири — сначала в тогда отдельную Балашовскую область, совхоз «Серп и Молот», а в 1957 году — на целину, во Владимировку Кустанайской области, где кое-кто из нашей семьи живёт и поныне. В 1992 году наша сестра Эрна со всеми детьми и внуками уехала в Германию, живут там хорошо.

Так мы оказались в Казахстане: моих братьев-механизаторов соблазнил большой урожай 1956 г.

Теперь лично о себе

1919 года рождения, лев по знаку, самый старший в многодетной семье. Детство моё прошло сравнительно обеспеченно. Отец — крестьянин-середняк (определение того времени), а с организации колхозов — бухгалтер, сумел даже в голодный 1933 год прокормить семью из 8 человек.

Учёбу начал в 1927 году у домашней учительницы по фамилии Пагель. Однако из этого вышло мало путного, перешёл в школу. В 1938 году окончил 10 классов в бывшей мужской гимназии на немецком языке. Тогда эту школу называли опытно-образцовой. Моими учителями были А. А. Коль (директор), В. Я. Шауфлер (завуч, учитель физики), К. К. Бальцер (учитель математики; он искренне, по-детски радовался, когда нам самим удавалось решать сложные задачи), А. Я. Финк (учительница физкультуры, привившая мне, и не только мне, любовь к спорту на всю жизнь).

Следует особенно выделить учителя немецкого языка и литературы, сумевшего в нас пробудить страсть к чтению. Это Г. Ф. Эмих, он руководил литературным кружком, редакцией стенгазеты, драмкружком, участвовал во всех представлениях. Мы ставили «Русалку» А. Пушкина, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Племянник вместо дяди» Ф. Шиллера в моём переводе, и др.

Старались мы, прежде всего, для наших родителей. Не проходило ни одного собрания, чтобы мы не обрадовали своих дорогих гостей постановкой какой-либо пьесы или выступлением членов спортивного кружка. Тогда распространены были коллективные вольные упражнения и построения пирамид, в которых я всегда участвовал. Актёрский зал, он же и спортивный, был всегда заполнен до отказа. Родители всегда восторженно нас приветствовали.

О репрессиях мы ничего не знали

По окончании школы я мечтал стать военным моряком. Успешно прошёл медицинскую и мандатную комиссии в Энгельсе. «Мандатка» в то время была очень грозная: проверялось со-

циальное происхождение, нет ли родственников за границей или среди арестованных? После комиссии из 13 маркштадтских осталось только четверо.

В последний момент, когда я уже готовился ехать в Одессу, в военкомате вдруг сказали, что училище, мол, отказало. Потом только стало известно, что тут виновата национальность. Тогда я успешно сдал вступительные экзамены, и стал студентом немецкого государственного педагогического института в Энгельсе.

Студенческие годы были самыми счастливыми в моей жизни. Учёба давалась легко: третий учебный год я окончил на отлично, единственная четвёрка была по современному немецкому. Усиленно занимался спортивной гимнастикой, участвовал в республиканских соревнованиях, был в числе победителей, которых снимали в киножурнале. Не часто, но ездили в Саратов в оперный театр им. Чернышевского. После каждого посещения нас переполняли возвышенные чувства. Мы твёрдо верили, что нет другой страны, где так вольно дышит человек! Будущее казалось в розовой, только розовой дымке.

Окончить институт, однако не пришлось — началась война, последовала депортация в Сибирь вместе с семьёй. Все считали, что это временно, такова необходимость военного времени. По прибытии в Сибирь я добровольно мобилизовался на работу на станцию Таштагол Кемеровской области. Копали вручную шурфы для геологических изысканий. Питание было слабое, для тяжёлых земляных работ явно недостаточно. Но это был всего лишь пролог того страшного будущего, что ожидало депортированных немцев.

В январе 1942 года нас, добровольцев, отпустили домой, а уже в марте меня, как и многих других, военкомат мобилизовал в армию (так нам объясняли).

Строили мы сначала железную дорогу Свяжск-Сызрань. Рабочая площадка напоминала муравейник: на тачках вручную возили землю на насыпь. Кормили ещё хуже. Но все прекрасно понимали, что страна нуждается в нашей помощи. К поздней осени дорога была принята Госкомиссией с оценкой «отлично». Нас, колонны №127 и №125, повезли в Молотовскую (тогда) область, ст. Половинка.

Часть ноября и весь декабрь со своей молодёжной бригадой прорубал в лесу просеку, укладывая сваленный лес поперек дороги (сплошь) для транспорта. Жили мы при 25-30-градусном морозе под открытым небом, спасаясь от лютого холода у костров. По возвращении из тайги жили в простых палатках до весны. А весной все переехали на Створ — место строительства гидроэлектростанции на реке Косье, приток Камы (24 км от ст. Половинка).

За лето отстроили себе бараки для жилья, ограду зоны с колючей проволокой и сторожевыми вышками. На новом месте стало особенно плохо. Питание: утром две столовые ложки каши из какой-нибудь полугнилой крупы, в обед — суп из рыбьих голов, в котором плавали несколько кусочков мороженой картошки и такой же ка-

пусты с несколькими зёрнами какой-то крупы. Вечером — давали то же, что и утром или такой же супи хлеб очень плохого качества.

Люди быстро ослабевали, еле переставляли ноги, опухали. Погибло много трудармейцев, особенно старшего поколения. В 1944 году на строительную площадку (вокруг неё тоже колючая проволока и сторожевые вышки) пригнали много латышей. Они были, как правило, высокие ростом, почти все погибли. На работу в другую зону нас постоянно сопровождали солдаты с винтовкой наперевес. Работали по 12 часов. Особенно нас угнетали морозы, отнимали последние силы.

Невзирая на все эти обстоятельства, мы работали изо всех сил — все мы понимали важность строительства для страны. Но кончилась война (победу встретили ночью, на бетонировании одного из блоков — радовались безмерно, обнимались, прослезались), а нас по-прежнему держали, не отпускали домой. Только немного легче стало жить.

В сентябре 1946 года нашу 127-ю колонну повезли в Украину, в Днепродзержинск, восстанавливать кондитерскую фабрику. Там же на других объектах работало много военнопленных, с которыми вообще не общались. В конце 1947 года я вернулся, наконец, домой, с угольного бассейна Тулы, вернулся и отец.

Вопреки нашим ожиданиям, спецкомендатура запрещала всякое перемещение. Невозможно выразить словами наше душевное состояние под гнётом того геноцида: беззаконие на каждом шагу, попрание нравственности, глумление, когда тебя за человека не считают, каждому разрешалось обзывать нас фашистами проклятыми, издеваться безнаказанно.

Вот тут-то меня охватило состояние смятения, упадок духа, я стал замкнутым. Нас, немцев, рассматривали как рабочий скот. Я работал трактористом, затем бригадиром тракторной бригады, плотником.

Но умер наш вождь и учитель. И в том же году я начал работать учителем немецкого языка. Стало немного легче на душе. Но всё равно мы, немцы, были бессильны изменить что-либо в нашей жизни.

В 1956 году, после освобождения из-под надзора комендатуры, вся наша семья уехала из Сибири.

В 1960 году из-за квартиры я перешёл работать преподавателем в училище механизации сельского хозяйства. 32 года я проработал в этом училище, стал ветераном труда, награждён медалью Верховного Совета СССР «Победитель социалистического соревнования», медалью «За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны», стал отличником профтехобразования Казахской ССР.

В 1946 году женился на девушке с орловщины Татьяне Владимировне Курбатовой. Вместе с ней мы поставили на ноги двух сыновей и двух дочерей.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К РОДОСЛОВНОМУ ДЕРЕВУ

Урал не был среди мест куда немцы в массовом порядке переселялись, но Урал стал тем местом где немцы оставили свой след, месте где многие из них закончили свой след, куда пришли некоторые ветви немецких фамилий. Узнать этот путь очень интересно и поучительно.

В Национальный музей Республики Коми в экспозиции находилась книга «Воспоминания Вибе Корнея Корнеевича», в которой излагается история семьи Вибе, начиная с XIX века. Воспоминания Корнея Корнеевича ценны тем, что автор рассказывает о трагической судьбе своих родителей, братьев и сестёр, честно и искренне пишет о себе, о своих проступках и ошибках. На примере семьи Вибе в воспоминаниях показана трагическая судьба почти всех российских

немцев, простых людей, граждан России, в советский период.

В качестве основных источников используем неопубликованные рукописные и машинописные воспоминания других членов этой большой семьи: Елены Генриховны Фаст, Августы Генриховны Дайкер, Абрама Яковлевича Фаст и других. Неожиданно судьба некоторых членов семьи связана с нашим краем.

Семья Вибе (обзор дерева). Источник

Родословное «дерево» семьи Вибе представлено с отступлениями от классических схем. Автор, разбираясь в родственных связях, собирая информацию об отдельных семьях-веточках, на каком-то этапе захотел получить наглядное изображение «дерева» на одном листе

На самом деле на схеме представлено сразу несколько «деревьев» - семей: Основное, в центре, — потомки Иоганна Вибе, (Johann Wiebe, 1806-1872), прапрадеда Сергея Корнеевича по линии отца, деда, прадеда, носившие фамилию Вибе.

В правом нижнем углу — потомки Барбары Фаст (1854-1932), урожденной Вибе, прабабушки по линии отца, бабушки, носившие фамилию Фаст. Эти родственники по отцовской линии представляют немцев — меннонитов, переселившихся в Россию из Западной Пруссии в XIX веке. В правом верхнем углу размещены родственники автора по линии его мамы — Харюковы. Это русская половина предков автора, потомки крестьян из Вологодской области.

И там же родственники жены Сергея Корнеевича, Татьяны — Петуховы, чья кровь течет уже в их детях.

Семья потомков Вибе представлена наиболее полно, мы вкратце проследим ее, взяв за точку отсчета семью Иоганна Вибе (1806-1872) и Маргариты Гамм (Margarethe Hamm, 1814-1885) и их

детей. Всего у них было 13 детей, некоторые из них умерли младенцами или совсем молодыми. В основания главных ветвей дерева этой семьи поставлены четыре сына Иоганна и Маргариты: Иван, Герхард, Вильгельм и Герман (Johann, Gerhard, Wilhelm и Herman) и дочь Агата (Agathe), вышедшая замуж за Генриха Янцен.

Между 1868 и 1872 годами вся семья Иоганна и Маргариты Вибе с детьми и внуками переехала из Западной Пруссии в Россию, и осела на севере Самарской губернии, в Кошкинском районе. Во вновь образованной колонии Альт-Самара, или Александерталь, по названию центрального села, последней материнской колонии меннонитов в России. Колония включала в себя села Мариенталь, Нойхоффнунг, Либенталь, Гротсфельд и другие.

Предки по линии Фаст прибыли в Александерталь примерно в эти же годы. На схеме участники переселения из Пруссии выделены фиолетовым цветом. Уклад жизни в колонии подробно описан в книге Бернхарда Гардера «Alexanderthal», а выдержки из нее — в прилагаемой книге Корнея Вибе.

Многие меннониты переселялись из Пруссии приблизительно в это время. Это происходило по причине увеличивающегося давления на меннонитов на их родине, принуждения к участию в военных силах и нарушения их изолированного образа жизни. Российское правительство обещало им более высокий уровень независимости и освобождение от воинской обязанности. В подавляющем большинстве своем переселенцы были земледельцами, крестьянами.

Сыновья Иоганна и Маргариты Вибе, братья Герхард (Gerhard Wiebe, 1844-1923) и Герман (Herman Wiebe, 1850-1920) были бизнесменами, открывшими свое дело в самой Самаре. Они много ездили по России и контактировали с миром вне меннонитских колоний. Они знали больше, чем большинство меннонитов о политической ситуации в стране. Меньше, чем через 25 лет жизни в России они приняли трудное решение - оставить преуспевающий бизнес и вторично полностью начать все сначала, теперь в Америке. Покинув Россию в 1894 году, они

Фрида Пеннер с правнуками, США, 2000 год.

осели в штате Небраска, а в более поздние годы их потомки расселились по всей территории США (американские ветви выделены на схеме желтым цветом).

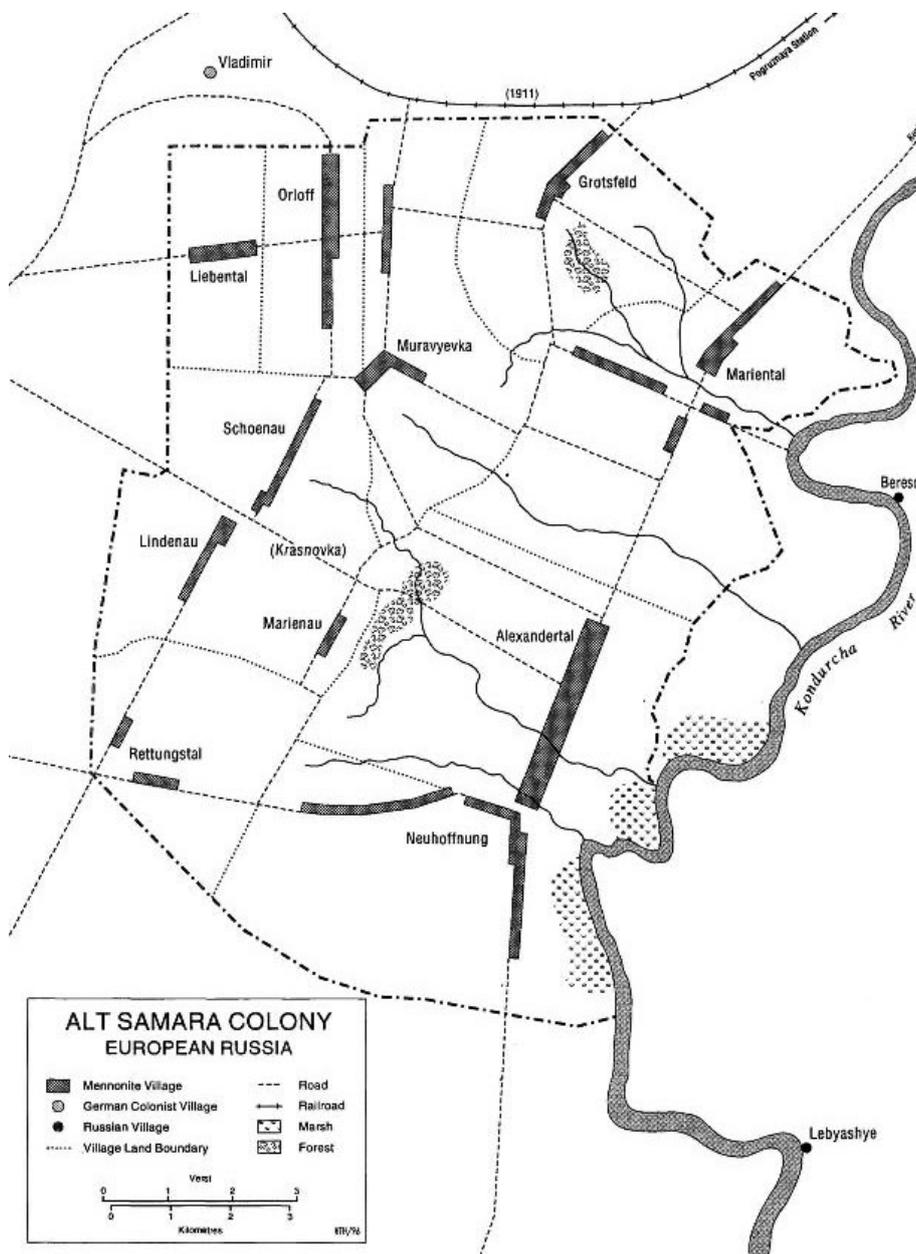
В 1920-е годы, уже после революции в России и Гражданской войны, многие меннониты также решили оставить Россию, переехав в Америку (США, Канада, страны Южной Америки). Из рассматриваемой нами семьи с этой волной покинули Россию только семья Абрама Вибе (Abraham Wiebe, 1880-1950), сына Вильгельма (Wilhelm Wiebe, 1847-1900), и семья Екатерины Вибе, по мужу Никкель, (Katharina Wiebe, 1873-1932), дочери Ивана (Johann Wiebe, 1840-1918). Их семьи уехали в 1924 и прибыли в Канаду в 1925 году, положив начало канадским ветвям семьи (на схеме выделены зеленым цветом). Абрам и Мария Вибе приняли решение оставить родную страну и соотечественников, чтобы обеспечить своим детям лучшую перспективу жизни в свободной стране. Это было очень трудным решением, так как у них была хорошая жизнь в России, а что их ждет на новой земле, они совсем не знали. Они продали свою собствен-

ность, которая дала им какую-то сумму на начало жизни в Канаде, но почти ничего не знали об условиях жизни в новой стране, и совсем не знали языка. В более поздние годы Абрам часто напоминал своим детям о преимуществах Канады, несмотря на то, что семья испытывала большие финансовые затруднения. Он очень высоко ценил свободу и всегда этому поклонялся.

К 1927 году покинуть Россию и эмигрировать в другие страны стало уже невозможным.

В этой работе мы не будем рассматривать эти ветви, хотя воспоминания, написанные их представителями, представляют несомненный интерес. Особенно в сравнении с воспоминаниями родственников, оставшихся в России.

Отметим только, что с американской стороны инициатором собирания родословной была Фрида Пеннер (1898-2002) (Frieda Agatha Penner), сноха эмигрировавшего из России Германа Вибе (1850-1920). Да, да, годы жизни указаны совершенно верно, она умерла в возрасте 104 лет. На представленной фотографии ей 102 года. Сейчас с американской стороны продолжает заботу о «дереве» Норман Харрис, (Norman Ray Harris),

**Карта
Александртальской
колонии**

ее внук. С канадской стороны отметим Джона Вибе (John Wiebe, 1926), первого из сыновей уехавшего Абрама, рожденного уже после эмиграции, в Канаде. Его жена Элси (Elsie Andres, 1923) является инициатором «собрания» канадской ветви «дерева семьи Вибе».

Говоря о канадцах, здесь стоит еще отметить бережность отношения к историческим мате-

риалам. Отправленная им книга «Воспоминания Корнея Вибе» была сразу же переведена на английский язык и сдана вместе с переводом на хранение в Музей меннонитов провинции Манитоба. Кстати, именно оттуда Сергей Корнеевич после долгих поисков получил записи Иоганна Вибе, своего прадеда, жившего и умершего в России, написанные им до 1916 года

Немного об истории создания «дерева семьи Вибе»

Корней Корнеевич начал писать свои «Воспоминания» примерно в конце 1980-х. В их семье не было принято говорить о прошедших годах. Очень хочется сказать «к сожалению», однако умом понимаешь, что таким образом родители, дяди и тети, как могли, оберегали своих детей от возможных неприятностей.

В 1993 г. он посетил Германию, побывал в гостях у своих многочисленных двоюродных, троюродных братьев и сестер, выехавших туда в основном уже в годы перестройки (на схеме — голубой цвет). К сожалению, каких-либо описаний тех встреч, а тем более материалов, хранящихся в тех семьях, он оттуда не привез и не оставил. Его дети подключились, собирая хотя бы минимальные сведения о ближайших родственниках. В том числе уже и по линии Харюковых.

Корней Корнеевич каким-то образом вышел на канадцев, и в 1997 или 1998 г. получил от них книгу Джона и Элси Вибе «Wiebe Family Tree». К сожалению, он был уже смертельно болен, и в 1999 году его не стало. Своих «Воспоминаний» оформленными он так и не увидел. Сергей Кор-

неевич все пытался собрать дополнительные, расширенные сведения о своей семье, подхватил переписку с канадцами, стали появляться новые связи в России и Германии, США и Канаде, пока старшая сестра не остановила его: «Сергуня, давай выполним просьбу папы, и закончим оформление его книги. А потом уже продолжай дальше. И тогда его книга будет книгой-воспоминанием, а ты уже собирай книгу-эстафету...»

Сергей Корнеевич согласился, и в 2002 году они оформили «Воспоминания» окончательно, от себя только добавили последнюю главу, ознакомившись к тому времени с архивными делами ОГПУ, НКВД, МВД на папиных родителей, братьев и сестер.

Весной 2002 года он узнал, что летом в Германии планируется встреча выходцев из Александертальской колонии. Он захотел побывать на ней, и все сложилось наилучшим образом. Они с дочкой побывали на этой встрече. Первые 10 экземпляров «Воспоминаний» он и отвез на встречу александертальцев.

Меннониты

Так как все предки Сергея Корнеевича по немецкой линии были меннонитами, то мы вкратце опишем, кто же они такие.

«Меннониты — духовное течение появившееся в 30-х гг. XVI в. В Нижнерейнской области, на территории современной Голландии. Во главе его стал Менно Симонс (Симонис Меннон; 1496 - 1561), бывший католический священник из Голландии. С риском для жизни он путешествовал по стране, посещал рассеянные анабаптистские группы в Северной Европе и вдохновлял их своими проповедями, которые произносил обычно под покровом ночи. Менно был убежденным пацифистом, его имя прочно связано с неприятием насилия в анабаптизме. В 1539 г. Менно Симонс написал трактат «Основа христианского учения». С 1544 г. его сторонники стали называться меннонитами.

... В 1632 г. на Дартской конференции были утверждены основы меннонитского вероучения. В том числе отказ от любых клятв (также и от присяги) и воинской службы. Меннониты самоизолировались и от государства, и от общества. Они стали прекрасными фермерами, умелыми хозяевами и вообще людьми, для которых главное - спокойная и тихая жизнь. В настоящее время в мире насчитывается около 1,5 млн. меннонитов.»

Энциклопедия для детей. Т.6, ч.2. Религии мира. — М.: Аванта+, 1996. с.462.

Каковы же жизненные основные правила мен-

нонитов? Приводим по описанию Б. Гардера и воспоминаниям Корнея Вибе:

- Жили большими дружными общинами, в которых все имели равные права и обязанности. Каждый мог рассчитывать на помощь своих собратьев, и в то же время сам должен был поддерживать собрата, вдову или сироту. Безнравственность, пьянство, жадность и раздоры служили поводом исключения из общины.
- К старейшим принципам меннонитов относилось то, что среди них не должно быть нищих, поэтому каждая община должна была иметь фонд из добровольных взносов, чтоб в случае необходимости помочь нуждающимся.
- Воинская служба считалась запрещенной.
- Меннониты были исключительно трудолюбивы, и где бы они не жили, в Нидерландах, Пруссии или России, им удавалось в короткие сроки превращать непригодные участки в плодородные земли. Их жизнь проходила в постоянных поисках новых методов хозяйствования. Все члены их семей, в том числе и дети, трудились с раннего утра.
- Большое внимание уделяли культурным и духовным сторонам жизни. В каждом селе была своя школа, которая строилась и содержалась силами села.
- Гостеприимство относилось к неписаным законам жизни. Помолвки, свадьбы, похороны превращались в общие мероприятия, на ко-

торые съезжалось до 50 семей.

Таким образом, это была тяжелая, но хорошо налаженная мирная и стабильная крестьянская жизнь. Но грянул 1917 год, и советская власть по-своему истолковала своеобразие уклада меннонитских поселений:

Из секретного Обзора Полномочного Представительства ОГПУ в Казахстане 28.2.1930.

Религиозный фанатизм, особенно среди меннонитов, настолько силен, что зачастую затмевает всякое партийно-советское влияние. Усугубленный родовыми отношениями и «помощью богатых бедным», он является главным и очень большим препятствием классовому расслоению в немецкой деревне.

Как же все надо перевернуть с ног на голову, чтоб такое написать! Люди уже жили по социалистическим законам, заботились о том, чтобы у них не было бедных. Однако большевики понимали

Рассказывает Сергей Корнеевич:

«Публикация в газете вызвала противоречивые чувства. Корреспондент написал статью, передал ее мне на проверку и замечания. Мы с сестрой, человеком глубоко верующим, преподающей в православной воскресной школе, сделали некоторые правки, показавшиеся нам существенными. Однако каково же было наше удивление, когда статья была опубликована в газете. Наши правки как будто и не было. Статья предварялась словами: «о том, как его (Сергея Корнеевича) предки-меннониты, твердые протестанты, перешли в Православие». А добавление редакционного вступления с цитатой из рассказа Чехова «Убийство» со словами «о том, как нашел подлинную веру некий обрядовер, многое претерпев, попав на каторгу» только усилило неверный акцент статьи.

Конечно же, не христиане-меннониты стали православными, а некоторые из их потомков, в основном живущие в России, в православной стране. Мне просто стыдно перед моими родственниками в Германии и России, сохранившими веру своих предков, за характеристику их как «обрядоверов». Как они радовались за меня, как искренне поздравляли меня с крещением в 2004 году. Никого из них не смутило принятие мною именно православия. И тут вдруг такая характеристика их веры, да еще вложенная якобы в мои уста.

Как же много может испортить отдельный человек (корреспондент, редактор) необдуманно (а может обдуманно?) словами в и так непростых отношениях между конфессиями, внося между ними раздор.

Однако публикация этой статьи в Интернете, как истории семьи Вибе, на русском языке принесла и несомненную пользу. Сергей Корнеевич стал получать отклики от незнакомых до сих пор родственников из России и Германии, с которыми началась переписка. Стала накапли-

ваться дополнительная информация, и даже произошла встреча и знакомство с троюродной сестрой, приехавшей из Свердловской области в Сыктывкар на межрегиональную конференцию «Немцы в Республике Коми и на Севере России» в ноябре 2005г.

социализм по-своему — главное, чтобы не было богатых. Получается, что власть была заинтересована, прежде всего, в классовом расслоении деревни, в столкновении бедных с богатыми. Вот он, пресловутый классовый подход, который не укладывается в рамки христианской морали и нормальных человеческих отношений.

И еще один взгляд на меннонитов, но уже современный, нам хочется отметить. Не нас одних заинтересовало родословное дерево семьи Вибе и «Воспоминания Корнея Вибе». В 2004 году Сергей Корнеевич был приглашен на городскую конференцию краеведов, и одним из результатов его участия в ней явилась статья, напечатанная в православной газете «Эском» - «Вера». А чуть позже она же была размещена на нескольких сайтах в Интернете. И сейчас ее можно посмотреть по адресу: <http://vera.mrezha.ru/466/12.htm>.

Раскулачивание. Архангельская область

Крепкие меннонитские хозяйства в условиях массовой коллективизации не могли не попасть под раскулачивание. Мы не ставили целью описывать этот мрачный период в своей работе, но чтобы показать на примере семьи Вибе весь путь, который пришлось пройти миллионам российских граждан, все-таки сделаем небольшие вставки из имеющихся у нас материалов. Остановимся на тех моментах, которые нас особенно взволновали. Основным источником послужили воспоминания Корнея Корнеевича Вибе.

Берем на себя смелость изложить некоторые отрывки их книги от третьего лица.

В первую партию раскулаченных и высланных в Архангельскую область попало больше 30 семей колонистов-меннонитов из Александертальской колонии. В том числе и семья Вибе Корнея Ивановича и Ренаты Яковлевны Фаст, родителей Корнея Корнеевича, живших в селе Мариенталь. В это время в семье было 11 детей: Екатерина,

Луиза, Иван, Агата, Маргарита, Корней, Генрих, Герхард, Эрн, Альфред, Вильгельм.

Трудно поверить, что в мирное время, в мирный дом большой трудовой семьи с малыми детишками, врываются представители власти и объявляют о раскулачивании и высылке. На сборы дают несколько часов, жестко ограничивая количество увозимых с собой предметов личного туалета и домашнего обихода.

Представители власти, зорко следя за каждым шагом, все время поторапливали, понукали.

Много самого необходимого осталось брошенным в покинутом доме.

В малом двухосном вагоне ехало пять семей, самая малая из которых состояла из шести человек. Если для маленьких детей стоящая в вагоне «параша» просто заменяла ночной горшок, то для подростков, а особенно для взрослых, она представляла серьезные неудобства. Лишь в один люк вагона сверху проникал свет. Остальные

Выписка из протокола № 76 от 24/III-30г.

Общего собрания гр-н села

района

Заседания Президиума Кошкинского РИК^а

Ульяновского

Присутствовало _____ человек.

ПОВЕСТКА ДНЯ: 1) О выселении кулачества из пределов Края.

С Л У Ш А Л И:

П О С Т А Н О В И Л И:

ВЛБК Корней Иванович
лет с семьей 12 чел, села
Марientаль Александртальского
совета

Выселить из пределов Кошкин-
ского района, как района сплошной
коллективизации

В. И. И. С. К. а
Председатель РИК^а

Зерна:

Иванович

/Казятин/

люки, как и двери, были задраены и снаружи заперты на замки.

В апреле 1930 года целый состав со спецпоселенцами прибыл и выгрузился на разъезде «836 км» Северной железной дороги, не доезжая около 300 км до Архангельска. Были здесь русские и немцы, мордва и чуваша, татары и эстонцы — все из Куйбышевской области, в основном многодетные семьи. Создается впечатление, что раскулачивали не «миродов», а детей.

С разъезда повезли людей в лес по зимней лесовозной санный дороге, уже основательно раскисшей под весенним теплом. Вещи и малых детей везли на конных подводах, остальные шли пешком. Приехали (пришли) в поселок, состоявший из лесорубочных барачков, расположенных в 22-м квартале в 8 км от железной дороги. Семья Корнея Вибе, в числе шести немецких и одной эстонской семьи была поселена в барачке № 10. Примерные размеры барачка: 12-13 х 7-7.5 м. Потолок, сложенный из необстроганных бревен, был чуть выше голов отцов и взрослых братьев. По обе стороны из конца в конец барачка тянулись двухэтажные нары, на которых, тесно прижавшись друг к другу, ночью спали, а в холодные дождливые дни просто валялись, так как деваться было просто некуда. В середине барачка в одном конце находилась большая русская печь, а в другом конце стоял длинный стол, за которым по очереди семьями принимали пищу обитатели барачка, которых было больше 50 человек. Учитывая отсутствие кухонь и других подсобных помещений, особого раздолья им не было.

Большое беспокойство, особенно ночью, им доставляли клопы, полчищами вылезавшие из нештукату-

ренных стен барачка, потолочных бревен, досок на полу.

Взрослые, старше 16 лет, работали на лесозаготовках и строительстве, а также на лесных складах, биржах, на разделке и окорке древесины. Спецодежда и обувь не выдавались, а свои быстро изнашивались, обновление исключалось вообще. Люди работали в рваной, часто промокшей одежде, мерзли. Такие условия быстро привели к массовым заболеваниям тифом и другими болезнями. Ни врачей, ни другого медперсонала на поселке не было.

Старшие - Катя, Лиза, Иван и Маргарита - тоже переболели тифом, а сестры Корнея Агата и Маргарита и меньшие братишки Альфред и Вильгельм заболели более страшной болезнью — менингитом. Агата умерла 21 мая 1930 года. Похоронили ее на лесном погосте в

Семья Корнея Ивановича Вибе перед выселением.
Слева направо: стоит Агата, Рената Яковлевна с Альфредом на руках, Маргарита, Корней Иванович, перед ним Эрн, Корней, сидят на скамейке Гриша и Андрей.
Сзади стоят Луиза, Катя, Иван. Александрталь, село Марientаль, 1928 г.

22 квартале.

Ренату Яковлевну с больными детьми Маргаритой, Альфредом и Вильгельмом 25 мая увезли в Вологду в больницу. С ними туда поехала двоюродная сестра, Наталья Валь, в помощь по уходу за больными. Больных из 22 квартала на носилках вынесли до железнодорожной станции, там погрузили в санитарный вагон. Корнея Ивановича в этот вагон не пустили, и он поехал в Вологду пассажирским поездом, устроил там свою жену и Наташу на частную квартиру. В больнице они дежурили по очереди.

Братишки вскоре умерли один за другим. Рената Яковлевна с Наташей похоронили их в одной могиле. А где эта могилка, теперь никто не знает. Маргарита перенесла болезнь, выздоровела.

Говорят, «беда не ходит одна». Для этой семьи, особенно для Ренаты Яковлевны, 1930 год был тяжелейшим. Как только она все выдержала, пережила. Ко всем переживаниям весны 1930 года обрушилось самое страшное: арестовали отца (Корнея Ивановича), обвинив его в контрреволюционной деятельности. Вернулся Корней Иванович из Вологды 5 июня, и в тот же день был арестован. При аресте, конечно, производился тщательный обыск, изымалось все письменное, печатное. Все ведь было на немецком языке, а обыскивающие языка не знали, и во всем усматривали контрреволюционную литературу и переписку. Изъяли тогда же и дневниковые записи его прадеда, продолженные дедом, а затем и отцом Корнея Корнеевича.

Весть об аресте мужа застала Ренату в Вологде с больными, умирающими детьми. Похоронив двух малышей и оставив выздоравливающую Маргариту на попечение племянницы Наташи, она вернулась в 22-й квартал в начале июля 1930 года. В конце июля вернулись и Наташа с Маргаритой.

Корнея Ивановича Вибе расстреляли в

1931 году. (Об этом семья узнала только в 1989 г.) Так осталась Рената Яковлевна одна с восемью детьми, из которых только трое - Катя, Лиза и Иван (20, 18, 16 лет) были подмогой.

В лесном поселке 22 квартала они прожили до начала 1932 года. Промышленное значение этой территории освоением лесных близлежащих массивов было исчерпано.

В период строительства нового поселка заболела тифом сестра Лиза. Ее увезли в Няндомскую районную инфекционную больницу, где она 21 ноября 1931 года умерла. В начале 1932 года всех их переселили на новый поселок Холмолеево. Продукты выдавались по карточкам по очень скудным нормам, особенно на иждивенцев. Теперь на двух работающих, Катю и Ивана, было шестеро иждивенцев — их мама, Маргарита, Корней, Андрей, Гриша и Эрн. На выкуп мизерного пайка, выдаваемого по карточкам, нужны были еще и деньги. А откуда было их взять? Запасов не было. Значит вся надежда на заработки.

Непосильная же, изнуряющая работа Кати на лесозаготовках оплачивалась очень скупо. Спецдежду и спецобувь, как и в 22-м квартале, не давали. Их тоже надо было приобретать самим.

Иван, приезжая на выходные дни, обязательно привозил хлеба и денег, урывая их из своих не избыточных пайка и заработка. В свои 18-20 лет Иван самоотверженно заботился о семье, отказывая себе в самом насущном.

Все они — члены семьи Вибе в этих тяжелых условиях постоянно заботились друг о друге, ведь они могли надеяться только на себя и на своих близких. Большое значение для них имела вера в Бога.

*Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведено горя и трасс!..*

В. Высоцкий

20 91 22
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания тройки при ПП ОГПУ Севкрая по внесудебному рассмотрению дел
от „ 7 “ февраля 1931 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

Дело №1701 по обвинению
ГАРДЕР Ивана Борисовича
и др. в числе 3-х человек
по 58/5 Ст. УК.

1. ГАРДЕР Ивана Борисовича.
2. ВЕБЕ Корнилиуса Ивановича.
3. РЕЗИН Гергарда Яковлевича
РАССТРЕЛЯТЬ.
Дело сдать в архив.

ВЕРНО: НАЧ. РСО ПП ОГПУ СЕВКРАЯ

(ОГРИН)

Меннонитская община ни в 22-м квартале, ни на новом поселке Холмолеево не прекращала своей духовно - религиозной деятельности. Проводились общие богослужения в воскресные дни, детские и молодежные занятия по изучению святого писания. Именно они прививали основы нравственности, полностью выкорчевать которые были уже не в состоянии все старания «коммунистических» пропагандистов и воспитателей.

Рената Яковлевна, чтоб содержать семью, брала заказы на шитье и этим пополняла семейный бюджет. А ведь на шитье по заказам надо было выкраивать и время и место. Какую только изобретательность она не проявляла. Ведь одежда детей изнашивалась, рвалась. Как она только ни латала, лепила, перекраивала изношенную, рваную одежду. И в каких условиях. В комнате стоял один стол, который служил и кухонным, и обеденным, и рабочим для всех. Пятеро младших стали ходить в школу, и за этим столом делали уроки. Катя тут же вечерами чинила, штопала свою рабочую одежду, тут же шила Рената. В длинные зимние вечера светила одна лампа-коптилка - круглый фитилек, пропущенный через жестяную трубочку в бутылку с керосином.

Позже, в 1938 году, власти по-своему истолковали такую жизнь:

Из обвинительного заключения по следственному делу №22083

Вибе Рената Яковлевна являлась активной участницей к-р. фашистско-повстанческой организации, вскрытой и ликвидированной в Няндомском районе. Проживая в Няндомском районе, среди населения проводила к-р. агитацию, восхваляла фашистский строй в Германии. Имела письменную связь с к-р. фашистскими «благотворителями» в Германии и Швеции, от которых получала материальную помощь, т. е. в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР.

В чем же провинилась домохозяйка Рената Вибе? Подход тот же самый, что и в первом документе, приведенном нами — узкоклассовый, который делил людей на своих и чужих, сторонников и врагов. А легко ли превратить человека во врага? Конечно, надо только придумать об-

винения, пусть даже самые фантастические, не укладывающиеся в рамки здравого смысла.

Далее снова по воспоминаниям:

В августе 1934 года набирали молодых женщин со спецпоселка в домработницы и няни к областному начальству в Архангельск. Выбор пал на немок, безусловно честных, трудолюбивых и приученным ко всем домашним делам. В числе этих «избранниц» были и сестра Корнея Катя, и двоюродная сестра Катя Валь. Они попали к секретарю Северного крайкома Падалкину, первая в качестве домработницы и повара, вторая - няни. Это было, конечно, избавлением от каторжного труда на лесозаготовках, хотя нелегкая жизнь ждала их и там.

Незадолго до репрессий своих хозяев в 1937 году прислуги были возвращены на спецпоселок, где их снова ждал непосильный, изнуряющий труд на лесозаготовках.

Корней Корнеевич пишет: «Теперь, оглядываясь назад, поражаюсь силе духа и выносливости сестры Кати и ее ровесниц. Такие адские условия работы и жизни сегодняшнее поколение, особенно женщины, не вынесли бы. А ведь впереди их ждали еще куда более жуткие испытания!»

В нашей работе мы подробно цитируем воспоминания Елены Генриховны Фаст (Елена Гамм, 1914-1991) и ее младшей сестры, Августы Генриховны Дайкер (1925-1997, Auguste Hamm). Августа и Лена приходятся троюродными сестрами Корнею Корнеевичу Вибе, то есть их деды — родные братья, те самые Иван и Вильгельм Вибе, которые стоят у основания главных ветвей семьи Вибе. Вся эта семья Гаммов проживала в Александертальской колонии, там же где и семья Вибе, только Гаммы жили в селе Нойхоффунг (Надеждино), а Вибе - в селе Мариенталь.

Елена Фаст и Августа Дайкер иногда по-разному смотрят на одни и те же события, так как в то время одной было 27 лет, и у нее уже была своя семья и маленькие дети, а другой было всего 17, и она сама была еще ребенком. Стиль воспоминаний Августы более рассудителен и менее эмоционален, чем очень эмоциональный, поэтический стиль Елены.

Из воспоминаний Августы Дайкер:

«Мои воспоминания возвращаются к очень раннему детству. Я росла в годы терроризма, преследования и принудительных переселений. Мне рассказали, что сразу после моего рождения, когда я лежала на подушке, а мои родители, братья и сестры радовались моему рождению, моя тетя, Маргарита Зуккау (Margarete Wiebe, 1875-1935), сказала: «Почему мы только маленькие бедные черви, рожденные в этом злом мире». Много раз в более поздние годы я думала о том, что она сказала. Когда начались аресты и принудительные выселения, одним из первых, кого посадили в тюрьму, был ее муж, Иван Зуккау (Johannes Sukkau, 1872-1937), бывший миссионером, священником и распространителем религиозной литературы.

30 марта 1930 года его семью уведомили, что их выселяют, как кулаков, а через два дня посадили в сани и увезли. Мне было тогда 5 лет. Мои родители пошли за ними, чтобы попрощаться. Был ужасный холод. Я нашла пару больших башмаков, намотала что-то на плечи, и тоже пошла на улицу. Я до сих пор хорошо помню эту картину, и она останется в моей памяти всю оставшуюся часть моей жизни.

Через какое-то время дядя Иван Зуккау был выпущен, и вернулся домой к своему хозяйству, которое уже было почти разрушено, передано в колхоз, и находилось в ужасном состоянии.

Его семьи дома уже не было, он начал поиски и нашел их в Архангельской области. Старшая дочь уже умерла там при трагических обстоятельствах в мае 1930 года (Рита Зуккау похоронена в 22 квартале, в одной могилке с Агатой Вибе, сестрой Корнея Корнеевича Вибе). В Рождество 1932 года дядя Иван и тетя Маргарита Зуккау возвратились к нам истощенными, и поселились в нашем летнем доме. Сыновья, Вилли и Ганс, с ними не вернулись, остались в Архангельской области.

9 июля 1933 г. Иван Зуккау крестил на реке Кондурча мою сестру Лену и целую группу молодых и более старших родственников. Перед крещением он прочитал в церкви свою последнюю проповедь. Очень скоро его снова арестовали. Я хорошо помню, как однажды днем два милиционера пришли во двор, разыскивая его. Очень дружественно они хлопали по плечу тетю Маргариту: «Мы вернем его обратно».

Больше она никогда его не видела. Через много лет мы узнали, что он был расстрелян.

Тетя Маргарита умерла в январе 1935 года. В день ее похорон была снежная буря. Над могилой, плача, мы пели песню: «Свет после тьмы, Мир после войны, Радость после слез, Счастье после горя».

Из мужчин и женщин, насильственно выселенных в Архангельскую область, вернулись очень немногие. Мы так никогда и не узнали, что случилось с их сыновьями Вилли и Гансом.

Эта «веточка» семьи Зуккау на «дереве» семьи Вибе была вырублена под корень.

После смерти тети Маргариты моя мама осталась единственной из семьи Вильгельма Вибе. О семье Абрама Вибе, брата моей мамы, который эмигрировал в Канаду в 1924 году, мы тогда ничего не знали.

Церкви были разрушены, пасторы арестованы, и никто не смел говорить слово о Боге или о своей вере. В нашем доме, за закрытыми дверями мы пели хором. Отец занимался песнями со старшими детьми.

В январе 1934 наш отец, Корнелиус Гамм, был арестован первый раз. Спустя несколько месяцев он возвратился к нам совсем ослабевшим и больным. И снова были четыре года счастливой жизни вместе, даже если мы были разбиты работой и бедностью.

11 июля 1938 г. отца снова арестовали, на этот раз одновременно со своим зятем, Генрихом Фаст. Генрих и Лена жили тогда с нами со своими двумя детьми, двухлетним Вилли и Лолли, которой было только 11 дней.

Это было в понедельник, вечером. Отец только что пришел с работы, но не успел поужинать, когда их увезли на двух отдельных телегах. Прежде, чем их увезли, производившие арест обыскали весь дом, и среди других вещей забрали из шкафа дневник тети Августы.

Накануне вечером, в воскресенье, мы в последний раз слышали наших родителей, поющих вместе.

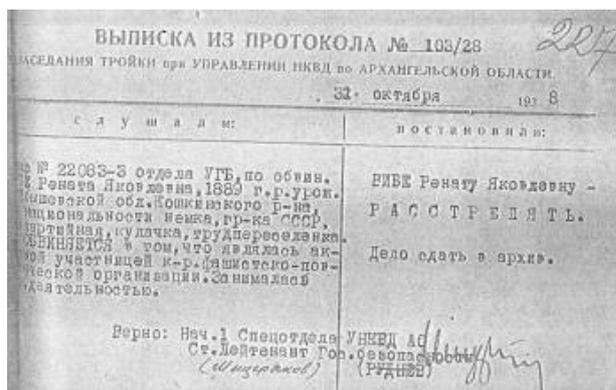
Отец больше не вернулся.

Около 20 лет спустя один из товарищей отца по заключению посетил нас и, увидев моих детей, сказал со слезами на глазах: «молитвы дедушки не пропали даром».

В голове не укладывается — как можно поступить так с людьми, ни в чем не повинными?! Сколько загублено жизнью, сломано судеб. Ради чего?!

1937—1938 ГОДЫ

Следующая волна репрессий коснулась этой большой семьи в 1937—1938 годы. Независимо, были ли они раскулачены и сосланы, или оставались на родине. Мы возвращаемся к воспоминаниям Корнея Вибе:

Настал мрачный 1938 год. Описывать обстановку в стране нет необходимости. О сталинских массовых репрессиях, физическом истреблении людей по жестокости превзошедших средневековые инквизиции католической церкви, написано и сказано уже много.

20 марта 1938 года арестовали маму, а 30 марта — сестру Катю и брата Ивана. Для арестов из района приезжала бригада энкавэдэшников, со списками расходились по баракам, проводили обыски и уводили арестованных, которых каждый раз набиралось несколько десятков. Арестованных увезли в Няндому, в тюрьму, оттуда их этапировали в Архангельск, где около года держали в тюрьме. Всех арестованных, за редким исключением, осудили за «контрреволюционную деятельность» к различным срокам лишения свободы. Ивана осудили на 10 лет, Катю - на 8.

Была арестована и сестра Маргарита в июне 1938, в ноябре ей даже объявили приговор - 10 лет,

но после доследования суд оправдал ее, и ее освободили, продержав в тюрьме 10 месяцев.

После ареста Ренаты Яковлевны, Кати и Ивана сестру Эрну в числе других детей репрессированных взяли в детский дом в селе Моша. Забирали этих детей в принудительном порядке.

О судьбе родителей дети ничего не знали до 1956 года, а о том, что Корнея Ивановича расстреляли еще в 1930 году, а Ренату Яковлевну — в 1938-м, узнали только в 1989 году (Копии выписок из протоколов получены еще позже, в 2002 году).

Эрна пробыла в детдоме недолго, вскоре ее забрали обратно в поселок. Окончив семилетку, поступила в педучилище в г. Ульяновске, где жила у родственников. Там она прожила и училась до начала войны. В начале войны попала под массовое переселение немцев в Казахстан.

В марте 1942 года всех мужчин немецкой национальности мобилизовали в трудовую армию. С этого начался новый мрачный период в жизни десятков тысяч граждан немецкой национальности, полный унижений и оскорблений человеческого достоинства. Но об этом — в главе «Трудовая».

«И помни весь путь, по которому Господь Бог вел тебя эти сорок лет в пустыне, к смирению и испытаниям, зная, что было в твоей душе, хранишь ли ты заповеди его, или нет».

И Второзаконие 6:7 «И внушай их детям твоим и говори об них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая».

Это я и попробую сделать сегодня, восхваляя Бога за путь, которым он вел нас, и за помощь Его.

1935 - 17 марта мы праздновали нашу свадьбу. И хотя она прошла в компании всего нескольких человек, запомнилась она навсегда. Господь благословил этот день. Наши дорогие родители стояли рядом и молились о нас. Когда мы пошли к алтарю, маленький хор пел песню, которую я помню до сих пор.

Родителей моего мужа уже не было в живых, и мы прожили три счастливых года с моими родителями, братьями и сестрами в доме моих родителей.

1936 - В воскресенье, 17 мая, в 8 часов утра, с солнцем, струящимся в комнату, Господь дал нам нашего первого сына, нашего Willi. Трудно описать безграничную радость всех нас. Мы молились о нем, и теперь нашим пылким желанием было то, чтобы он рос и процветал к славе Божьей. Как мы все вместе радовались над этим прекрасным новорожденным. Когда я сшила ему первую одежду, а затем к Рождеству - его первые башмачки и штанишки, - все было источником радости.

1937 - Большие грозовые тучи нависли над всеми нашими людьми. Отцы, матери, бабушки и дедушки отрывались от любящих семей и отправлялись в тюрьмы. Страх пронизывал почти каждый дом. Мы, однако, были счастливы с нашим дорогим ребенком, который в одиннадцать месяцев уже умел ходить самостоятельно, и говорить «папа» и «мама». Он был очень привлекателен от рождения, и быстро развивался. Мои родители и сестры были счастливы с нами. Почему так не могло продолжаться всегда?

1938 - В пятницу, 1 июля, Бог дал нам прелестную маленькую дочь, и папа назвал ее Helene. Теперь наша родительская радость выросла вдвое.

Данную же главу мы продолжаем по воспоминаниям Лены Фаст.

«Воспоминания Елены Фаст» были написаны ею на немецком языке в Караганде к сорокалетию супружеской жизни. Красной нитью через них проходит тревога, боль матери о своем первенце, о Вилли. Для книги «Wiebe Family Tree». Джон Вибе в Канаде перевел их на английский язык, сокращая по своему усмотрению, особенно поэтические, рифмованные строки, которых в оригинале очень много. Переводя их дома с английского на русский язык, Сергей Корнеевич читал абзацы своей жене. Вот она-то и сказала тогда фразу: «Бедный маленький Вилли, сколько же досталось на его долю. Интересно, что стало с ним? Выжил ли он после всего этого?».

Приводим отрывки из воспоминаний почти без сокращений, настолько это пронзительное повествование. Только дадим по частям, примерно соответствующим нашему делению на главы. Как радостно начинаются ее воспоминания, сколько в них благодарности судьбе, Богу, за горячо любимого мужа, за сына Вилли. И как резко на смену счастью приходит страх за самое дорогое, за своих близких.

Мы приняли это как подарок за нашу любовь к Богу и признали ответственность, которую Он дал нам. Наши просьбы и молитвы были о том, чтобы мы могли привести к Нему детей, которых Он дал нам. Почему так не могло оставаться всегда? Обстоятельства изменились очень скоро. 11 июля с восходом солнца несчастье пришло к нам в дом. Мой горячо любимый мужи мой отец были арестованы и посажены в тюрьму. Моя рука отказывается описывать этот ужасный вечер. Во всем доме стоял громкий крик и плач, особенно громко кричала моя младшая сестра Зельма, которой было девять лет, она никак не могла утешиться. Мы успокаивали друг друга словами Павла: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8; 28), хотя с трудом понимали это в то время.

За пять месяцев я трижды съездила в Мелекес, три часа по железной дороге, в тюрьму, где находились наши родные, возила им кое-какие продукты. Безуспешно простаивала весь день у тюремных дверей и, в конечном счете, уходила домой со всем, что привезла. С ужасно

Свадьба Лены и Генриха Фаст. Нойхоффунг, 1935г.

Семья Корнелиуса и Марии Гамм незадолго до ареста отца Корнелиуса и зятя Генриха Фаста. В заднем ряду справа стоят Елена и ее муж Генрих Фаст. В первом ряду слева направо: Августа (Дайкер), Мария Гамм (Вибе), Зельма, Корнелиус с Вилли на коленях и Анна. Куйбышевская область, Альт-Самара, Нойхоффнунг, 1938 г.

тяжелым сердцем я спешила назад к дорогим детишкам, о которых заботилась моя мама. Сердце мамы было также почти сломлено, но у нее всегда хватало сил, чтобы успокоить меня. Сумеет ли мы справиться с этим? Увидимся ли мы снова на этой земле? Эти вопросы занимали наши мысли и сердца каждый день и час.

1939 - Мама всегда была очень дорога мне, а общие страдания сблизили нас еще больше, и соединили наши сердца вместе в еще более близкой любви. В конце января мы получили первые новости от наших родных. Уже из лагеря, куда их отправили после пяти с половиной месяцев содержания в тюрьме. От папы мы получили письмо со станции Потьма, а от Генриха из Соликамска, но он был в пути еще дальше на север. Первое его письмо заканчивалось словами: «прощайте, мой 12-летний Вилли и 10-летняя Лолли». Это сказало нам, на сколько лет его осудили. Я не могла ни кем поделиться этой информацией, да и осознать это самой было очень тяжело.

27 июля наша дорогая маленькая Лолли заболела. Она была нашим солнышком, мы были необычайно счастливы с нею. В десять месяцев она сделала свои первые шаги, а к этому времени уже хорошо бегала. Часто я думала, что папа и дедушка должны обязательно вернуться и радоваться, глядя на ребенка. Через три недели Бог забрал ее к себе. 12 августа в 3 часа ночи мы закрыли ее глаза. Все тяготы земной жизни миновали ее, она была со Спасителем, который сказал: «Пустите детей, и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мат. 19:14). Почему же папа не мог видеть свою дорогую дочурку? Я никак не могла этого понять.

1940 - В первые дни нового года мы получили письмо от нашего дорогого отца. Он был болен и лежал в больнице. А чуть позже получили открыт-

ку, написанную 13 января со словами: «Любимые мои! Я не знаю, получаете ли Вы мои письма. Я ничего не получал от Вас, начиная с ноября, и последними были две посылки, присланные с Генрихом. У меня есть все, что необходимо, масло и сало. Больше не посылайте ничего. Я ни в чем не нуждаюсь, нахожусь под хорошим уходом, все еще в больнице и больной. Состояние не улучшается. Что принесет ближайшее будущее? Любимые мои! Не задерживайте меня здесь дольше, как бы я ни хотел снова видеть и обнимать всех Вас, и не тревожьтесь, если этого не случится. Мне пора Домой. Я очень хочу вернуться в дом моего Отца. Любящий Вас папа и дед. Скорее всего, мы увидим друг друга снова уже там, наверху».

Мы догадывались, что это было последнее письмо от него, и что мы не увидим друг друга снова на этой земле. Нам было очень горько за него. Примерно через месяц мы получили письмо от одного из его товарищей по несчастью, который лежал в больнице рядом с ним. Он сообщил, что мой отец умер в 7 часов утра 15 января. Под подушкой умершего он нашел бумагу, на которой наш отец дрожащей рукой сделал последние коротенькие записи. Там была строчка: «Бог предан, Его сердце, сердце Его отца не покидают своих». Это было жирно подчеркнуто. Какое страшное утешение было у него, и он дал его нам. Пройдет совсем немного времени, и мы снова будем видеть друг друга, на золотом берегу на нашей вечной родине.

Мне всегда доставляло большое удовольствие готовить что-нибудь моему Вилли ко дню Рождества. Когда все было сделано, мы очень спокойно и неторопливо праздновали событие, когда Иисус беспорочно был рожден как сын человеческого на этой земле.

Это был последний год в нашем доме в Нойхоффнунге».

Война. Выселение в Казахстан. Абрам Фаст

Раскулачивание и аресты коснулись очень многих, но не всех. Однако в 1941г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года № 21-160 «О переселении

немцев, проживающих в районах Поволжья». Теперь это касалось уже всех. По этому Указу была начата массовая депортация немцев в Сибирь и Казахстан.

Из воспоминаний Лены Фаст:

«1941 - В этом году началась ужасная война, которая принесла глубокие страдания всему народу. 1 декабря мы должны были оставить свой дом и все, что мы имели. В течение трех дней всех немцев Александертальской колонии отвезли на тракторных санях на станцию Погрузная, решив взять с собой только самое необходимое. Каждый брал как можно больше продовольствия, но надолго его все равно не хватило. Потом нас погрузили в вагоны для перевозки скота, переполненные, насколько только возможно, и отправили в Казахстан.

За несколько дней до Рождества целый поезд из 90 вагонов был разгружен на станции Осокаровка, в Карагандинской области Казахстана.

Умерших в дороге захоронили тут же. Многие уже голодали. Всех поселили в здание театра, а оттуда развозили на санях по деревням и колхозам. Нас тоже посадили в сани, и казах отвез нас за 32 км через степи к деревне Кондратовка. Там разрешили войти в казахскую лачугу, где был приготовлен горячий суп, который согрел нас, а затем мы все улеглись в ряд на полу, и уснули. Это принесло долгожданное облегчение нашим утомленным и пронизанным холодом телам.

Во время нашего путешествия стояли сильные морозы, и все мое семейство простудилось. Мама, брат Ганс, сестра Зельма, и мой маленький Вилли заболели. Заботиться о них в этих обстоятельствах часто становилось настолько трудным, что я не выдерживала и взывала к небу. Мне казалось, что Бог отворачивается от нас. Спустя несколько дней мы были вынуждены оставить казахскую лачугу, а нам дали место в сарае, в котором раньше хранилось зерно. Без окон, без печи, на земляном полу, мы встретили Новый год.

1942 — Нам дали маленькую оконную раму, и мы встроили ее в кирпичную стену. Печник сложил маленькую печку, которая должна была давать тепло. В задней части печи он встроил большой котел. Когда мы топили печь, дети забирались в котел. Вилли и двое детей, которые жили вместе с нами со своей матерью. Часто они очень долго не могли согреться, хотя печь топилась.

Я пошла просить о большем количестве топлива, но получила бесцеремонный ответ: «топите снегом». Тогда я решила иногда выходить ночью, чтобы искать и брать дрова без разрешения. Я молилась от глубины души Богу о спасении от этой беды. Он хранил меня. Столько трудных времен наш добрый Бог простирает свои крылья над нами. Так мы пережили зиму.

Весна принесла новые надежды, но для моей дорогой больной семьи никакого улучшения не наступило. Сестру Зельму положили в больницу в Осокаровке. Чтобы навестить ее, я шла эти 32 км туда и обратно. Доктора нашли у нее пневмонию и скоро отправили домой.

Мама все время лежала на кровати, и почти не вставала. Ей становилось все хуже, и часто боль становилась невыносимой. Ночью я спала рядом с ней и часто, просыпаясь, клала руку на ее лоб, чтобы почувствовать, была ли она все еще теплой. Какой ужасной казалась мне жизнь, если бы мамы не стало. Брат Ганс заболел водячкой и переносил страшные боли. Задолго до своей смерти он не мог лежать и всегда сидел. Всякий раз, когда у меня было время, чтобы сидеть с ним, он просил, чтобы мы пели песню 101 из песенника «Frohe Botschaft»:

Поднимите меня выше, поднимите меня выш

Из темной ночи греха.

Перенесите меня ближе моему Спасителю, Который искупил меня полностью.

Как только я заканчивала петь, он хотел слышать это еще раз, и я начинала снова. Однажды он сказал: «Лена, мне пора собираться к нашему дорогому Богу». 14 июня в 3 часа ночи пришел ангел и унес его в рай. Бог освободил его прощение с нами от страданий. Это настоящее счастье, что я видела его лицо, свободное от страданий. Таким теперь я и вижу его.

В тот же самый день, после полудня, мы похоронили его тело. Без гроба, подобно папе и подобно Лазарю, его несли ангелы. Здоровье мамы потихоньку улучшалось, и она медленнее училась ходить. Также мой Вилли прыгал вокруг, он любил собирать цветы, и был большой отрадой для всех нас. Он был всегда готов слушаться и делать дела, которые были необходимы. Даже если не было никакой еды, он не расстраивался. Если же получал много, то был счастлив, что мог съесть это все. Мой дорогой ребенок, я снова прижимаю тебя к своему сердцу.»

Из воспоминаний Августы Дайкер:

«В июне 1941 года началась Вторая мировая война, а 3 декабря все немцы были выселены из своих домов. Уведомление о выселении пришло рано утром 1 декабря. Мы упаковали необходимое продовольствие и одежду. В жестокий мороз нас отвезли на вокзал и погрузили в товарные вагоны. Наш дом и хозяйство были оставлены, как есть, даже со скотиной в сараях. Милиционеры на платформе станции ходили туда-сюда, забирали то, что считали «ненужным» и бросали в кучу. В последний момент перед отъездом мама захватила свою прялку, но не успела ее упаковать. Милиционер забрал прялку и бросил в кучу. Ближе к вечеру, когда поезд мог тронуться в любой момент, мама внезапно исчезла. Мы ждали ее с тревогой, и внезапно она появилась с прялкой в руках. Даже в этих жутких обстоятельствах мы все разрывались от смеха.

Поезд тронулся, и так как в вагонах не было никаких окон, мы даже не знали, в каком направлении нас везут. Иногда поезд останавливался в открытом поле, и мы могли выходить, но дул

ужасный ветер, и было очень холодно. 23 декабря (20 дней в товарном вагоне! в декабре!) поезд остановился на станции Осокаровка, среди ужасной снежной бури. Там нас погрузили в сани и повезли за 30 км к маленькой деревне, называемой Кондратовка. Здесь нашу семью поселили к казахской семье в очень маленькой хижине. Комната, которая предназначалась нам, была настолько маленькой, что мы не могли в ней лечь все одновременно. Но эта проблема была решена на следующий день. 24 декабря ночью нас, четырех сестер, отправили на рабо-

ту, очищать зерно в амбаре. В этих неопишуемых условиях мама и Ганс сильно заболели. Заботиться о больных в этих обстоятельствах было очень трудно, и заботу о них поручили Лене. Потом меня с сестрой Марией отправили за 12 км, чистить снег с железнодорожных путей, а когда погода немного улучшалась, мы долбили мороженую землю. Вероятно, смысл состоял в том, чтобы проложить новую ветку, но даже сегодня это все еще не осуществлено.

Весной маме стало несколько лучше, но братишка Ганс умер».

Абрахам Яковлевич Фаст

Заканчивая главу, посвященную периоду Великой отечественной войны, мы хотим рассказать историю Абрахама Фаста (на схеме — Абрам Яковлевич Фаст, 1924-1994, Е4), троюродного брата Сергея Корнеевича, который всё-таки сумел попасть на фронт и пройти всю войну, правда, под чужой фамилией. Случай почти единственный для российских немцев. Российские немцы, несмотря на все репрессии и угнетения со стороны советской власти, хотели защищать родину. Готовы были идти на фронт и погибнуть, но и этого им не разрешалось.

Прислал эту историю Сергею Корнеевичу в 2005 г. племянник Абрахама, Владимир Алексеевич Фаст, 1952 г.р., из г. Первоуральска, Свердловской области, с которым его познакомило это самое «дерево».

С началом войны Абрахам оказался в одном из лагерей ГУЛАГА, откуда ему удалось бежать. Документов никаких не было. «Только бы не попасть в руки тому, кто может спросить о паспорте!» - думал он. Он чувствовал себя загнанным зверем. Скрываться в лесах не получится, голод гнал к людям.

В одной из деревень он устроился на работу в совхозную бригаду, косил сено. При расчёте за работу, по его просьбе ему дали удостоверение на имя Ивана Ивановича Корчагина, 1924 года рождения. Новоиспеченный Корчагин держал перед глазами документ и не верил своему счастью — он был полноправным советским гражданином, имел документ с советской печатью.

Теперь — на запад. Пристав недалеко от Барабинска к какой-то части, направленной на переформирование, после многих дней скитаний он попал в учебную часть в Монголии, где 5 месяцев обучался на минера.

Затем фронт: Вязьма, Сталинград, Орша, Витебск. Корчагин был исполнительным, умным солдатом, готовым к выполнению важных заданий. Некоторое время служил в войсках связи. При форсировании Немана ему удалось переправить телефонный кабель на другой берег. За этот героический поступок он был награжден орденом Славы III степени. Немногом раньше он был также награжден медалью «За отвагу».

Весной 1945 г. был награжден медалью за штурм Кёнигсберга.

Иван, прошедший всю войну, в душе все равно оставался Абрахамом. Часто, лежа в окопах, он слышал немецкую речь, знакомые с детства рождественские песни и не всегда мог скрыть то, что он понимает.

Так или иначе, война была закончена, это понимали все. Но Иван все время чувствовал повышенный интерес к себе. Внимание со стороны привлекло то что, солдат с русской фамилией иногда вдруг проявлял знание немецкого языка, а когда стали отправлять семьям продовольственные и денежные аттестаты, он написал в графе мать «Фаст Екатерина Генриховна» и ее адрес.

Так родилась новая легенда: он, Корчагин Иван Иванович, приемный сын в нерусской многодетной семье. Мать-еврейка обучала его немецкому языку. Сознание опасности рождало и страх перед разоблачением, которое не сулило ничего хорошего. И чтобы избежать каких-либо вопросов он записался добровольцем на японский фронт.

На восток. В Манчжурию!

С Днем Победы военная служба Ивана не была завершена, он ещё два года прослужил на Дальнем Востоке. В марте 1947 года был демобилизован, но остался в тех же краях. Нашел работу на шахте, зарабатывал неплохо и вскоре стал горным мастером. Здесь нашел Иван — Абрахам и семейное счастье, женился на местной русской девушке. Позже она согласилась переехать с ним в Казахстан. Так прибыл он в 1950 году к своим братьям, но был по-прежнему Иваном Корчагиным, как он и назывался уже в течение многих лет, как было записано во всех его документах.

Дальнейшая жизнь протекала спокойно и мирно. Он часто помогал односельчанам, т. к. сам достаточно хорошо понял и испытал, что значит помощь других в тяжелое время жизни в лагере.

Все этапы своей жизни, все свои военные должности и все рабочие профессии он мог подкрепить соответствующими документами, которые хранил очень бережно. Его русское имя

ни в ком не пробуждало сомнения или недоверия. Лишь однажды, в 1970 году, его личностью заинтересовались внутренние органы. Или кто-то сделал донос? Или имелись другие основания?

Первый вопрос, который ему был задан майором КГБ:

— Как ваше имя?

— Иван Иванович Корчагин.

— Второй раз спрашиваю, как ваше имя?

— Иван Иванович Корчагин.

— Третий раз спрашиваю, как ваше имя?

— Абрахам Яковлевич Фаст, Вас устраивает?

И ему пришлось рассказать все о своей жизни и предъявить документы. Органы интересовались в основном его военной службой, а именно его призывом. Как оказалось, на него уже были собраны многочисленные документы. О его юности, военной службе и все о гражданской жизни. Он рассказывал, а присутствовавшие военные молча сверяли все с записями. Более пяти часов продолжался допрос Ивана. В комнату вносили все новые и новые папки.

Придаться было не к чему. Обвинения за

побег из лагеря, уклонение от спецучета, за давностью лет были сняты. После многочисленных и длительных проверок ему вернули документы и предложили самому решать, под каким именем жить. Но уже была семья. Уже были дети. Все Корчагины. Новые вопросы, новые проблемы и в первую очередь для детей. Так и остались все навсегда Корчагины. Лишь незадолго до своей смерти он попросил детей и внуков на могиле написать его настоящее имя:

ФАСТ Абрахам Яковлевич,

20.01.1924 — 21.10.1994

Durch Kreuz zur Krone

И каково же было удивление многих людей пришедших на похороны И. И. Корчагина, а их было очень много, узнать, что хоронят они Абрахама Яковлевича Фаста.

P.S.: Надо сказать, что последние годы жизни Фаст-Корчагин проживал в Копейске и его историю поведал копейчанам журналист Виктор Чигинцев в очерке «На том свете мне нечего скрывать». Я посчитал нужным поставить этот материал в 3 том сборника.

Александр Нахтигаль

ХАЙМАТ УРАЛ

Германцы мы: каждый смел и терпим.

Здоровым, растительным сном мы спим.

Когда же проснемся, мы жаждем страждем,

Но только не крови тиранов жаждем.

Г. Гейне. К успокоению

В лицевой летописном своде XVI века в 1491 году была сделана интересная запись. На рисунке было изображено как через кремлевские ворота к великокняжескому трону подходят четыре путника. А под рисунком пояснение: «О руде. Тоя жосени октября в 20 день приидоша на Москву Андрей Петров да Василий Иванов сын Болтина, что посылал князь великий с ними немец Ивана да Виктора на Печеру руды искать серебряные. И они нашли руду серебряную и медную великого князя в вотчине на Цымле, не доходя Космы реки»

Считается, что это первая информация о геологоразведочной партии не только на Урале, но и в России. И в ее составе находились немецкие специалисты. Это и первое упоминание о немцах на Урале. То были первые ласточки, а до постоянной горной службы в нашем крае и России оставалось еще два века. Начало же ей, как и многому другому положил Петр Великий. Кстати, на горной службе более полутора веков многие должности имели немецкие названия: шихт-майстер, бергершворен, а некоторые термины в старых названиях остались и поныне: шурф, штрек, штуф.

А началась служба немцев на российской горной службе с Иоганна Блиера. В 1699 году Петр I пригласил саксонского бергмайстера. Он стал советником только что созданной берг-коллегии и с Татищевым организовывал горное дело на Урале.

В XVIII веке на Урале начался бурный промышленный рост: строились заводы, шахты.

Стране нужны были и пушки, и ружья, и гвозди, и клинки. Естественно, для организации дела нужны профессионалы, которых в России пока не было. Вот тут-то и понадобились специалисты из германских земель. Немало немецких фамилий вписано в историю уральского губернаторства, особенно много их среди офицеров горнозаводского ведомства, которое в то время приравнивалось к военному.

Оренбургский край, куда территориально в XVIII веке входила и будущая наша область, возглавляли: генерал-поручик Иван Андреевич (Иоган Генриха) Рейнсдорп. Заметный след оставил генерал от инфантерии Осип Иванович (Отто Генрих) Ингельстром. В дальнейшем он стал генерал-губернатором Сибирского и Уфимского наместничеств и многое сделал для упорядочения административного деления края на кантоны. Генерал от инфантерии Петр Кириллович фон Эссен прославился тем, что много сделал для благоустройства городов края.

Заметный вклад в развитие уральской индустрии сделал академик Императорской Академии Наук Карл Фридрих Модерах. Он начинал инженером в Санкт-Петербурге, был Пермским губернатором, затем начальником Уральского горного правления. После себя оставил подробное описание Пермской губернии.

Когда в 1826 году была утверждена должность начальника горных заводов Уральского хребта, то одним из первых на нее был назначен генерал-лейтенант Дитерикс.

В XIX веке Урал был поделен горнозаводские

округа. Пермскими казенными заводами руководил генерал-лейтенант Федор Иванович Медер, которого потом поставили во главе Горного кадетского корпуса в Петербурге, выпускавшего горных инженеров.

Горноблагодатские заводы возглавил А. Мейер. Его сын Август был управляющим Екатеринбургского монетного двора, а затем начальником Пермских горных заводов. Правителем Камских заводов в период восстания Е. Пугачева был Ф. Венцель, Кыштымскими заводами управлял Н. Мундт.

В Петербурге горный департамент возглавлял В. Рашет. Начинал он на Горноблагодатных заводах, на Урале успешно проводил опыты и создал новый тип домен — «рашетовские печи». Такая печь стояла в Сатке.

В начале XIX века десять лет начальником Екатеринбургских заводов был минералог, горный инженер, путешественник, исследователь Средней Азии Иван Филиппович Герман. Он был приглашен на русскую службу в 1782 году. В 1783 году по приказанию императрицы Екатерины II Иван Филиппович был послан на Урал для устройства там сталелитейных заводов. С 1784 по 1796 годы, с 1801 по 1805 год и в 1811 году Герман возглавлял экспедиции по Уральским и Сибирским горнозаводским округам. С 1801 года он начальник Екатеринбургского горного правления, обер-берггауптман.

Иван Филиппович изучал природные богатства России, состояние статистики, экономического развития страны. В 1790 опубликовал на немецком языке «Статистическое описание России, ее населения, состояния жизни, природных ресурсов, сельского хозяйства, горного дела, промышленности и торговли». В нем он предложил план организации государственно-административной статистики в стране. Труды Германа и ныне ценны для изучения истории Алтая. Относительно нашего края Герман оставил после себя фундаментальные труды: «Минералогические исследования Урала» и описание заводов Урала и Сибири.

Особенно густо с немецкими фамилиями в Златоустовском горном округе. В 1797 году арендатором местных заводов стал Кнауф. Он активно звал на свои шесть заводов специалистов из германских земель. Многие из них впоследствии стали российскими подданными. Одним из них был Август Фридрих Александр фон Эверсман. Он был родом из Пруссии, имел в Европе крепкие деловые связи. Поэтому император поручил ему организовать отечественное оружейное производство. Эверсман познакомился с уральскими казенными заводами и выбрал Златоустовский, где уже имели опыт работы с качественной сталью и ковкой холодного оружия. В кратчайшие, сроки в декабре 1815 года была пущена в работу оружейная фабрика, а весной 1816 года первый караван с клинками отправили в столицу. В это время были приглашены мастера по гравюру на стали из Золингена и Клингенталя. К 1897 году в Златоусте проживало 856 протестантов и 768 католиков. В городе появилась немецкая община. Центральная улица в городе стала называться Большой немецкой улицей, была и Малая немецкая улица, действовали две церкви: евангелически-лютеранская св. Марии и католическая.

Многое сделал для развития златоустовских заводов Адольф Агте. Агте — это дворянский род, ведущий свое происхождение из Тюрингии. Адольф Андреевич в 25 лет в 1800 году был назначен управляющим Кутомарским и Екатеринбургскими заводами на Урале. С 1802 года он обер-бергпробирер Екатеринбургского горного начальства. Активно занимался научной работой в золотодобывающих отраслях. В 1817 году, когда на реке Мельковке была открыта первая в черте Екатеринбурга золотоносная россыпь. Первооткрыватели - горные чиновники Адольф Андреевич Агте и Николай Иванович Мундт. Адольф Андреевич состоял помощником начальника екатеринбургских горных заводов, в его ведении находились учебные заведения, типография, библиотека, заводское казначейство. Он заведовал амальгамированным производством, химической лабораторией, занимался извлечением золота из песков и руд. В частности, изобрел очень умную промывальную машину, которая вошла в историю под названием «бочки Агте». А Мундт был начальником Екатеринбургского монетного двора. На Мельковке они и обнаружили золотую россыпь, где и решили создать частный прииск. Но казна вовремя спохватилась. Упустить такой перспективный промысел было бы грешно. Она перекупила этот участок. Построила там золотопромывальную фабрику. 8 сентября 1817 года Мельковский прииск начал действовать. Он находился на территории современного завода «Уралтрансаш».

В 1825 году Адольф Агте послан на Златоустовские заводы для разбора претензий иностранных оружейных мастеров, недовольных деятельностью местного горного начальника. После того, как он вскрыл многочисленные злоупотребления, которые были не только на оружейной фабрике, но на Миасских золотых приисках, он был назначен горным начальником Златоустовских заводов.

Адольф Агте был не только хорошим организатором, но и исследователем края.

С 1840 по 1851 годы управляющим Златоустовскими заводами был Апполон Мевеус, позднее он управлял Луганским горным округом, преподавал в Харьковском технологическом институте. Его отец, Федор Мевеус, служил в корпусе Горных инженеров и составил описание уральских заводов.

Руководящие посты в Златоустовском округе занимали отец и сын Фелькнеры. Иван Федорович работал на заводах среднего Урала, как и его сын Михаил Иванович. Заметную карьеру сделал самый младший из Фелькнеров — генерал-лейтенант корпуса горных инженеров Федор Иванович. Он был начальником Пермских и Горноблагодатских заводов, а затем возглавлял Уральское горное правление.

На рубеже XIX-XX веков Саткинским и Златоустовскими заводами управлял Эдуард Гертум. В 1885 году сразу после окончания С-Петербургского Горного института его направили на златоустовские заводы. По его инициативе и под его руководством были перестроены две мартевские печи, в результате выплавка металла увеличилась в два раза. С декабря 1885 года он как управитель Саткинского чугуноплавильного и железодельного завода провел модернизацию предприятия.

После командировки в США в 1898 году

вернулся управителем Златоустовского завода. Благодаря произведенной Гертуном модернизации производства завод сыграл важную роль в снабжении армии в период русско-японской войны 1904-1905 годов. Талантливый инженер он построил одну из крупнейших для того времени домен, производительностью до 150 тонн чугуна в сутки.

Перечислять имена видных деятелей России немцев по национальности можно бесконечно. Но свое представление хочу закончить фамилией Николая Петровича Вагнера. Правда, в энциклопедии «Челябинск» он отмечен как «известный русский зоолог, биолог, писатель». И ни слова не говорится о его немецких корнях. Николай Петрович почти наш земляк, родился в 1829 году на Богословском Заводе Верхнетурского уезда Пермской губернии (ныне это город Карпинск, Свердловской области). Его именем в Челябинске названа улица и два переулка.

Отец Николая Петровича — Петр Иванович — был известным российским ученым профессором минералогии Казанского университета, многократно путешествовал по Уралу и составил его геогностические карты.

Сын достойно продолжил дело отца: Николай Петрович стал членом-корреспондентом Петербургской АН, доктором естественных наук, профессором. Он один из первых исследователей флоры Белого моря, автор учебника зоологии, работ по бессознательной деятельности человека, стоял у истоков отечественной научно-популярной литературы, редактор журнала «Свет», где впервые опубликовал стихи С. Я. Надсона. Литературную известность Николаю Петровичу принесли его философские произведения «Сказки Кота

Мурлыки». Он писал также рассказы, притчи, повести, романы.

В начале XX века кроме отдельных специалистов тысячи российских немцев стало переселяться на Урал. Началась столыпинская реформа и крестьяне, соблазненные перспективой получения наделов земли, устремились из европейской части России на Урал и в Сибирь. На территории нашей области такие деревни появились в нынешнем Троицком и Октябрьском районах. Так они прожили до коллективизации. После советской реформы в Троицком районе немцев почти не осталось. В Октябрьском районе немцы живут еще и сейчас.

Мне посчастливилось самому увидеть, как в Шипинке сельчане в магазине, на

ферме разговаривали по-немецки. И это был язык повседневного общения и в таких условиях он никогда бы не умер. Хотя это был язык не литературный, а немецкий диалект. В семьях 4-летние детишки свободно разговаривали и по-немецки, и по-русски.

В деревнях Шишминка, Шипинка, Барсучье немцы составляли до 90 процентов населения, жили укладом своих родителей и дедов. И из этой глубинки они проложили гладкую дорогу в Германию.

Сейчас немцы растворяются в современной людской многонациональности: теряют язык, хорошо, если хоть фамилия напоминает о национальности, с большим трудом передаются традиции.

Почему это происходит? Почему растеряны те прекрасные традиции немцев, которые позволили им занять достойное место среди российских народов?

Виктор Гринмаер

ЗНАМЕНИТОСТИ

Чудесное путешествие

«Чудесные воспоминания остались у нас от путешествия вдоль линии расселения казаков... К югу от Магнитной Уралом называется западная цепь, продолжение Таганайской и Уренгойской цепи на широте Кизильской».

А. Гумбольдт. «Письма»

Александр фон Гумбольдт любил путешествовать. Будучи человеком, широко образованным, увлеченным и увлекающимся, он во время своих странствий изучал всевозможные явления природы, историю людей, населяющих те страны, в которых он бывал, животный мир, растительность разных климатических зон, географию. Последняя была особой его любовью. Из всех путешествий, помимо многочисленных ящиков с образцами минералов, камней, гербариев, чучел, он привозил кипы карт, составленных, переработанных и исправленных.

Южный Урал Гумбольдт и его спутники, среди которых были химик и геолог Густав Розе, естествоиспытатель Христиан Готфрид Эренберг, сами по себе знаменитые учёные, посетили в

конце лета 1829 года, после продолжительного путешествия через всю европейскую Россию, Средний Урал, Сибирь, Алтай, Западный Китай, Восточный Казахстан.

Вернувшись в Екатеринбург и отправив в российскую столицу огромную коллекцию собранных минералов и горных пород, путешественники предприняли экспедицию вдоль Уральского хребта на Юг.

По прибытии в Златоуст, спутники Гумбольдта и местные промышленники составили «заговор» — они разузнали, что знаменитому учёному исполняется 60 лет. Не отметить такую дату, кажется забытую самим именинником, было бы грешно.

Накануне именин путешественникам устроили

незабываемую поездку на гору Большой Таганай. Перед учёными и сопровождающими их поклонниками открылась величественная панорама бескрайней горной страны. Живописные скалы перемежались с густо заросшими долинами. И, даже, многие вершины, были покрыты богатой растительностью. Всё это, под предосенним августовским небом, казалось сказкой. Многие деревья ещё были окрашены всеми оттенками зелени, другие были уже жёлтыми или красными. Фоном служили скалы или ковёр из трав и опавшей листвы. Кое-где небо отражалось в водной глади ручьёв и озерцов, толи природных, толи образовавшихся после недавних дождей.

Всё подобное, однажды увиденное, очаровывает и запоминается до конца жизни.

В городе имениннику устроили приём в честь его юбилея. Столы ломились от яств, в основном местного свойства. Солёные грибы, уральские пельмени, запеченная дичь, кумыс. Златоустовские металлурги преподнесли Гумбольдту саблю из русской стали с памятной гравировкой. Среди награждавших присутствовал местный умелец, потомственный оружейник молодой Даниэль Шнейдер, которого уже называли здесь уважительно Данилой Ивановичем.

Через день, в Миассе, чествование учёного повторилось. Здесь великому учёному вручили бесценный подарок — коллекцию шлихтового золота, которое было добыто на семи рудниках в окрестных горах. Гумбольдт принимал подарки сдержанно, но с большой благодарностью, имея их в виду как объекты для изучения. Позже он с теплотой описывал свои встречи с россиянами.

Одна из таких встреч состоялась в Миассе. Корифей учёного мира познакомился с молодыми геологами, российскими немцами Э.К. Гофманом и Г.П. Гельмерсеном, единомышленниками и друзьями. Побеседовав с ними, и выяснив, что они прекрасно изучили эти края и могут принести пользу экспедиции, он попросил сопровождать его до Оренбурга. Получив разрешение от своего начальства, молодые люди, польщённые вниманием и доверием большого учёного, охотно согласились и работали с ним до окончания экспедиции по Южному Уралу.

х х х

6 сентября 1829 года в крепости Магнитной был большой праздник, которого здесь ожидали давно, — в крепость прибывала знаменитая экспедиция, весть о которой пришла ещё весной.

Улицы крепости были чисто выметены, дома заново побелены, заборы подновлены, овцы, и свиньи с улиц отправлены в загоны и стойки. Даже гусей и кур постарались убрать с центральной улицы, а собак привязать во дворах.

Гарнизон крепости — солдаты и казаки, возглавляемые полковником Мистровым, готовились к торжественному приёму гостей.

На церковной площади Магнитной собралось, мало не всё, население крепости. Прискакавшие от редута Смелого дежурившие там молодые казаки, сообщили, что гости на своих экипажах приближаются. Полковник подал команду к построению и вышел на середину площади. В считанные секунды все заняли свои места и замерли в ожидании.

В конце улицы показались экипажи. Когда до них осталось около сотни шагов, комендант зычным голосом подал команду к вниманию и равнению, хотя и так уже стояла чуткая тишина.

По-стариковски кряхтя, Гумбольдт покинул рессорную тележку, в которой преодолел в этот день не ближний путь от самого Верхнеуральска, сделав в пути всего две остановки. Одну в Смеловске и вторую, недалеко отсюда, на берегу ручья Кремнёвого, где он разминался и осматривался, пока помощники на быстроногих конях поднимались вверх по ручью, до видневшейся недалеко горки, отличавшейся от других своими белыми обнажениями.

Увидев, что они возвращаются, он забрался в повозку и дал знак — ехать. Образцы породы, взятая на горе, он рассмотрит по пути и на следующей стоянке. Получив описание, каждый камушек найдёт своё место в сундуках и ящиках, специально заказанных и перевозимых вслед за ним. По мере наполнения ящиков, члены экспедиции, тщательно уложив и снабдив описью, отправляют их в далёкий Петербург. Именно оттуда, приехав из Германии весной 1829 года, экспедиция, приглашённая российским правительством, и отправилась исследовать территорию России.

В верховьях реки Урал, экспедиция появилась уже уставшей, проехав до этого более десяти тысяч вёрст, побывав в Сибири, доехав аждо Китая.

Путешествие вдоль Уральского хребта имело большое значение, требовалось авторитетное заключение о богатствах края, которые в той или иной мере в разных частях уже исследовались некоторыми учёными и экспедициями. Присоединившиеся в Златоусте молодые местные учёные Гофман и Гельмерсен уже второй год обследовали те места, которые в ближайшие дни предстояло пройти Гумбольдту. Они оказали ему неоценимую помощь.

Уральцы были наслышаны о знаменитом путешественнике и учёном, к тому же, ещё весной, во все местности, где должен пролегать путь экспедиции, были направлены распоряжения о достойной её встрече и оказании помощи и почестей. Было известно, что в пути следования учёному исполнится 60 лет — почтенная дата. Это ещё более подогрело интерес, — какой местности повезёт поздравить юбиляра?

Екатеринбуржцам не удалось задержать у себя учёного на несколько дней — он спешил завершить путешествие до наступления холодов, к которым он относился уже с известной опаской. Как-никак, о сибирских и уральских морозах в Европе ходили легенды. Да и календарь движения был расписан по дням и, чуть ли не по часам, по-немецки регламентировано.

Повезло Златоусту, — юбилей произошёл в этом городе мастеров по заслугам. И юбиляра, и города. Местные мастера вручили уважаемому человеку своё лучшее изделие — саблю. Коллекция увеличилась богатейшим пополнением из местных минералов и образцов пород. На следующий день, в Миассе, как мы знаем, тоже не ударили в грязь лицом. И так — на протяжении всего дальнейшего пути.

Комендант крепости, полковник Мистров, зная, что едет очень знаменитый человек, задолго до встречи, построил солдат, собрал

всех казаков и приказал сделать из станицы, или — крепости, как она тогда ещё официально называлась — картинку.

Приказ есть приказ. И будь ты хоть трижды казак, человек своенравный и как бы — независимый, а приказ полковника и возможность блеснуть перед иностранными, столичными и городскими гостями, заставили всех засучить рукава. Ещё в последних числах августа все заборы и дома были побелены, окна и двери покрашены или побелены. Даже крылечки, обычно черневшие под осадками и палящим солнцем, удостоились прикосновения кистей. Просторные дворы, открытые всем ветрам, были выметены до удаления с них даже куриного помёта. То же проделали и на улице, перед каждым домом, не говоря уже о казённых местах.

В день приезда гостей, 7 сентября, центральная улица посёлка и площадь были непривычно для этого времени года праздничны от чистоты и нарядов населения, которое поголовно вышло навстречу. Казаки почистили все медные детали обмундирования и сбруи лошадей, так, что они сверкали на солнце. Женщины вырядились в самые лучшие, праздничные одежды. Приодели и детей со стариками. Всё выглядело в высшей степени благопристойно.

Прискакавшие казачата, встречавшие поезд из трёх повозок у самого Смеловска, сообщили, что гости на подъезде, проехали мостик через ручей Кремнёвый. Только улеглась пыль, поднятая вестовыми, как на горизонте, через северные ворота, стала видна процессия. Кони шли лёгкой рысью было видно, что они не очень притомились, будучи впряженными в Верхнеуральске, в повозки, прошедшие дальний путь по неезженным просторам огромной страны.

Итак, Гумбольдт, кряхтя, покинул свою повозку. Из подъехавших экипажей вышли гости, спешили Верхнеуральцы со своим командиром. Комендант чётко отпартовал Гумбольдту, провёл его вдоль строя своих храбрых подчинённых, познакомил с офицерами и пригласил на обед.

Магнитцы блеснули хлебосольством, пирогами, рыбой, ягодой, грибами и прочей снедью. Гумбольдт, по обычаю всё попробовал, но ел

как всегда очень мало. Хозяева не знали, что и подумать, пока им не объяснили привычку гостя не предаваться чревоугодию.

Передохнув после сытного обеда, все вышли на берег Урала, полюбовались природой и решили съездить на левую сторону, посетить гору Магнитную. Тем более, что это было в планах экспедиции. Тут же подкатили лёгкие телеги. Усевшись в них, покатали из крепости.

Поднявшись в гору, все невольно залюбовались открывшейся перспективой. На восток и юг простиралась холмистая, бескрайняя степь, в которую устремляла свои

воды река. Но особенно живописным был вид на запад. Сразу за рекой простиралась степь, взбегающая на небольшие холмы и спускающаяся в лога и долины ручьёв и озёр. Вдали поднималась в дымке гряда Уральских гор. Над всем этим взмывало высокое безоблачное небо, с которого сияло яркое, нежаркое уже, осеннее солнце.

Члены экспедиции, налюбовавшись пейзажами, не удержались от своих дел и увлечений, разбрелись по склонам, собирая образцы камней и растительности.

Удовлетворённые экскурсией, все вернулись в крепость и стали прощаться перед отъездом. Ночлег было намечено организовать в Кизильской. Поезд двинулся на юг, выехав из крепости через Оренбургские ворота, над которыми была устроена бревенчатая сторожевая вышка. Влево и вправо от ворот возвышались крепостные стены, сложенные из брёвен, установленные поверх земляного вала, который и служил первоначально защитой крепости. Снаружи вдоль стен был выкопан ров, через который переброшен мостик.

Телеги прогрохотали по мостику и растянулись по пыльной дороге. Комендант крепости верхом на своём любимом коне сопровождал гостей до Янгельского редута.

Путь Гумбольдта лежал до Орска, Оренбурга и Астрахани.

Великий путешественник продолжал свой путь, несмотря на преклонный возраст и недуг спины.

2000 г.

Привороженные Уралом

Правительство Николая I очень интересовали месторождения золота. Казна нуждалась в пополнении своих закровов этим благородным металлом. В разные концы империи напавлялись экспедиции на поиск природных богатств. Урал в списках министерства финансов стоял на первом месте. Здесь золото добывалось издавна. Западный и Средний Урал были освоены основательно. Добытое там золото измерялось не пудами, а тоннами. Но расходы постоянно росли, и на их покрытие не хватало того, что добывалось на давно обжитых территориях.

Но на Урале имелось ещё много таких мест, где людей жило мало, где природные ископаемые только-только изучались, но использовались ещё незначительно или вообще лежали нетронутыми по причине их удалённости от городов и дорог. Одним из таких углов была территория, приле-

гающая к горе Магнитной.

Сама гора была известна давно, вокруг её громадных богатств шли споры. Многих завораживало, изумляло это природное чудо. О качестве и количестве железной руды в горе ходили легенды.

Уже около ста лет гору Магнитную посещали знаменитые учёные. Они увозили с неё свои впечатления, расчёты и образцы, взятые с её поверхности и из глубин, до которых добивались ещё рудокопы древности. А в последние годы руду с её поверхности и из копей брали и для Белорецкого завода.

Все были согласны с тем, что богатства горы несметны и самым лучшим было бы построить завод у её подножия. Беда заключалась в отсутствии транспортных путей и удалённости от неё углей. Даже древесный уголь пришлось бы везти

издалека к горе стоящей среди степей.

Река Урал, протекающая в южном направлении у подножия горы, является большим благом — это вода, необходимая не только людям и животным, но и металлургическому производству. Как транспортную артерию Урал никогда не рассматривали. Он узок и мелок, разливаясь ненадолго и то не каждый год только в половодье, по нему невозможно ни сырьё подвезти, ни готовый металл отправить на другие заводы, находящиеся в основном на севере и на западе.

Но есть ли в этом районе золото? То, что оно здесь вообще существует — сомнений не вызывает. Попадает, оно и среди многих проб, привезённых отсюда учёными. Но достаточно ли его для того, чтобы организовать его добычу?

Выяснить этот важнейший вопрос — вот главная задача, которую поставили в мае 1828 года перед двумя молодыми учёными геологами Эрнстом Гофманом и Григорием Гельмерсеном.

Чтобы учёным легче работалось, в Златоуст горному начальнику тамошних заводов Аносову была дана команда — прикомандировать к ним двух «благонадёжных» мастеров, знающих шурфование и промысловые производства. Эти мастера из Миасса сослужили молодым учёным хорошую службу.

А уж, какую службу они сослужили казакам, охранявшим экспедицию! Казаки с интересом наблюдали как учёные и мастера из грязи степных и горных речек выуживали крупинки золота. Эта наука сослужила им впоследствии, когда им разрешили, благодаря старательству, пополнить своё благосостояние.

Экспедиция Гофмана и Гельмерсена тщательно обследовала реку Урал от Оренбурга до самого её истока. По пути учёные обследовали и изучили территории, прилегающие к Сакмаре, Большому Ику. Перевалив через горы, они оказались у крепости Кизильской. Теперь путь лежал вверх по Уралу.

Золото золотом, но настоящий геолог не пройдёт мимо любого другого минерала. Особенно если он молод и любознателен. А как же пройдёшь мимо «железной горы Магнитной», о которой в учёном мире столько толков и споров? Здесь они застряли надолго. Изучению горы они посвятили не один день.

Молодые учёные, ещё учась в институте, пристрастились к чтению «Горного журнала», и теперь, оказавшись в таком богатом горном краю, они регулярно писали статьи о результатах своих исследований для любимого издания. Изучив образцы, взятые с Магнитной, они написали: «руда сия богата и разработка оной легка». - От этого своего вывода они не отрекутся и в будущем.

Золота нашли пока не ахти как много, а старательство пока не поощрялось, да и левый берег Урала был пока доступен только крепкой вооружённой охране. Но ничто не проходит бесследно. Через пару десятков лет после этой экспедиции в районе Магнитной уже наблюдалась настоящая «золотая лихорадка».

А пока ученым до всего было дело — юношеский максимализм, настоящая умственная «всеядность» толкали их на настоящие подвиги. Надо отметить, что для этих двух людей излечение от такой «болезни» не пройдёт до преклонного возраста. Они с жадностью, как будто их завтра

отсюда попросят удалиться, описывали горы, леса, реки, степи, население и хозяйственную деятельность людей.

В первый год работы экспедиция успела дойти до Верхнеуральска и совершила множество радиальных походов во все стороны: в «киргизскую степь» — на восток, в глубь Башкирии, до Белорецка и вниз - по Белой — на запад. Они облазили все реки и горы, леса и степи и в конце лета вновь оказались в крепости Магнитной.

Завершили они свой трудный, но интересный год уже в Орске. 1829 год оказался не менее познавательным, интересным и трудным.

- Нынешним летом пойдём теми же местами, но по новым маршрутам предложил Григорий, прочитав вновь задание и результаты прошлогодних изысканий.

- Я тоже так думаю, - поддержал его Эрнст, - здесь ещё непочатый край работы, и чем больше в неё углубляешься, тем отчётливее видно: нет предела в изучении даров природы, каждая пядь земли хранит свои тайны, а открыть их — наша задача.

Друзья дружно взялись за дело, и второй сезон их совместной работы на Южном Урале порадовал новыми открытиями. Их имена становились всё более известными, к ним относились с всё большим уважением, внимательно читая их статьи и отчёты о проделанной работе.

Сентябрь 1829 года подарил молодым учёным неслыханный сюрприз. По России совершал грандиозное путешествие великий учёный с мировым именем Александр Гумбольдт со свитой учёных первой величины.

Задача Гумбольдта состояла в том, чтобы осветить своим авторитетом, закрепить своим весомым словом все разрозненные исследования и открытия разных учёных, геологов, естествоиспытателей, как российских, так и иностранных. Он проехал по Российской империи от Петербурга до китайской границы. На обратном пути, добравшись до Екатеринбурга и отправив в столицу огромную коллекцию собранных экспонатов, он решил внимательнее осмотреть некоторые места на Урале. Он отправился на юг вдоль хребта, останавливаясь в самых интересных точках.

Вот здесь-то и перекрестились пути-дороги молодых российских учёных Гофмана и Гельмерсена с мировой знаменитостью. Случилось это 1 сентября в Миассе. Им удалось обратить на себя его внимание, и он счёл нужным пригласить их для сопровождения его экспедиции до её окончания. Они, естественно, с благодарностью приняли это приглашение. Ничего не имело против такой чести для соотечественников и местного начальство.

По окончании экспедиции, вспоминая весь пройденный путь, Гумбольдт писал одному из своих корреспондентов «Доктор Гофман и доктор Гельмерсен, которые сопровождали нас, очень приятные, знающие молодые люди, дали нам много разъяснений по геогностическим условиям Южного Урала».

Особенно много разъяснений они смогли дать корифею в районе горы Магнитной и на ней самой, куда они всем табором взобрались 6 сентября. Такого сгустка интеллекта в одном месте на своих склонах одновременно гора ещё не знала. Кроме самого шестидесятилетнего Гумбольдта и двух российских геологов здесь

были такие выдающиеся учёные как натуралист, профессор Берлинского университета Эренберг и минералог, доктор философии, профессор Розе. Помимо того, здесь же присутствовали и ряд других лиц, которые, если приехали бы не в свите, а сами по себе, смогли бы обратить на себя довольно пристальное внимание, почести и парадную встречу.

Кавалькада, переехав реку Урал, поднялась в горы. Здесь было чем поживиться всем и каждому. Солидные люди бросились подбирать камушки, срывать и выкапывать растения, ловить жучков и мотыльков.

Образцы породы рассматривались с большим интересом и складывались в ящики. Все единодушно соглашались в несметном богатстве этих гор необходимости дальнейшего изучения и освоения края.

Эренберга заинтересовали флора и фауна склонов и распадков горы. Несмотря на начало осени, растительность ещё жила, вызревая и подготавливаясь к суровой зиме. Насекомые и птицы, пресмыкающиеся и грызуны — всё это ещё вело активный образ жизни, используя последнюю тёплую пору.

* * *

Это посещение Гофманом и Гельмерсенем Магнитной горы стало третьим, но не последним. В будущем они ещё не единожды побывают здесь и вместе и по отдельности.

Эрнст Карлович Гофман не расстанется с Уралом всю свою жизнь. Уже, будучи профессором Петербургского университета, директором императорского минералогического общества он исследовал Средний и Северный Урал. Ему принадлежит честь открытия той части Заполярного Урала, что называется Пай-Хой. Это на Югорском полуострове. Он доказал, что Вайгач и Новая Земля — продолжение Урала.

Исходя в вдоль и поперёк Югорский полуостров по зыбкой тундре и по щебенчатой россыпи склонов Пай-Хоя, найдя здесь многие полезные ископаемые от каменных углей, на обширных просторах вдоль речек Уса и Воркута, до плавикового шпата на берегах лагуны с поэтическим названием Амдерма.

Короткое заполярное лето с солнцем, катящимся по кругу и не заходящим за горизонт более месяца, заворожило ученого, и он уже никогда не забывал этих отрогов, по которым бегают, не боясь человека, песцы, имеющие в это время года малопривлекательный внешний вид. А разве забудешь эти безымянные озёра и протоки между ними, кишачие всевозможными видами редких рыб, среди которых хариус не самая почитаемая.

Несколько раз экспедиция выходила на берега рек Кара и Каратаиха, несущие свои воды: одна — в Байдарацкую губу Карского моря, а другая — в Хайпудырскую губу Печерского моря.

Один из маршрутов пролегал от устья Кары на северо-запад вблизи моря. Берега то резко обрывались в воду, то образовывали многокилометровые песчаные пляжи, поражающие чистотой песочка. Пляжи эти заливаются морскими приливами, смывающими накопившийся мусор и разравнивающими их поверхность. Иногда после прилива на берегу остаются интереснейшие предметы неведомо как оказавшиеся в море.

Растительность в этих местах изобилует раз-

нообразием и своеобразием произрастания.

Карликовые берёзки, ивы и другие деревца на южных склонах и особенно в распадках, где зимой накапливается снег, а летом на пару месяцев сходит, растут довольно дружно и, даже, поднимаясь над поверхностью почвы до полуметра, а где и более. На вершинах же холмов и продуваемых ветрами склонах они стелются по земле так плотно, что оказываются вжатыми в неё.

Не менее интересно наблюдать травы и цветы. На открытых участках они низенькие, соцветия миниатюрные, как бы ненастоящие. Вот она, ромашка, и всё-то у неё при месте, но размеры цветка не больше детского ноготка. Зато её сестрица, выросшая в нескольких шагах от первой, но на пригретом солнцем склоне, защищённая от холодных ветров выносит к солнцу цветок с кофейное блюдце.

Любит Эрнст Карлович, забравшись на вершину приморской горы полюбоваться ледяным безмолвием студёного Карского моря, самого холодного в пределах Ледовитого океана. Льды к середине лета начинают отступать от берегов и вдоль них с этого времени вполне возможно судоходство. Но это хрупкая возможность. Бывают периоды, когда студёный северо-восточный ветер, самый неприятный в этих местах, не даёт льду далеко отойти от берега, а то и напротив, подгоняет его ближе.

Каждый ручей, текущий из тундры образует, приближаясь к морю, лагуну, для преодоления которой приходится прилагать немало усилий. В такой лагуне всегда всегда мигрирует рыба, то, заходя из солёного моря в пресную воду, то, возвращаясь обратно. Перегородив поток сеткой можно быстро наловить немалое её количество.

Преодолев несколько лагун, пройдя по изыщным пляжам никогда не используемым по назначению, перебравшись через скалы, россыпи щебёнки и зыбучие долины, экспедиция оказалась в самой северной точке Югорского полуострова. рядом, за узеньким проливом, возвышается маленький островок, а слева уходит далеко на север берег острова Вайгач, отделённого от материка проливом Югорский Шар.

А дальше на север уходит грандиозная горная гряда, вырастающая из Ледовитого океана и отделяющая Карское море от моря Баренцева — Новая Земля.

После долгого и тщательного изучения всех рельефов местности Гофман приходит к выводу, что Уральские горы, начинающиеся в «киргизских» степях, опоясывая землю с юга на север — Мугоджары, Южный, Средний, Северный, Приполярный, Полярный Урал, Пай-Хой, острова Вайгач и Новая Земля — составляют единую горную систему, то понижающуюся, то вновь вздымающуюся над окружающей местностью.

Эта картина стала особенно отчётливой и бесспорной после открытия Эрнстом Карловичем берегового хребта Пай-Хой, а ещё ранее — тщательного изучения других частей Уральского хребта.

Вторая Уральская экспедиция Гофмана длилась с 1845 по 1850 год. За эти годы он исколесил огромную территорию с её разнообразнейшей природой, от непроходимой тайги на северо-восток от Соликамска, в верховьях Печоры, до тундры в низовьях Оби и голых скал, покрытых

только мхом в расщелинах на Северном острове Новой Земли.

Эрнст Карлович вспоминал начало своей работы, после окончания института, на Южном Урале с его лесами и степями. Как быстро пролетели эти двадцать лет, и как много удалось увидеть и узнать за эти годы.

Вторая экспедиция для учёного оказалась самой значительной. К нему пришло настоящее признание. Его книга по итогам этой экспедиции «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой», вышедшая через год после окончания работы в двух томах, была удостоена Большой золотой медали Российского географического общества и половинной Демидовской премии.

Через три года генерал-майор Гофман отправился в свою третью экспедицию на Урал. В этот раз он работал на Северном, Среднем и Южном. Эту шестилетнюю экспедицию он посвятил изготовлению точных геологических и топографических карт.

Не удержался он конечно и от своей страсти юности — разведки новых месторождений. И эта

экспедиция принесла огромную практическую пользу.

Урал не отпускал Гофмана до конца жизни. Уже, будучи на заслуженном отдыхе, он в чине генерал-лейтенанта в 1864 году совершил свою последнюю поездку на Южный Урал.

Гофман долгие годы был профессором Петербургского университета, директором императорского минералогического общества, сочетая свои путешествия, географические открытия с преподаванием в Университете.

Его друг юности, Григорий Петрович Гельмерсен, тоже, будучи как большинство российских немцев, пассионарной личностью, сделал ещё большую служебную карьеру, он стал профессором при институте корпуса горных инженеров, академиком, генерал-лейтенантом, директором горного института. Он тоже удачно сочетал педагогическую работу в высших учебных заведениях с экспедициями по изучению многих районов России, в том числе Урала.

Июнь 2001г.

С особым поручением

Почти в каждую поездку по губернии губернатор в составе свиты брал с собой своего чиновника особых поручений. Но чаще он отправлял его со своими поручениями и исключительно широкими полномочиями в разные уголки довольно обширной территории. Нередки были случаи, когда они ехали вместе, живо общаясь и обмениваясь впечатлениями от увиденного.

Взаимоотношения этих двух замечательных людей, Перовского Василия Алексеевича, дворянина, кавалерийского генерала, руководителя огромного края и Даля Владимира Ивановича, моряка, врача, строителя, писателя и учёного складывались очень счастливо: требовательность губернатора и дисциплинированность, сознательная исполнительность его помощника весьма сочетались.

Их содружество было совершенно кстати — дел в губернии, как это обычно бывает в России, был непочтатый край. Степные районы нуждались в лесонасаждениях, границу с реки Урал пора настала переносить поглубже в степь, на восток вёрст на сто-двести, землепашество повсеместно влачило жалкое существование и было ещё в зачаточном состоянии, особенно в крепостях и казачьих станицах.

Всё нужно было самому увидеть, везде поспеть. И они ездили и ездили, и вместе, и поврозь. В западной части губернии и вокруг Оренбурга в некоторых селениях их порадовали зачатки образцового земледелия в помещичьих владениях и на наделах немецких колонистов, которым недавно высочайшим повелением разрешили переселиться сюда из перенаселённых поволжских и причерноморских колоний и создать здесь, так называемые, «дочерние колонии».

Разительно отличались от западной части, территории с преобладающим степным ландшафтом к востоку от губернского центра до самого Орска и далее за ним в киргизской степи, а также к северу от этой крепости, вверх по реке Урал, где крепости и редуты, заселённые солдатами

и казаками, очень медленно обживали окружающие их степи. Здесь разводили в основном небольшие огороды внутри крепостей подле домов, да кое-где в поймах рек. И выращивали преимущественно капусту, морковь, огурцы и лук. Но даже этих овощей — не всегда имелось в достатке. А злаковые культуры, как пшеницу и рожь для провианта, и овёс для фуража пока сеяли далеко не повсеместно.

10 июня 1837 года Владимир Иванович встретил, уже уставшим от утомительной поездки из Оренбурга к северной границе губернии навстречу наследнику престола, великому князю Александру Николаевичу и обратного пути уже сопровождающая сиятельную особу по маршруту его путешествия. Оно бы ничего и проехаться, как остальные члены свиты и сам наследник, отдыхая в приготовленных для такого случая местах в крепостях или прямо на живописном берегу озера или реки, устроив походный бивак и раскинув шатры. Но Даль на правах хозяина территории обязан был давать своевременные распоряжения по организации преследования кортежа и, кроме того, давать исчерпывающие пояснения обо всём встречаемом сановным особам.

Приближалась середина лета. Стояла жара, вездесущие насекомые, неподвластные никому, даже такому высокому начальству, досаждали, как всегда об эту пору года, не только лошадям, возницам, верхоконной охране, но и норовили при случае ужалить самого Александра. И нет никакой гарантии, что ужаленный мухой начальник не сорвётся с катушек и не начнёт сносить головы окружающим, особенно местным, вроде бы отвечающим за всё здесь происходящее, лицам.

Въехав в Магнитную Даль обратил внимание на то, что скотина вся угнана, как он и учил, далеко в степь в распадки к ручьям и озерам, с улиц убраны все нечистоты, весь навоз, копящийся обычно годами, выгребные ямы посыпаны извёсткой, как он указал по пути на север. Эти

меры значительно сократили наличие в посёлке мух и прочих насекомых. Как врач по образованию и многолетней практике, он всегда следил за санитарным состоянием, а как бывший военный моряк — требовал порядка. Особенно в таких случаях, как сегодня.

Трудно бороться с привычками людей, норовящих всё делать по старинке, сорить на ходу, выливать помои прямо на улицу, чуть ли не себе под ноги, не убирать годами в стайках под скотом. Доходит у некоторых горе-хозяев, до того, что подстилка и в стайке и в загоне превращается в грунт и вырастает до такой степени, что несчастным коровам приходится проползать в двери чуть ли не на коленях, обдирая себе спины. Да и внутри коровника — упираются рогами в потолок.

Во всё приходится вмешиваться, навлекая на себя недовольство, обиды нерадивых домохозяев.

Но к приезду наследника престола магнитцы, как и жители других селений постарались, на замечания чиновника не роптали, все указания выполнили исправно: почистили, помыли, лишнее барахло сожгли вместе с мусором, а навоз вывезли на огороды и поля, сложили по краям своих наделов. Теперь, после уборки урожая, разбрасают и запашут. После всей этой работы и мух значительно убавилось.

Всем этим заниматься бы регулярно, особенно зимой, по санному пути, когда другой работы поменьше. Сразу бы разбрасывать удобрение тонким слоем по участку, чтобы с талой водой соки впитывались в почву. Но не всё у нас делается как лучше, а чаще — абы как. Но уж замечаний нам не делай! Обидимся смертельно, особенно если поучать возьмётся кто-нибудь приезжий, городской или иногородний.

Владимир Иванович был человеком деятельным, никто никогда не видел его праздно проводящим время. Даже просто разговаривая с

кем-то, он анализировал речь собеседника. Он не избегал общения, наоборот искал повод, чтобы заговорить с каждым встречным. А если вдруг он слышал, что человек произносит какие-то интересные слова, вступал с ним в долгое общение, записывая многие слова, вникая в их смысл, расспрашивая об оттенках их значения.

Даля всегда интересовало то, откуда данный человек родом и все ли в их местности говорят так же, на данном диалекте, и нет ли в нём других слов обозначающих данное явление. Специально просил произносить какие-то слова на том наречии, который собеседник знает. И никто не удивлялся, все понимали, что перед ними не просто чужак, любопытствующий ради праздности, а учёный, занятый серьёзным делом и чувствовали себя причастными к этому делу.

Оренбургская губерния была для его изысканий кладёзем познания, так как здесь собрался народ со всей России. Люди привезли сюда свои привычки, свой особенный язык.

Помимо, собственно, служебных обязанностей Даль писал свои книги и закладывал основу для своего основного труда всей жизни «Словаря великорусского языка».

Не проходил он и мимо явлений природы, записывал их, описывал растения и животных. Ему в этом помогали и учёные-естествоиспытатели, изучавшие край и обращавшиеся к нему за помощью по вопросам организации экспедиции.

Интересным оказалось его сотрудничество с учёным Эдуардом

Александровичем Эверсманом, который писал свои труды на немецком. Владимир

Иванович взялся перевести их на русский язык. Эта работа дала ему многое, он изучил, по ходу переводческой работы, флору и фауну края, что помогло ему впоследствии при написании школьных учебников по этим наукам.

2002г.

Лекарь Фридрих

Молодой московский царь Иван Васильевич, младенцем заступив на престол, очень рано вкусил все прелести своего положения. До поры до времени, по молодости, терпя самовластие бояр, он однажды, не достигнув ещё и пятнадцати годков, вдруг взбрыкнул и, одного за другим убрав от себя, избавился от самых одиозных фигур, не взирая на их родовитость, припугнув этим остальных. Кого-то он лишил «живота», кого-то — имения, иных отправил то ли в острог, то ли на «правёж», то ли на дыбу.

В последующем он легко приближал к себе людей и так же легко от них избавлялся.

Иногда возле царя оказывались люди безродные, а то и вовсе — инородцы. Царь, не без оснований, полагал, что такие люди и служат вернее, не имея не то что опоры среди именитых, но и их сочувствия в случае царской немилости. И избавиться от них не будет стоить никакого труда, даже напротив — такое действие будет неизменно приветствоваться окружением, которое во все века ревниво переживало рост человека не их круга. Будь он хоть семи пядей во лбу, умелец и храбрец, бескорыстный воин,

или талантливый хозяйственник и предприниматель, но если ему не повезло с родословной, звучанием фамилии, цветом глаз, формой носа — ему не сдобровать!

Найдётся на такого выскочку вина и управа, найдутся свидетели никогда неслезанных слов и никому неведомых деяний, и покатится, в худшем случае, голова, а в лучшем — коляска, увозящая незадачливого в ссылку или эмиграцию.

Примеров тому в нашей истории мириады.

Подвиг инородца можно и замолчать, «забыть», и не считать за подвиг.

Царь Иван Васильевич скоро увидел ту пользу, которую Московии приносили немцы. Ещё во время царствования его отца и значительно раньше. Они и строили, и торговали, и лечили. Они были рудознатцами и литейщиками. Они были искусными зодчими, храбрыми воинами и удачливыми земледельцами. И всё делали без суеты, основательно, надёжно. Иметь таких подле себя было выгодно.

х х х

Лекарь Фридрих Грасмайер перебрался в

Московию в последний год правления государя Василия III. Занимая небольшое помещение на речке Неглинной, принадлежавшее одному из думных дьяков, он занялся лечебной практикой за умеренную плату. К нему, как и к другим немецким лекарям, каких уже немало было на Москве, обращались за помощью в первую очередь иноземцы и некоторые, наиболее просвещённые и именитые москвиты из молодых.

Простой люд, да и многие из дворян, особенно старые, предпочитали обращаться к знахарям, костоправам, заговорщикам, которые нередко добивались успеха благодаря удачно подобранным снадобьям из трав, цветков, мёдов и соков.

Фридрих, имевший в своём багаже знания европейского лекарства, с интересом относился к местным приёмам излечения болезней и травм. Он видел их положительные результаты, но приходилось сталкиваться и с пагубными действиями некоторых целителей, особенно из тех, что не признавали целебности самих снадобий, а больше уповали на заговоры. Такие горе-лекари шарахались от немцев и не допускали их до своих «секретов». Но пытливый ум Фридриха, или Фёдора, как его здесь именовали, докапывался до понимания методов и приёмов лечения этими людьми окольными путями. Ему часто приходилось лечить тех, кто поначалу попадал в руки к какому-нибудь шептуну. После того как болезнь оказывалась запущенной настолько, что бедняге становилось уже не страшно пойти за помощью хоть к дьяволу, не то, что к немцу, он шёл к нему.

Расспросив больного и его родных, чем и как лечил предшественник, Федор приступал к лечению запущенной болячки, которую вместо того, чтобы просто прочистить и смазать целебной мазью, «заговаривали» и посыпали какой-нибудь дрянью, к примеру, просушенными и истолчёнными остатками жизнедеятельности такого зверя, как медведь.

Легче было исправить ошибку при лечении раны, если воспаление не успело проникнуть вглубь, испортить кровь. Но совершенно удручающими были последствия варварского лечения внутренних болезней. Фёдор чувствовал, что мог бы помочь некоторым, обратись они к нему в начале недомогания, но не всё мог и он. Знания по медицине и в Европе были ещё не достаточно совершенными.

Недоверие к немцам-лекарям усугублялось не только тем, что к ним зачастую обращались безнадежно больные, но и тем, что некоторые, приехавшие из Европы в дикую, как они считали, страну, не имея медицинского образования, а только представления о ней, называли себя целителями болезней и приступали к практике. Документов здесь никто не требовал. Результаты от «лечения» этими невежами иногда оказывались ещё плачевнее, чем от действий местных бабок.

Фёдор на совесть старался использовать не только европейские знания, но и то, что ему казалось полезным из местного опыта. Его интересовали, например, некоторые местные сборы трав, цветов и других компонентов используемых здесь снадобий. Некоторые оказались схожими с теми, что он уже знал, а другие были для него новыми, но принимал он их после тщательного

изучения и апробирования.

Гуляя по городу, Фёдор часто видел молодого царя Ивана IV и удивлялся поначалу, что этот чумазый и капризный мальчишка, которого все именуют «батюшкой», а он при этом проказничает, чувствуя свою безнаказанность, является здесь государем, и все указы выходят под его именем.

С годами царь становился взрослее и всё замкнутее, но, как поговаривали все вокруг, он, несмотря на свой довольно юный возраст, по наущению ближних бояр, ударился в блуд. Сначала ему, едва перевалившему за дюжину лет, подослали молодую, но опытную любовницу, обучившую его всему, чему могла, а потом он уже сам выбирал себе ту, которую хотел.

х х х

На Москве случился страшный пожар. Выгорело почти всё, даже в Кремле почти ничего не осталось. Сгорело и жилище Фёдора. Спасти удалось только то, что одел на себя, да лекарскую сумку, где находились все его инструменты, да самые ценные снадобья. Все его большие запасы трав, засушенных и завяленных, развешенных по углам и уложенных в тесках и банках, поглотило ненасытное пламя.

Покидая Москву, вместе с местными жителями, Фёдор Иванович добрался до Воробьёвых гор, где встали уже лагерем многие его знакомые. Здесь располагалось и большинство знатных московских людей. Работы у Фёдора стало много: ожоги, угары, ушибы, переломы. Спать удавалось только урывками.

Однажды Фёдору Ивановичу сказали, что указом царя он назначается личным лекарем самого митрополита, которого еле спасли из огня и сильно ушибли, уронив при эвакуации с каких-то лесов, когда преодолевали кремлёвскую стену.

Фёдор Иванович обрадовался, что его заметили и доверили лечить такую важную особу, но и беспокойство охватило его. Как же, митрополит даже на царя покрикивает, когда недоволен им.

Фёдор Иванович оказался не единственным лекарем при митрополите. Он знал их, своих коллег, все они имели хорошую репутацию. Одним из них был Иоганн, которому суждено будет в будущем стать лекарем жены царя, не допускаемым к больной, и поплатиться за это головой.

Собравшись на консилиум, немецкие лекари решили действовать осторожно, применяя самые испробованные и всеми ими признаваемые средства. Больной оказался очень тяжелым. Сильнейший ушиб плеча и спины, отравление угарным газом усугублялись возрастом. Но самым страшным и неприятным стало для лекарей то, что этот, казалось бы, просвещённый человек на поверку показал себя закоренелым невежей, не принимавшим помощи лекарей из-за того, что они молились богу не в православной церкви.

Лекари, однако, исправно приходили к постели больного, осматривали его, назначали лечение и поручали сиделкам накладывать определённые мази, давать пить лекарственные настои и кормить его целебной пищей. Дело у пациента уже пошло на поправку.

Но вскоре после того как болезнь отступила,

к митрополиту приехал царь и, после их продолжительной беседы, лекарей освободили от данного больного. К нему вновь набегали ведуньи, которые лечили теперь митрополита заговорами.

По прошествии некоторого времени к Фёдорову Ивановичу явился один из монахов, бывший сиделкой при больном митрополите, и сказал, что ему нужны ещё мази и настои, которые были прописаны его подопечному, так как прежние кончились три дня назад, и больному опять становится хуже. Предвидя такой исход событий, Фёдор Иванович имел некоторый запас нужных снадобий, да и другие больные с подобными недугами нуждались в надёжном лечении. Лекарь выделил монаху часть своих запасов и пообещал приготовить ещё, если потребуется. Так он заочно продолжал лечить священную особу. Вскоре дело окончательно пошло на поправку, и митрополит щедро наградил своих шептунов, объявив, что это они исцелили его божьим словом.

х х х

Шли годы. Немцев на Москве стало уже много. Только после ливонской войны царь Иван Васильевич привёз с собой из Ливонии около трёх тысяч человек. И до этого тут селилось не меньше. Это были люди самых разных занятий. Жили они небольшими колониями.

Еще дед Ивана Васильевича, Иван III, тоже Васильевич, просвещённейший из русских царей, обратил внимание на ту пользу, что приносят Руси иноземцы, и способствовал пополнению их рядов на Москве. Он приглашал мастеров, умеющих лить пушки, стрелять из них, делать подкопы под крепости — эти люди были нужны ему в ратных делах. Но не меньше он ценил рудознатцев, умеющих отыскивать, обрабатывать различные руды; кораблестроителей для сооружения речных судов, специалистов золотого, серебряного, алмазного, кружевного, часового, токарного, переплётного дела.

Были среди приглашённых живописцы, зодчие, строители и люди многих других нужных в любом городе специальностей. Ну и, конечно, лекари. Куда же без них!

Вознамерившись выращивать у себя, а не привозить издалека всякие диковинные овощи, фрукты и ягоды, ещё прадед Грозного, Иван III, придерживаясь некоторых прогрессивных взглядов, пригласил к себе и агрономов, которые постарались вырастить в царском огороде всё то, что росло в других землях, и напрочь отвергалось простыми москвитями. Не всё прижилось и у них в этом более суровом климате, но многое росло не хуже, чем на Западе и даже — на Юге. Царские сады, огороды и бахчи давали немало диковинных плодов на царский стол, удивляя бояр и даже — послов иноземных.

Иван IV, присмотревшись ко всему, что делали немцы, решил, что надо поддержать их усилия. А чтобы им меньше мешали, и могли они больше общаться и иметь свои церкви и не смущать православный люд своим особенным бытом, выбрал он им уединённое место для компактного поселения вдали от тогдашних московских поселений за рекой Яузой на ручье Кукуй. Указ об этом царь подписал в середине XVI века, когда ему было чуть за двадцать лет.

Слобода росла быстро и получила наиме-

нование Немецкой, простолюдины, да и некоторые бояре по привычке называли это место Кукуем.

Лекарь Фёдор Иванович со временем тоже перебрался на Кукуй, желая заняться помимо своей основной специальности ещё и предпринимательством. Он узнал, что царь разрешил немцам для содержания слободы зарабатывать деньги пивоварением, виноторговлей и другими промыслами.

Фёдору торговля, и особенно — вино, претила. Он решил заняться мукомольем. Объединившись с некоторыми из своих сородичей, он соорудил на Яузе запруду, построил мельницу, оборудование для которой они выписали из Европы.

Мельница давала хозяину хороший доход, конечно, не сравнимый с винным или пивным, но в казну слободы на её благоустройство, строительство храма, дорог и мостов отчислялось немало денег. Пополнялась и государева казна.

Это были хорошие годы. Фёдор Иванович, наладив мукомольное дело, стал вкладывать деньги в строительство домов, а на досуге продолжал лечебную практику, если к нему кто-то обращался. Делал он это больше для души и большой платы не требовал.

х х х

Тяжело захворала царица Анастасия Романовна. Поговаривали, что навели ближние бояре порчу на царицу, подсыпали ей ядовитое снадобье. Занемогла молодка, с каждым днём всё слабее становилась она, таяла, как вешний снег.

Послал царь найти самого опытного лекаря из немцев. Поиски привели скоро к приятелю Фёдора, Иоганну — Ивану Фадеевичу. Польщённый доверием, он рьяно принялся за дело, несмотря на свои большие года. Царь предупредил:

— Вылечишь царицу — вознагражу по-царски, а умрёт — голову велю отрубить.

Иоганну с трудом удалось добиться провести осмотр больной. Но поначалу государь на всё согласился. Лекарь осмотрел больную, определился с лечением, велел проветрить и промыть опочивальню, выбить одеяла и подушки, заменить простыни и покрывала.

Через пару дней царице полегчало, и постельничий, имевший большое влияние на царя, добился, чтобы лекаря не допускали к больной, а только снабжал её своими лекарствами. Так и стало. К больной набегали бабки-знахарки, стали поить «святой» водой, а «нечестивые» лекарства выплёскивать в нужник.

«Лечение» скоро достигло ожидаемого результата — царица угасла, а после её похорон Иоганну отрубили голову.

х х х

Фёдор Иванович видел, что отношение со стороны царских чиновников к немцам от года к году ухудшается, а главное, что служители церкви внушают людям нелюбовь к иноземцам, говоря, что немцы спаивают русских, портят русское войско и богатеют за счёт этого. Хотя даже в питейных заведениях Кукуя было больше порядка, чем во многих других подобных местах города, да и просто в торговых рядах, даже на Красной площади у Кремля, где торговали бо-

лее крепкими напитками, валялись на обочинах дорог те же любители зелёного змия.

В 1579 году Фёдор Иванович решил уехать из столицы и открыть дело в другом, более тихом городке, чем русская столица. Его многие отговаривали, советовали не делать этого: уже и возраст не тот, да и где откроются такие возможности, как в стольном граде. Но Фёдор, однажды приняв решение, уже не менял его. Единственное, что смущало Фёдора, он не мог остановить свой выбор на каком-то городе.

Наконец выбор пал на Казань, город, присоединённый к Руси Иваном Грозным после нескольких походов и приступов. Фёдору в качестве лекаря пришлось участвовать в этих походах, а некоторые его соплеменники способствовали успешному завершению кампании, выступив в качестве пушкарей, подрывников и прочих ратных дел мастеров. А недавно Фёдор ездил в Казань по своим делам и установил, что с местными жителями можно вести дело ничуть не хуже, чем с русскими.

В Казани Фёдор Иванович купил себе небольшой дом и занялся опять своим старым лекарским ремеслом, а деньги, вырученные от продажи недвижимости в Москве, вложил в местную мукомольную промышленность, которую возглавлял один из его соплеменников, приехавший сюда немного раньше.

Через год в Казань приехали старые знакомые, имевшие в Москве солидные состояния. Теперь на них жалко было смотреть. Убитые горем люди потеряли не только нажитое, но и многих близких. Они рассказали, что опала на немцев по наветам митрополита достигла за последний год наибольшего накала. Кое-кто из кукуйцев уехал заблаговременно, видимо, предчувствуя неладное. Но продать почти ничего уже не удалось. Никто не хотел вкладывать деньги в такой нервной обстановке.

А произошло вот что. Однажды в полдень на слободу совершили налёт толпы бродяг, откуда их столько взялось в одночасье, было трудно понять. Видимо, их насобирали по всей округе, даже из соседних городов. Вслед за ними понаехали царские опричники, но они не препятствовали разграблению, а только делали вид, что предотвращают разбой и убийства, отбирая у бродяг самое ценное, но, не возвращая имущество ограбленным, а складывая в свои повозки.

Когда население слободы разбежалось, а

дома, лавки и церкви были разграблены, ближе к ночи во многих местах вспыхнули пожары, среди которых веселился бродяжий люд, перепившийся в питейных заведениях и винных погребах и объевшийся колбасами, окороками и другими съестными припасами из лавок и кладовых.

Через несколько суток на месте Немецкой слободы дымили головешки и чернели остовы каменных зданий, среди которых какое-то время еще бродили представители «золотой роты», отыскивая какие-нибудь остатки съестного или оброненные вещички.

За Яузой опять образовался пустырь, обезображенный пожарищем. Обитателей слободы приютили соплеменники, продолжавшие жить в разных местах Москвы и других городов и сердобольные москвичи, имевшие лишние закуску для квартирантов. Не умея бездельничать, те сразу же принимались за работу по своей специальности или нанимались там, где могли приложить свои знания и умения.

Приехавшие в Казань тоже сразу находили себе занятия. Они работали, строили себе дома, пополняли приход местного евангелического собора.

Фёдору пришлось пережить Ивана Грозного, которому богом было отпущено всего пятьдесят четыре года. Он ещё успел узнать, что сын Ивана, Фёдор, получив прекрасное для своего времени образование, вёл более достойную жизнь и мудрую политику. В Москву сразу же стали возвращаться многие из уехавших из неё во время погромов и беспорядков. Потянулись туда и новые переселенцы из Европы.

— Немецкая слобода стала быстро возрождаться, отстраиваясь на прежнем месте за Яузой на ручье Кукуе. Теперь она стала краше прежней, — рассказывал Фридриху, постаревшему за последние годы, приехавший к нему в Казань один из младших его родственников, наладивший торговлю между Москвой и волжскими городами.

Умирая в Казани, Фридрих завещал своим детям и внукам не покидать Россию, которая уже являлась их родиной. И делать бы всё от них зависящее, чтобы её народ, среди которого из-за невежества есть много людей безалаберных, становился просвещенней и счастливей, находя пользу не в пьянстве и разврате, а в труде и искусствах. Всё для этого в России есть, не хватает только правильного смысла жизни.

Март-апрель 2001 г.

Буш — в Россию, Буш — в Америку

1765 год в центральной Европе завершался, как это часто здесь бывает дождями, слякотью, утренними морозцами. В День Святого Николауса семейство Бушей «сидя на узлах» решало свою дальнейшую судьбу. Сорокалетний Якоб уже почти решился, он поверил посулам русской императрицы, расписавшей в своем Манифесте «льготы и привилегии», которые обрушатся на каждого, кто решится покинуть беспокойную Европу, замученную религиозными, междоусобными феодальными и прочими войнами, и поселиться в благополучной и благословенной, богатой пло-

дородными целинными землями России. Он уже подписал «вызывательскую» бумагу у русского вербовщика.

Вызывали, правда, некоторые сомнения доходившие слухи о ватагах, орудующих в тех краях, куда предлагается поселиться немцам, и недружелюбное соседство кочевого азиатского народа — киргизов. Да и сильнее русские морозы, говорят, могут крепко осложнить жизнь. Но все эти слухи до того фантастичны и неправдоподобны, что в них мало верилось. А действительность, вот она за дверью родового дома: разруха, шныряющие повсюду вооруженные группы, не

разберешь кому подчиненные, насильно забирающие в свои ряды первого попавшегося под руку, насилующие всякую зазевавшуюся, не разбирая возраста и происхождения, женщину.

Семнадцатилетний сын Якоба Филипп, настоящий уже помощник, всецело поддерживал отца, чувствуя, что им, крепким крестьянским парнем, не сегодня—завтра заинтересуется какая-нибудь из воюющих сторон. Он успокаивал молодую мачеху, плачущую над своим годовалым младенцем, сводным братишкой Филиппа, Иоганном-Якобом, беспокоящуюся об одном, о том, как дите перенесет дальнюю дорогу, выживет ли, уже вторую неделю его донимает мучительный кашель. А отъезд, если они не передумают, намечен на вторую неделю Адвента.

На душе было мутно, а тут еще средний тридцатилетний брат Якоба, Людвиг, смущает. Он склонен отправить в северную Америку, откуда доходят фантастические слухи о баснословных богатствах, поджидающих там каждого рискнувшего пересечь буйный Атлантический океан.

Но как раз этот опасный путь через штормы и качку остановили в прошлом году Якоба от путешествия в западном направлении. К тому же, в Америке, опять же по слухам, нет никакого порядка, господствует разгул неприемлемой немецкой душе анархии, главенство не закона, а капризной фортуны и грубой силы.

Наконец окончательное решение было принято. И начался для семейства Якоба долгий путь по рекам Мозелю, Рейну и далее в Пруссию на побережье Восточного (Балтийского) моря в Любек, откуда начинался для многих переселенцев путь в Россию, где морем, пока оно не замерзло, где на телегах, пока не установился санный путь и под конец опять на телегах, уже по весенней слякоти. На полпути по России остановились на двухмесячную зимовку в каком-то татарском селении.

Только 28 марта 1766 года Буши, а вместе с ними их земляки и попутчики Бауэры, Гекманны, огромное семейство Штеров во главе с пятидесятидевятилетним Паулем, молодая чета Бузиков; сироты восьмилетний и двенадцатилетний Эйлеры, потерявшие родителей в трудном дальнем пути; всего 23 семьи водворились в этот раз на место в колонию Бальцер, которая по-русски называлась, как и протекающая здесь речка, Голый Карамыш, где уже провели первую зиму двенадцать семей, прибывших в конце лета и осенью прошлого года. Вид у колонии в эту раннюю весеннюю пору был удручающий, первая зима в плохо подготовленном для жизни селении многим первопоселенцам стоила жизни, все измучились от холодов и неустроенности.

Возглавлял колонию один из ее первых поселенцев Бартули Бальцер, приехавший из Гофзина с женой и двумя очаровательными дочками. Где находится Гофзин, Бартули и сам толком объяснить не мог, похоже — где-то в Швейцарии. Для селянина Бартули был достаточно грамотным человеком, но в вопросах политики и географии не очень сведущим. Фамилия его не сохранится, так и не родит ему жена сына, только имя останется увековеченным до лихих времен в названии колонии.

Как и было обещано, каждое семейство получило в пользование дом с надворными по-

стройками. Правда, все это оказалось еще недоделанным, требовало доработок, хозяйской руки, но, главное, крыша — какая ни какая — над головой имелась. Было с чего начинать новую жизнь.

Кроме того, Саратовская контора опекунов над иностранцами выделила всем на условиях долгосрочной ссуды сто пятьдесят рублей независимо от состава семьи.

Сироты Эйлеры ссуду не получили, но их до совершеннолетия приютило семейство Шлегелей, которое стало их второй семьей.

Усадьбы и дома были схожи, строились по типовым проектам, разнилось только количество комнат, сообразуясь с размерами семей, но и то, молодые пары предусмотрительно селились так, чтобы семьи их хотя бы на первых порах могли увеличиваться минимум до пяти человек. Дом Бушей оказался в ряду с другими попутчиками, по соседству с пятидесятилетним вдовцом Конрадом Риттером, намеревавшимся еще создать новую семью и сумевшим получить полновесную ссуду и Валентином Гофманом, дочурка которого через двадцать лет станет снохой Якоба.

Так они и будут жить здесь в этих домах, а после родителей — один из сынов унаследует усадьбу. Дочери будут со временем уходить в другие семьи и даже в другие колонии. Старших сыновей будут отселять в самостоятельные хозяйства, строить им дома на соседних улицах, а когда станет тесно на отведенных землях, в родной колонии, станут искать им место в ближних и дальних краях — создавать дочерние колонии. Так потомки переселенцев в XIX веке добрались до Оренбуржья, Западной Сибири, Средней Азии.

Бальцер продолжал расти. Строители не успевали отстраивать необходимое количество домов к установленным срокам, к прибытию очередных партий поселенцев, поэтому за лето 1966 года сюда заселили всего несколько семейств, и то, в не до конца отстроенные дома.

Параллельно первой улице обозначилось еще три по несколько десятков домов на каждой. Как только завершалось строительство очередного дома, в него заселяли очередную семью, ютившуюся до этого во временках, а то и в землянках, сооруженных на скорую руку. Пригодился опыт древних германцев, строивших так называемые пластанки, дома из дерновых пластов земли, снятых с поверхности земли в тех местах, где намечалось провести дороги.

Вторую зиму селение встретило с огромным количеством незавершенных новостроек, среди которых маленькими островками теплилась жизнь во дворах новоселов, обживавших свои новые стены и выполнявших функции сторожей завезенного строительного материала.

В сараях у всех колонистов появилась живность, купленная на личные сбережения, которые после долгого пути сохранились не у всех, и на деньги, полученные в виде ссуды от Конторы опекунов. Люди старались сразу вложить имеющийся капитал в свое хозяйство, чтобы быстрее приумножить его, обзаводились лошадьми, коровами, другой живностью, инструментами, инвентарем, орудиями труда.

Кое-что из инвентаря многие привезли с собой, зная, что здесь до сих пор пашут сохой, везли из хоть и разоренной, но более развитой

Европы железные плуги, бороны. Но не все смогли донести такую тяжесть в такую даль и теперь заказывали кузнецу Меркелю, прибывшему со второй группой из Швейцарии, привычные уже плуги и прочий инвентарь. Кузнец без дела не сидел, даже взял себе помощников, сделавшихся со временем классными кузнецами. Местные деревянные сохи, которыми тоже пришлось поначалу попользоваться, очень скоро переделали, снабдив их железными деталями.

Все прекрасно знали свою основную задачу, поставленную им гостеприимными хозяевами при заключении договоров на переезд и на получение ссуды — поднять целину, в достатке выделенную каждой семье. Это было необходимо в первую очередь и для удовлетворения потребностей своей семьи и хозяйства. Это было и условием, требованием начальства, не забывавшего повторять при каждом удобном случае, что иностранцев пригласили в Россию и выделили им средства, чтобы они обработали и окультурили эти целинные земли, научили при этом новым приемам работы и местное население. А через какое-то время они должны будут уже поставлять хлеб и другие продукты в российские города, на рынки и ярмарки.

За первое лето Буши сумели поднять одну десятину земли, вырастить для собственных нужд потребное количество картофеля, на который местное население посматривало без большого энтузиазма, хотя власти уже принуждали людей его выращивать. Кое-где даже против картофеля возникали стихийные бунты. Но наши переселенцы уже знали пользу этого прекрасного продукта, выручавшего в самые трудные годы. В подвале у Бушей образовался некоторый запас не только картофеля, но и других овощей, правда, без избытка, учитывая в каких условиях и в какие сроки пришлось все возделывать, но на зиму, по подсчетам хозяина, должно было хватить, если расходовать экономно. Осенью еще успели засеять небольшой клин озимой пшеницы.

Ко времени первой ревизии, учиненной в колониях властями в конце лета 1768 года, Якоб с сыном, работая не покладая рук, подняли уже пять десятин целины, стараясь держать обработанный клин чистым от сорняков, чтобы в будущем году засеять и его. Из озимых была засеяна одна четверть ржи.

Эта же ревизия сосчитала и все приобретения каждого хозяйства. У Бушей, например, имелось к этому времени три лошади и четыре коровы. Они были крепким хозяйством. Жить можно, если не лениться.

Правда, у некоторых колонистов хозяйство оказалось и вовсе огромным. Так, Якоб Герцог умудрился завести шесть лошадей и шестнадцать коров. Но Герцог оказался вообще плодовитым хозяином во всех отношениях, у него и в доме, кроме жены, имелось семь детей, что называется — семеро по лавкам, возрастом от одного до пятнадцати лет. Ясное дело, сумел человек скопить денег еще на родине, удачно распродать там все, что не смог забрать с собой, а здесь с выгодой вложить свои денежки в хозяйство. Слова из песни не выкинешь, через семь лет пугачевская банда разорит всех, но Герцог опять умудрится отделаться наименьшими потерями, половиной своего конского табуна, но это уже другой разговор, тема другого рассказа.

Привыкшие без усталости трудиться у себя на старой родине, новоселы и на новом месте вкладывали все силы в поднятие своего хозяйства. В этом выделась им благополучная будущая жизнь.

Первое же лето показало, что климат этих мест резко отличается от того, к которому они привыкли, здесь оказалось значительно суше, дождики выпадали редко. Будущее покажет, что за лето может не выпасть вообще ни единого дождя. Это заставило сразу задуматься над агротехникой, организацией поливного земледелия. Что и когда лучше сажать и сеять, от чего вообще отказаться, что размещать поближе к воде, к ручейкам, чтобы можно было при необходимости поливать, если своевременно не выпадет дождичек. В местах, отдаленных от реки и немногочисленных ручьев, по той же причине выкапывались колодцы. Вода в них оказалась более подходящей для утоления жажды и приготовления пищи, а для полива ее нужно было предварительно прогревать на солнышке. Стали изготавливать бочки.

Сразу по прибытии посоветовавшись с людьми, прожившими здесь уже год и мучительно перетерпевшими прошлую зиму, Якоб после основных полевых работ занимался доделкой жилья, утеплением стен, окон и дверей. Вход в дом он оборудовал дополнительным тамбуром, чтобы уберечь жилище от выстуживания зимой и от проникновения изнурительной жары летом при входе и при выходе из него.

Не забыл он и о животных, поселенных в сарае с довольно хлипкими поначалу стенками. Он законопатил щели и обложил стены по периметру, как и жилого дома, дёрном, снятым с поверхности улицы, где планировалось проложить дорогу, засыпав ее песком и гравием.

Жизнь, бурля, входила в колею, прокладываемую людьми в голой поволжской степи.

Следующий год изменил жизнь в колонии решительным образом. С весны строительная площадка опять значительно расширилась, было видно, что в этом году прибудет очень большая партия новых поселенцев, которая превратит небольшой поселок в городок. Видимо с переселением спешили. Прошли слухи, что во многих местах в Германии стали чинить препятствия к отъезду — слишком много объявилось желающих покинуть свой Фатерланд и отправиться на восток. Кто успел сорваться с места и находился в пути, спешили оказаться у цели своего путешествия, пока не повернули обратно. Вызыватели, так называли вербовщиков, выполняя план, они с каждого завербованного имели свой барыш, спешили протолкнуть через закрывающиеся ворота как можно больше своих клиентов.

За лето 1767 года население Бальцера увеличилось в три раза. Самым массовым оказался первый маршрут, прибывший 18 июня. В нем было сразу сорок пять семей. Все дома, достроенные и заложенные, оказались заняты. Многие, пока достраивались их основное жилье, сооружали себе временки — землянки, пластанки. Кто-то сам достраивал сараи и временно размещался в них или строил хибарки, которые потом использовались как летние кухни.

На противоположной от Бушей стороне улицы поселились изенбуржцы Якель Генрих, два семейства Шейдов, Райс Иоганнес, два семейства

Вайсгеймов. Новые соседи появились и на их стороне, через два двора в обе стороны. Заполнились жильцами и соседние улицы, даже крайняя, где строительство только намечалось, и не было еще ни единой стены. Селение было похоже на муравейник — все от мала до стара были заняты кто на строительстве, кто на огородах, кто на полях. Теперь уже выдавали новым поселенцам не по сто пятьдесят рублей, а по двадцать пять. Но к деньгам каждая семья получала корову, две лошади и сбрую к ним.

х х х

В это же время, добравшийся до Америки, Людвиг Буш проклинал судьбу и жалел, что не отправился с Якобом в Россию. В пути он измотался сам и потерял половину семейства. Пароходик, на котором они плыли, несколько раз попадал в жуткий океанский шторм, его мотало по волнам, как щепку. Люди уже не могли ориентироваться в пространстве, потеряли счет времени, их качало и мучило, бросало навзничь, ставило на голову. Всех, даже привычных к качке матросов, выворачивало наизнанку.

— Чтобы я еще раз сунулся в море, — клялся Людвиг, — лучше сразу утопиться, чем терпеть такие мучения!

Морская болезнь и американский климат оказались нешуточным испытанием для всех. Но болезнь прошла сразу, как только пароходик встал к причалу, а испытания только начинались. Прибыв на место, Людвиг попал в компанию каких-то нечестных личностей, авантюристов, обобравших его семейство до нитки. Пришлось жить в шалаше, обзавестись винчестером и начать обработку доставшейся ему земли вручную.

Отбившись от нескольких немногочисленных шаек, найдя таких же, как он компаньонов - труженников, Людвиг постепенно стал подниматься на ноги. В одну из зим, когда земля отдыхала от плуга и лопаты, а морозы не очень донимали людей, он, прибившись к ватаге старателей, искателей удачи, поддался «золотой лихорадке». Чудом оставшись живым, увернувшись от коварных ростовщиков, не потеряв добытого золотишка, он вернулся весной в свою долину с грузом не только богатства, но и смертного греха.

Добытого золота оказалось достаточно, чтобы

больше не бедствовать. Людвиг повезло. В отличие от других его компаньонов, из которых из Клондайка вернулись только единицы.

х х х

Прошли века. Трудно определить теперь точно потомков Якоба в России, а Людвиг в Америке. Фамилия Бушей и здесь и там распространилась.

В России их, правда, значительно поубавилось в годы войны. Все Буши за свою фамилию в 1941 году угодили в ссылку в далекую Сибирь вместе со своими земляками и соплеменниками ни сном, ни духом не ведавшими о событиях в далекой Германии. Далекое не только географически, но и духовно. Но звание — немец — вышло всем им боком.

На трудовом фронте, заточенном за колючую проволоку, выжили далеко не все.

А те, что выжили, в 1990-х годах получили возможность покинуть места ссылки и по своему усмотрению поехать хоть на Волгу, куда их не захотели принять новые хозяева их земли, хоть в Германию, на родину далеких предков. До такой степени далеких, что там им никто не рад, их сторонятся.

Можно поехать куда заблагорассудится, но нигде нет душевного тепла. Они продолжают любить свою родину беззаветной любовью, не встречающей взаимности.

И везде, куда они вдруг приезжают, их никто не ждет, никто им не радуется и не приветствует. Ни в России, ни в Германии.

А в Америке для Бушей со временем, к концу XVIII века все наладилось, сильнейшие оказались наверху, слабые безропотно служат им, мечтая выбраться на этот благословенный «верх». Буши теперь там есть и среди фермеров, и среди предпринимателей, и среди политиков. Они давно напрочь забыли свою прародину, никто им ею не тычет в глаза, не вспоминают о ней, а если и вспоминают, то с высоты пренебрежения, как зарвавшиеся отпрыски несчастных предков. Они рьяно служат своей стране, самозабвенно любя ее и превознося за свое счастливое бытие.

Да будут все счастливы на этой земле, где бы они ни проживали!

Октябрь 2003г.

Петер Паллас

«От Карагайской крепости к Яику продолжается линия крепостями Верхней Яицкой, Магнитной, Кизильской и Таналицкой, даже до Орской».

П. С. Паллас. «Путешествие...»

Шёл XVIII век. Его середина.

В городе Лейпциге рос вдумчивый, любознательный мальчишка Петер. Ему было интересно всё: и как из малюсенького семечка вырастают огромные деревья, и почему у камней разных цвет, и из чего всё складывается, и что из разных материалов получается. Почему из одних камней выплавляется железо, а другие годятся для строительства домов и никак нельзя их поменять местами. Этих «почему» было огромное множество, и все они были связаны с природой, окружающей людей.

Любопытство, желание познать всё сущее

привело Петера в Университет, а после того, как он уже стал известным учёным, оно привело его в далёкую и бескрайнюю Россию, где для безграничного познания открылись обширные возможности.

Учитывая авторитет в учёном мире двадцатипятилетнего Петера Симона Палласа, Петербургская Академия Наук избрала его академиком и профессором натуральной истории, и пригласила к себе, чтобы он возглавил одну из экспедиций в «отдалённые страны» России.

Паллас завершил свои дела в Лейпциге и в следующем, 1767 году прибыл в Санкт-

Петербург.

Получив и усовершенствовав своё образование в Германии, Голландии и Англии, молодой учёный не знал, что посвятит России почти всю оставшуюся жизнь — сорок четыре года.

Приехав в Россию, он с энтузиазмом принялся за дело. В течение года был подготовлен подробнейший план путешествия, подобраны помощники, оборудование.

Не обошлось без задержек и волокиты, но вот настал этот торжественный день 21 июня 1768 года, когда экспедиция, наконец-то, отбыла из Петербурга. Петер досадовал, что не пришлось выехать раньше, ещё в мае, как только просохли дороги.

Но, вырвавшись на простор, он забыл все невзгоды, и с ходу с головой окунулся в свою стихию. Принялся за дело, не давая покоя и своим помощникам, студенту Никите Соколову, гимназисту Василию Зуеву, рисовальщику Фёдору Дмитриеву и чучельнику Ксенофону Шумскому — молодым, увлечённым людям, заразившимся от своего предводителя, бывшего ненамного старше их, задором, целеустремлённостью и дотошностью. Правда, эта дотошность порой вызывала неприятие и приписывалась к национальным качествам.

Все, что попадалось Палласу на пути он, дабы не забыть, заносил в свой дневник, требуя от спутников наблюдательности и научного подхода ко всем явлениям природы.

Экспедиция сразу двинулась на Южный Урал, но по ходу движения изучалось всё, что попадалось на пути следования через все центральный губернии, Поволжье и Приуралье.

Путь сам по себе был довольно трудным. Снаряжение везли на девяти телегах, лошади быстро уставали, и через каждую полусотню вёрст на станциях приходилось их менять, постоянно преодолевая споры со станционными смотрителями.

Паллас, ещё не в совершенстве знавший русский язык, за год пути поднатерел в тонкостях «великого и могучего» гешпреха так, что прибыл в Оренбург заправским лингвистом. Становится понятным, почему автором словаря великорусского языка стал другой немец, Владимир Иванович Даль. Иноязычному, видимо ярче видно и глубже хочется познать многообразие такого уникального явления, как русский язык.

Экспедиция Палласа, пробыв некоторое время в Оренбурге, летом 1769 года направилась от него вдоль Яика, вверх по течению, то углубляясь в горы, то спускаясь к реке.

Год выдался засушливым, малоурожайном, но за хорошие деньги в пути следования можно было пополнять запасы провианта свежими овощами, мясом, творогом и, даже, редкими в те времена, фруктами и бахчевыми.

Остановившись вблизи очередной станицы или села, все располагались лагерем, а чучельник, ведавший провиантом, отправлялся за покупками, неизменно вызывая интерес, какой обычно проявляется к чужакам, у местного населения небольших и отдалённых селений.

— Здоровы будьте, добрые люди, — обращался он к, стоящим возле своего прясла или тына, хозяевам.

— Здорово, коль не шутишь, — отвечали ему зачастую задиристо, — откедова будете и далече

ли путь держите? — это уже было приглашением к общению.

— Сами мы из самой столицы, экспедиция, — отвечал он многозначительно, зная магическое действие на русскую душу заковыристых слов, но в то же время всегда был готов ретироваться, дабы не накостыляли в случае полного недопонимания.

— Вон оно как? — понимающе говорит казак, а бабы начинают о чем-то шушукаться, — а ну, цыц, сороки, — прикрикивает казак на них будто бы всерьёз, — а каво у нас ищите, коли вы экспедиция, татарвы беглой у нас нету-ти, другой какой вражины — тожеть. Одни казаки кругом, да солдаты, границу блюдем. Да кое-где, в аулах — башкирцы, но они у нас смирные, табуны пасут.

— Наша экспедиция по природным богатствам, растительный, животный мир исследуем, ископаемые всякие, драгоценные камни...

— Ну, этого добра, каменье, у нас, бери, не хочу, неведомо только — драгоценны ли, а вот растительности ноне не богато, сушь. Дожжичку-то, вишь, давно не бывало. Незнамо, каки и хлеба-то ноне будут.

— Вот и мы от самого Оренбурга идём, ни разу под дождь не попадали, вот только на днях под Кундровской немного помочило.

— Ох, стервецы, опять им попало. Никак, слово знают. А вас и на Сакмару заносило.

— Да, нас куда только не заносит с нашим старшим. Ни дня спокойно не может просидеть.

— А кто у вас старшой?

— У-У, голова! Из самой Германии выписали, академик.

— Ага, немчин, значит. И чего он тут понимает у нас, в наших горах и степях.

— Ну, не скажи! Золотая голова. Только глянет на камень и готово: железо — говорит, или — шпат. А если ещё колупнёт, да через стекло присмотрится — полный тебе анализ, и приборы доставать не надоб. Но он дотошный, обязательно приборами, да растворами обрабатывает, чтобы уже точно, без ошибки, а тогда и запишет в книжечку. Уже целый сундук книжек исписал. А впереди ещё такой путь!

— И до куда жидёте?

— Да пока до Орска, а там к киргизам, потом — в Челябину, а там в Златоуст, Верхний Яицк, а дальше и не знаю.

— Так ить вам и не управиться до холодов.

— Какой там — до холодов. Дай бог в пару лет управиться.

— Ишь, ты!? — удивился казак, — а чем питаются-то?

— Вот и пришёл к вам кое-чего прикупить. Может петушка кто продаст, да яичек или творожку с молочком.

— Да кака жэто еда — творожок, молочко?

— У нас ещё есть кое-что: хлеб, солонина, рыба.

— А свининки не желаете? У нас как раз Игнат Захарыч кабанчика забил ввечеру, ещё не всего прибрали. Свежатинка-то хорошо в охотку.

— О, наш Пётр Семёныч свининку любит.

— А это, кто такой?

— Да Паллас, профессор наш.

— Ты жговорил, академик у вас за старшего.

— А он и академик, и профессор, не смотри, что молод.

— Ну, дела!

— Так где свининку-то продают? А то ещё распродадут, пока мы тут балакаем. Да и старшой наш не любит, когда надолго отлучаемся.

— Что, строг? — спросил казак, выходя со двора и запирая за собой калитку.

— Строг, спасу — нет!

— Они такие, немчура. У нас атаман тоже из них был. Как глянет — кони сами ровняются.

— Во-во! — расхохотался Ксенофонт.

х х х

Паллас, в ходе своих путешествий, с интересом наблюдал за обычаями, образом жизни людей, населяющих эту бескрайнюю страну. Он видел, как избалованные изобилием природы, люди нерачительно к ней относятся. В некоторых местах огромные территории, превышающие размерами целые государства, лежат неприкосновенными в хозяйственном обороте. В лучшем случае, они становятся охотничьими угодьями и по ним проходят только редкие полевые дороги; в худшем — их превращают в свалки и бесплодные пустыри.

Приехав из Европы, где каждый клочёк земли используется, где не только каждое дерево на счету, но и делаются попытки учесть каждого зверя, каждое птичье гнездовье, он пытался в меру своих сил, и здесь поспособствовать упорядочению взаимоотношений человека с природой. Но мало ему встречалось людей, разделяющих его озабоченность будущим природы. Здесь бытовало мнение, что с природой не может ничего случиться, сколько бы человек в неё не вторгался. Его за критику даже иногда обвиняли в неуважении местных народов.

Подъезжая к очередной крепости, построенной на правом берегу Яика, Паллас видел, что редкие в этих местах лесочки постепенно вырубаются и может наступить такой момент, когда не то, что на дрова невозможно будет найти дерева, но и птице негде будет спрятаться от ненастья. Нужно оберегать леса и производить их посадку вдоль рек и в пониженных местах, считал он, но к его мнению мало кто прислушивался, просто отмахивались, или, делая вид что внимательно слушают, пропускали всё мимо ушей и сознания.

Иногда, отчаявшись, Паллас доверял бумаге свои грустные мысли о будущем России и её безалаберного народа, не умеющего и не желающего обустроить свою жизнь, хотя имея к тому все возможности. Как же можно превращать свой двор в свалку, а дом — в сарай, — ужасался он.

Любое высказывание вслух в защиту природы и призыв вести достойный образ жизни воспринимается с обидой. Паллас знал, что многим, не только иностранцам, но и русским, приходится нелегко, если они пытаются образумить окружающих, их обвиняют в высокомерии, в нелюбви к народу и его обычаям, на них начинаются гонения и наветы. Приходится мириться, закрывать глаза, или ходить в немилости.

Палласу, его замечания в последствии аукнутся: признавая его заслуги перед наукой и страной, о нём в энциклопедиях будут писать, что он «неверно трактовал историю русского

народа, принижая его заслуги».

Думается, что патриотом страны может считаться уже тот, кто вырастил на её территории хотя бы одно дерево, построил что-то, создал для её народа песню, картину; воспитывающий его детей, лечащий его стариков. А болтун, орущий о патриотизме, но сеющий при этом вражду между людьми, населяющими эту страну — вредит ей и не может претендовать на звание патриота и, даже, сына.

х х х

В Орскую крепость Паллас прибыл уже в разгар лета 1769 года. Здесь дел было невпроворот. Яшма, залегающая в здешних холмах, очаровала исследователя и его спутников.

Поработав несколько дней в Орской, экспедиция, перебравшись через речку Орь, двинулась на юг, в Мугоджары.

В районе Орской внимание Палласа привлекла не только яшма, но и растительный и животный мир долины рек Яика и Ори, а также бескрайние степи, к югу становящиеся полупустынными и, зачастую, каменистыми. Деревья здесь были редкостью, особенно вдалеке от рек. Но это не препятствовало жизни, особенно всевозможных сусликов и пернатых.

Взобравшись на один из каменистых холмов, Паллас стал осматривать окрестности и фиксировать свои наблюдения в толстую тетрадь, с которой, кажется, никогда не расставался. Местность представляла унылая, человеку здесь мало что могло способствовать успешной жизни. Заниматься земледелием на этих скудных землях каменистых россыпях совершенно невозможно. Животноводство из-за бедных выпасов и очень редких сенокосных угодий тоже представлялось затруднительным. Здесь можно лишь, не особенно надеясь на успех, пасти ограниченные отары овец. Так думалось учёному, никогда ранее не видевшему такой редкой, скудной растительности.

Осматривая окрестности, он заметил вдалеке, в распадке двух холмов, небольшое скопление деревьев и порхающих возле них птиц. Упустить такое «изобилие» флоры и фауны в этих местах исследователь не мог и он направился в том направлении, внимательно рассматривая всё, что попадалось по пути. Вокруг не было никаких следов пребывания людей в каком-либо обозримом прошлом; ни строений, ни следов, ничего...

Вдруг невдалеке, из-за кустика, вспорхнула ярко окрашенная птица. Присмотревшись, он узнал удода, довольно пугливую птицу, шархающуюся даже от других птиц. Удод, сделав несколько рывков неровного полёта, плюхнулся между камешками.

Паллас пошёл к тому месту, откуда удод вылетел. Не успел он подойти, как оттуда же выпорхнула другая птичка, менее яркая, но принадлежащая к тому же семейству — самочка удода. Учёный обрадовался — гнездо и, вероятнее всего, с кладкой или, что ещё более вероятно, с выводком.

Но первое, что он увидел, был костяк, полуистлевший и развалившийся скелет, к тому же, как сразу догадался учёный — человеческий. Когда и как случилась трагедия, установить уже не удастся никогда и никому. Но не это заинтересовало Петра, его изумили птенцы удода,

копошащиеся среди костей.

Присев над ними и морщась от вони исходящей от так называемого гнезда, он стал внимательно рассматривать жилище «воночей птицы», как называют удода на родине Палласа. Это народное название вполне соответствует действительности. Но кости скелета не имели к источаемым запахам никакого отношения и если бы не удоды, он был бы сух и чист как камень. Просто эти неопрятные птицы загадили всё своё «жилище». Птенцы копошились среди сухого и свежего помёта, своего и родительского. Тут же роились навозные мухи, неперенные спутники экскрементов.

Описав всё увиденное, учёный отошёл в сторонку, отдышался и задумался над таким поведением этой интересной птицы, живущей в антисанитарных условиях только в моменты гнездования и выведения потомства, но избавляющейся от своего «аромата», как только она покидает своё гнездо. Есть даже охотники, которые любят лакомиться этой птицей, нагуливающей к осени солидный вес и, даже, покрывающейся жиром.

До тех деревьев, к которым он направлялся, добрались только под вечер — расстояние в степи, как в море, скрадывается. Здесь и заночевали, благо что обнаружили немного сухого топлива и родничок с вкусной водицей.

Несколько дней изнурительного пути вымотали всех, и членов экспедиции, и небольшой отряд казаков, снаряженный в Орске для охраны учёных, и их коней. Привал устроили в долине пересохшей степной речки, от которой остались только небольшие озёрки, кишащие рыбой и прочей речной живностью.

Было видно, что в половодье здесь разливаются не то что могучая река, а целое море воды, особенно в обширной низине, представляющей собой сейчас, в разгар засушливого лета, унылый пейзаж из потрескавшейся вдоль и поперёк глиняной котловины, уходящей в необозримую даль.

Можно было себе только представить, что в этом месте творится при дружном таянии снегов или в летний ливень, когда вся вода с территории в целую европейскую страну, устремляется сюда и несётся дальше к далёкому морю. Но достигает ли она этого моря, или распавшись на множество ручьёв, озёр и луж, впитывается в почву и пересыхает, оставляя лишь вот такие неприглядные лунные пейзажи. И только одна речка, напоённая водой в стихию, ещё какое-то время несёт свою воду туда, куда когда-то проторила себе дорогу. Но и она, к середине засушливого сезона прерывает свой бег и останавливается пунктирной извилистой линией, ожидая очередного циклона, способного наполнить её водой. Но такие дожди здесь не частые гости, только раз в несколько лет.

Паллас углубился в свои изыскания, только изредка поднимая голову, чтобы осмотреться и соотнести свою находку с окружающим пейзажем. Остальные члены экспедиции также занимались каждый своим делом. Юным помощникам было сложнее проявлять усидчивость, они бегали по степи и холмам, отыскивая всё новые экспонаты для своей уже обширной коллекции, и объекты для изучения своему патрону.

Вдруг Василий Зуев, больше интересовавшийся пернатым миром, заметил в небе взмывшую

туда огромную птицу. Она сделала круг, зорко озираясь, и камнем устремилась вниз. Через некоторое время всё повторилось. Но на этот раз за птицей наблюдал уже весь отряд, привлечённый к вниманию Зуевым.

— Не стрелять! — подал команду Паллас, увидевший, как некоторые члены экспедиции потянулись за оружием, — это, похоже, не дикий беркут, а ручной. Значит, в той стороне охотится кто-то из местных жителей. Это должно быть интересная встреча, они здесь редко встречаются. Надо съездить.

Паллас разделил отряд на две части, оставив в лагере за старшего чучельника Шумского, у которого как раз была ответственная работа с чучелом редкой птицы, а сам, взяв верховую лошадь и часть людей, направился в том направлении, где в небо взмывали охотничьи птицы. Их было уже три, это можно было определить по их индивидуальным повадкам.

Ехать пришлось больше часа, пока, выехав на вершину очередной сопки, наши путешественники увидели ватагу конных охотников, совершающих невдалеке свой охотничий ритуал. Паллас подал своим спутникам сигнал остановиться. Все встали. Но и охотники их заметили и затихли, а потом, повернув лошадей, потихоньку потрусили навстречу непрошеным гостям. Пришлось ехать на сближение, не зная, чего можно ожидать друг от друга.

Когда уже стали видны лица и слышны тихие голоса, обе группы остановились, издали изучая друг друга.

Паллас поднял руку, привлекая к себе внимание, и громко произнёс известное ему киргизское приветствие:

— Ассалам Магалекум! Мы русские путешественники, хотим с вами познакомиться.

Казахи, которых в те времена именовали киргизами, о чём-то оживлённо поговорили, и поехали на сближение. Паллас тоже тронул поводья, остальные последовали его примеру.

Съехавшись, все остановились, изучая неожиданных встречных. Паллас повторил приветствие и спросил, не знает ли кто из них по-русски. Казахи заулыбались, заговорили все разом, но кроме слова «орыс» ничего нельзя было разобрать. Паллас подозвал башкирина Апкадыра, взятого на такой случай в качестве толмача.

— Ты понимаешь, что они говорят? — спросил у него учёный.

— Мало-мало, понимаю. Им твой лошадь глянется. Ты наверно большой бай.

— Спроси у них, сколько стоит беркут и водятся ли они здесь на воле.

Апкадыр долго беседовал с охотниками и сообщил, что беркут стоит очень дорого, дороже хорошей лошади. Вольные бывают редко и далеко отсюда, в горах.

Казахи, киргизы и другие народы используют беркута, для охоты, приучая его к хозяину с младенчества.

— Башкиры тоже имеют охотничьих беркутов, — добавил Апкадыр.

— Да, я знаю, — кивнул головой Паллас, — скажи им, что мы хотели бы посмотреть, как происходит охота. Мы им не будем мешать, просто поприступуем, а потом запишем увиденное в книгу.

Казахи внимательно выслушали и согласно за-

кивали. Так Паллас и его спутники стали свидетелями охоты с беркутом — интересного зрелища, особенно необычного для европейцев.

По этому поводу в первом томе Альфреда Брема «Птицы» находим следующее свидетельство: «Паллас, а после него Эверсман первые сообщили нам, что башкиры и другие центрально-азиатские народы употребляют беркутов для охоты».

После окончания охоты казахи пригласили русских к себе в кочевой аул, где им было преподнесено традиционное угощение. Хозяева угощали гостей кумысом, шурпой — наваристым мясным бульоном, бараниной, обжаренной над углями и сваренной в казане. Паллас обратил внимание на отсутствие хлеба, если не считать лепёшек, и на изобилие мясных блюд.

Заметил Паллас и то, что не все в стойбище живут в достатке, а только бай и его сыновья, которых ему и довелось повстречать.

х х х

В Орскую крепость Паллас вернулся уже осенью. Отсюда путешественники двинули на север в Челябинскую крепость. По пути с интересом изучали осенние пейзажи, сначала степей, а потом — лесостепей.

Зимовали в Челябине. Приводили в порядок собранные образцы, гербарий. Ксенофонт возился со своими чучелами, спасая их от паразитов. Чучел накопилось уже столько, что пришлось часть повторяющихся образцов продавать. Их охотно брали для украшения квартир местные купцы, промышленники.

Во время зимовки празднично жить не приходилось, всем хватало работы: описывали зимние природные явления, поведение зимующих в этой местности зверей и птиц. Ходили на лыжах до ближних озёр и лесов, или ездили подальше на лошадях, запряжённых в розвальни или кошёвки. Ночевать приходилось в сёлах, станицах или хуторах, иногда, пережидая суровую уральскую пургу, по нескольку дней.

В Челябине шла кропотливая работа по систематизации, изучению и тщательному описанию накопленного материала. Спутники Палласа удивлялись иногда его скрупулёзности, им уже казалось, что всё и так «ясно и понятно», а он снова и снова принимался изучать до мельчайших подробностей и сверять записи того, что уже давно было изучено и уложено. Они уже мечтали отдохнуть и повеселиться, развлечься с местными барышнями, а он опять находил им работу.

х х х

Весной 1770 года экспедиция направилась через Петропавловскую на Карагайскую крепость. Путь был ещё увлекательнее прошлогоднего. Природа, богатый животный мир, растительность этих диких мест просто изумляли.

Паллас немного не дошёл до крепости Магнитной, но упомянул её в своей книге «Путешествие по разным местам Российского государства».

Зато Верхне-Яицк и его окрестности были искожены вдоль и поперёк. Полюбились эти места учёному так, что он всю оставшуюся жизнь интересовался новостями отсюда, вспоминал горы, степи, лесные чащобы. Иногда они ему даже снились.

По горно-лесной местности, которую начали изучать с весны, двигались медленно, подолгу останавливаясь на обследование заинтересовавшего места.

В Верхне-Яицкой крепости остановились надолго. Отсюда совершали радиальные поездки во все стороны: вниз и вверх по реке Яику, ближние и дальние горы и леса.

Паллас удивлялся той разительной несхожести природы и климата столь близко отстоящих друг от друга крепостей Верхнеяицкой и Орской, находящейся не так уждалеко вниз по течению.

Верхнеяицк расположен почти на стыке степей и лесов — чуть отъедешь южнее, и открываются бескрайние просторы, а поднимешься чуть севернее — и очутишься в таёжных дебрях. А между ними узкая полоса лесостепи, где перемежаются лесные ленты или так называемые берёзовые колки и луга с высокими травами или бугры и сопки с чахлыми кустиками на каменных россыпях, что уже говорит о близости и гор и степей.

Паллас с жадностью набрасывался на всё новое, что встречалось в пути, и всеядно поглощал информацию мозгом, торопливо заносил всё на бумагу. Иногда казалось, что он боится исчезновения увиденного и спешит запечатлеть в памяти и зафиксировать в записях.

— Пётр Семёнович, — говорил иногда чучельник Шумский или кто-то другой из помощников, — мы ведь подобное явление уже видели в прошлую неделю в десяти верстах отсюда. Стоит ли вновь описывать то же?

— Да, стоит! — убеждённо говорил он в ответ, — Мы, дорогой Ксенофонт, здесь именно затем, чтобы подробно изучить всё и иметь самим, и передать другим ясную картину местности, её обитателей, растительности и минералов. Освоение этого края невозможно без точного знания всех имеющихся в нём ресурсов и природных условий. Люди должны заранее знать, что они приобретут, поселившись здесь, а что нужно завозить из других мест.

Паллас заносил на карту местности бесчисленное количество значков и обозначений, и умеющий читать карты действительно многое мог почерпнуть из одних лишь карт. А прочитавший ещё и записи, имел исчерпывающую картину.

Служить Отечеству, считал Пётр Паллас, нужно без отдыха, а человеку умственного труда и на досуге невозможно предаваться праздности. В этом плане он

иногда критически высказывался об окружающих, не увеличивая тем самым круг своих почитателей. Но самые близкие его сподвижники ценили, любили и поддерживали его.

1999 г.

АКАДЕМИК ФАЛЬК

«Магнитная крепость стоит в 10 верстах от гор; при ней есть озеро Булдакуль, которое так солено, что в нём никакая рыба жить не может».

И.П. Фальк, «Записки путешествия»

Академические экспедиции — так именовались группы учёных, отправленные на Урал из Петербурга летом 1768 года. Екатерина II понимала, что прежде чем начинать эксплутацию обширного края, нужно досконально изучить его богатства. Академии наук было поручено снарядить несколько экспедиций, одну из которых и возглавил Иоганн Петер Фальк.

В его экспедиции работал молодой учёный И.Г. Георги, которому впоследствии пришлось заняться изданием книги о путешествии, так как сам Фальк к тому времени трагически ушёл из жизни.

Путь экспедиции Фалька лежал из Оренбурга по правому берегу реки Яик до Орска и далее до Верхнеяицкой пристани, откуда он направился в Челябинск и далее по Сибири до Томска. Путь дальний, полный опасностей и житейских трудностей, тем более, если учитывать состояние здоровья руководителя группы, встретившего только своё сорокашестилетие.

Задач у экспедиции было много. Нужно было изучить и описать полезные ископаемые, природные достопримечательности, животных и растения, обитаемые людьми места, их селения, городки, крепости, сёла, станицы, аулы, редуты..., хозяйственную деятельность, быт и обычаи людей.

Если Паллас в своём движении обошёл Магнитную сначала с юга и востока, а потом с севера и только упомянул её в своих трудах, то Фальк непосредственно посетил и осмотрел, и крепость, и гору, и окрестности.

Поднявшись на один из холмов близ крепости Кизильской, экспедиция остановилась, чтобы собрать образцы растительности, почвы, сравнивая их с теми, что встречались ниже по течению Яика.

Фальк, устроившись на своём походном стульчике и положив тетрадь на подставку, начал записывать свои наблюдения. Перед ним простиралась долина реки Яик с впадающей в нее речкой Кизил. Степь здесь представляла из себя унылую картину с чахлой растительностью, особенно на вершинах холмов, где на поверхность выступал камень, меж которого цеплялись за глинистую почву полусухие растения, выживающие обычно только в условиях полупустыни.

В долинах рек и в пониженных местах, откуда почва не выдувается господствующими здесь ветрами и куда она наносится весенним половодьем, когда оно случается, видна более богатая растительность, высокие травы, кустарники и, даже, островки леса, к которому, по наблюдениям, местные жители не проявляли должной бережливости.

В крепости Фальку рассказали, что в тридцати верстах есть озеро, где они ловят рыбу и, даже, показали улов одного из казаков. Осмотрев эту рыбу, учёный в своих записках охарактеризовал её как «тощую». Он осмотрел пруд, над которым

роились насекомые, а от воды шёл какой-то неприятный запах. Вода в пруду была мутной, берега вытоптаны скотом. Фальк написал, что пруд ядовитый. В самой крепости Фальку и его спутникам понравилось, они поговорили с комендантом, некоторыми жителями и отправились дальше, продолжая делать пометки о всём виденном.

В этот же день им повстречались редуты Сыртинский и Янгельский, отличавшиеся от крепости своими размерами и удивительно небольшими гарнизонами. Если бы не было членов семей, то они казались бы безлюдными.

В крепости Магнитной экспедиция остановилась на короткий отдых. Фальк поговорил с людьми. Из разговоров он не почерпнул сколько-нибудь важной новой информации к тому, что он прочитал об этом селении и его окрестностях и к тому, что он видел в пути следования последние дни. Но чтобы не оставлять без внимания эту, сравнительно крупную крепость, он записал в своём дневнике: «Магнитная крепость стоит в 10-ти верстах от гор; при ней есть озеро Булдакуль, которое так солено, что в нём никакая рыба жить не может.»

Из разговоров с казаками, которые были наиболее доступными для общения, и с другими местными обитателями, Фальк узнал, что особенной любовью здесь пользуются лошади, из коих в этих местах имеются казахские, калмыцкие и башкирские. Казаки больше других ценили башкирских, но старались их улучшить, привозя с юга племенных жеребцов.

Фалька интересовала и другая живность, которую уже разводили в крепостях и редутах, а также — выращиваемые здесь овощи и зерно.

Земледелие в верховьях Яика не насчитывало ещё и тридцати лет, земли возделывались недавно, и не были достаточно окультурены. Но в поймах рек почвы были довольно плодородными и давали богатые урожаи.

— А какие овощи вы возделываете? — каждый раз интересовался учёный. — У вас, я вижу, есть небольшие огороды возле домов, и за заплотом земля кое-где не пустует.

— Да вот, капустку выращиваю, репку, чесночок с лучком, ну и для баловства репчатую и на засол — огурчики.

— А хлеб?

— Хлебушек покупаю у соседей, где земля лучше. Выше по реке берут по шестерной, а то и по десятерной жатве.

— Скота много ли держите?

— Выпасы у нас хороши, токо от башкирцев, да от киргиз сторожить надо-ть скотинушку, а так держим, кто сколь могёт. Есть, у кого по пять лошадушек, да по столь же коровёнок, ещё свиньи, овцы, а курей, гусей — кто теперь считает. Это по первости яичка к святому дню не сыщешь, а тепереча — развелись.

Вяснил Фальк, что кое-кто из поселенцев

перенял у башкир пчеловодство. Но бортничеством при отсутствии лесов заниматься было невозможно, а вот второй способ — содержание пчёл в колодах — пришёлся вполне кстати.

Пасти скот и косить сено на противоположном, восточном, левом берегу было запрещено. Там была нейтральная полоса, куда выезжали только дозоры.

Фальк обратил внимание на домашнюю утварь — всё местной ручной работы, выстругано из дерева или выковано из железа.

Из пищи здесь кроме хлеба употребляли всевозможные каши, лапшу, готовили щи, когда какие — по сезону, когда — богатые с мяском, а когда и постные. Любили молочные продукты: простоквашу, творог, иной раз били масло.

Осмотрев жилище одного из здешних поселенцев, а внешне все дома и дворы выглядели одинаковыми, Фальк записал: «казацкие дома выстроены по большей части из тополинового леса, небольшие и непрочные, но весьма дешёвые. Дом с чёрною и чистою избами и перегородкою, которую можно разбирать и переносить, стоит от 10 до 15 рублей».

Дворы были, по свидетельству учёного, небольшие, со всеми постройками — менее ста квадратных сажен.

Жалование у казака оказалось всего 4 рубля в год. Узнав, какие в крепости цены на продукты, Фальк быстро посчитал, что на своё годовое жалование казак может купить всего одиннадцать пудов пшеничной муки, или, пятнадцать — ржаной, а мёду выходило чуть больше полутора пудов. Не ахти, какая сладкая жизнь, особенно, если обзавёлся семьёй.

Единственно, что могло впечатлить, это ширина улиц, они были не менее восьми сажен — было, где разъехаться. После городской тесноты многих европейских городов, крепостные улицы в Магнитной и соседних укреплениях действи-

тельно впечатляли.

Путешественники обратили внимание на новенький заплот, установленный на земляном валу, особенно аккуратный у

северных Троицких и южных Оренбургских ворот. Были ещё одни ворота, выходящие на реку, но они носили бытовой характер, ими пользовались постоянно, в отличие от первых двух — парадных, выходящих на дороги, ведущие в соседние крепости и редуты и открывающиеся только для проезда начальства и гостей.

Возле Яицких ворот был устроен бастион с постоянно дежурившими караульными, в основном — солдатами. Такие же бастионы были по углам крепости: Озёрный, Западный и Степной. А над главными воротами располагались двухъярусные башни. На каждом ярусе — этаже, как и на бастионах, располагались пушки. Всего крепость располагала около полутора десятками пушек разных калибров и припасами к ним.

На почтовой станции осмотрели и подправили телеги и повозки экспедиции, отметили дорожные документы, заменили уставших лошадей, покормились сами, и экспедиция вновь двинулась в путь, выехав на тракт, ведущий к Верхнеяицку. Тракт был оборудован лет двадцать назад, и во многих местах уже повреждён, разбит колёсами и копытами, размыт вешними водами, развеян сезонными ветродуями. Езда была сущим адом. Дорога часто сваливала с тракта и шла просёлком, где была и мягче, и приятней.

Сопровождавший экспедицию конвой развлекался скачками по лугам и холмам, стелющимися вдоль дороги. В каждой крепости, на почтовых станциях, конвой менялся и возвращался обратно, иногда — сопровождая попутчиков, едущих по «казённым» или торговым делам. Ездить без воинского сопровождения было небезопасно.

1999 г

Имя на карте

Не каждый начальник достаивается чести дать своё имя населённому пункту при жизни по желанию самих жителей. Ещё меньше тех, чьи имена остаются за селениями после их ухода на заслуженный отдых или в мир иной. Политические перемены меняют, и наименования городов и сёл. Тому жители нашего Отечества многократные свидетели.

1831 год. Новая линия крепостей восточнее реки Урал ещё не начала строиться, хотя тогдашний губернатор Сухтелен целеустремлённо трудился над приближением решения о перенесении границы вглубь киргиз-кайсацкой степи. Взаимные набеги башкир и казахов продолжались, несмотря на то, что между ними уже почти девять десятков лет проходила граница, застроенная крепостями, редутами, форпостами, заселёнными драгунами, солдатами и казаками.

Пограничная полоса составляла десять-пятнадцать вёрст и легко преодолевалась конными налетчиками, как с той, так и с другой стороны. Всё чаще страдали сами служивые — то табун лошадей угонят, а то и в саму крепость, под покровом ночи проникнут, сведут скот прямо из дворов. Крали и людей.

Отнести бы границу вёрст на двести на восток

от Урала и заселить это пространство русскими крестьянами и казаками. Новые укрепления построить мощнее старых. Запретить киргизам кочевать за новую линию. Упрочить мир в краю. Всё это витало в губернских коридорах власти, и губернатор Сухтелен энергично доказывал перед высшим начальством целесообразность такого решения.

Пока же строились всё новые форпосты, хоть и к востоку от реки, но вблизи от неё. Служба в этих укреплениях неслась посменно, нарядами. Но скоро и они превращались в поселки, куда привозились в явочном порядке семьи.

Губернатор скоро снискал любовь среди населения Линии, особенно казаков Оренбургского Войска за его заботу о них и уважительное отношение к их нуждам.

Коли при необходимости строятся новые поселения, им неизбежно даются наименования. Одним — по рекам, горам и прочим географическим объектам, другим — по именам святых, царствующих особ и других важных людей. Надумали господу казачки увековечить имя любимого губернатора в одном из многочисленных строящихся вдоль линии крепостей форпостов. Обратились к «самому».

Губернатор поблагодарил за честь, но согласился получить её после «благополучного окончания службы». Новые же форпосты он приказал именовать Царёво-Никольским, Цесаревичем, Варшавским. А посёлку, который казаки просили назвать его именем, он своего имени не дал, а доверил казакам самим назвать его другим «приличным именем». Письмо он подписал: «Благодарный Сухтелен».

Казаки поблагодарили губернатора за доверие и, пошумев на сходе, выбрали своему посёлку имя «Благодарный», видимо подразумевая подпись за рекомендацию, или опять же выразили этим свою благодарность любившемуся начальнику.

А Сухтелен вновь был поглощён в свои губернаторские заботы. Он много ездил по вверенной ему Императором губернии, по тем местам, где предстояло селить новые казачьи команды, их семьи или немцев-переселенцев, отселявшихся от перенаселённых материнских немецких колоний

на Волге или Украине.

Так и не дождался Пётр Петрович своего «благополучного окончания службы», не пожил на заслуженном отдыхе, наслаждаясь тем, что где-то в степи живёт и растёт поселение, носящее его имя.

Как жил бегом, так и умер он на ходу в разгар рабочего дня в собственном губернаторском кабинете при решении важных государственных вопросов, которыми постоянно была занята его голова. Все проблемы он пропускал через своё большое сердце. Не выдержало оно напряжения, подвело хозяина — остановились.

До сих пор в лесостепи Южного Урала живёт посёлок Сухтелинский, в просторечии — Сухтели.

Время оказалось благосклонным к именам. Когда переименовались, сначала все «бывшие» имена, а потом — немецкие. Может, просмотрели?

Август, 2002.

Эдуард Эверсман

«Около станицы или крепости Магнитной, и в особенности на левом азиатском берегу, огромное пространство степи состоит из роговикового и полевошпатового порфира, образующих там пространные, хотя и незаметные, хребты. К сим последним принадлежит и столь известная Магнитная гора, лежащая в восьми верстах от станицы того же имени на северо-восток».

Э. А. Эверсман. «Естественная история Оренбургского края». Т. 1

Приехав в село Спасское, что, примерно на полпути от крепости Магнитной до Верхне-Уральска, генерал-губернатор Перовский повстречал там давнего знакомого, медика и естествоиспытателя Эдуарда Александровича Эверсмана.

— О, Эдуард Александрович, где нам довелось встретиться, неугомонный вы человек. Что вас занесло сюда?

— Дела-дела, Ваше превосходительство. Растительность в этих краях интересная и разнообразная. В долине реки — одна, к востоку — другая, а к западу, в горах — совсем отличная. Вот, Владимир Иванович, не позволит мне солгать, — кивнул он на Даля, сопровождавшего своего начальника, — он любезно соглашается переключать мои записи на русский язык.

— Ну, не скромничайте, Вы и сами по-русски уже не плохо говорите.

— Немного говорю, но писать не решаюсь, сложно.

— Так значит, всё глубже изучаете растительность? А на животный мир внимания не обращали?

— О, как же! Как можно?! Животный мир здесь столь же интересен, как и растительный.

— Записываете?

— Нет, не столь подробно, как флору. Больше люблю, если выпадет случай. Но кое-что, все же, изучаю досконально. Хомячка вот неизвестного открыл.

— А вот Вам мой совет и задание: опишите наряду с растениями и всю живность, обитающую в наших краях. Владимир Иванович Вам

поможет, по свойски, с переводом Ваших немецких записей на русский. С изданием книги задержек не будет. Это будет интересный труд, я убежден, зная вашу тщательность в описании и живость языка.

— О, спасибо на добром слове. Но русский язык моих записей — это заслуга Вашего помощника, Владимира Ивановича. Он ваш язык изучил очень хорошо.

— Да, Владимир Иванович по знанию русского языка заткнёт за пояс многих русских, — согласно кивнул Перовский.

— Эдуард Александрович зря скромничает, — заговорил польщённый похвалой Даль, — его немецкий язык настолько ярок, что переводить его на русский одно удовольствие. Да и сам он кое-где даёт очень интересные, меткие определения по-русски, что и править не приходится.

— Вот и хорошо. Будем считать, что договорились, Эдуард Александрович получил задание, и в скором времени мы порадуемся новой интересной и полезной книге. Я читал Ваше, Эдуард Александрович, описание природы Бухарского края, надеюсь, — о наших краях Вы напишете не менее красноречиво.

Интересно отметить, что в этот свой объезд края Перовский проверял выполнение подчинёнными, его, годичной давности, приказа о насаждении деревьев вдоль рек и ручьёв. Каждый двор обязан был высадить всего по одному дереву любой породы. Но даже столь мизерное задание не везде выполнялось.

После той встречи увлечённого учёного с Оренбургским генерал-губернатором В.А. Пе-

ровским, бывшей летом 1836 года, Эверсман с удвоенной силой принялся за свою работу, которой занимался уже полтора десятка лет.

Прошло ещё четыре плодотворных года, и в Оренбургской типографии был отпечатан первый том трёхтомного труда Э.А. Эверсмана «Естественная история Оренбургского края». Для людей, влюблённых в свой край, это действительно увлекательнейшее сочинение. Тем более, что с годами и веками всё изменяется, особенно неузнаваемыми стали описываемые места в XX веке — в степи у горы Магнитной на месте нескольких посёлков вырос огромный город с дымной промышленностью и подъездными путями. Реки изменили свои русла, загрязнены. Меньше стало зверей. Недосчитываемся мы и горных вершин.

В природе за это время произошли не лучшие перемены: зверей, птиц и рыб стало несравненно меньше: хомячок Эверсмана, например, открытый и описанный в те времена Эдуардом Александровичем и получивший его имя, занесён теперь в Красную книгу, как вид, нуждающийся в охране от исчезновения.

Изменился и растительный мир — многое отступило от горы Магнитной. Хотя появились и позитивные изменения — сады, окружающие промышленный гигант, могли ли даже привидеться во сне нашим предшественникам.

Эдуард Александрович Эверсман прибыл в Россию молодым доктором медицины за 20 лет до своей случайной встречи с генерал-губернатором в Спасском. Его отец уже давно жил в Златоусте. Вот к нему-то и приехал Эдвард из своей Пруссии. Хотелось мир посмотреть, себя испытать. Отец писал, что края здесь красивые и дикие, деятельному человеку есть, где развернуться.

Не знал ещё молодой человек, что, приехав однажды из чистого любопытства, он так и прирастёт, прикипит к этим чащобам, к этим людям, не всегда, понятным, но достойным лучшей жизни. Эдуард решил посвятить себя этому краю, его изучению и расцвету.

Для всякого человека родина, это — место на Земле, где он появился на свет. Отечеством ему становится тот край, в котором он нужен, где ему хочется и может что-то создавать, где ему комфортно.

В отличие от родины, Отечество можно выработать, и вложить свою душу и силы в его расцвет. Как бы это ни было противно замшелым обывателям, не видящим этой разницы и считающим за подвиг сам факт рождения на данной территории, но не прилагающим никаких усилий к её благоустройству, а только засоряющим её.

В Златоусте Эдвард стал врачом на оружейной фабрике, пролечил множество людей, получил широкую известность и переехал в губернский город. Здесь ему посчастливилось участвовать в качестве врача в экспедициях и путешествиях, в которых, при изобилии времени и интереса, он увлёкся наблюдениями и описанием виденных им природных явлений. С ботаником и зоологом Г.С. Карелиным он совершил путешествие в Бухару по степям и пустыням; с полковником Бергом участвовал в опасной экспедиции по Каспийскому морю; много ездил по Уралу, бывал на Каме, Волге и Арале. И везде он собирал свою коллекцию растений, насекомых, камней, чучел птиц и животных, и живо, с любовью описывал

всё, что попадало в поле его зрения.

Глубина изучения и познания живой и растительной природы позволили ему стать авторитетнейшим учёным, именем которого названы открытые им растения и животные, к примеру: степной хомячок, или горное травянистое растение — лапчатка и др.

Мало того, его заинтересовали и люди, обладая большой наблюдательностью, вдумчивостью и интересом, он стал изучать и записывать обычаи, образ жизни и хозяйственную деятельность населения тех территорий, на которых бывал.

Он замечает, как много заботы местные казаки проявляли о лошадях, об улучшении их породы, строевых качеств. Эверсман отмечает внимание к этому важному вопросу и губернатора Перовского, стараниями которого «основано было три главные конские заводы для улучшения племени. Цель этих заводов — доставлять лошадей рослых, подобно заводским, и крепких, подобно степным лошадям».

Для улучшения качества местных лошадей, к коим относились башкирские, казахские, калмыцкие, отбирали лучших из них. В первую очередь из башкирских, более соответствовавших строевым качествам, и прикупали племенных арабских жеребцов — аргамаков. Стоили они дорого — до 300 рублей, это годовое жалованье коменданта крепости, но каждая станица стремилась приобрести хотя бы одного-двух красавцев. Эта селекционная работа импонировала Эверсману, и он подолгу общался с конозаводчиками, конюхами и казаками, обследуя их питомцев и давая дельные советы.

* * *

Эдуард Александрович удобно устроился в тени, спрятавшись от изнуряющей жары и палящего солнца. Настала пора полуденного отдыха, заведённого им с давних пор. Он справедливо считал более разумным пораньше встать и продельвать основную работу поутру, а с наступлением жары давать людям и себе отдых. Лучше, при необходимости, поработать ещё вечером, когда с гор вновь спустится прохлада.

К местному, резко континентальному климату, Эверсман приуёбился не сразу, но, изучив его законы, он решил изменить свой распорядок работы, и оказался прав. Дав себе отдохнуть в самое жаркое время суток, он меньше страдал усталостью и головными болями. Производительность заметно возросла, и мысли в прохладе становятся яснее и живей.

Сидя под тенистым деревом, на слабом сквознячке, он продолжал обдумывать свои выводы и выкладки, которые он уже доверил бумаге, или только собирался на неё занести. Когда фраза созревала и начинала ему нравиться, он пододвигал к себе тетрадь, и брался за карандаш.

Сейчас его мысли вертелись вокруг хомячков, изучению которых он посвятил уже много дней и месяцев. Он наблюдал их по всем территориям, где бывал, заносил на отведенные для этого зверька, страницы, всё новые и новые результаты наблюдений.

Бывая в библиотеках или дома, он старался прочитывать всё, относящееся к предмету его изучения. Так происходило и с хомячком. Он находил, что многие его наблюдения совпадают с другими. В то же время находилось и что-то

новое, а один из экспонатов его коллекции чучел, при всей своей схожести с собратями, выделялся по всем статьям: и окрасом, и размерами, и, даже, некоторыми повадками. То, что невозможно было узнать о животном по чучелу, Эдуард Александрович старался выяснить в поле, при каждой встрече с животным.

С растительностью работать значительно проще — она не прячется, не мигрирует с такой скоростью, как зверьки. И порой не было нужды лишний раз заглядывать в гербарий, можно было присесть, а то и прилечь рядом со встреченным растением и описывать его в разные периоды роста, возвращаясь к нему через недели и месяцы, если в том была необходимость, или случай приводил повторно на то же место. Так было и, с невиданным им, а как оказалось, не только им, но и другими учёными, травянистым растением из семейства лапчаток. Оно попадалось крайне редко, но каждый раз привлекало к себе внимание своей дикой красотой и своеобразностью. Встречалась лапчатка на каменистых россыпях степных склонов, где растительность вообще большая редкость. И вдруг видишь, как посреди уже пожухлой от июньской жары редкой растительности, над зелёными, как бы колючими, войлочными листочками на высоких цветоножках красуются жёлтенькие цветочки. Выжить и зеленеть в таких условиях смогло только растение с такими узенькими листочками, испаряющими мало влаги, и с мощной корневой системой, добывающей влагу из глубоких раселин в камне.

Наблюдения за различными животными и растениями Эверсман производил одновременно, как говорят — параллельно, но записи вёл системно на специально отведённых страницах.

Перелистывая свою тетрадь, учёный делал новые пометки, то в заметках о грызунах, то — летучих мышах, то — птиц, то — рыб. Вот книга открылась на странице с короткими записями о крупном соколе — кречете. Видеть эту птицу учёному довелось только в неволе, у богатых кочевников, использующих его для охоты. Замечательная птица, но к сожалению, очень редкая — в коллекции учёного так и не появилось его чучела. Или вот, рядом с кречетом запись о другой птице с созвучным названием, но ничего общего с соколом не имеющая — кречётка. Это разновидность кулика. Крикливая, скандальная птица, — увидев человека, начинает громко кричать и, даже, нападать на него, если он приближается к её гнезду. Так же ведёт себя и по отношению к хищникам. Кречётка попадает частенько, на просторах между рекой Уралом и горным хребтом. Гнездится прямо на земле, находя для этого ямку и покрывая её дно тоненькой подстилкой.

Во время работы на берегах озера Банного, Эверсман с интересом наблюдал, а потом с удовольствием пробовал уху из местных рыб, среди которых больше оказалось колючки. Но всё же, эта уха ни в какое сравнение не шла с той, что удалось попробовать на берегу Большого Кизила. Там в одном котелке оказались куски тайменя, хариуса, щуки. В этой же солидной кампании оказалась и речная мелочь — для на-вара. Для аромата подбросили в котелок зелёного и репчатого лука, перца и какой-то зелени. Уха была на диво! Особенно Эверсману понравился

бульон — юшка, как его называют рыбаки.

У Эверсмана среди его подопечных было много любимцев. Он, например, любил наблюдать за лебедем-шипунном — прекрасной благородной птицей. Описывая ее повадки и красивую внешность, он никак не мог описать её гнезда. По рассказам бывалых людей получалось, что шипун гнездится в очень труднодоступных местах, в глухих зарослях камышей, окружённых трясинной с чуть приметными извилистыми ручейками, ведущими к чистой воде.

В районе Магнитной Эдуард Александрович бывал часто, через неё проходил тракт, ведущий путников из Оренбурга, через Орскую на Верхне-Уральск и далее, на север и восток. Работал он, конечно, в основном «в поле», то есть, на природе, то, забираясь в горы, то, углубляясь в степь или лесную чащу. Объекты его наблюдений находились везде и, чаще, поодаль от людского жилья, но могли обнаружиться прямо на обочине дороги, или под стенами крепости, или — редута.

Когда он начинал в этих краях, в районе Верхне-Уральска, Смеловска, Магнитной, в 1831 году, свои поиски, левый берег не был столь уж безопасным, и без вооружённого отряда пускаться в путь не разрешалось. Да что там говорить о путниках и учёных экспедициях, когда казакам было разрешено косить сено на той стороне Урала только в разгар наполеоновских войн. Никаких русских поселений там не было. И только в 1835—37 годах появилась новая линия укреплений между Уралом и Тоболом, в том числе и редут Анненский, а также крепости, редуты и поселения, получившие от своих перво-поселенцев наименования тех стран, городов и земель, которые они до того освобождали или завоёвывали: Париж, Фершампенуаз, Берлин, Лейпциг, Варна, Полоцкое, Чесма, Балканы и тому подобные.

Но пока новая линия строилась, даже на горе Магнитной не всегда было безопасно без сторожевой охраны. Направляясь туда, Эверсман каждый раз заезжал в крепость, отметить свою подорожную и получить разрешение на переход через реку и подъём в гору. Там, правда, было несколько лагерей рудокопов, которые с ранней весны, как только оттаёт земля, копали руду, долбили её кайлами, ломками и складывали на поверхности в кучи, из которых возчики, уже санным путём, собравшись целыми поездами, и нагрузившись, отвозили эту руду в Белорецк, на завод. Все были вооружены и, на крайний случай, имели при себе лопаты, топоры и колья.

Эверсман, интересуясь добычей руды и сам изучая её, обходил огромные ямы и на дне некоторых видел большие, неподъёмные глыбы руды, не поддающиеся дроблению вручную и оставляемые рудокопами лежать до лучших времён.

С вершины горы хорошо просматривались дали: и правый, башкирский берег, где вдали, на горизонте тянулась гряда Уральских гор; и левый, киргизский, берег реки, где холмились безлесые пригорки, не казавшиеся издали солидными горами. Но как раз в этих холмах, имевших различные названия, и безымянные, составлявшие общее понятие «гора Магнитная», и таилось огромное богатство, к которому ещё долго, почти сто лет будет тянуть людей, пока

они, досконально не изучив её, не решатся построить здесь завод-гигант и современный город. И назовут этот город Магнитогорском.

А пока, Эдуард Александрович низко кланяется каждому растению, на месте, где когда-то будет котлован, приседает возле них, и внимательно рассматривает стебельки, пересчитывает лепестки, считает количество растений на квадратной сажени, всё это записывает в свои полевые дневники.

Учёный работает. Ему помогают его ученики. А казаки, приставленные к учёному для охраны, отдыхают в стороне, кто, с безразличием наблюдая за странными действиями учёного, кто, особенно — молодёжь, разинув рот, любопытствуют происходящим, а кто — просто дремлет, откинувшись в седле и пустив лошадку пощипать горной травы.

Дни сплетаются в недели, из недель складываются годы, а Эверсман из сезона в сезон, всё объезжает свою территорию, всё ищет и ищет то растение, то животное, ту птицу или рыбку, которые ещё не описаны и не внесены в каталог

данного региона. Или не известен ареал его распространения. Найдя что-то новое, неизвестное ему, учёный тут же внимательно осматривает, вникает во все подробности, замечает место, всё записывает. Если экземпляр не единичный, берёт его для коллекции или ищет вблизи и вдали подобный. Возвратившись сюда в другой сезон, старается найти описанное, и вновь обследовать и записать, познав объект в развитии.

Забравшись на самую высокую вершину, он стал осматривать и запоминать окрестности, изредка делая пометки в тетради, где более обширные записи появятся попозже, в лагере, когда можно будет удобнее расположиться в плетёном кресле за походным столом.

Первая книга его «Естественной истории», как мы знаем, вышла в Оренбурге в 1840 году, а вторая и третья книги вышли уже 1850 и 1866 годах в Казани, куда Эверсман перебрался в университет профессором ботаники и зоологии.

1999 г.

Лето 1918 года

«Время, употреблённое с пользой, есть жизнь».

Э. Юнг

Говорят, что жить во времена перемен, потрясений и революций тяжело и опасно. Человек выбивается из колеи размеренной жизни и вовлекается в круговорот происходящих событий и преобразований.

В истории возможно и найдутся времена, когда какое-то поколение людей не оказывалось вовлечённым хотя бы в одно роковое событие.

Лишь где-нибудь, на отшибе, в глуши, вдалеке от исторических перекрёстков могли жить небольшие селения или сообщества людей, не ведающих о грандиозных событиях, потрясающих если не всё человечество, то окружающие территории.

Казалось бы, невероятно, для человека с активной жизненной позицией, не быть вовлечённым в такие события, как революции 1917 года и гражданская война, разгоревшаяся в борьбе за власть в стране в 1918.

Но такие люди были, они как бы воспарили над всем происходящим, отрешились от него, и делали своё дело, более полезное для страны и его народа, чем установление господства тех или иных сил в ней и над ними.

И люди эти, что самое интересное, не отсиживались в тиши кабинетов или в глухих медвежьих углах, в горах, лесах. Они находились на виду у других, у тех, кто воевал, прокатываясь мимо волнами сражающихся противоборствующих сил.

Воюющим было трудно понять, как это можно жить на какой-то горе, на её склоне в выцветших палатках, копошиться в шурфах, часами перебирать камушки, разбивая, дробя и исследуя их, не обращая внимания на то, что происходит у подножия этой горы, в долине реки, протекающей вблизи и в посёлке, раскинувшемся на противоположном берегу. Как можно продолжать заниматься своим сугубо мирным, востребованным только в далёком будущем, трудом, когда

слышится стрельба, а шальные пули залетают в лагерь, норовя попасть в его обитателей.

Но, несмотря на полное непонимание, вооружённые люди, с интересом поглядывая на одержимых тружеников, только качали головами, и не мешали им оставаться на своей горе, уходя под напором противоборствующей силы, надеясь когда-то вернуться и воспользоваться результатами трудов или не вернуться никогда. И, хоть им пришлось разрушить многое из рукотворного, загубить немало жизней, к этим малопонятным людям-труженикам они отнеслись с каким-то высокомерным благоговением.

Пришедшие на смену победители удивлённо спрашивали:

— Кто это там, в палатках на горе, и чего они по ней ползают?

Им отвечали:

— Учёные из Питера, уже полгода живут, только снег по весне сошёл — явились. Изучают гору, говорят — осваивать будут, заводы строить. Кого тут только за это время не перебивало: и красные, и белые, и ещё какие-то, цвет не успели определить, а эти всё работают, ни к кому не прибываются, некогда, видать, отвлекаться от своих дел. Говорят, надо гору взвесить.

Происходило это в далёком 1918 году на берегах реки Урал, на горе Магнитной, в виду у станицы того же названия. А главным чудачком, ползавшим по горе, был профессор геологии Петербургского горного института Бауман Владимир Иванович. Первым помощником у него был геолог Бахурин Иван Михайлович.

Прибыв ранней весной в Магнитную, Бауман обнаружил, что в станице имеется Совет и отряд красногвардейцев. Попросив у местного начальства сделать отметку о прибытии в бумагах и выделить, по возможности, охрану экспедиции, которая будет работать на склонах горы и, договорившись с местными жителями о покупке у

них свежих продуктов, он со своими помощниками перебрался на левый берег и углубился в горы. Палатки поставили так, чтобы были в виду станции и проходящего на Верхнеуральск тракта. Времена смутные, — а тут всё же люди.

Всё, что происходило дальше на этой большой дороге, было не совсем понятно, больше походило на театральное представление. Тракт постоянно был оживлённым, как ни в одно лето своего существования до этого, с самых неплюевских времён. Туда-сюда сновали небольшие группы и огромные отряды вооружённых людей и в пешем строю, и конные.

Приезжающие, время от времени, на гору старики и мальчишки, которых не мобилизовали в свои войска ни те, ни другие, рассказывали о сменах властей.

В конце мая на севере, вдоль железной дороги, поднялся мятежчехословацкого корпуса, отправлявшегося домой в Европу через Дальний Восток. Бывают такие чудеса на белом свете.

В станции сразу же власть захватили дутовцы, явившиеся откуда-то из степи, где они отсиживались после разгрома в Верхнеуральске и Оренбурге. В начале июня Совет в Магнитной был распущен и атаманить опять стали местные богачи и пришлые отряды.

Месяц спустя, через станцию с юга из Оренбурга прокатилось огромное семитысячное войско красных во главе с В.К. Блюхером и Н.Д. Кашириным. Они шли на соединение с красными вдоль Урала. Совершили долгий рейд по тылам белых, соединившись со своими уже в конце августа, где-то под Кунгуром.

Блюхер с небольшим отрядом, прежде чем покинуть Магнитную, поднялся на гору, проверил, чем это занимаются здесь эти странные люди. Будучи человеком начитанным и любознательным, он расспросил Владимира Ивановича о целях его экспедиции и последствиях той работы, которую они тут проводят.

Понимая, что перед ним дилетант, но, чувствуя его природную смекалку и цепкий ум, сразу понявший пользу и перспективы их работы, Бауман коротко, в доступной форме объяснил красному командиру с немецкой фамилией, цель своей работы и перспективы развития этого края.

Поднявшись на одну из вершин, Блюхер любовался пейзажем окружающей местности. Далеко на западе, в дымке, высились горы, до которых стлалась равнина с небольшими перепадами рельефа.

Местность изобиловала логами, овражками, озёрками и ручейками. К северо-западу белела небольшая гора. Левый берег реки составляла цепь гор, с пологими склонами, поросшими выгоревшей уже к середине лета травой. Повсюду виднелись выходы на поверхность горных пород, где торчащими зубьями, где — гладкими боками, а где — россыпью щебёнки. Там-сям зияли ямы, то совсем свежие, то многовековые, осыпавшиеся и поросшие кустарником и травой. Видно было — люди здесь уже давно используют богатства этих гор.

Внизу, вдоль реки, по тракту на Верхнеуральск шло движение огромного войска, пешего и конного. Попрошавшись с геологами, и пожелав им успехов, Василий Константинович Блюхер заспешил к своим войскам, которым

предстоял долгий и опасный, с боями, путь по всему Уралу.

Оставшись опять одни, геологи проводили долгим взглядом очередное войско, помолились, каждый своему желанию, и вновь принялись за работу, мечтая завершить её к началу зимы. Учёный вознамерился «взвесить гору» и определить магнитометрическим способом, своими методами, запасы руды и других полезных ископаемых всех вершин, составляющих понятие «гора Магнитная».

В записках профессора имеются подсчёты, из которых следует, что железной руды имеется: в горе Атач — 216 миллионов пудов, в её западном склоне — 1000 млн. пудов, в восточном склоне — 879 млн. пудов; в Узянке — 258 млн. пудов, в Дальней — 398 млн. пудов, в Ежовке — 100 млн. пудов. Это то, что успели «взвесить» за сезон 1918 года. Кроме того, считал Владимир Иванович, этот массив имеет ещё около 2700 миллионов пудов. Точность этих цифр предстояло ещё проверить последующим поколениям геологов и металлургов.

Солнце палило нещадно и, если бы не частые юго-западные ветры, разгонявшие облака и насекомых, жизнь здесь была бы довольно сложной. Правда, и ветры, особенно на вершине горы, иссушали не только почву и растительность, но и людей. К концу лета все члены экспедиции почернели телами и заметно исхудали. Брови и ресницы выцвели. Неизвестно что было бы с волосами на головах, если бы кто-то вздумал всегда ходить простоволосым, но все старались в солнцепёк покрываться паннами, шляпами или картузами, чтобы не напекло голову, и не случился солнечный удар.

Стоя на вершине горы, или на западном её склоне, можно было полюбоваться живописным пейзажем, лежащим к западу. Восточные же, азиатские виды являли зрелище более скучное: холмы, холмы и степи....

Животный мир и растительность данную экспедицию интересовали мало, только в плане поддержания её жизнедеятельности. По вечерам или на утренней зорьке, по интуиции рыбаков, спускались к Уралу или, когда передвинулись к северным склонам горы, к Башику, и ловили рыбу. Для досуга и, главное, для пополнения рациона.

Рыбы в реках водилось много, были и скромные окуньки, ерши, щуки, и прекрасные породы рыб, которыми и в столицах не побрезговали бы и важные персоны. Кто, скажите, отвергнет тайменя, хариуса, форель и тому подобные для европейского человека редкости.

Какая прелестная уха получается из рыб разных пород, одновременно опущенных в котелок, с круто бурлящим над живым огнём, кипятком. Несколько минут колдования кашевара с приправами, и душистая уха готова.

Рыбу и солили, и вялили, и, даже, коптили по примеру предков Баумана, знавших в этом деле толк.

Охота на птицу и зверя тоже приносила свои плоды.

Здесь, на левом, азиатском берегу Урала не было той оживлённости, что на правом, где находились все старые поселения, и проходил тракт, сооружённый ещё в середине восемнадцатого века, задолго до пугачёвского бунта.

Стоял жаркий августовский день. Владимир Иванович сидел под навесом, обрабатывая результаты утренних поисков и обследований. Так приходилось делать с тех пор, как наступили жаркие дни, ещё в мае месяце — в самое жаркое время, отдохнув и подкрепившись обедом, все прятались в тень от изнуряющей жары.

Вдруг подул сильный северо-западный ветер, резко сменив собой южное горячее дыхание степи. Подняв глаза, Бауман увидел никогда ранее невиданное: прямо на него двигалась чёрная гора, заполнив собой всё северо-западное пространство. Чернота уходила в небесную высь, казалось до бесконечности, а внизу, только чуточку не касалась травы, растущей на вершине недалёкой белой горки. Пространство под тучей вдруг стало прозрачным, чётко стали видны подножия далёких гор, вершины которых наглухо были накрыты этой ужасающей тучей.

По передней стенке тучи, до которой оставалось, может быть километра три, вдруг ослепительно рвануло молнией. Сначала горизонтально, потом, росчерками, в разных направлениях и, внезапно — отвесно вниз, в одну из горушек. Там, куда ударила молния, то ли — показалось, то ли — на самом деле, что-то взорвалось, и за клубилась пыль, а следом — дым, и показался огонь, поглощающий иссушённые кустики и былинки травы. Через несколько мгновений раздался оглушительный треск грома.

Весь лагерь всполошился, кто дремал, кто читал — все повскакивали, повысовывались из палаток, испуганно вертя головами и вращая глазами, в это лето можно было ожидать чего угодно.

— Быстро всё закрепить и укрыться, — подал команду Бауман, собирая свои бумаги и унося в палатку разборный столик и плетёное кресло.

Все бросились выполнять указания «главного». Солнце накрыло тучей.

Минут через пять, не успели ещё работники убрать в укрытия весь инструмент и до конца закрепить палатки, упали первые крупные капли. Сразу, как это часто бывает на Урале, повеяло прохладой, молнии сверкали уже со всех сторон. Гром, то глухо бухал, то — звонко трещал, то — раскатисто катился по небосклону.

Дождь, из отдельных капель, поднимавших пыль в том месте куда падали, постепенно перешёл в проливной ливень, который, только прикоснувшись к поверхности, устремлялся вниз по склону. Моментально все склоны горы и, особенно, ложбинки, превратились в сплошной поток воды, захватывающий в свой плен всё, что поддавалось этой стихийной силе, даже камни, веками лежавшие неподвижно, вдруг начинали шевелиться и куда-то проваливаться, потеряв под собой, размытую водой, опору.

Ливень закончился так же мгновенно, как и начался. В небе появились светлые окна, стена дождя отодвигалась в степь на юго-восток, заполняя водой ложбины, овраги, речушки, превращающиеся, как по мановению волшебной палочки, в полноводные реки.

Похолодало настолько, что при дыхании воздух, выдыхаемый людьми и лошадьми, превращался в пар.

Выйдя из палаток, люди не узнали свой лагерь. Он весь как бы передвинулся, что-то вообще унесло потоком, что-то перевернуло. Всё

оказалось вымоченным, люди промокли, палатки требовали перестановки и просушки. Очаг был залит и тоже нуждался в починке. Так, в считанные минуты, стихия наделала работы на добрую неделю.

Дождевая вода, к следующему утру стекла, просочилась, подсохла, и только кое-где сохранились небольшие лужи. Воздух стал значительно прохладней и свежей, по небу продолжали пролетать лохматые серые тучи, за которые то и дело занывало ясное, как бы помытое, солнце. Рабочие и учёные ходили одетыми, достав из сундуков демисезонную одежду, запрятанную туда ещё в конце апреля.

Потеплело только на пятый день, когда северо-западный ветер сменился южным, более сухим. Опять наступило лето.

Стояло тихое сентябрьское утро. Вода в реке не была подёрнута даже рябью. Кусты над рекой дремали, нехотя выпуская из своих зарослей редких сонных птишек. Солнце, медленно выкатываясь из-за горы, с трудом пробивалось сквозь дымку.

Трава в этом году ещё не пожухла, как это обычно здесь бывает, она ещё зеленела, напобённая нечастыми, но обильными летними дождями, особенно августовским ливнем.

Издалека, из станицы доносился заполосный лай растревоженной собаки и еле слышные перепевы проснувшихся петухов.

Вдоль правого берега реки лениво брело стадо, состоящее из коров, овец и коз. За остальным скотом увязались даже два подсвинка, не пожелавших отставать от своих соседей по стайке.

Поодаль, на пригорке поднимался табун лошадей, сильно поредевший за последний год. Он направлялся в ближайший ложок с сочной ещё травой.

Начинался новый день в бескрайней южноуральской степи.

Вдали, на западе, в утренней дымке слегка угадывались на фоне тёмного ещё неба серые вершины Уральских гор.

Тепло, накопившееся за жаркое лето, казалось, никогда не покинет потрескавшуюся землю, камни, торчащие по склонам горы, воду, журчащую в степной реке.

Даже слабый юго-западный ветерок обволакивал теплом. В нём чувствовался запах осени, настоящий на отцветших, увядающих степных растениях с явным преобладанием полыни.

К обеду на западе над прояснившимися контурами гор, небо начало темнеть. Ветер сначала совсем стих, потом оттуда, с гор, потянуло прохладой, которая всё усиливалась и заставила вскоре всех, одного за другим, доставать всё более тёплые одежды.

К вечеру стало холодно, ветер, своими порывами выгонял последнее тепло из самых укромных местечек.

Ночью, с северо-западным ветром пришёл моросящий дождь, пропорхали, первые в этом году, снежинки. Осень вступила в свои права решительно и неотвратимо.

Выдавались ещё тёплые денёчки, но одежду, надетую в тот переломный день, уже снимать не приходилось.

Работы продолжались до поздней осени, когда уже в воздухе стали кружиться снежинки,

и вода в бочке по утрам стала подёргиваться узорчатым ледком.

Экспедиция, сложив пожитки в телеги, собралась в дальний путь. Бауман поехал в станицу, где он не появлялся с самой весны, отметить в документах дату

убытия и посоветоваться о маршруте движения.

В станице всё сменилось, тех людей, с которыми он общался весной, уже не было: кто ушёл с красными, кто — с белыми, а кого — в этой круговерти — убили. Но все знали о работе экспедиции и её непричастности к политическим и военным событиям. Поэтому, Владимира Ивановича встретили, если не приветливо, то уж точно — не враждебно, сделали в бумагах записи, которые он просил, и посоветовали — не соваться на запад. Там везде чересполосица фронтов, можно запросто попасть в переплёт и сгинуть, а ехать, сначала на Челябину, а дальше, в Екатеринбург, в горный департамент Урала, если он ещё существует.

Бауман поблагодарил местных жителей за гостеприимство, пожелал им счастья и тронулся в путь. Ему вдогонку прокричали счастливого пути и успехов.

Экспедиция тронулась в дальний трудный путь, увозя с собой результаты

титанической работы, которые надолго останутся не востребованными, затерявшись в Екатеринбургских архивах.

Сам Владимир Иванович, уроженец Уфимской губернии умрёт в Петрограде в 1923 году, прожив всего пятьдесят пять лет, а его попутчики по экспедиции на Магнитную, займутся собственными идеями. Да, времена тогда были далеки от стабильных.

Однако через десять лет после описываемых событий, не только гора, но и все окрестности заполнились шумом толплюдей, прибывших для совершения грандиозного дела — строительства завода и города. Подножия горы покрылись стройплощадками, траншеями и котлованами. Стали исчезать не только роднички и озёрки, но и целые речки.

Вскоре принялись и за саму гору, за главную её вершину. Возможно им, этим новым людям и послужили, хоть сколь-нибудь, результаты той рискованной экспедиции.

2000 г.

Сергей Вершинин

ОБРАЗ НЕМЦА В ТВОРЧЕСТВЕ П. П. БАЖОВА

Немецкая тема появляется перед Великой Отечественной войной 1941-1945 гг. в сказе «Две ящерицы» (1939 г) и «Таяткино зеркальце» (март 1941 г.) и воплощается со всей полнотой в сборнике «Сказы о немцах» (1943, Свердловск), куда вошли 8 сказов, написанных после начала войны. Стремление П.П. Бажова поддержать русско-советское патриотическое сознание в тяжелое военное время вылилось во введение в сказы более широкого — европейского - контекста. Если в довоенных сказах все действие ограничивалось, в-основном, только отечественными персонажами — от приказчиков до заводчиков и царского двора, то сейчас появляются иностранцы — в основном, немцы (хотя в некоторых сказах прослеживается «французский след» - см., напр., «Железковы покрышки», 1942) и культурные влияния, идущие из-за рубежа.

Почти все «немецкие» сказы начинаются с констатации статусного положения немцев — «...в начальстве все немцы ходили» (Бажов:1952:2:34). Корпоративность последних распространяется не только на отдельные заводы, но и по вертикали - вплоть до царского двора: «У немцев в ту пору при царице которой-то большая сила была. Как на собачью свадьбу их сбежалось, и все в чинах...» (Бажов:1952:2:203). Такое статусное положение проявляется и в личностных качествах. Социальное превосходство переходит в проявление профессионального («Покажи русским, что без нас им обойтись никак невозможно») и эстетического превосходства («Такой тонкий рапота руски понимайт не может») (Бажов:1952:2:67, 35). Немец жаден и хитер («А

это уж так повелось - где богатое купечское наследство, там непременно какой-нибудь немец пристроится») (Бажов:1952:2:80). Более того, он ворует, причем в больших масштабах (наиболее анти-немецкий сказ «Главный вор», 1941). Непременный признак немцев-мужчин — сытость: «каждый успел брюхо нарастить и задыхался, как запаленная лошадь», это же касается и женщин («..баронша.сильно сытая») (Бажов:1952:2:46, 80). Это также свидетельство самозванства и дилетантизма («Зовутся мастера, а по делу одно мастерство видно — брюхо набивать да пивом наливать») (Бажов:1952:2:45). Сытость входит в набор признаков немецкой красоты: «Девка, понятно, красоты немецкой: сытая, да белобрысая, да в господской одежде» и является эстетическим критерием: «Немецкую работу без ошибки узнать можно. Как лошадка поглаже да посытнее, либо бык пудов этак на сорок, а то барыня погрузнее, в полном снаряде, да еще с собакой, так и знай - без немецкой руки тут не обошлось» (Бажов:1952:2:71,76). Другими внешними признаками немцев являются белесые глаза («Двоефедя» из сказа «Хрустальный лак», 1943), сильная потливость («Не знаю, правда ли, будто немец при страхе первым делом кругом отсыреет. Потому, видашь - пивом наливаются»), кроме того, они «дубоносные» и «навозные» (Бажов:1952:2:86,39,47,34). Отмечают свои праздники немцы замкнуто, не идя на контакты с местным населением: «видно, неохота.. немцам свое веселье нашим показывать» (Бажов:1952:2:49) Таким образом, преобладающими являются негативные характеристики, показывающие существенные

различия немецкого мира на Урале (ведь там не только начальники, но и свои «заводские немцы», своя церковь, суд, школа, свои улицы и обычаи) и самобытной уральско-русской жизни.

Немецкий вызов воспринимается русской стороной, прежде всего, в аспекте соревновательности: уральские мастера - как старые, так и молодые, - не боятся и хотят вступить в состязание («сам желание имею с немцем в рисовке потягаться») (Бажов:1952:2:36). В соревновании участвуют не только мастера, но и результаты их труда - наиболее ярко это видно в сказе «Коренная тайность» (1945), когда на международной выставке проверяются немецкая и златоустовская сабли. Соревнование всегда заканчивается победой русско-уральского умельца, независимо от места действия — и в Златоусте, и в Тагиле, и в Каслях. В сфере профессиональной еще возможно честное сравнение результатов, в результате которого наиболее совестливые немецкие мастера, проиграв, уезжают к себе на родину (сказ «Иванко Крылатко», 1943). Однако в тех случаях, когда немцы пытаются выдать достижения уральских мастеров за свои или ведут промышленный шпионаж, русские умельцы отвечают им хитрым обманом, тщательно скрывая профессиональные секреты. Обман становится основным орудием борьбы уральцев в условиях неравенства сил: таков основной смысл сказов «Хрустальный лак», «Тараканье мыло» (1943), «Алмазная спичка» (1945). Позиция охранительства олицетворяется горнозаводской общественностью, прежде всего мастерами и стариками, стремящимися сохранить или даже унести в могилу тайны мастерства. Такой культурный изоляционизм приводит к крайностям — когда, например, Александру фон Гумбольдту, прототипу «худощавого немца в очках» из сказа «Тараканье мыло», путешествующему по Уралу, вместо топазов продают дешевые стекляшки — так уральский мастерской Афоня «срезает» крупнейшего немецкого ученого. Крайний вариант расхождения — это розыгрыши немцев, не понимающих русский язык и юмор, переходящие в преследование и издевательство («Веселухин лужок», 1943).

Мотив мести, но уже символической, встречается в сказе «Чугунная бабушка» (1943). Сопротивление идет и на уровне языка, проявляясь в русифицировании имен собственных: мастер Штоф превращается в «Фуйко», обер-мастер Шпиль зовется Устав Уставычем, охотник до секретов тагильского лака - Федор Федоровичем, пожилая тетка фон-барона Меллера-Закомельского именуется презрительно Каролинкой, а А. фон Гумбольдту достается и вовсе обидное прозвище — «Тараканье мыло». Русский язык немцев также показан в комическом плане («Какой ушасный женьшин! Такой песпоряток делаит. Турма такой ната! Турма») (Бажов:1952:2:46).

Позиция рассказчика сказов отличается ярко выраженной симпатией ко всем действиям русской стороны и антипатией к «внутреннему немцу», однако не может быть обозначена как националистическая и агрессивная. Во-первых, решающими являются социально-статусные, а не этнические характеристики немцев. Настроения героев сказов выражают, прежде всего, социальный протест и стремление к справедливости: мастеровые люди не хотят, чтобы немцы «жировали на наших хлебах», чтобы они «раздобрили на казенных харчах»

(Бажов:1952:2:34,45) и т.д. Во-вторых, немцы воспринимаются дифференцированно, т.е. проводится различие между немцами - начальниками и немцами-мастерами своего дела, которым отдается должное («понимающий мужик» Штоф из сказа «Иванко Крылатко»). В изображении начальства Бажов следует как традиционной линии русской литературы (например, Н.С. Лескова и его «Железной воли» [1]), так и примыкает к советской традиции военных лет - карикатурного изображения немецких персонажей. В-третьих, позиция русской стороны снисходительная - мастера посмеиваются над незадачливыми пришельцами, а умелец, обманувший А. фон Гумбольдта, пишет ему саморазоблачительное письмо. Как сам рассказчик, опровергающий различные «сплетни» о том, что златоустовские мастера мастерству у немцев учились (в сказе «Иванко Крылатко»), что Аносов обманом перенял «чужую тайность» (в сказе «Коренная тайность»), так и герои сказов добиваются лишь одного — признания своего профессионализма и национальной самобытности (проявляющейся, в частности, в противопоставлении немецкому стандарту русской выдумки). Пафос такой самодостаточной позиции заключен в следующих словах: «Ну, как - русский человек! Разве ему охота ниже немца ходить? Никогда этого не бывало» (Бажов:1952:2:36). В контексте военной поры данные сказы несли печать не столько определенной идеологии, сколько исторического оптимизма и надежды: если раньше русские справлялись с немцами, то и сейчас это возможно.

Сноски:

[1] - См. также у А.И.Герцена: «Из всех правительственных немцев русские немцы самые худшие. Немецкий немец в правительстве бывает наивен, бывает глуп, снисходит иногда к варварам, которых он должен очеловечить. Русский немец ограниченно умен и смотрит с отвращением стыдящегося родственника на народ. И тот, и другой чувствуют свое бесконечное превосходство над ним, и тот, и другой глубоко презираю все русское, уверены, что с нашим братом ничего без палки не сделаешь. Но немец не всегда показывает это, хотя и всегда бьет; а русский и бьет, и хвастается» / Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // Герцен А.И. О социализме. Избранное. М., 1974, с. 454.

Список литературы:

Бажов П.П. Соч. в 3-х томах. Том второй. Малахитовая шкатулка. Книга вторая. М., ГИХЛ, 1952.

Бажов П.П. Сказы о немцах. Свердловск, 1943;

Батин М.А. Павел Бажов. Москва, 1976. СС. 155-164.. Слобожанинова Л.М. «Малахитовая шкатулка» П.П. Бажова в литературе 30-40-х годов. Екатеринбург, 1998. СС. 115-128;

Примечание:

Реальность изображенной П.П. Бажовым картины жизни подтверждается и различными исследованиями. Так, в работе «Златоустовское художественное оружие XIX века из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи» (Ленинград, 1986 г.) говорится о мастерах из Золингена и Клингенталя, которые прибыли в Россию по приглашению царского правительства в 1814 г. - сначала 19 человек, а в 1818 г. их было уже 115

(С.7): «Нельзя не отметить, что приглашенные в Златоуст иностранные мастера щедро оплачивались и находились на фабрике в привилегированном положении. Они обособленно жили в своей колонии, где имели дома, земельные наделы, церковь и клуб, которые содержались за счет казны. Достаточно сказать, что иностранные мастера и подмастерья получали жалование в размере от шестисот до двух тысяч пятисот рублей в год, в то время как русские мастеровые, как правило, получали по пятнадцати копеек в

день и только очень немногие — по двадцать пять-сорок копеек. Рабочий день взрослых составлял двенадцать часов в сутки, подростков - восемь. На фабрике широко применялись всевозможные штрафы и телесные наказания» (С. 8).

Следует также отметить, что фамилия немецкого мастера Штоф у П.П.Бажова переключается с фамилией известного золингенского мастера Вильгельма Николая Шафа (W. Schaaf), который приехал в Златоуст в 1815 с тремя сыновьями, также мастерами по обработке клинков (С.11).

НЕМЕЦКИЕ МАСТЕРА. НАЧАЛО ОРУЖЕЙНОГО ЗЛАТОУСТА

В конце XVIII столетия в России решено было построить завод для приготовления холодного оружия по образцу Золингенского, как лучшего в Европе. Чтобы привлечь немецких мастеров из лучших европейских оружейных центров Золингена, Клингенталя, Эльберфельда для них в России создавалось множество привилегий, переезд осуществлялся за счёт русской казны.

В 1912 году в «Горном журнале» опубликована работа А.С. Бурмакина «Исторические данные по введению изготовления холодного оружия в Златоустовской фабрике немецкими мастерами». По которой, - в 1814 году в Златоуст прибыли золингенские мастера, среди них - главный мастер по приготовлению оружия Андрей Кунц, специалист по рафинированию стали Франц Лун, мастер по изготовлению ножен Брынкер, Кондрат Флик и седельный мастер Генкен. Генкен условился получать 1500 рублей в год, что по тем временам раз в 10 превышало оплату труда таких же русских мастеров.

Кроме того, по соглашению мастер получал казенную квартиру и бесплатные дрова на ее отопление, даровое обучение детей немецкому и русскому языкам, бесплатное лечение, даровые покосы и огороды, «сколько потребуется». Жена получила «в подарок» две коровы. Все немецкие мастера, согласившиеся переехать в Златоуст, и их дети освобождались от рекрутской повинности.

В соглашениях было оговорено, что мастера и их дети «будут независимы, как привыкли в своем отечестве». При этом, по странному недоразумению, российская сторона подмахнула соглашение, не отдавая себе отчета в том, что в Европе не было «отечеств», в которых их граждане освобождались бы не только от воинской повинности, но и налогов. В случае смерти мастера, его вдове гарантировалась пенсия в размере 50% от жалования мужа. Пенсия эта сохранялась и при вступлении вдовы во второй брак.

Каждый мастер обязался «обучить своему искусству» одного русского работника, за что, сверх жалования, получает по 500 рублей. До приезда в Златоуст немцев местные русские, очевидно, обходились без ученой акушерки.

Пришельцы, ободренные неслыханными привилегиями, и не думали обходиться услугами неграмотных повитух. По контракту от 1 мая 1814 года была взята на заводскую службу по-

живальная бабка Эберт, выговорившая себе жалования 800 рублей в год, готовую квартиру, даровые дрова и сено для двух коров. У Эберт был муж, по ремеслу сапожник. Пришлось и его пристроить в заводе с жалованием по 800 рублей в год. Эберт обязана была выучить повивальному искусству одну русскую женщину «до того совершенства, какое сама имеет».

Содержание мастеров с семьями в Петербурге, перевозка их из Петербурга до Златоуста стоили казне 36 тысяч рублей, так что каждый мастер по прибытии в Златоуст стоил казне более тысячи рублей, не считая еще немалых расходов на переезд из Германии в Петербург. В том же 1814 году в Златоуст прибыли особой партией еще 16 мастеров. В 1814 году, таким образом, немецкого населения, считая жен и детей, насчитывалось 171 человек.

В это время вопрос о месте постройки Оружейного завода все еще оставался нерешенным. Городской совет полагал основать оружейную фабрику в Воткинском заводе, в крайнем случае в Аннинском или Миасском, находя, что в даче Златоустовского завода нет достаточного запаса лесных материалов, нет удобной земли для огородов иностранным мастерам; немцы же, не желая нового обременительного для семейных людей путешествия, просили оставить их в Златоусте. Директор департамента Дерябин, в виду этой просьбы, а также во избежание потери времени и напрасных расходов на перевоз мастеров в другой завод, полагал, что фабрику следует устроить при Златоустовском заводе.

Комитет министров, соглашаясь с мнением директора департамента, в июле 1815 года решил устройство фабрики в Златоусте. Директором фабрики был назначен Эверсман, его помощником и горным начальником обер-бергмейстер Фурман, а управителем завода Меджер. На первоначальное устройство фабрики дано было правительством 300 тыс. рублей. Таким образом, вся главная администрация фабрики и заводов состояла из немцев. 16 декабря 1815 года состоялось официальное открытие «фабрики дела белого оружия, разных стальных и железных изделий».

Между тем, слухи об открытии немцами в варварской России, в уральских дебрях обетованной земли широко распространились в Германии. Вице-консул в Любеке Шлецер в 1816 году со-

общает министру финансов, что «дошедшие в германские города слухи о спокойной жизни в Златоусте иностранных оружейников возбудили желание и в других их соотечественниках, числом до 333 человек, разделить с ними счастливую их участь.» Директор департамента, извещая Эверсмана о таком успешном ходе дела по найму мастеров, предлагает ему снести со Шлецером о высылке такого числа их, какое признает нужным, добавляя при этом, что все нужное для войск белое оружие будет готовиться в Златоустовской фабрике, т.к. заводы Тульский, Сестрорецкий и Ижевский будут исключительно заняты приготовлением огнестрельного оружия.

Пользуясь таким широким полномочием, Эверсман продолжает вербовать своих соотечественников в 1815, 1816, 1817 и частью 1818 гг. В начале 1817 года число немцев-мастеров в Златоусте достигает 74 человек. В это же время, по отзыву Эверсмана, имелось уже вполне обученных 18 русских мастеров, но Эверсман выписывает из Германии еще 40 человек.

В 1818 году всех выписанных из заграницы мастеров находилось на фабрике 115 человек. По прошествии недолгого времени получили звание мастеров некоторые взрослые сыновья их, почему общее число мастеров доходит до 147-ми. Все немецкое население с женами и детьми достигает 450 человек. На путевые расходы по переезду немцев до Златоуста казна затратила, в общем, до 150 тысяч рублей. В первые годы на жалование им расходовалось до 125 тыс. рублей в год, в среднем каждый мастер получал до 1900 рублей в год. Кроме того, они получали «в подарок» коров, лошадей и прочее.

Для проживания их в 1816 и 1817 гг. было построено более 50 домов, которые впоследствии отданы немцам бесплатно в собственность. Из них образовались две улицы под названием Большая немецкая и Малая немецкая, на что затрачено казно более 200 тысяч рублей. Щедрость неслыханная. Большинство домов разделялось на две квартиры для двух семейств, с особыми для каждой дворовыми постройками. Каждая квартира, состоявшая из нескольких комнат и кухни, снабжена была на казенный счет мебелью, кухонными принадлежностями и всем необходимым в домашнем обиходе.

Позади домов находились занимавшие значительные пространства огороды, улицы обсажены были липовыми аллеями, остатки которых, в виде нескольких старых столетних лип, дожили до революции. Словом, и по внешнему виду, и по образу жизни обитателей это был уголок Германии, перенесенный в Уральские горы.

Обособленность немцев выразилась в том, что они не хотели признавать над собой компетенцию существовавшей в Златоусте управы благочиния, как «не соответствующей нравам и обычаям иностранцев». Для разбора и решения гражданских, а равно и уголовных дел по разным проступкам между немцами, а также между последними и русскими, учреждается «немецкий суд», состоявший из пяти судей-немцев и чиновника, назначаемого директором фабрики; обязанность последнего заключалась в разъяснении законов. Делопроизводство в суде велось на немецком языке.

Во второй половине 1816 года появляются первые изделия их - несколько десятков экземпляров разного рода оружия - офицерских и солдатских

сабельных клинков, которые посланы были в Петербург (из них три клинка были приготовлены русским мастером Дорофеем Липиным). На одном из клинков сделана была надпись на татарском языке: «Я защищаю Россию» и татарское название Златоуста «Косотур». Из этих клинков несколько экземпляров поднесено Императору Александру Павловичу, который остался весьма доволен первыми произведениями новой фабрики и выразил свое благоволение тем, что Эверсманна и Фурмана наградили орденами, первого Анны 2-й степени, второго - Владимира 4-й степени, а мастерам повелел выдать 10 тысяч рублей «в награду и для поощрения к достижению вящего совершенства».

С октября 1817 года (после выхода на пенсию Эверсмана, с содержанием в 9000 рублей), директором фабрики определен горный начальник заводов Фурман. С этого времени обе эти обязанности были соединены в одном лице. А.С. Бурманин заключил, что «Эверсман не в меру порадел своим землякам в ущерб русской казне». По свидетельству преемника Эверсмана Фурмана, к 1 января 1819 года русских мастеров, «вполне знающих дело по изготовлению оружия», было 144 человека. К 1820 году их имеется уже 200 человек, «не уступающих по искусству германцам». Вообще, Фурман был не высокого мнения о большинстве иностранных мастеров. Например, в своем донесении департаменту он сообщил, что «приготавливаемое мастером Шнек железо для ножен большею частью оказывается негодным... русские мастера делают такое железо лучше... Немец Газ раньше стали вовсе не делал, а научился всему здесь, в Златоусте».

«Из 13 мастеров-немцев, занимающихся приготовлением клинков, знающих это дело только 5, остальные 8 явились сюда без всяких знаний и приобрели некоторый навык только здесь, что доказывается собственным их сознанием». В заключение Фурман пишет, что из 74 иностранных мастеров только 29 человек могут быть названы мастерами; остальные 45 человек сами нуждались в обучении и учились уже в Златоусте.

В начале 1820-х гг. оканчивались сроки договоров с немцами. Насчитывалось их уже до 280 человек. За 5-7 лет приехавшие из Германии подростками, превратились в «мастеров», русские же, несмотря на признание Фурмана, что они не уступают германцам, по прежнему были только работниками и лишь немногие из них подмастерами.

По окончании сроков контрактов большинство немцев не пожелало расстаться с «привольной и изобильной жизнью». Чтобы иметь законную почву для дальнейшего пребывания немцев на фабрике, Фурман в апреле 1820 года представил в Департамент «штат иностранным мастерам», который разделял их на штатных 38 чел., с жалованием от 1000 до 1500 руб. в год, сверхштатных лучших 14 человек с тем же жалованием, средних 58 человек с содержанием от 500 до 1500 руб. и худших - 35 человек, которым жалование назначалось от 300 до 1100 рублей в год. Всего 145 человек.

Общий ежегодный расход по этому штату начислен в 142196 рублей. За сверхурочную работу полагалось особое вознаграждение. Для сравнения русские мастера получали в 8-10 раз меньше. В 1931 году русские мастера получали 186 руб. 29 коп. в год, а молодым немцам, на-

ходящимся у русских в качестве учеников, платили 300-400 рублей в год. Например, Василий Эберт учился у мастера Семенникова, Адольф Лорх - у Носкова, Иосиф Доссер - у Пичкалева. На немцев продолжали смотреть, как на людей высшей породы. Детям немецких мастеров выдавалось по 1 рублю за выполнение урока, а плата русского рабочего в день составляла 41 копейку, причем этот подневольный рабочий был, как правило, обременен семейством и не мог даже распорядиться своей судьбой. А немецкий мальчик получал в 2,5 раза больше, живя при материально обеспеченном отце, и был совершенно свободен даже от рекрутства или гражданской службы.

А.С. Бурмакин еле сдерживается, описывая это уникальное по своим привилегиям положение немцев в России: «можно подумать, что они пришли из какой-то Аркадии, где нет ни пошлин, ни податей, не существует никакого рекрутства...» Между тем в те самые времена в некоторых германских владениях практиковалась даже продажа людей в войска других государств.

Кроме жалования немцы по-прежнему пользуются квартирами, даровой медицинской помощью и лекарствами, получают из казны дрова - женатые 25 сажен, холостые - 8 сажен в год. Казна содержит для них повивальную бабку и священников католического и лютеранского вероисповедания, школу и учителя, дает им безвозмездно земли для огородов и покосов. Летом, в июле и августе мастера увольняются на три недели «на страду», с сохранением за это время содержания, точно также получают жалование и за время болезни. Получают пенсии от 1/4 до полного оклада жалования, в зависимости от числа лет службы. Хотя штат этот не был утвержден в Петербурге, он применялся на практике. Жалование нередко выдавалось медными деньгами, почему при тяжеловесности тогдашней медной монеты немцы вынуждены были не носить, а возить возами на лошадях свою зарплату на зависть и удивление всей округи. Трудно поверить, но среди «льготников-немцев», приехавших в Златоуст, нашлись недовольные.

В числе немногих, не пожелавших по окончании сроков контрактов остаться на фабрике, были Вильгельм и Людвиг Шафы. Их специальностью было украшение клинков надписями и рисунками золотыми и серебряными. Они отказались посягнуть русских в свои секреты по изготовлению нужной при золочении и серебрении смеси. При оставлении фабрики они изложили свой секрет на бумаге, запечатали и оставили в конторе, где их пакет пролежал почти 60 лет. В 1877 году его нашел и вскрыл управитель фабрики Мувель, причем оказалось, что фабрика давно опередила «секрет» Шафов. Сами Шафы, между прочим, не вернулись в Германию, а осели в Петербурге, стали настойчиво выпрашивать компенсацию за «обиду» и все-таки получили по повелению Императора Александра I шесть тысяч рублей, после чего завели в Петербурге мастерскую по своей специальности. («Русские немцы на Урале и в России. 200 лет совместной истории». Владислав Царев):

«В Златоуст большая семья оружейников, знатоков декора оружия во главе с пятидесятилетним Вильгельмом-Николаусом Шафом, уроженцем города Эльберфельда, прибыла в апреле 1815 года.

Его сопровождали три взрослых сына и две дочери. Всего семейство Шаф насчитывало 25 человек. На родине они считались специалистами по украшению клинков золотыми и серебряными надписями, рисунками. Искусные ремесленники в совершенстве владели технологией, но в изобразительном искусстве были не столь сильны. Вильгельм-Николаус и его двадцати-семилетний сын Людвиг занялись травлением и позолотой. Подмастерьями по позолотному цеху проходили также сыновья Шафа Иоганн и Фридрих. Заводское начальство обеспечило им условия проживания первоначально в семьях русских заводских служащих, а затем для них были построены дома на Большой Немецкой улице. И Вильгельму Шафу, и его сыну Людвигу, имевшему шесть дочерей, были выделены 2 лошади, 3 коровы, а также обстановка и необходимая утварь. Семья Шаф привезла с собой купленные по большой цене клинки, украшенные в традиционном стиле, выработанным в Золингене. Клинки, украшенные немецкими мастерами семейства Шаф в первые годы их пребывания на оружейной фабрике, сохраняли черты приверженности золингенской манере декора. В первые годы работы фабрики клинки для украшения, предназначенные к поднесению в дар высочайшим особам, отбирались из общей массы изготовленного оружия, и на них мастера Шафы наносили декор по своему усмотрению или по особому пожеланию заказчика. Работы было немного, но постепенно количество заказов увеличилось. К концу 1817 года Шафы приступили к выполнению второго пункта контракта, который подразумевал обучение русских мастеровых. Уже в декабре 1817 года в обучение к иностранным мастерам из заводской чертежной мастерской и школы было отобрано 12 человек — малолеток и юношей, имевших приличную подготовку по рисунку и живописи, наделенных художественными способностями и фантазией. Трое из старших — Петр Тележников, Семен Фетисов и Иван Бушуев были унтер-шихтмейстерами 3 класса, остальные числились маркшейдерскими учениками. Среди них были братья Федор и Максим Тележниковы, Архип Лепешков, Федор Стрижов, брат Ивана Бушуева, Ефим, и другие. Способная молодежь постигала не только принципы украшения холодного оружия, но и технологию его изготовления, а также различные технические и технологические приемы, известные немецким мастерам. Справедливости ради надо сказать, что не всегда иностранные специалисты охотно делились секретами мастерства. Однако их русские ученики сами нашли правильные ответы на многие «ключевые» вопросы. Более того, они сумели разработать совершенно новую технологию украшения клинков, создать собственную художественную школу, для которой характерным было использование жанровых композиций в стилистике позднего русского классицизма и ампира. В выборе сюжетов, как правило, из древнегреческой и древнеримской мифологии, сказывались национально-патриотические настроения, вызванные пафосом героической победы в Отечественной войне 1812 года. Результаты экзамена русских учеников Вильгельма Шафа превзошли ожидания. В конце февраля 1818 года в Санкт-Петербург были отправлены первые 19 изделий с сопроводительной запиской, подтверждающей, что все они «изготовлены и украшены

без всякой помощи со стороны учителей». Одна из этих работ — сабельный клинок, украшенный пятнадцатилетним Ефимом Бушуевым, хранится в коллекции Государственного Эрмитажа».

Почти все первые работы русских учеников, кроме 19 клинков, отправленных в Санкт-Петербург, были подписаны Шафами, и вряд ли кому удастся сегодня определить подлинное авторство, да, возможно, это не так уж важно. Тем не менее Шафы почувствовали конкуренцию со стороны молодых русских художников-граверов и не стали продлевать контракт.

Вплоть до своего отбытия из Златоуста Вильгельм-Николаус Шаф и его сыновья оставались гарантами превосходного качества украшения клинков. В 1823 году в столицу «был отправлен транспорт украшенного оружия, в числе

отправленного оружия три сабли значительные по отделке назначаются для поднесения государю императору». Сабли были украшены Шафами. В изготовлении одной из сабель принимали участие и русские мастера, в частности Петр Уткин.

Подарок был принят благосклонно, и Уткина наградили золотой медалью на владимирской ленте с надписью «За усердие», остальные получили премии. По уровню подготовки в области рисунка, композиции и обработки металла русские мастера, такие как Иван Бушуев и Иван Бояршинов, не уступали своим иноземным учителям. Более того, именно им удалось создать новое направление в украшении оружия, сделав акцент на сюжетную композицию, ее органичную связь с плоскостью клинка.

Автор: rvr <http://historymania.info>

Были первыми

В октябре 1813 года была достигнута договоренность о переезде в Златоуст на строящуюся оружейную фабрику первых немецких мастеров — оружейников из Золингена. Подбором мастеров и организацией их переезда в Россию занимался А. Эверсман. Спустя 300 лет с этого события мы встретились с представителем шестого поколения Шнейдеров — Владимиром Артуровичем, чьи предки переехали из Германии в Златоуст.

Историей своей семьи Владимир Артурович Шнейдер начал заниматься вместе со своим отцом Артуром Владимировичем в начале 90-х годов прошлого столетия. Именно тогда оказались разрешенными поиски архивных документов не только по их семье, наконец-то, был снят тяжелый занавес, скрывавший судьбы миллионов наших соотечественников. В этих поисках основными были, конечно, документы из архивного отдела Златоуста. Но, как и когда попали предки на уральскую землю? Этот ответ пришел из Германии, Владимир Артурович написал письмо бургомистру Золингена. В выписке из адресной книге 1814-го года значатся несколько фамилий, в том числе Вольферц, Эслингер, Кольфауц, Шнайдер.

Родоначальником семьи Шнейдеров в России стал Иоганн Шнейдер, то есть прапрапрадед Владимира Артуровича. Его семья: жена — Уно Мария 1784 г.р. и сын Даниель 1807 г.р. прибыли в Златоуст по контракту, заключенному с правительством России от имени императора Александра I из земли Северный Рейн — Вестфалии, район Дорп, город Золинген. На родине Иоганн Шнайдер был мастером по мечам.

Дорога из Европы на границу с Азией была долгой и трудной, переселенцы из Золингена добирались на повозках. В мае 1814 года семья Шнайдеров выехала из родных мест и в августе прибыла в Златоуст. Немецкий мастер Иоганн сначала работал по монтажу и наладке оборудования оружейной фабрики, а после открытия производства стал заниматься своим прямым делом — ковать мечи, он был отличным кузнецом. Послужной список Иоганна не известен, ка и дата смерти. Но уже при нем букву «а» в фамилии заменили на «е», а Иоганна «перекрестили» в Ивана.

Сын Ивана Шнейдера — Даниэль тоже получил русское имя — Данила. В возрасте 20 лет он по-

ступил на оружейную фабрику подручным, а 1 марта 1837 года был переведен в цех штамповки артельным мастером. В ноябре 1843-го Данила Шнейдера отметили денежной премией. В его формулярном списке была сделана запись «За повышение урока по делу кирас и усердие в пользу казны, с утверждения Господина Главного начальника заводов Уральского хребта, одновременно награжден деньгами, 50 рублей серебром». В марте 1845 года Данила переведен обратно в стальное отделение артельным мастером на участок рафинирования стали. При управлении заводом П.П. Обуховым Данила Иванович был назначен заведующим сталелитейными горнами оружейной фабрики. За деятельное участие в изготовлении первых стальных пушек под руководством Обухова он был пожалован серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие».

Первого ноября 1862 года Данила Шнейдер был уволен в отставку, «не оставляя своих знаний по вольному найму». Прапрадед Владимира Артуровича умер в мае 1866 года. С женой Элеонорой у них было четверо детей: сыновья Даниил (1839 г.р.) и Леонгард (1854 г.р.) и дочери Элеонора-Ядвига (1845 г.р.) и Анна-Отилия (1849 г.р.) После смерти Д. И. Шнейдера вдова и дети обратились к Российскому правительству с просьбой принять их в русское подданство. Прошение удовлетворили, и семья была записана в мещанское сословие Златоустовской оружейной фабрики.

О старшем сыне Даниле Даниловиче известно, что до 1875 года он работал мастером на оружейной фабрике. Дальше его следы теряются. А вот прадед Владимира Артуровича — Леонгард Данилович поступил на оружейную фабрику в 1868 году в возрасте 14 лет. Он был рабочим в эфесном, клинковом, сталелитейном цехах, потом стал браковщиком, в костыльном цехе — помощником мастера, в полировочном — мастером.

Леонгард Шнейдер удостоился получить награду от самого российского императора. Э то произошло в 1904 году, когда Златоуст посетил Николай II. Царедворцу были преподнесены изделия оружейной фабрики, в знак благодарности и признания высокого мастерства император выдал награды — серебряные часы «Павел Буре». Среди десяти мастеров фабрики награду получил и Леонгард Данилович.

Леонгард Шнейдер проработал на оружейной фабрике почти полвека, а точнее 48 лет. В 1916 году он вышел на пенсию и через пять лет умер. С женой Лидией, уроженной Кламмер, у них было шестеро детей. Младший Владимир (Вольдемар) 1880 года рождения, станет дедом Владимира Артуровича.

На оружейную фабрику Владимир Шнейдер пришел в 1897 году и прошел путь от рабочего до мастера ковочного, клинкового, полировочного отделений.

В 1919 году по приказу адмирала Колчака вместе с другими мастерами и демонтированным производством фабрики он был эвакуирован в Сибирь. Вернулись в декабре 1920 года. Дальше послужной список Владимира Леонгардовича выглядит так: с 19 марта 1928 года — мастер эфесного отделения, с 15 апреля 1930-го — старший мастер ОТК, с 1933 года — контролер — браковщик. Эту должность он получали те, кто хорошо знал все этапы обработки холодного оружия. 5 апреля 1938 года Владимир Шнейдер был арестован по доносу, ровно через шесть месяцев состоялся суд, и 9 октября 1938 года он был расстрелян в Челябинске. Как и сотни других — невинных. Место захоронения родные не знают и сейчас. Хотя после реабилитации 1957 года, его сын Артурзнакомился с материалами дела. Владимира Шнейдера обвиняли в связи с атаманами Дутовым и Семеновым, и считали агентом японской разведки. Его жена Евгения (урожденная Кольфхауз) пережила и смерть, и реабилитацию мужа. Хотя от пережитого потеряла полностью зрение.

Несправедливость обвинений и клеймо врага народа повлияло на дальнейшую судьбу детей. Отцу Владимира Артуровича сначала пришлось расстаться с мечтой о получении профессии военного, ему отказали в приеме в Саратовское бронетанковое училище. А потом, в марте 1942 года Артур Шнейдер был отправлен в трудовую армию на строительную площадку коксохима. По воспоминаниям отца Владислава Артуровича — это был настоящий концлагерь, они работали под охраной стрелков с овчарками. Но он смог пережить Челябинский ГУЛАГ и даже выжить после приговора медиков.

В 1944 году Артур Шнейдер пришел работать на завод имени Ленина. Сначала нормировщиком в прокатный цех, затем начальником БТиЗ прокатного цеха. Артур Владимирович награжден пятью правительственными наградами, в 1980 году ему было присвоено звание «Почетный ветеран завода». В 1983 году он вышел на пенсию, и прожил еще 20 лет.

Возвращаясь к годам репрессий, а свидетелем обвинения Владимира Леонгардовича был его 17-летний сын Артур, он помнит, что в семье находилась неплохая коллекция холодного оружия. Среди клинков была красиво украшенная кавалерийская шашка, монгольский нож, военноморской кортик — это подарок от завода за хорошую работу брату Владимира Леонгардовича — Александру, и духовое ружье. Эти предметы были конфискованы при аресте и бесследно исчезли. В 1942 году при выселении семьи в Курганскую область был потерян семейный архив, в котором было много фотографий и документов, начиная с самого переезда семьи Шнейдеров в Россию. А еще стоит рассказать про дом, который в 1814 году получила семья Иоганна. Поскольку первые иностранные оружейники ехали по приглашению, то согласно контракту, принимающая сторона обеспечила специалистов землей и домами. Шнейдеры поселились на Большой Немецкой, их дом находился в районе Дома детского творчества на улице Ленине. Так вот, в 1933 году он был «национализирован». Семье Шнейдеров дали пять тысяч рублей, чего не хватало на покупку другого дома, и выселили. Перед войной этот дом сгорел.

Трудовой путь династии Шнейдеров на заводе имени Ленина продолжил Владимир Артурович. После окончания техникума имени Аносова он сначала работал в цехе № 2 разлищиком чугуна, после службы в армии вернулся на завод и стал мастером медно-литейного отделения, с 1970 года работал в ОТиЗ завода — инженер, старший инженер, начальник бюро, заместитель начальника отдела, начальник отдела труда и заработной платы. В 1994 году с распадом производства Владимир Артурович ушел с завода имени Ленина на машиностроительный завод начальником БТиЗ ПТК «Оружейное производство». И с 2006 года — на заслуженном отдыхе.

Седьмое поколение Шнейдеров представляет дочь Владимира Артуровича — Светлана, у нее два сына — Алексей и Антон, но у них фамилия Трапезниковы. Так что последним прямым носителем фамилии по Иоганну Шнайдеру — оружейнику из Золингена является его прапраправнук — Владимир Артурович.

Отсутствие некоторых архивных документов не позволяет вычислить с точностью, сколько лет трудились представители семьи Шнейдеров на оружейной фабрике, но это было четыре поколения. И это было время, когда ковалась слава Златоустовского оружия.

Федор Яблонский

У ИСТОКОВ ЗЛАТОУСТА: ПОСЛЕДНИЙ ВЛАДЕЛЕЦ

А. А. Кнауф, московский купец первой гильдии, недолгое время бывший хозяином Златоустовских заводов, свою активную деятельность на Урале развивает в начале XIX в.

В 1802 г. он покупает у графа Ягужинского

Курганский завод, в 1804 г. у П. Осокина — Бизярский, Иргинский, Курамышский, Саринский и Юговский заводы. Если Златоустовские заводы достались Кнауфу бесплатно, то на приобретение остальных он израсходовал 1355 тыс. руб.,

причем 724,5 тыс. наличными.

Получая Златоустовские заводы, Кнауф надеялся остановить начавшийся кризис лугининского хозяйства, который наметился во второй половине 90-х годов. В контракте, подписанном 16 сентября 1801 г., Кнауф обязывался «выплавлять в год чугуна не более 416000 пудов» (высшая производительность Златоустовского и Саткинского заводов в 1793 г. составляла 387,2 тыс. пудов чугуна), а если «откроется, что руд и лесов будет достаточно на непрерывное заводское действие», то довести выплавку чугуна до 552463 пуд.

Для выполнения этого плана в 1805г. по проекту мастерового Златоустовского завода Харитона Коротина была построена печь «с великою против обыкновенных выгодой». При Кнауфе значительно совершенствуется производство металла: были построены две печи для цементирования стали, что позволило увеличить ее выпуск с 269 пудов в 1802 году до 2234 пудов в 1803 году.

В начале XIX в. Златоустовский завод становится не только металлургическим, производящим чугун, железо, сталь и прокат, но и металлообрабатывающим предприятием. Расширяя производство, Кнауф организует выпуск слесарных и дереворезных пил, топоров, подков, рессор, тисов, весовых коромысел, ножей, кофейных мельниц, токарного и слесарного инструмента, вводит производство кос.

Для этого Кнауф выписывает из Германии мастеровых и рабочих с семьями и строит специальное здание, прозванное населением «немецкой фабрикой». Для приехавших немцев была построена церковь, создана специальная контора, для немецких детей открыта школа. Приехавшие немцы обязаны были не только наладить производство изделий, но и обучить своему мастерству русских юношей. Так, мастер Оберкатте обязался готовить сталь «самым лучшим способом и лучшей доброты и обучить своему мастерству 12 русских мальчиков».

К 1812 г. на заводе было уже 42 немецких мастера. Большая роль в появлении немецких мастеров на Златоустовском заводе принадлежит управляющему Эверсману, выходцу из Пруссии, не знавшему русского языка, но зато имевшему тесные связи с Германией и радеющему о своих соотечественниках, попавших во французскую неволю.

Надо отметить, что при Кнауфе существовала и школа для русских мальчиков. При передаче завода в казну за школой числилось «книг ветхих псалтырей—8 шт., азбук для прописей—11, азбук гражданских—14, азбук церковных—19, полная священная история—1, кратких таковых — 2, о должности человека к гражданину—2».

Но, несмотря на усовершенствование производства, использование наемных рабочих я лице немецких мастеров, жесточайшую эксплуатацию своих крепостных, Кнауф не смог остановить начавшийся кризис Златоустовских заводов. Выплавка чугуна, производство железа неуклонно снижались. Если среднегодовая выплавка чугуна на Златоустовском заводе в 1791—1800 гг. составляла 203708 пуд., то в 1801-1810 гг. — 167618 пуд.; если в 1800 г. на заводе было произведено 95 тыс. пудов железа, то в 1810 — 52,1 тыс.

Выросла и себестоимость чугуна и железа.

В 1797 г один пуд чугуна «истинною ценою на месте» обошелся в 31 коп., то в 1806—56,5; себестоимость одного пуде железа соответственно — 90 коп. и 1 руб. 30 коп.

Развитие заводов тормозилось хищническим истреблением леса. Домна работала на древесном угле, а ближайшие леса были давно вырублены, и уголь возили за 30—10 верст от завода. Для восстановления лесов, как подчеркивали официальные лица, нужно было 15—20 лет, а на это времени у Кнауфа не было.

Была и другая причина: Кнауф, по собственному заявлению, стремился улучшить работу заводов путем «найма вольных работников, заведения и устройства полезных машин, уменьшающих число рук, усиливающих само действие и усовершенствующих работу».

Но попытка претворить данные планы в жизнь кончилась для Кнауфа печально. Он не смог выдержать конкуренции с крепостнической мануфактурой. И в октябре 1811 г. Златоустовские заводы были у Кнауфа отняты и обращены в казенное ведомство.

Вообще то, как заводы бесплатно попали к Кнауфу, а через одиннадцать лет снова очутились в казенном ведении, является довольно загадочной историей. Златоустовский, Саткинский, Кусинский и Артинский заводы при передаче их Кнауфу были оценены в 1730100 руб. Заключая контракт на владение заводами, Кнауф обязывался «ежегодно платить в казну по 100 тысяч на основании особого обязательства, которое по высочайшему Указу 30 сентября 1800 года с государственным казначеем сделать я должен и сверх того нести все узаконенные и впредь узаконяемые повинности наравне с прочими честными заводчиками».

Здесь сразу появляются два «но». Оказывается, 1798 г., когда лугининские заводы покупала казна, Кнауф, который в то время был их арендатором, потерпел убытки в 300 тыс. руб. и теперь, получая заводы в свое полное пользование бесплатно, он за право владения уступил «претендуемые на казне 300 тысяч рублей убытков, потерянных при запродаже заводов, от перевода займов и капиталов».

И второе; Кнауф не торопился с уплатой денег, и скоро за ним оказался большой долг. Отчаявшись получить обязательные платежи, Пермское горное управление в марте 1809 г. обратилось к государственному казначею с запросом о взыскании с Кнауфа обусловленных договором денег.

Ответ был довольно неожиданным: «О показанных 100 тыс. руб. расчет и взыскание не подлежит до Пермского горного управления, по елику в рассуждении оных, по высочайшему указу, сделаны государственным казначеем особые с Кнауфом обязательства не могут быть публичными».

По ответу совершенно нельзя установить, какие же обязательства взял на себя Кнауф, получив Златоустовские заводы, а если и взял, то ясно, что он их не выполнял, пользуясь высоким покровительством.

Но зато один из пунктов контракта Кнауфом и государственным казначеем был выполнен в точности: «Ежели я или другой после содержатель по каким бы то причинам не было, предъявляя казне, что заводов содержать не в состоянии и

сдать кому не нахожу, буду просить о принятии их в коронное управление...».

И вот, когда Кнауфу стало тужо, он обратился к казначею с просьбой о принятии заводов в «коронное управление», но с условием: за построенные им «капитальные строения получить мне от казны деньги по оценке». 3 октября 1811 г. государственный совет принял решение «по случаю убытка в прибылях» (не вообще убытков, а «в прибылях», значит, завод давал Кнауфу определенную прибыль) и невыполнения «всех условий по контракту» (а кто знал все эти условия, разве только Кнауф да государственный казначей?) отнять у Кнауфа Златоустовский, Саткинский, Кусинский и Артинский заводы и передать их в казенное ведомство.

К моменту перехода Златоустовского завода в казну он по оборудованию и производству чугуна, железа, стали занимал первое место среди заводов Южного Урала. На 1 ноября 1811 г. за Златоустовским заводом числилось собственных, без вольнонаемных, 5120 человек, в т. ч. 2545 мужчин и 2575 женщин. Из мужчин на заводе работало 1430 человек, в том числе малолетних детей старше 12 лет— 295.

На основании решения государственного совета 3 октября 1811 года был образован Златоустовский горный округ в составе Златоустовского (главного), Саткинского, Кусинского, Артинского заводов. В 1815 г. в состав округа был включен и Миасский завод. Эта экономическая организация сохранилась до Великой Октябрьской революции.

Андрей Гилодо

КАСЛИНСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЛИТЬЕ

Предметы Каслинского художественного литья поражают ощущением долголетия и прочности, если не сказать вечности, несмотря на всю хрупкость и ажурность некоторых отливок. Изделия каслинских кузнецов почитались в Европе и Азии уже в конце 18 века. 1860-1890 годы стали годами расцвета чугунного художественного литья. Насколько ценят антиквары каслинское литье? Что именно ил каслинского литья имеет перспективы на антикварном рынке?

Из история каслинского литья

Достигнув замечательных успехов, каслинцы прославили на весь мир искусство уральских мастеров, превративших неподатливый мрачный чугун в чудесный материал для изящной скульптуры, радующий ум и сердце человека. Каслинские произведения дают необычайно много для внимательного глаза и неторопливого размышления.

А все началось в 1747 году, когда тульский купец Яков Коробков поставил на Южном Урале Каслинский железодельательный и чугуноплавильный завод. Место для основания завода было выбрано не случайно: Урал богат чугуном, а качество местных формовочных песков - уникально, к тому же в достатке имелась древесина для производства угля.

К моменту, когда завод перешел во владение горнозаводчиков Демидовых в 1751 году, изделия каслинских умельцев уже почитались в Европе и Азии.

Следующий владелец заводов, с которыми к нему перешли и земли, леса, рудники, мастеровые и рабочие люди, вольный купец I гильдии Лев Расторгуев, еще более упрочил славу самобытных изделий. Начиная с 1809 года, он и его наследники привлекают в свои цеха талантливых скульпторов, художников, чеканщиков и формовщиков. Тогда же были приглашены в Касли выпускники Петербургской Академии художеств М.Канаев и Н.Бах, организовавшие заводскую художественную школу, которая позже своими талантливыми работами подняла ремесло до уровня искусства.

1860-1890 годы стали годами расцвета чугунного художественного литья. Впервые Каслинский завод был удостоен золотой награды — Малой золотой медали Вольно-Экономического общества в 1860 году. Далее последовали выставки в Санкт-Петербурге, Париже, Лондоне и др. Особым историческим событием для Каслинского завода является Всемирная выставка прикладного искусства в Париже в 1900 году. Каслинские мастера отлили громадный чугунный павильон-дворец в византийском стиле по проекту Е. Бумгартена, поразивший заграницу сказочностью замысла и дерзостью воплощения.

Украшающая вход в павильон скульптура Н.Лаверецкого «Россия», изображающая женщину-воина, с достоинством и уверенностью в своих силах оберегающую мир, готовую к своей победе, стала его важнейшим элементом. Этот павильон был признан шедевром литейного искусства и получил высшую награду — «Гран-при». Конечно же, после этого появилось множество желающих купить его. Однако покупатели хотели приобрести павильон только вместе со всеми выставленными в нем экспонатами, включая и статую «Россия». В свою очередь, русские доверенные лица, уполномоченные провести сделку, согласились со всеми условиями покупателя, кроме одного: они отказались продать «Россию» - ту самую скульптуру, что символизировала русскую державу. «Россия» не продается!» - эта фраза решила исход дела. Сделка не состоялась, и статуя, как и весь павильон, вернулась на Родину. Многие годы ящики с деталями павильона пролежали в подвале одного из частных домов в Каслях.

Годы первой мировой войны, революция и

гражданская война в России в начале XX века, а также вторая мировая война тяжело сказались на судьбе Каслинского ремесла, его мастерах и изделиях. Буквально по крупицам пришлось восстанавливать, казалось навсегда утраченную богатейшую коллекцию. Лишь в 1957 году под руководством мастера С.М. Гилева начались работы по восстановлению чугунного павильона, которые продолжались около восьми месяцев. 3 мая 1958 года в одном из залов картинной галереи г. Екатеринбургa состоялось открытие восстановленного павильона - вершины искусства каслинских мастеров художественного литья.

Теперь увеличенная копия скульптуры «Россия» стоит в Кремле - официальной резиденции Президента Российской Федерации.

Со дня своего основания завод выпускал множество изделий, необходимых в жизни, в т.ч. широкую гамму архитектурного литья. Это решетки для парков и дворцов Санкт-Петербурга, в Москве — ограждения для Крымского, Метрополитеновского и Краснохолмского мостов и т.д.

Рапсодия чугуна: Мифы и реальность

Неадекватность восприятия каслинского литья на антикварном рынке объясняется широкой известностью этого вида художественного металла и той мифологией, которую такая известность породила.

Каслинское художественное литье, будучи самобытным и уникальным явлением в русском прикладном искусстве, представляет большой интерес для антикварного рынка и имеет реальные перспективы занять на нем достойное место. Вместе с тем для антикваров и покупателей антиквариата этот тезис далеко не бесспорен: у операторов антикварного рынка (антикваров) и инвесторов (покупателей) нет абсолютной уверенности в художественной ценности каслинского художественного литья. Вследствие этого кажется сомнительной целесообразность вкладывания средств в его приобретение и торговлю.

Неадекватность позиционирования каслинского чугунного литья на антикварном рынке, как это ни парадоксально, - следствие широкой известности этого вида русского художественного металла и той мифологии, которую эта известность породила. То, что художественное чугунное литье делали в Каслях на одном из старейших в России чугунолитейном заводе, создало устойчивое, но далеко не объективное мнение о больших промышленных тиражах каслинского литья, о его дешевизне и доступности для современников, широком распространении изделий этого вида художественной продукции в России. Между тем реальная ситуация весьма далека от этого мифа.

Появление в Каслях художественного литья из чугуна - прямой результат реформ Петра I, которые коренным образом изменили весь уклад российской жизни, сделав Россию могучим европейским государством. Европеизация России не только создала мощную отечественную добывающую и металлургическую промышленность с широким использованием своих, а не привозных черных и цветных металлов, но и стимулировала появление новых жанров в русском искусстве, в

т.ч. и прикладном, которые в дальнейшем стали национальной гордостью. Именно каслинское художественное литье в русском прикладном искусстве - яркий пример европеизации России, ее культуры и искусства.

Начиная с 1747 года, когда Каслинский завод (построен в 1745 году) стал выпускать промышленный чугун и железо, вся его история теснейшим образом связана с развитием западноевропейской промышленности. Техническое оснащение завода и технология чугунного литья в Каслях базировались на передовых достижениях западноевропейской металлургии - английской и немецкой. Совершенствуя свое техническое оснащение и технологию, Каслинский завод почти 100 лет шел к созданию собственного художественного чугунного литья из чугуна, взяв за образец не только промышленную технологию, но и ассортимент прославленного в начале XIX века английского и, особенно, немецкого художественного литья из чугуна. Ориентация на художественное литье из чугуна и бронзы Западной Европы стала одной из особенностей каслинского ассортимента чугунных изделий. Поэтому в Каслях, начиная с 1850-х годов, треть ассортимента таких изделий составляло литье по западноевропейским образцам. Первыми художественными отливками из чугуна здесь стали подсвечники и ажурные тарелочки именно по образцам чугунных изделий знаменитой Берлинской Королевской мануфактуры. Мелкосерийное производство художественных изделий, которые называли в Каслях «художественными вещами» или «кабинетными вещами», а также «кабинетным литьем», окончательно установилось в 1846 году.

В самом названии каслинского художественного чугунного литья — «кабинетные вещи» - заключены ответы на вопросы, почему они вызывают устойчивый интерес у публики на протяжении 150 лет, не утрачивая своего значения и сегодня, почему имеют реальные перспективы на антикварном рынке. Художественное чугунное литье Каслинского завода всегда отличалось функциональной ориентированностью, являясь необходимой составляющей художественно-стилевого оформления интерьера - столовых, гостинных, женских и мужских домашних кабинетов, домашних библиотек, служебных кабинетов. Именно поэтому сегодня это литье имеет реальные перспективы на антикварном рынке.

В постсоветской России практическая, бытовая направленность каслинского художественного литья снова стала востребованной, а его уникальная художественная универсальность делает предметы из чугуна не только современными, созвучными художественно-стилистическим установкам «Hi-Tech», но и позволяет сохранить свою актуальность в будущем. В художественной традиции русского искусства каслинское литье занимает особое место, являясь классическим, академическим примером стиля историзм.

Историзм - это не столько определение стиля художника, сколько стиля промышленника, фабриканта и производителя, для которого богатство художественного наследия предшествующих эпох является своеобразным «ассортиментным, модельным кабинетом». Это наследие, по мнению фабриканта, предназначено для того, чтобы поставлять образцы для тиражирования в соответствии с их рентабельностью и технологичностью при массовом изготовлении.

На смену художнику, выполнявшему штучный - и поэтому особо значимый - заказ мецената, когда мастер мог наиболее полно реализовать свою творческую концепцию, в т.ч. создать стиливые приоритеты, пришел промышленник, выбирающий в многообразном и богатом художественном наследии именно то, что может принести ему прибыль. Промышленнику художник нужен как профессионал, оформитель и интерпретатор, умеющий конкретной функциональной вещи придать художественное звучание, выбирающий в соответствии с поставленной задачей то или иное стиливое решение, которое будет максимально рентабельно для производства.

Историзм - явление абсолютно уникальное, не имеющее аналогов в истории искусства, это - художественный стиль нового и ранее неизвестного индустриального и постиндустриального общества, стиль ставший фундаментом массовой культуры XX века и остающийся ее определяющим критерием.

Для историзма первичен тираж, это его основной принцип. Поэтому художественная и денежная оценка на современном рынке антикварных предметов искусства периода историзма вызывает столь большие проблемы. Ни участники антикварного рынка, ни эксперты-искусствоведы психологически не готовы к работе с этой группой антиквариата, т.к. еще до конца не сформированы убедительные и объективные критерии оценки антикварных вещей этого времени, вещей, которые в своем подавляющем большинстве связаны с термином «художественная промышленность» и по временным рамкам соответствует периоду середины XIX века до 1930-х годов.

С точки зрения художественных достоинств, каслинское литье эталонно как образец историзма, и в контексте именно этого стиля лежат все оценочные приоритеты этого вида прикладного искусства. При коллекционировании и собирательстве каслинского чугунного литья, при его позиционировании на антикварном рынке крайне важным становится знание того, по каким модельным образцам выполнена вещь и насколько она редка, часто ли данный предмет тиражировался, в какое время та или иная вещь сделана. Следует также учитывать качество литья, чеканки и покраски как обязательных составляющих понятия «художественная вещь» в отношении каслинских отливок.

Предметы каслинского литья, в отличие от фарфора, фаянса, стекла, текстиля и даже бронзы, не могут быть определены понятием «изделие художественной промышленности», т.к. художественное чугунное литье в Каслях никогда не было не только главной продукцией завода, но и не доминировало в общем ассортименте. На заводе основным было изготовление промышленного чугуна и железа, выпуск чугунной, так называемой «опойчатой», посуды, которые и приносили основную прибыль его владельцам, а художественное литье («кабинетное») не превышало 0,25% от общего объема продукции. Это говорит не только о немногочисленности художественных предметов из чугуна, но и о том, что с коммерческой точки зрения художественное литье вряд ли представляло интерес для владельцев завода.

Если мы посмотрим на количественный рост ассортимента художественных изделий в Кас-

лях, то увидим неожиданную картину. Начиная с 1842 года, когда здесь начали делать штучные художественные изделия из чугуна, и заканчивая наиболее полным Прейскурантом 1913 года, максимальное количество предметов художественного литья не превышало, в среднем, 7000 штук в год, в самые лучшие времена на заводе в месяц отливали не больше 2000 вещей.

При этом необходимо учитывать, что основную массу ассортимента «кабинетного литья» составляла не сложная объемная скульптура, а плоскостное рельефное и ажурное литье - пепельницы, лотки, прессы для бумаг, ножи для писем, рамки для фото, подсвечники, подчасники, кронштейны (бра) и т.д.. При этом Прейскуранты художественного литья завода включали немалый перечень изделий. Так, Прейскурант 1876 года включал 128 наименований предметов, 1887 года - 517 наименований, в т.ч. и памятные медали, 1895 года - 411 наименований, 1900 года - 495 наименований, 1913 года - почти 500 наименований изделий.

Не менее интересно и соотношение скульптурного литья к общему объему всего художественного литья в Каслях. Первый ассортиментный перечень художественного литья этого завода, представленный на выставку «Сельское хозяйство и промышленность», организованную Императорским Вольным Экономическим Обществом в 1860 году в Санкт-Петербурге, включал садово-парковую мебель (столы, кресла, стулья, диваны), решетки, ажурные и рельефные тарелки, а из скульптурного литья в нем названы — «Голова собаки» и статуэтки по моделям известного французского скульптора-анималиста П.Ж.Мена и не менее известного русского скульптора П.К.Клодта. В их числе — «Лошадь в изгороди» (П.Ж. Мен), «Лошадь-кляча» (П.К.Клодт), а также «собаки, быки, петухи и куры».

В ассортиментном перечне за 1867 год для Всемирной выставки в Париже из 8 наименований 4 - скульптуры. В перечне художественного литья Каслинского завода на Всероссийской мануфактурной выставке 1870 года в Санкт-Петербурге (завод получил «Большую золотую медаль») из 11 наименований предметов - 9 относятся к скульптуре: бюст Крылова, «Трубач», «Лошадь-кляча», «Лошадь в загородке», «Собаки грызущиеся», «Сеттер», «Собаки сеттер и пойнтер на стойке», «Волк и журавль», шахматы. Первый альбом-каталог каслинского художественного литья 1876 года для Всемирной выставки в Филадельфии (США) насчитывал 128 наименований, в т.ч. 59 скульптур по моделям П.К. Клодта, Н.И. Либерица, П.Ж. Мена и немецких архитекторов-скульпторов К.Шинкеля, Г. Щадова, Х.Д. Рауха и его учеников - Г. Бергса, Х. Хаагена, Э. Ритшеля, Г. Блезера, Б. Афингера, А. Вольфа. Каталог художественного литья 1887 года для Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге состоял из 339 наименований, в т.ч. 109 скульптур. В каталоге Всероссийской художественно-промышленной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде - 411 наименований, из которых 184 - скульптуры. В каталоге 1900 года для Всемирной выставки в Париже - 495 наименований, из них 280 - скульптур.

Приведенные выше статистические данные наглядно показывают, что ассортиментные коллекции и альбомы-каталоги каслинского ху-

дожественного литья из чугуна формируются и составляют для участия завода во всероссийских художественно-промышленных и Всемирных выставках. именно это дает ответ на вопрос - зачем владельцы Каслинского завода выпускали художественное литье. Для них чугунное художественное литье было визитной карточкой, возможностью показать и подчеркнуть высокое качество выпускаемого промышленного металла, т.е. художественное литье должно было выполнять представительские функции, способствуя продвижению на рынке промышленного чугуна Каслинского завода.

Поэтому его владельцы никогда не рассматривали художественное литье как серьезную статью своих доходов и практически никогда не выпускали полный каталожный перечень этого литья. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что сегодня все известное по музейным и частным собраниям каслинское художественное литье не способно восстановить полный каталожный ассортимент завода. Многие вещи, включенные в альбомы-каталоги завода, никогда не отливались на практике, как торговый ассортимент, а только фиксировали наличие модельных образцов в ассортиментном кабинете Каслинского завода, по которым можно было сделать заказ.

В этом контексте очень показательна переписка между комиссаром Русского отдела на Всемирной выставке 1897 года в Стокгольме и управляющим заводом, много сделавшим для развития художественного литья в Каслях - П.М. Карпинским. На вопросы анкеты, помещаемой в каталог Русского отдела выставки и предоставляемой экспертам для присуждения наград, в пунктах: «Если экспонаты не продадутся по цене, обозначенной в фактуре, то согласен ли экспонент продать их за низшую цену?» и «Если экспонаты не продадутся или останутся непроданными, то желает ли экспонент получить их обратно или жертвует безвозмездно в распоряжение администрации Русского отдела», П.М.Карпинский ответил: на первый вопрос — «По усмотрению г. Заведующего Русским отделом», а на второй — «В распоряжение администрации Русского отдела». При этом на выставку было послано всего 54 предмета, из них 33 скульптуры - на 499 рублей 20 копеек, хотя этой выставке руководство завода и владельцы придавала большое значение. На нее был откомандирован член Главного Управления Кыштымских заводов В.В. Меллер-Закомельский.

О том, что продажи на выставках не очень волновали владельцев завода, и рассматривались, в первую очередь, как реклама, говорит и то обстоятельство, что директор Русского отдела Стокгольмской выставки в письме в правление Кыштымских заводов, указывая на хорошую продажу представленного на выставке каслинского художественного литья, пишет: «...можно ли принимать заказы и, когда они приблизительно могут быть исполнены, и на каких условиях (главным образом платежи)». Учитывая, что выставка шла не один месяц, можно говорить о том, что на заводе не было соответствующего ассортимента изделий и требовалось определенное время для выполнения заказа.

Именно «выставочность» каслинского художественного литья опровергает миф о его большой тиражности и подчеркивает его эксклюзивность в

ряду изделий художественной промышленности второй половины XIX - начала XX века. Каслинское литье из чугуна представляет громадный интерес как уникальный пример русской промышленной рекламы второй половины XIX - начала XX века. Владельцы и, в первую очередь, управляющие Каслинского завода, обладавшие высокой общей культурой и профессиональной подготовкой, смогли увидеть рентабельность художественного чугунного литья не в его дешевизне и массовости, а в его возможности служить рекламным целям, быть самому рекламой, позволяющей создать в России и за рубежом яркий, запоминающийся и хорошо узнаваемый бренд завода, а также подчеркнуть качество промышленного заводского металла через искусство художественного литья. Каслинские предприниматели отлично представляли то обстоятельство, что как товарная массовая продукция художественное литье неконкурентоспособно, т.к. уже себестоимость каслинского чугуна как сырья определяла ценовой «проигрыш». Чугун в Каслях выплавлялся на древесном угле и был дорог, в то время как в Западной Европе делали более дешевый чугун на коксующемся каменном угле. Соответственно высокая стоимость самого чугуна, плюс накладные расходы по изготовлению «кабинетного литья» значительно повышали себестоимость производства и цену изделий при продаже.

Каслинское художественное литье, в основном, продавалось на самом заводе, в небольшом заводском магазине в Екатеринбург (магазин «Захо»), в магазине при Главном Управлении Кыштымских заводов в Санкт-Петербурге, на ярмарках в Нижнем Новгороде, Троицке, Самаре, Саратове, Царицыне, т.е. в тех городах, куда поступала основная заводская продукция. Также местом продаж каслинских изделий были Всероссийские художественно-промышленные и Всемирные выставки. Специально за границу художественное литье Каслей не поставлялось.

Ареал продаж каслинского художественного литья не только подтверждает его ограниченное количество, но и объясняет, почему основная масса сохранившихся вещей сосредоточена на Урале, в Петербурге и в Поволжье. Стоимость художественного литья из чугуна по прейскурантам Каслинского завода также свидетельствует о его выпуске в ограниченном количестве. Так, например, скульптурные композиции стоили 27-35 рублей. Если применить для каслинского художественного литья современную методику оценки, удачно предложенную В.В.Скурловым для изделий формы К.Фаберже, когда старая прейскурантная цена умножается на 100 и получается новая цена, равнозначная стоимости в долларом эквиваленте, то в этом случае цена каслинского изделия уже не покажется маленькой. Например, знаменитая «Джигитовка» по модели Е.А. Лансере в наши дни будет стоить \$3500.

Настало время участникам современного отечественного антикварного рынка отказаться от стереотипов в отношении художественного наследия Каслей. Этого литья осталось немного, и игнорирование каслинского художественного литья может спровоцировать такую же ситуацию, как в свое время с русской бронзовой малой скульптурной пластикой, когда прогноз о повышении интереса к ней и росте цен на нее остался без внимания.

Зоя Зимнухова

НЕМЕЦ ИЗ... АМЕРИКИ

Существует семейная легенда. Адольф Квельмс — основатель династии Середёниных — приехал из Чикаго в Ашу в 1880 году. Здесь и женился. Немец из Америки? Что-то не припоминается, чтобы немцы, как англичане, покоряли Новый свет.

Выяснилось, Ашинский металлургический завод был построен только в 1898 году. Эта нестыковка объясняется просто, за давностью лет потомки пытались додумать отсутствующие факты из биографии прадеда. А вот взрослым сыновьям Адольфа придумывать, казалось бы, ничего не надо. Живущие вместе с мамой, они в анкетах, заполненных в 1922 году и обнаруженных в городском архиве Златоуста, пишут: один, что маме — 71 год, другой брат — что 63 года. Вальтер сообщает, что он родился в Сан-Луи, Фриц — в Иллиноисе, а Вольдемар — вообще в Краматорске, на Украине. Получается, Адольф Квельмс не сразу приехал в Ашу и приехал уже с семьёй.

Семья Квельмсов

Заглянем в энциклопедию. Города Иллиноиса в США нет. Есть штат — Иллинойс, и в нём город в два раза крупнее Златоуста — Сент-Луис. Вы спросите, каким образом документы семьи Квельмс оказались в архиве Златоуста? Златоуст в те годы был центром Южно-Уральского горного округа, и Аша входила в состав этого округа. Братья сообщают, что в Россию они ехали через Германию, но поскольку там не задержались, можно предположить, что именно отсюда их отец и начал своё путешествие по континентам. Что гнало

его по миру? Любовь к приключениям, желание посмотреть дальние страны или поиски земли обетованной? Теперь мы уже никогда не узнаем.

Подписали себе приговор

Жизнь в Соединённых Штатах Квельмсу видимо не приглянулась, он отправляется на Украину, а потом — ещё дальше, на Южный Урал. Приехал он сюда по приглашению работать на Ашинском металлургическом заводе. Семья увеличивается. В Аше родились Бен-Георг, Эльза, Анна. В 1913 году Адольф вместе со старшим сыном выезжал в США, чтобы Вальтер получил американский паспорт. Суровый климат, а затем революция и гражданская война, не совсем благополучная жизнь, подорвали здоровье Адольфа, и в 1919 году в возрасте около 50 лет он отправился в своё последнее путешествие в мир иной.

В 1931 году от тяжёлой болезни умер его сын Фриц. Но уже с 1922 года за семьёй следит бдительное око НКВД. В анкете Квельмсам предлагают ответить на провокационный вопрос — желают ли они выехать из России? Братья, не сговариваясь, искренне ответили — желаем. Но такая возможность не представилась, и в 1928 году Вальтер и Вольдемар пишут заявление с просьбой предоставить им советское гражданство.

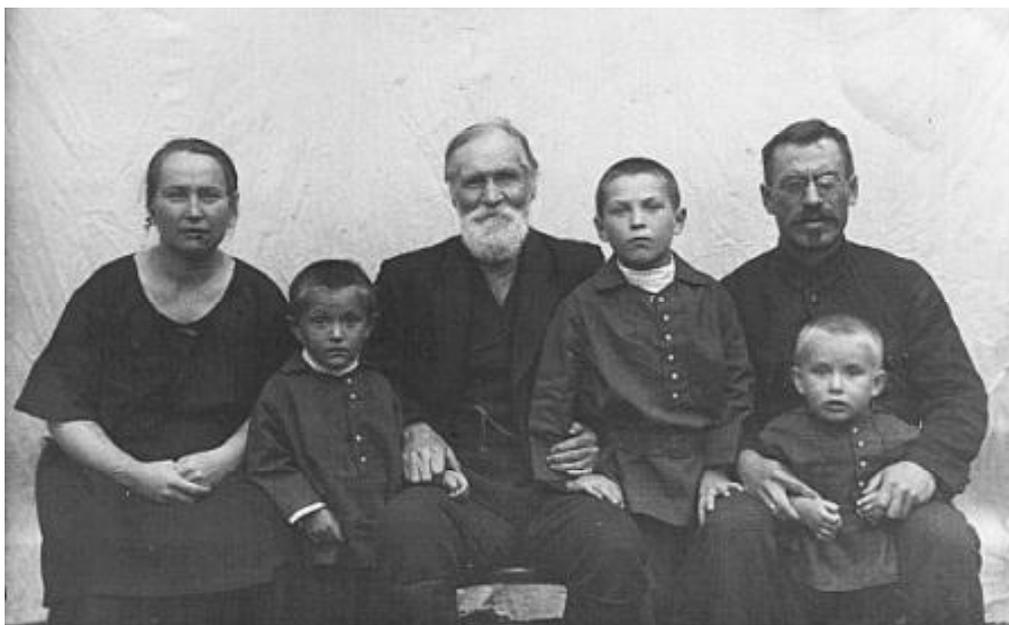
Подписав это заявление, они фактически подписали себе смертный приговор. К этому времени все братья, кроме Вольдемара, обзавелись семьями. Вальтер работал мастером мартеновской печи, Вольдемар — счетоводом. Про Бен-Георга известно, что он остался гражданином США и женился на шведке. Иностранцев специалистов, помогавших поднимать промышленность, в Советском Союзе работало много.

А потом был 37-й год. Взорвалась мартеновская печь. Братья Квельмсы были арестованы. Вальтеру дали 10 лет без права переписки, что равнялось расстрелу. Не помогло ходатайство уважавших и ценивших его рабочих завода. Вольдемара увезли в Челябинск и в тот же день расстреляли. Повезло Бен-Георгу. Его вместе с женой как иностранных подданных выслали в Швецию. В крайне тяжёлом материальном положении оказалась вся семья. Родственников врагов народа на работу не брали.

Почему же взорвалась печь? Ответ встретился в мемуарах одного известного государственного деятеля. Когда варят сталь, обязательно dobавляют металлолом. И это не только ржавые бачки и кровати. Поля нашей страны, пережившей столько войн, были просто усеяны битой военной техникой и боеприпасами. Вот и везли на металлургические заводы военный хлам и неразорвавшиеся артиллерийские снаряды.

«Это не есть гут»

В 1956 году Квельмсы были реабилитированы. Вальтер и Вольдемар — посмертно. Узнал ли Бен-Георг о реабилитации, не известно. Но если и узнал, не думаю, что ему захотелось снова приехать в Россию. В Аше и сейчас живут

потомки Квельмсов. Их прапрабабушка Клара Карловна, супруга Адольфа, дожила до преклонных лет. Истинная католичка, она запретила своим потомкам принимать христианство. Через поколения дошла её фраза, часто повторявшаяся, когда бабушка была чем-то недовольна: «Это

не есть гут». И ещё каким-то чудом сохранились четыре крохотные серебряные вилочки с фамильным вензелем «К» — Квельмс. Про её дочь Анну, к сожалению, ничего не известно. А Эльза познакомилась со златоустовским служащим А. В. Середёниным и вышла за него замуж.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ ГРОО В РОССИИ

Этот материал составил и написал Гроо Яков Яковлевич, родился 9.12.1908 году в Саратовской области в селе «Красный Яр» Республики Немцев Поволжья.

Эти данные мне дала моя бабушка Гроо Екатерина - София Каспаровна (в девичестве Симон) и , что я сам помню из прошедшей жизни.

Гроо Яков Яковлевич

От редактора: Данный материал отредактирован и напечатан Гроо Владимиром Фридриховичем (племянником) Гроо Якова Яковлевича и основывается на архивных материалах и воспоминаниях моего дяди Гроо Якова Яковлевича.

Из архивных документов: (взято из книги профессора Игоря Плеве «Einwanderung in das Wolgagebiet») следует следующая информация: в Германии, в городе Фридберге, он в то время был свободным городом и расположен примерно в тридцати километрах севернее Франкфурта на Майне земля Гессен (Hessen), жила семья: Гроо Валентин (Valentin) и Мария 1720 года рождения, числились как земледельцы (Ackerbauer) и было у них три сына:

1. Гроо Филип Валентинович, 1743 года рождения.

2. Гроо Бальтазар Валентинович, 1745 года рождения.

3. Гроо Конрад Валентинович, 1748 года рождения.

Сборный пункт переселенцев в Германии в земле Гессен был город Бюдингген, туда и пришли весной 1766 года Гроо: отец Вален-

тин (Valentin), мать Мария, и их дети: Филипп Валентинович 23 года с женой Анной 20 лет (урождённая Гоффманн из Гизен); Бальтазар Валентинович 21 год с женой Анной-Марией 18 лет (урождённая Гофельд); младший сын Конрад Валентинович 18 лет не женатый. Первой целью в этой нелёгкой эпопее, был портовый город Любек на Балтийском море. Семья Гроо Валентина отправилась по призыву Екатерины Великой, как и многие переселенцы из Германии, из портового города Любек на корабле «Лев» под командованием лейтенанта Фёдора Фёдорова, (сведения взяты из документов морского ведомства), группами по 500-600 человек на корабле. Большинство переселенцев были крестьянами и никогда не были в море, их сильно мучила морская и другие болезни, от постоянной качки на море. На пути из Любека в Санкт - Петербург, не выдержав морской переход, в 1766 году, точной даты не установлено, умирает отец, Гроо Валентин. По прибытии в Санкт-Петербург 24 июля 1766 года, переселенцы пешком под малочисленной защитой солдат, выделенной правительством, в количестве около 30 000

человек, двинулись через леса и болота к истокам Волги. Не всем повезло: многие погибли от рук бандитов, которых правительство не контролировало, зверей, гнуса, болезней и других лишений. Добравшись до истоков Волги, дальше до Саратова, пункта распределения переселенцев, сплавились на баркасах по 20-30 человек в лодке, до места назначения добрались примерно 23 000 человек. Мать, Гроо Мария, умерла или во время перехода до истоков Волги, или во время сплава по реке, в списках прибывших на сборный пункт в Саратов, она уже не фигурирует. В Саратове переселенцев распределили по колониям поселениям:

Новое начало для первых переселенцев оказалось чрезвычайно тяжёлым и трудным, действительность вопреки обещаниям оказалась совсем иной. Колонии представляли из себя просто несколько наспех сколоченных солдатами и каторжанами бараков, пригодных для жилья только в летнее время, и в них заселялось несколько семей. Степная местность с глинистой почвой и тонким слоем чернозёма, мало подходила для земледелия и необычайно холодные зимы с пронзительными степными ветрами,

сдувавшими снег с полей из-за чего земля очень глубоко промерзала, не было талой воды, что не давало никакой надежды на хороший урожай. Не было леса, где можно было бы заготовить брёвна для постройки домов, поэтому приходилось мешать глину с соломой и из этого месива делать кирпичи, крыши домов крыли соломой. Но пожалуй самым страшным были набеги степных кочевников калмыков и киргизов.

Они убивали всех кто пытался сопротивляться, грабили колонии, а жителей брали в плен, увозили на восток и продавали в рабство. Несколько колоний было полностью уничтожено. Всё это приводило переселенцев в отчаяние, все обещания оказались ложью, а мечты о хорошей жизни иллюзией, но обратной дороги не было, западня захлопнулась. Что бы выжить в таких условиях, нужно было проявить огромное мужество, трудолюбие, жизнестойкость, что бы вопреки всем невзгодам выстоять и образовать новый народ, имя которому - поволжские немцы.

Судьбу всех немцев Поволжья в полной мере разделили и наши предки, прибывшие в Россию за новой жизнью, за своим счастьем, преодолев все невзгоды и трудности, они дали жизнь всему нашему роду Гроо.

1. Гроо Филипп Валентинович, лютеранин, крестьянин из Фридберга из земли Гессен с женой Анной, урождённая Гоффманн (Hoffmann), были 20 июля 1767 распределены в колонию поселение Красный Яр, (возможно ранее оно называлось Вальтер).

2. Гроо Бальтазар Валентинович, лютеранин, крестьянин из Фридберга из земли Гессен с женой Анной — Марией, урождённая Гофельд (Hohfeld) и братом Гроо Конрадом Валентиновичем, были 20 июля 1767 года распределены в колонию поселение Гримм (Grimm), ныне посёлок Лесной Карамыш.

У Гроо Филиппа Валентиновича и его жены Анны, урождённой (Hoffmann), в колонии поселении Красный Яр родились дети:

1. Гроо Каспар Филиппович 1770 года рождения, женат на Валкер Маргарите (Margareth) 1773 года рождения, был первым коренным переселенцем в колонии поселении Красный Яр по фамилии Гроо.

2. Гроо Георг Филиппович 1785 года рождения.

3. Гроо Филипп Филиппович 1792 года рождения (не внесён в списки переписи населения в 1798 года, очевидно он умер, во всяком случае сведений о нём больше нет),

У Гроо Бальтазара Валентиновича, средний брат Гроо Филиппа Валентиновича, и его жены Анны-Марии, урождённой (Hohfeld), в колонии поселении «Гримм», ныне Лесной Карамыш, родились дети:

1. Гроо Филипп Бальтазарович 1771 года рождения.

2. Гроо Адам Бальтазарович 1783 года рождения.

3. Гроо Доротея Бальтазаровна 1787 года рождения.

Гроо Конрад Валентинович, младший брат Гроо Филиппа Валентиновича, что бы получить земельный надел, его давали только семейным, женился в колонии поселении (Leichtling) на вдове по фамилии Криб Сюзанне 1746 года рождения, в 1795 году она умерла, в этом браке родились дети:

1. Гроо Себастьян Конрадович 1768 года рождения.

2. Гроо Матиас Конрадович 1771 года рождения.

3. Гроо Конрад Конрадович 1774 года рождения женат на Рёмер Анне - Елизабетт 1778 года рождения, в этом браке родились дети:

1.) Гроо Иоганн Конрадович, родился в 1799 году, женат на Христине Нихельманн, родилась в 1779 году, в этом браке родились дети:

а.) Гроо София Иоганновна родилась в 1828 году.

б.) Гроо Хелена Иоганновна родилась в 1841 году.

в.) Гроо Иоганн Иоганнович родился в 1827 году, женат на Елизабетт Фритц родилась в 1828 году, в этом браке родились дети:

а.) Гроо Иоганн Иоганнович родился в 1850 году.

б.) Гроо Генрих Иоганнович родился в 1854 году.

в.) Гроо Фридрих Иоганнович родился в 1856 году.

г.) Гроо Катарина Иоганновна родилась в 1848 году.

2.) Гроо Каспар Конрадович родился в 1811 году, женат на Софии Руш, родилась в 1811 году, в этом браке родились дети:

а.) Гроо Генрих Каспарович родился в 1830 году, женат на Катарине Вильгельм родилась в 1831

году, в этом браке родились дети:

- а.) Гроо Генрих - Якоб Генрихович родился в 1854 году.
- б.) Гроо Фридрих Каспарович родился в 1835 году.
- в.) Гроо Каспар Каспарович родился в 1840 году.
- г.) Гроо Яков Каспарович родился в 1847 году.
- д.) Гроо Карл Каспарович родился в 1854 году.
- е.) Гроо Катарина Каспаровна родилась в 1834 году.
- ж.) Гроо Елизабетт Каспаровна родилась в 1837 году.
- з.) Гроо София Каспаровна родилась в 1849 году
- 3.) Гроо Иоганн - Георг Конрадович родился в 1801 году.

женат на Дротее Петер, родилась в 1813 году, в этом браке родились дети:

- а.) Гроо Барбара Иоганновна родилась в 1836 году.
- б.) Гроо Георг-Андреас Иоганнович родился в 1831 году.

женат на Анне- Елизабетт Келлер, родилась в 1835 году, в этом браке родились дети:

- а.) Гроо Барбара Георгиевна родилась в 1855 году.
- в.) Гроо Елизабетт Иоганновна родилась в 1832 году.
4. Гроо Анна Мария Конрадовна 1787 года рождения.
5. Гроо Катарина Конрадовна 1791 года рождения.
6. Гроо Иоганнес 1766 года рождения (приёмный сын).

В 1795 году Гроо Конрад Валентинович овдовел и переселился с сыном Конрадом Конрадовичем и дочерьми Анной Марией и Катариной в колонию поселение Красный Яр, там в возрасте 47 лет, женился на 23 летней Сибенлист Марии 1773 года рождения, в этом браке родились дети:

7. Гроо Катарина Конрадовна 1797 года рождения.
8. Гроо София Конрадовна 1798 года рождения.

9. Гроо Бартоломеус Конрадович 1800 года рождения, женат на Маргарите Кремер, родилась в 1804 году, в этом браке родились дети:

- 1.) Гроо Хелена Бартоломеусовна родилась в 1837 году.
- 2.) Гроо Маргарита Бартоломеусовна родилась в 1848 году.

3.) Гроо Иоганн Бартоломеусович родился в 1823 году женат на Маргарите Янсон, родилась в 1827 году, в этом браке родились дети:

- а.) Гроо Генрих Иоганнович родился в 1845 году.
- б.) Гроо Якоб Иоганнович родился в 1849 году.
- в.) Гроо Генрих - Каспар Иоганнович родился в 1855 году.
- 4.) Гроо Христиан - Карл Бартоломеусович родился в 1826 году.
- 5.) Гроо Бартоломеус Бартоломеусович родился в 1834 году.
- 6.) Гроо Якоб Бартоломеусович родился в 1845 году.

10. Гроо Иоганн Конрадович 1808 года рождения, женат на Хелене Кредер, родилась в 1811 году, в этом браке родились дети:

- 1.) Гроо Елизабетт Иоганновна родилась в 1835 году.
- 2.) Гроо Хелена Иоганновна родилась в 1839 году.
- 3.) Гроо Христина Иоганновна родилась в 1842 году.
- 4.) Гроо Иоганн Иоганнович родился в 1833 году, женат на Марии - Катарине Миллер, родилась

в 1833 году, в этом браке родились дети:

- а.) Гроо Мария - Елизабетт Иоганновна род. в 1854 году
- б.) Гроо Хелена Иоганновна родилась в 1856 году
- 5.) Гроо Каспар Иоганнович родился 1837 году
- 6.) Гроо Генрих - Якоб Иоганнович родился в 1845 году.
- 7.) Гроо Конрад Иоганнович родился в 1851 году.

У Гроо Каспара Филипповича, старшего сына Гроо Филиппа Валентиновича, 1770 года рождения и его жены Гроо (Валкер) Маргариты (Margareth) 1773 года рождения, проживали в колонии поселении Красный Яр, в браке родились дети:

1. Гроо Генрих Каспарович 1799 года рождения, женат на Кремер Марии 1799 года рождения, в этом браке родились дети:

1.) Гроо Бартоломеус Генрихович 1820 года рождения, женат на Вигандт Елизабетт в этом браке родились дети:

- а.) Гроо Барбара - София Бартоломеусовна 1843 года.
- б.) Гроо Сюзанна Бартоломеусовна 1850 года.
- в.) Гроо Генрих Бартоломеусович 1854 года.
- г.) Гроо Андреас Бартоломеусович 1857 года.

2.) Гроо Генрих - Якоб Генрихович 1821 года рождения, женат на Гризман Елизабетте 1824 года рождения, в этом браке родились дети:

- а.) Гроо Каспар Генрихович 1843 года.
- б.) Гроо Генрих - Якоб Генрихович 1845 года.
- в.) Гроо Конрад Генрихович 1847 года.
- г.) Гроо Доротея Генриховна 1849 года.
- д.) Гроо Иоганн Генрихович 1852 года.
- е.) Гроо Андреас Генрихович 1857 года.

2. Гроо Каспар Каспарович 1810 года рождения, женат на Штайгервальд Елизавете 1815 года рождения, в этом браке родились дети:

- 1.) Гроо Мария Каспарович 1835 года.

- 2.) Гроо Анна - Маргарита Каспаровна 1843 года.
- 3.) Гроо Доротея Каспаровна 1849 года.
- 4.) Гроо София Каспаровна 1854 года.
- 5.) Гроо Каспар Каспарович 1838 года.
- 6.) Гроо Генрих Каспарович 1840 года.
- 7.) Гроо Иоганн - Конрад Каспарович 1844 года.
- 8.) Гроо Иоганн - Андреас Каспарович 1848 года.
- 9.) Гроо Иоганн - Карл Каспарович 1851 года.
- 10.) Гроо Иоганн - Фридрих Каспарович 1854 года.
- 11.) Гроо Яков Каспарович (наш предок) 1857 года.

Гроо Каспар Каспарович 1810 года рождения, умер в 1893 году, дата смерти его жены Гроо (Штайгервальд) Елизаветы 1815 года рождения, не известна.

Его сын :

1. Гроо Иоганн - Конрад Каспарович 13 сентября 1844 года рождения, женат на Марии - Христине (Штилер) 28 лет, в этом браке родились дети:

- 1.) Гроо Мария - Екатерина Конрадовна 1884 года.
- 2.) Гроо Доротея Конрадовна 1866 года.
- 3) Гроо Анна - Христина Конрадовна 1888 года.

4.) Гроо Иоганн - Каспар Конрадович родился 7 февраля 1867 года, женат на А. Екатерине Штоппель 23 года.

5.) Гроо Иоганн - Генрих Конрадович родился 4 августа 1872 года, принят на действительную воинскую службу в 1893 году.

6.) Гроо Иоганн - Конрадович родился 29 января 1879 году, умер в 1888 году.

7.) Гроо Фридрих Конрадович родился 10 февраля 1891 года, умер (дата смерти не указана).

Его сын:

2. Гроо Иоганн - Андреас Каспарович родился 26 октября 1847 года, женат на Марии Феллер 28 лет в этом браке родились дети:

- 1.) Гроо Елиза - Маргарита Андреасовна вышла замуж в 1890 году (о муже сведений нет)
- 2.) Гроо М. София Андреасовна 1875 года.
- 3.) Гроо Сюзанна Андреасовна 1878 года.
- 4) Гроо Анна Андреасовна 1885 года.
- 5.) Гроо Юлия Андреасовна 1893 года умерла в 1895 году.

6.) Гроо Генрих - Каспар Андреасович родился 12 марта 1867 года, женат на Екатерине - Елизавете Фельде 23 года, в этом браке родились дети:

- а.) Гроо Юлия Каспаровна родилась 1893 году, умерла в 1893 году.
- б.) Гроо Генрих Каспарович родился 5 января 1895 года.

7.) Гроо Иоганн - Андреас Андреасович родился 14 августа 1873 года, женат на Марии - Доротеи Майер (возраст не указан), прибыла в Красный Яр в 1895 году, в этом браке родились дети:

- а.) Гроо Фридрих Андреасович родился 2 декабря 1895 года.
- 8.) Гроо Иоганн - Карл Андреасович родился 15 февраля 1881 года.
- 9.) Гроо Иоганн - Петер Андреасович родился 24 июня 1888 года.

Его сын:

3. Гроо Иоганн - Карл Каспарович родился 19 декабря 1851 года, женат на Амалии Кремер, 36 лет, прибыла в «Красный Яр» в 1893 году.

Его сын:

4. Гроо Иоганн - Фридрих Каспарович родился 2 апреля 1885 года, женат на Екатерине Елизавете Вернер, в 1876 году поступил на действительную военную службу, в этом браке родились дети:

- 1.) Гроо Доротея Фридриховна родилась в 1877 году.
- 2.) Гроо Юлианна Фридриховна родилась в 1885 году.
- 3.) Гроо Фридрих Фридрихович родился 2 августа 1878 года умер в 1885 году.
- 4.) Гроо Фридрих Фридрихович родился 20 июля 1889 года.
- 5.) Гроо Александр Фридрихович родился 15 ноября 1891 года.

Его сын:

5. Гроо Иоганн - Яков Каспарович родился 17 октября 1857 года (наш дедушка), женат на Симон Екатерине - Софии Каспаровне, в этом браке родились дети:

- 1.) Гроо Юлия Яковлевна родилась в 1891 году умерла в 1892 году.
- 2.) Гроо М. София Яковлевна родилась 1893 году умерла в 1921 году.
- 3.) Гроо Иоганн - Каспар Яковлевич родился 3 февраля 1885 года.
- 4.) Гроо Иоганн - Яков Яковлевич родился 17 марта 1887 года (наш отец). Дата рождения по старому стилю.

5.) Гроо Андреас Яковлевич родился 21 июля 1895 года, умер в 1921 году.

У Гроо Георга Филипповича, среднего сына Гроо Филиппа Валентиновича, родился в 1785 году, женат на Еве -Марии Пфайф, в этом браке родились дети:

1. Гроо ФилиппГеоргиевич родился в 1826 году, женат на Хелене Вигант 1826 года рождения, в этом браке родились дети:

- 1.) Гроо Маргарита Филипповна родилась в 1845 году.
- 2.) Гроо Анна-Елизабета Филипповна родилась в 1849 году.
- 3.) Гроо Ева Филипповна родилась в 1850 году
- 4.) Гроо Яков Филиппович родился в 1847 году.
- 5.) Гроо Генрих Филиппович родился в 1852 году, женат на Марии -Хелене Франц родилась в

1854 году, их сын Гроо Иоганн Генрихович родился в 1877 году, женат на Анне- Елизабет Дамер, родилась в 1883 году, уехал на постоянное место жительства в Америку.

6.) Гроо Карл Филиппович родился в 1857 году.

2. Гроо Генрих Георгиевич родился в 1812 году, женат Софии Горн 1814 года рождения, вторая жена Мария - Елизабет Феллер в этих браках родились дети:

1.) Гроо Генрих Генрихович родился в 1842 году.

2.) Гроо Георг Генрихович родился в 1844 году.

3.) Гроо Каспар Генрихович родился в 1850 году.

4.) Гроо Конрад Генрихович родился в 1853 году.

5.) Гроо Карл Генрихович родился в 1855 году.

6.) Гроо Катарина Генриховна родилась в 1833 году.

7.) Гроо Маргарита Генриховна родилась в 1835 году.

8.) Гроо София Генриховна родилась в 1837 году.

9.) Гроо Христиана Генриховна родилась в 1846 году.

В этих архивных документах (ревизских листах) отсутствуют многие сведения о дочерях и сёстрах, так - как перепись населения проводилась раз в 30 лет, в этом промежутке времени многие рождались, умирали, выходили замуж и жили в других семьях под другими фамилиями.

Прибывшие переселенцы распределялись по поселениям, названия которым давались по фамилии самого богатого переселенца, которого избирали старшим (старостой), наш предок Гроо Филипп Валентинович с женой Анной попал в группу к Вальтеру Фридриху. Для села Вальтер было выбрано место на берегу реки Березовка (Бах), река была хорошая, чистая, рыбная, вдоль реки росли высокие тополя, до впадения в Волгу было около десяти километров. Около Волги была полоса леса из дуба, тополя, осины и других пород деревьев. Между Волгой и Березовкой (Бах) было много озёр богатых рыбой и сенокосными угодьями.

Село Вальтер было большим, длиной два километра, шириной один километр, оно насчитывало шесть двойных улиц и одну береговую. Много лет село называлось Вальтер, но в один прекрасный день, староста вчём-то провинился, и был освобождён от обязанностей, на сходе был поставлен вопрос о переизбрании старосты и перенаименовании села. Были разные предложения, хотели переименовать село по фамилии нового старосты, но к тому времени уже многие овладели русским языком, сносно говорили, и по этому искали русское название селу. Село располагалось на берегу реки Березовки (Бах), а там был большой овраг, издали он был рыжим и красным, было предложение от Симона Фридриха назвать село Красным Яром, так село получило своё новое название, которое носит по сегодняшний день.

Переселенцам приходилось очень тяжело, так как земли на которые их поселили, были казацкими, их отодвинули дальше в степи и они естественно были не довольны решением правительства, по этому вредили как только могли, сжигали постройки, крали скот, вырезали целыми семьями, воровали детей, продавая их в рабство в Среднюю Азию и это продолжалось долгие годы. В то время город Энгельс назывался «Казацким городом», позже его переименовали в «Покровск». Со временем всё улеглось, все успокоились, и начали строить новую жизнь, получали ссуды и стройматериал. Постройки были деревянными: дома, конюшни, амбары были рубленными, а сараи были из досок. Дворы были огорожены досками, улицы были глухими.

Каждому женатому переселенцу был отмерен участок земли 0,12 гектара, на котором строили постройки, строили строго по плану, особенно дом и летнюю кухню. Летом каждый хозяин должен был очистить свою территорию от зимнего мусора и поставить на улице ёмкость с водой не меньше чем 200 литров, кто не выполнял эти требования, получал штраф.

Земельные наделы распределялись только между переселенцами мужского пола, у кого в семье было много детей мужского пола, получали много земли, а у кого в семье были одни женщины, тому беда, через несколько лет они становились батраками, или служили у богатых помещиков. Земля распределялась следующим образом, давались большие наделы и малые наделы. Большие наделы были самыми дальними, в отдалении до 35 километров от поселения, а малые, в отдалении от 1 километра до 5 километров от семьи. Малые земли давали для посадки картофеля, овощей и бахчевых культур, выдавались они пожизненно и охранялись. Сенокосные угодья распределялись сельским Советом, были они под номерами, их выделяли один на десять душ. 25 августа все собирались и тянули номера, а затем старый хозяин показывал новому хозяину границы сенокосного угодья, после этого можно было приступать к заготовке сена на зиму.

В любое время можно было убирать урожай бахчевых культур, а вот срок уборки капусты, определял сельский Совет. Большинство переселенцев в летнее время находились на своих земельных наделах, где сеяли, пахали, при них же находилась и скотина, у каждого хозяина был на участке домик, стайка и загон для скота. Летом так же занимались заготовкой кормов для скота на зиму, лишний урожай сдавали государству, но в основном этим занимались купцы, которые покупали излишки зерна и скотины, купцы тогда были в каждом селе. Излишки сельскохозяйственной продукции можно было продать так же на ярмарке. Переселенцы сажали так же русский, немецкий и турецкий табак, который сами курили и продавали, что тоже приносило доход семьям.

Реализация русского табака шла осенью в сезон дождей, от влаги он становился мягким и его легко пресовали в кули, примерно по 100 -120 килограмм. Немецкий и турецкий табак сначала прееет в больших кучах недели три, а затем его можно употребляют, заготавливали его столько сколько было нужно до нового урожая. На зиму заготавливали сыр, топили масло, сушили фрукты, бедные семьи сушили на зиму грибы.

Деньги экономили, питались в основном своей сельскохозяйственной продукцией, осенью после уборки урожая и реали зации излишков, старшие в семье, а это были дедушка и бабушка, покупали всё необходимое для семьи на зиму.

Переселенцы обычно живут большими семьями, до 30 человек и больше, если в семье 3-4 снохи, то обычно готовили поочерёдно. У семей переселенцев поволжья почти у всех есть свои традиционные блюда, то есть каждый день ели разные блюда, пили в основном чай из солодки, хлеб выпекался два раза в неделю, в субботу пекли белый хлеб, а в среду ржаной. В субботу также пекли пирожки с мясом, капустой

или блины. Готовили в субботу два раза в день пирожки запивали чаем из солодки, так было принято. С бабушкой и дедушкой нужно было жить дружно, так как они имели огромное влияние, в семье, их слово было решающим, и ни кто не мог тебе помочь, ни отец ни мать.

И так, наш прапрапрадед Гроо Филипп Валентинович, назвал своего первого сына Каспар, тот в свою очередь своего первого сына и так шло из поколения в поколение, наш род называли «Гроо Каспарс» и все наши предки жили в селе Красный Яр, Саратовской области тогдашней (Самарской губернии).

У Гроо Каспара Каспаровича 1810 года рождения, сына Гроо Каспара Филипповича, и его жены Штейгервальд Елизаветы 1815 года рождения, было семь сыновей и четыре дочери:

1. Каспар Каспарович родился в 1838 году.
2. Конрад Каспарович родился в 1845 году.
3. Фридрих Каспарович родился в 1854 году.
4. Генрих Каспарович родился в 1840 году.
5. Андреас Каспарович родился в 1845 году.
6. Яков Каспарович (наш предок) родился 17 октября 1857 года.
7. Карл Каспарович родился в 1851 году.
8. Маргарита Каспаровна родилась в 1843 году.
9. Мария Каспаровна родилась в 1835 году,
10. Доротея Каспаровна родилась в 1849 году,
11. София Каспаровна родилась в 1854 году.

Наш дедушка Гроо Яков Каспарович, вступил в законный брак с Симон Екатериной - Софией Каспаровной, в этом браке родились три сына и две дочери:

1. Каспар Яковлевич родился 3 февраля 1885 года
2. Яков Яковлевич родился 17 марта 1887 года (наш отец)
3. Андреас Яковлевич родился 21 июля 1895 году умер от (брюшного тифа) в 1921 году.
4. Юлия Яковлевна родилась в 1891 году, умерла в 1892 году.
5. Мария - София Яковлевна родилась в 1893 году умерла от брюшного тифа в 1921 году.

Наш дедушка Гроо Яков Каспарович был сельским столяром и все сыновья его были мастерами по столярной работе, в основном они делали одинарные брички, одинарные фургоны, сани и другой сельскохозяйственный инвентарь. Хозяйство у него состояло из небольшого рубленного дома, две комнаты и кухня, летней кухни и сарая

из досок, в зимнее время работали в летней кухне, а летом в сарае, в работе было четыре станка и работы было круглый год. Дедушка был очень хорошим, аккуратным столяром, помимо выше перечисленного, они так же делали и мебель: шкафы, камоды, столы и другую необходимую домашнюю утварь.

Мой дядя Гроо Каспар Яковлевич родился 3 февраля 1885 года вступил в законный брак с Вигант Эмилией Карловной в этом браке родились:

1. Гроо Анна Каспаровна, вышла замуж за Фельде Александра Карловича, в этом браке родилось трое детей:

- 1.) Фельде Карл Александрович, женился на Эллер Фриде Ивановне.
- 2.) Фельде Александр Александрович, женился на ? Светлане.
- 3.) ребёнок умер.

2. Гроо Карл Каспарович, женился на Франц Эмили Фридриховне, (семья Франц Фридриха Фридриховича были работящие, скромные люди середняки, жена Фридриха Фридриховича была урождённая Гризман, София Каспаровна была единственная дочь у родителей и после смерти родителей, унаследовала всё хозяйство и хозяйство Фридриха Фридриховича стало зажиточным. В 1926 году они построили новый дом, он был одним из лучших в Красном Яре). Во время войны Гроо Карл Каспарович с семьёй были выселены в Красноярский край, он был мобилизован в трудармию, где скончался от болезней и лишений, в этом браке родилось трое детей:

1.) Гроо Карл Карлович женился на Корчагиной Марии ? остался жить в Красноярском крае, в этом браке родились два сына:

- а.) Гроо Владимир Карлович.
- б.) Гроо Александр Карлович.

2.) Гроо Фридрих Карлович женился на Бычковой Валентине, в семидесятых годах приехал из Красноярского края в совхоз Солнечный, работал комбайнёром в этом браке родились дети:

- а.) Гроо Надежда Фридриховна, вышла замуж за Нефидовских Андрея.
- б.) Гроо Ольга Фридриховна, вышла замуж за Клейманн Виктора Леонидовича

Гроо Фридрих Карлович умер от болезни почек в возрасте 42 года, похоронен на кладбище в совхозе Солнечный, жена его Валентина, вышла повторно замуж за Райхельт Андрея Андреевича,

живут в Германии в Гамбурге.

3.) Гроо Яков Карлович женился на Бычковой Валентине Павловне, приехали из Красноярского края в семидесятых годах, работал механиком в МТМ, а затем главным инженером в совхозе Солнечный, Сосновского района, был избран людьми на пост директора совхоза, трагически погиб в конце восьмидесятых годов, похоронен на кладбище совхоза Солнечный, жена продолжает жить в совхозе, в этом браке родилось двое детей, сын и дочь:

а.) Гроо Сергей Яковлевич, женат.

б.) Гроо Елена Яковлевна.

3. Гроо Юлия Каспаровна (умерла в детстве).

4. Гроо Эмилия Каспаровна во время войны была мобилизована в трудармию, работала в Башкирской АССР, была замужем, они разошлись, имеет сына Александра Александровича. После войны вернулась в Красноярский край, работала там кладовщиком, управляющим отделением. В начале семидесятых годов приехала в совхоз Солнечный, работала управляющим отделением № 3, а затем комендантом совхоза, вступила в брак с Попиляевым Кондратом Оттовичем. В мае 1990 года переехали с сыном на постоянное место жительства в Германию, жила в городе Пфортсхайме земля Баден-Вюртенберг вместе с сыном, умерла 27 июля 2010 года.

5. Гроо София Каспаровна вышла замуж за Гроо Александра Генриховича (он по происхождению Франц, его мать Франц София после смерти мужа Франц А. К, вышла замуж за Гроо Генриха Яковлевича, а он её сына Александра усыновил), от этом браке родились две дочери:

1.) Гроо Наталия Александровна.

2.) Гроо Мария Александровна, они жили в Красноярском крае.

6. Гроо Екатерина Каспаровна вышла замуж за Симон Якова Генриховича, приехали из Красноярского края в семидесятых годах в совхоз Солнечный, работала в конторе техничкой, муж Яков Генрихович работал плотником в МТМ. Яков Генрихович умер и похоронен на кладбище в совхозе Солнечный. В 80-х годах, переехала с сыном Виктором Яковлевичем на постоянное место жительства в Германию, Екатерина Каспаровна живёт с сыном Виктором Яковлевичем в Земле Баден-Вюртенберг в городе Пфортсхайме, в браке с Яковом Генриховичем родилось трое детей:

1.) Симон Владимир Яковлевич, женат на Шмидт Лидии Андревне, служил в Советской Армии в Беларуси, окончил Челябинское монтажное училище по специальности слесарь-монтажник для работ заграничного монтажа, работал в монтажном управлении №1 треста ВММ, Челябинском аэропорту ГА, уехал с семьёй в Киргизию; жили в Калининградской области, а от туда переехали на постоянное место жительства в Германию, живут в Земле Баден-Вюртенберг в Штутгарте, в этом браке родились дети:

а.) Симон Ольга Владимировна, родилась 21 января 1980 года.

б.) Симон Александр Владимирович родился 4 сентября 1986 года.

2.) Симон Виктор Яковлевич, не женат, живёт с матерью, служил в Советской Армии на Севере в Тикси, окончил Челябинский монтажный техникум, работал в монтажном управлении №1 треста ВММ, Челябинском аэропорту ГА, переехал на постоянное место жительства в Германию, живут в Земле Баден-Вюртенберг в Пфортсхайме.

3.) Симон Мария Яковлевна, родилась 23 февраля 1959 года, замужем за Альберг Александром Готлибовичем, родился 9 июня 1954 года, до переезда в Германию, жили и работали в Челябинске, она - медсестрой, он - на скорой помощи шофёром, сейчас живут в Германии в Земле Баден-Вюртенберг, в этом браке родился сын:

а.) Альберг Артур Александрович, родился 5 июля 1990 года.

Мой отец Гроо Яков Яковлевич, родился 17 марта 1887 года, вступил в законный брак с Майер Софией Фридриховной, родилась 21 апреля 1888 года, в этом браке родились:

1. Гроо Яков Яковлевич родился 9 ноября 1908 года.

2. Гроо Фридрих Яковлевич (умер в детстве).

3. Гроо Фридрих Яковлевич родился 30 ноября 1911 года.

4. Гроо Эмилия Яковлевна родилась 22 августа 1914 года.

5. Гроо Генрих Яковлевич (умер в детстве).

6. Гроо София Яковлевна родилась 16 августа 1924 года.

7. Гроо Мария Яковлевна родилась 29 ноября 1927 года.

8. Гроо Карл Яковлевич родился 14 июня 1930 года.

9. Гроо Екатерина Яковлевна родилась 19 апреля 1932 года.

Мой Дядя Гроо Андреас Яковлевич вступил в законный брак с Гроо Марией Яковлевной (очевидно дальняя родственница или однофамилица) в этом браке родились дети:

1. Гроо Андреас Андреасович (умер от брюшного тифа в 1921 году)

2. Гроо Генрих Андреасович (умер от брюшного тифа в 1921 году)

Дедушка

Дедушка Гроо Яков Каспарович держал всех одной семьёй, это была огромная сила, мужчины работали на четырёх станках, а женщины, нашей маме Софии Фридриховне и тётке Эмилии Каспаровне было скучно и они очень просили какую нибудь работу, по этому дедушка собрал

семейный совет, на котором было решено, что один из сыновей должен стать крестьянином. Эта доля досталась нашему отцу Якову Яковлевичу, так начали организовывать крестьянское хозяйство. Дедушка Яков Каспарович купил лошадь (гнедую кобылицу) с жеребёнком, корову (белую

без рогов), она кидалась на людей, особенно на детей, несколько овец и поросят, изготовили бричку одинарную, (я её ещё помню), и другой сельскохозяйственный инвентарь.

Первый год крестьянствования принёс хороший урожай, что положительно сказалось на благосостоянии семьи, Для дальнейшего расширения хозяйства, купили ещё одну лошадь, гнедого мерина, у Швевель Каспара Каспаровича, её так и стали звать (Швевель). Второй год так же принёс хороший урожай, стало в достатке мяса, масла, хлеба и других продуктов, одним словом хозяйство росло с каждым днём, с одной стороны доходы от столярного дела, с другой стороны от крестьянствования. На третий год кобылица принесла пару жеребят, (гнедого и рыжего), дедушка разрешил купить ещё одну кобылицу, купили чёрную и стало в хозяйстве 6 лошадей, 5 коров, 15 овец и другой живности, можно было сказать, что хозяйство стало хорошим, средним.

В 1914 году началась война с Германией всех троих наших мужчин мобилизовали на фронт. Хозяйством продолжал руководить дедушка, а основной рабочей силой были наши женщины: наша мама София Фридриховна, тётя Эмилия Каспаровна и тётя София Каспаровна, но в 1915 году, в начале года, заболел наш дедушка воспалением лёгких и 17 июля 1915 года он умер. После смерти дедушки, хозяйством руководила наша бабушка София Каспаровна, но не смотря на такую потерю, хозяйство не пришло в упадок, а продолжало расти и умножаться. Однажды мы получили известие, что дядя Каспар Яковлевич попал в германский плен, а наш отец на туерцкий фронт, дядя Андреас Яковлевич был ещё далеко от фронта, в семье стало грустно, наша мама и тётя Эмилия Каспаровна часто стали плакать. Не смотря на все неприятности и трудности, свалившиеся на нашу семью, бабушка София Каспаровна руководила хозяйством ни сколько не хуже дедушки, наши женщины заменили ушедших на войну мужчин, они провели весенний сев без посторонней помощи, сеять нужно было вручную, в то время ещё не было сеялок, ухаживали за посевами, а осенью убрали урожай. Особенно тяжело было женщинам таскать мешки с урожаем, иногда помогали родственники, семья Вигант и семья дедушки Майер, их мужчины были все дома, их не взяли на фронт. Кобылицы каждый год жеребились, поголовье росло и на семейном совете было принято решение продать две старые кобылицы, одну купил Гризман Генрих Генрихович, другую купил Горн Иван Богданович, коров в хозяйстве было 6, овец 18 штук, много свиней, кур было 100 или больше.

Наконец кончилась война, первым приехал наш отец, через несколько месяцев приехал дядя Андреас Яковлевич, и дядя Каспар Яковлевич тоже вернулся из германского плена.

В 1917 году началась революция, царское правительство было свергнуто и деньги которые бабушка накопила для постройки нового дома, пропала, бабушка часто плакала, когда их пересчитывала, отец ей говорил, что эти деньги уже никому не нужны, тогда она их отдала нам детям и мы ими играли. В августе месяце 1917 года правительство Керенского вновь стало мобилизовывать людей и лошадей в Армию, унас забрали мерина (Швевеля) и призвали на службу дядю

Андреаса Яковлевича, но через три месяца он дезертировал и спрятался. После Октябрьской революции настали тяжёлые времена для рабочего класса, в городах не хватало продовольствия, повсюду заготавливали хлеб для рабочих и это использовали как аргумент против новой власти. Крестьяне получили землю, но вначале была большая неразбериха, церковь и кулачество работали против нового закона.

Многие крестьяне сворачивали хозяйства, ликвидировали мелкий скот и птицу, стали меньше сеять зерновые культуры, особенно это было в крупных хозяйствах. Крупные семьи из-за боязни быть раскулаченными начали делиться. Не обошла эта ситуация и нашу семью, бабушка София Каспаровна собрала семейный совет, на котором было решено разделить хозяйство, всё это продлилось четыре месяца. За это время на крупный рогатый скот напали болезни и он почти весь пал, осталось только одна тёлочка и шесть лошадей, на овец, свиней и кур напала чума и они все издохли. На наше счастье у наших родственников Виганта и дедушки Майера, крупный рогатый скот остался цел, они подарили нам по одной корове, таким образом у нас стало три коровы и бабушка начала делить хозяйство.

Дядя Каспар Яковлевич получил родительский дом, пару лошадей, гнедого мерина и гнедую кобылицу, корову которую подарили Вигант, 6 овец и пару поросят и кур.

Дядя Андреас Яковлевич получил амбар, пару лошадей, рыжую и гнедую кобылиц, корову, 6 овец, пару поросят и кур.

Наш отец, Яков Яковлевич, получил пару лошадей, рыжего мерина и гнедую кобылицу, корову подаренную дедушкой Майером, 6 овец, пару поросят, кур и всё остальное.

Дядя Андреас Яковлевич из амбара построил дом, а мы сняли квартиру у Гризмана Генриха. В 1921 году случилась страшная засуха, земельные наделы были не полностью засеяны и из того, что было засеяно, ничего не уродилось, все искали выход из создавшегося положения, у кого был запас хлеба, держались. Спасаясь от голода, стали забивать крупный рогатый скот, овец, свиней, кур, а у кого ничего небыло тех ждала голодная смерть, вымерали целыми семьями, ко всему этому бедствию ещё прибавились болезни, которые косили ослабленных голодом людей как косой. Умерших было так много, что их просто не успевали хоронить.

Люди спасались от голода как только могли, уезжали в другие края, ловили сусликов, сурков, ловили рыбу и готовили её впрок, сушили грибы, стали забивать лошадей и есть конину. Наш отец продал рыжего мерина и купил двух двухгодовалых кобылиц, которых мы одну за другой забили и съели, спасаясь от голодной смерти. Отец спас нашу семью от голодной смерти, но в хозяйстве осталась только одна корова, одним словом в одночасье мы стали бедными. В хозяйствах дяди Каспара Яковлевича и дяди Андреаса Яковлевича, осталось по одной лошади и по одной корове, их положение было лучше чем у нас, но и их не обошла беда. Летом этого года тётя София Яковлевна заболела брюшным тифом, а вслед за ней заразились другие (они с бабушкой Софией Каспаровной жили в семье дяди Андреаса Яковлевича), в результате тётя София Яковлевна, дядя Андреас Яковлевич и

двое его сыновей Андреас и Генрих умерли, в живых остались наша бабушка София Каспаровна и тётя Мария Яковлевна, жена дяди Андреаса Яковлевича. Погоревав тётя Мария Яковлевна вышла замуж за Симон Генриха Генриховича и наша бабушка стала жить в чужой семье, наш отец и мама решили забрать бабушку Софию Каспаровну к нам в нашу семью, так было и сделано.

У нашей мамы Софии Фридриховны был сводный брат (родной по матери) Беллер Каспар Каспарович, он уехал в Америку, а нам подарил свой небольшой домик (одна комната и кухня), так у нас появился свой дом. В 1923 -1924 годах, государство давало ссуды на приобретение лошадей, наш отец Яков Яковлевич тоже получил ссуду и купил гнедого жеребца, а через год приобрёл вторую лошадь (рыжего мерина) и наше хозяйство начало расширяться. В стране начался НЭП, в течении нескольких лет крестьянские хозяйства так поднялись и окрепли, что просто никто не верил. В 1926 году мы построили новый дом, был он рубленый, в нём было три комнаты и кухня, семья наша тогда была десять человек.

В 1928 -1929 годах в стране кулачество было ликвидировано как класс, из конфискованных хозяйств стали создаваться колхозы. В конце 1929 года наша семья тоже вступила в колхоз Ротфронт, сдали наших лошадей и всё наше хозяйство. Дядя Каспар Яковлевич продал всё, что было можно из своего хозяйства, кроме дома и уехал с семьёй в Московскую область и жили там до 1935 года, а после вернулись и тоже вступили в колхоз. В период с 1929 по 1930 год я, Гроо Яков Яковлевич, находился на учёбе в городе Маркс на 6-месячных курсах шоферов (курсы были за свой счёт), которые успешно окончил и вернулся в колхоз, но машин в то время в колхозе ещё не было. В 1930 году у нас начали организовывать МТС (машино тракторная станция), прибыли трактора, а трактористов нет, стали набирать людей на курсы, а меня использовали как инструктора. МТС укомплектовали гусеничными 50 сильными тракторами «Монарх», колёсными 10 сильными «Жантири» и несколькими «Путиловцами».

В 1931 году в МТС поступили колёсные трактора СТЗ, в этом же году моего брата Гроо Фридриха Яковлевича назначили бригадиром комсомольской бригады колёсных тракторов, а меня бригадиром бригады гусеничных тракторов, так мы и работали до 1933 года, а с 1933 по 1935 годы, работали шоферами МТС. В 1935 году брата Фридриха Яковлевича перевели работать шофёром в райком КПСС, а меня в уполкомзак райисполкома, тоже шофёром легковой машины. Через два года брата Фридриха Яковлевича назначили инструктором райкома КПСС, а меня - заместителем уполномоченного по заготовкам сельхозпродукции райисполкома, где мы проработали до 1941 года. Наш отец Гроо

В 1933 году я, Гроо Яков Яковлевич, родился 9 декабря 1908 года, вступил в законный брак с (Гаас) Экардт Екатериной Ивановной, родилась 15 ноября 1913 года, в браке у нас родились дети:

1. Гроо Виктор Яковлевич, женат на Меркер Вильме Готлибовне.
2. Гроо Яков Яковлевич, женат на Бушуевой Зинаиде Васильевне.
3. Гроо Эрнст Яковлевич, женат на Дегтярёвой Тамаре Павловне.

В 1946 году я повторно женился на Вайс Леонтина Ивановне, родилась 14 ноября 1919 года, в

Яков Яковлевич работал сначала председателем сельского Совета, затем в колхозе Ротфронт полеводом, в райисполкоме, а с 1935 года бухгалтером райфинотдела.

В 1941 году по указу Президиума Верховного Совета СССР были выселены в северный Казахстан, в Кокчетавскую область колхоз Перелом. В колхозе наш отец, Яков Яковлевич, работал плотником, я - кузнецом, а брат Фридрих Яковлевич - на общих работах, пока нас с братом 8 февраля 1942 не мобилизовали в трудармию. Попали мы в Челябинск на Челябинметаллургстрой, во второй строительный отряд, где мы проработали 10 месяцев: я - плотником в отряде, а Фридрих Яковлевич - на пилораме. 10 декабря 1942 года нас перевели работать в совхоз, он в то время назывался «Б. Баландинский», сегодня Солнечный, в совхозе я работал год заведующим МТМ, а затем 27 лет главным инженером до самой пенсии. Брат, Фридрих Яковлевич, работал в начале шофёром, затем комендантом совхоза, а последние годы начальником пожарной охраны и по совместительству шофёром пожарной машины, тоже до самой пенсии. В начале 1947 года мы оформили вызова для наших семей и родителей, летом они приехали в «Б. Баландинский». 1947 год был тяжёлым послевоенным годом, как и все люди в то время, наши были плохо одеты и обуты, в этом была большая нужда, но ни это было сейчас основным, главное получить жильё, устроиться на работу и стать на питание.

С Гусак Ефимом Романовичем, тогдашним директором совхоза, мы нашли общий язык и оформили всех на работу, после всем выдали карточки на питание и дополнительно, директор выписал 200 килограммов овса, который после обработки был поделён между нами, картошка свежая уже была. Так началась новая жизнь, на новом месте. Отца, Якова Яковлевича, оформили плотником к коменданту, сестру, Эмилию Яковлевну Гоппе, — в пекарню, она была сразу обеспечена, мою первую жену, Гроо Екатерину Ивановну, — на отделение №2 телятницей, жену брата, Амалию Каспаровну, определили на зерносклад, сетёр Марию Яковлевну и Екатерину Яковлевну, — на парниковое хозяйство, брата Карла Яковлевича - в МТМ (машино тракторная мастерская), вначале штурвальным, затем комбайнёром, а позже шофёром.

После неудачной операции 15 ноября 1949 года, умер наш отец, Гроо Яков Яковлевич, мы все: наша мама Гроо София Фридриховна, дети и внуки остались жить в совхозе, а после многие разъехались, кто на целину в Казахстан, туда уехала сестра Мария Яковлевна с семьёй в марте 1959 года, кто в Челябинск учиться и работать, а кто и в Москву, где и продолжают жить и работать. Наша мама София Фридриховна умерла 20 апреля 1969 года, пережив отца на 20 лет и похоронена на кладбище совхоза Солнечный рядом с ним.

этом браке у нас родились дети:

1. Гроо Эльвира Яковлевна, замужем за Бургардт Александром Оттовичем.
2. Гроо Ирма Яковлевна, замужем за Валеевым Рафимом Гайсовичем.
3. Гроо Александр Яковлевич, женат на Федорич Людмиле Ивановне.
4. Гроо Владимир Яковлевич, женат на Пехуле Марине Ивановне.

Мой старший сын, Гроо Виктор Яковлевич, родился 24 мая 1935 года, окончил Челябинский строительный техникум и был направлен по распределению в Казахстан, Кустанайскую область в село Боровое, в строительный трест на должность главного механика, позже он с семьёй переехал в Кустанайскую область, Ордженикидзовский район совхоз имени Свердлова, где и работал главным механиком, а затем главным инженером совхоза. В браке с Меркер Вильмой Готлибовной, родилась 8 февраля 1934 года, работала завхозом в детском саду, у них родились дети:

1. Гроо Ирина Викторовна, родилась 31 марта 1957 года, окончила Челбинское культпросвет училище, работала в Казахстане, в Кустанайской области, Ордженикидзовском районе, в совхозе имени Свердлова заведующей клубом, а затем в детском садике, замужем за Казаченковым Сергеем Васильевичем, родился 20 марта 1958 года, работал шофёром, сантехником, в животноводстве, живут в настоящее время в Германии Земля Байерн в городе Нересхайм, в этом браке родились дети:

1.) Казаченкова Инна Сергеевна, родилась 25 октября 1979 года, замужем за Вильгаук Дмитрием Владимировичем, родился 23 марта 1980 года, в этом браке родился сын:

а.) Вильгаук Артур Дмитриевич

2.) Казаченкова Лилия Сергеевна, родилась 20 мая 1981 года, не замужем

3.) Казаченков Александр Сергеевич, родился 25 ноября 1986 года, женат на Елене., в этом браке родились дети:

а.) Казаченков Эрик Александрович.

б.) Казаченков Стивен Александрович.

2. Гроо Виктор Викторович, родился 5 ноября 1958 года, окончил Троцкое авиационное техническое училище ГА, после окончания училища работал авиатехником в Красном Куте в Поволжье, в Казахстане в Кустанайской области Ордженикидзовском районе совхозе имени Свердлова на разных должностях, женат на Эбель Нелли Владимировне, родилась 26 июня 1959 года, работала поваром в совхозе, 9 марта 1993 года переехали на постоянное место жительства в Германию в город Нересхайм Земля Баден-Вюртенберг, в этом браке родились дети:

1.) Гроо Виктория Викторовна, родилась 5 декабря 1979 года, была замужем за Кохом Николаем Яковлевичем, родился 1 апреля 1977 года, в этом браке родился сын:

а.) Максим Николаевич живёт в гражданском браке с Беккером Сергеем Алерксандровичем, родился 12 июля 1984 года, есть сын:

б.) Беккер Сэм Сергеевич.

2.) Гроо Виталий Викторович, родился 2 февраля 1981 года, женат на Брандт Светлане Викторовне, родилась 2 июля 1982 года, в этом браке родились дети:

а.) Гроо Эмили Витальевна.

б.) Гроо Давид Витальевич.

3.) Гроо Лидия Викторовна, родилась 22 февраля 1984 года, замужем за Вильгаук Валентином Владимировичем, родился 17 февраля 1983 года, в этом браке родились дети:

а.) Вильгаук Кевин Валентинович.

б.) Вильгаук Кира Валентиновна.

4.) Гроо Дженифер Викторовна, родилась 2 ноября 1995 года.

3. Гроо Евгений Викторович, родился 20 января 1962 года, женат на Федорущенко Наталье Ивановне, родилась 29 сентября 1964 года, служил в Советской Армии, живёт и работает на Севере России в городе Норильск Красноярского края, в браке родился сын:

1.) Гроо Виталий Евгеньевич, родился 2 мая 1986 года, не женат.

2.) Гроо Вячеслав Евгеньевич, родился 3 октября 1982 года, (приёмный сын)

Мой второй сын Гроо Яков Яковлевич, родился 13 ноября 1936 года служил в Советской Армии в Москве, женился там на Бушуевой Зинаиде Васильевне, родилась 30 марта 1937 года, окончил вечерний институт, работал в конструкторском бюро Главбамстроя в Москве, в этом браке родилась дочь:

1. Гроо Марина Яковлевна, родилась 29 января 1960 года, была замужем за Брызгаловым Сергеем, в этом браке родился сын:

1.) Брызгалов Сергей Сергеевич, родился 22 июля 1984 года.

Повторно вышла замуж за Алексеенко Петра Николаевича, родился 26 сентября 1962 года, в этом браке детей нет.

Мой сын, Гроо Эрнест Яковлевич, родился 7 февраля 1938 года, женат на Дегтярёвой Тамаре Павловне, родилась 6 июля 1942 года, служил в Советской Армии, работал шофёром, жена диспетчером в гараже, жил в посёлке Мирный, Красноармейского района, затем переехал в совхоз Солнечный, Сосновского района, умер 8 февраля 2006 года, похоронен на совхозном кладбище, в этом браке у них родились дети:

1. Гроо Валерий Эрнестович, родился 13 сентября 1962 года женат на Лобкановой Елене Евгеньевне, родилась 29 июня 1962 года, окончил Троицкое авиационное техническое училище ГА, работал техником в Челябинском аэропорту ГА, затем шофёром в посёлке Мирный, Красноармейского района, сейчас работает снабженцем в одном из подразделений Челябинскобувторга, живёт в совхозе Солнечный Сосновского района, в этом браке родились дети:

1.) Гроо Денис Валерьевич, родился 17 ноября 1982 года.

2.) Гроо Эдуард Валерьевич, родился 16 декабря 1992 года.

2. Гроо Марина Эрнестовна, родилась 16 марта 1971 года, окончила Челябинское педагогическое училище, работает педагогом, живут в Коркино, замужем за Кудриным Сергеем Николаевичем, родился 9 апреля 1969 года, работает зам. директора Фабрики печенья, одно из подразделений Челябинскобувторга, в этом браке родилась дочь:

1.) Кудрина Оксана Сергеевна, родилась 9 апреля 1992 года, не замужем.

Моя старшая дочь Гроо Эльвира Яковлевна, родилась 24 марта 1946 года, вышла замуж за Бургардт Александра Оттовича, родился 15 июня 1945 года, работала в Челябинском аэропорту ГА бухгалтером, муж - в автопредприятии аэропорта ГА водителем, живут в Германии Земля Байерн в городе Амберг, в этом браке у них родилась дочь:

1. Бургардт Елена Александровна, родилась 23 августа 1965 года, замужем за Поповым Фёдором Сергеевичем, родился 25 февраля 1960 года, работала дежурной по посадке Челябинского аэропорта ГА, муж работал шофёром, живут в Германии Земля Байерн в Амберге, в этом браке родилось трое детей:

1.) Попов Александр Фёдорович, родился 26 июня 1984 года, женат на Хольцманн Валентине Викторовне.

2.) Попова Ирина Фёдоровна, родилась 3 августа 1986 года.

3.) Попов Сергей Фёдорович, родился 18 июля 2003 года.

Моя вторая дочь, Гроо Ирма Яковлевна, родилась 17 марта 1948 года, окончила монтажный техникум и работала в одной из строительных организаций треста ЧМС, в коксохимстрое плановиком, после переезда в Магнитогорск, работала в Магнитогорском монтажном управлении треста ВММ, в данный момент работает в Челябинскобувторге бухгалтером, вышла замуж за Валеева Рафима Гайсовича, родился 5 августа 1945 года, работал прорабом, начальником участка в Управлении коксохимстрой треста ЧМС, заместителем управляющего треста Магнитострой, сейчас работает заместителем директора Челябинскобувторга по строительным делам, живут в Челябинске, в этом браке у них родились сын и дочь:

1. Валеев Тимур Рафимович, родился 12 января 1975 года, женат на Колчевой Людмиле Владимировне, родилась 6 июня 1975 года, после окончания торгового института, работал в Коркино директором Фабрики печенья, сейчас работает в головном предприятии Челябинскобувторга, заместителем генерального директора по коммерческим вопросам в этом браке родилось двое детей:

1.) Валеева Валерия Тимуровна, родилась 17 марта 1996 года.

2.) Валеев Роман Тимурович, родился 19 ноября 2006 года.

2. Валеева Светлана Рафимовна, родилась 2 апреля 1981 года, замужем за Сихворт Евгением Николаевичем, родился 11 ноября 1975 года, окончила Челябинский государственный университет, по образованию юрист, работает юристом в фирме «Дельта», в этом браке родилась дочь:

1.) Сихворт Кристина Евгеньевна, родилась 2 сентября 2005 года

Мой сын Гроо Александр Яковлевич, родился 9 января 1950 года, окончив школу работал шофёром на автопредприятии в городе Челябинске, служил в Советской Армии на Сахалине, после службы в армии работал водителем в таксопарке, начальником автотранспортного цеха на заводе ЧемЗАП, сейчас работает техническим директором на ГРЭС, одном из подразделений Челябинскобувторга, был женат на Федорич Людмиле Ивановне, родилась 23 декабря 1949 года, в этом браке у них родились дети:

1. Гроо Александр Александрович, родился 28 августа 1972 года, женат на Воробьёвой Елене Юрьевне, родилась 18 декабря 1974 года, работал менеджером в одном из подразделений Челябинскобувторга, в этом браке родился сын:

1.) Гроо Владимир Александрович, 9 марта 2000 года.

2.) Гроо Анастасия Александровна, 10 октября 1994 года (приёмная дочь).

2. Гроо Евгений Александрович, родился 1 июля 1974 года, женат на Черняк Анастасии Леонидовне, родилась 28 сентября 1978 года, работал в одном из подразделений Челябинскобувторга, жена работает менеджером в Хлебпроме, в этом браке родились дети:

1.) Гроо Элеонора Евгеньевна, родилась 3 сентября 1996 года.

2.) Гроо Марк Евгеньевич, родился 4 ноября 2004 года.

3. Гроо Яков Александрович, родился 22 августа 1988 года, холост, работает на ГРЕКС, одно из подразделений Челябинскобувторга.

Мой сын, Гроо Владимир Яковлевич, родился 7 апреля 1952 года, женат на Пехуля Марине Ивановне, родилась 6 июня 1963 года, служил в Советской Армии в Сибири, в Усолье-Сибирском, вначале своей трудовой деятельности работал водителем, экспедитором, после окончания Свердловского торгового института, работал на разных должностях в торговой сферы Челябинска, сейчас - директором Челябинскобувторга, успешный предприниматель, в этом браке родился сын:

1. Гроо Марк Владимирович, родился 11 марта 1986 года, женат на Чернышовой Анфисе Александровне, родилась 7 октября 1987 года, оба учатся в Англии.

Моя сестра, Гроо София Яковлевна, родилась 16 августа 1924 года, после трудармии, приехала в совхоз в 1950 году, в начале работала на разных работах, а затем в больнице санитаркой до самой пенсии, была замужем за Бекер Давидом Давидовичем, в данное время живёт в Германии Земля Байерн в городе Хохенпайсенберге, в этом браке у них родились дети:

1. Гроо Александр Александрович, родился 21 января 1949 года, отец Архипов Александр, служил в Советской Армии, до переезда в Германию работал и жил в Челябинске, был женат на Евстафьевой Татьяне Владимировне, родилась 4 марта 1960 года, сейчас в разводе, живёт и работает в Германии в городе Мюнхене Земля Байерн, в этом браке родилось двое детей:

1.) Гроо Елена Александровна, родилась 22 сентября 1978 года, была замужем за Максимовым

Эдуардом, живёт в Германии в городе Мюнхене Земля Байерн.

2.) Гроо Владимир Александрович, родился 18 августа 1988 года, не женат, живёт и работает в Германии в городе Мюнхене Земля Байерн.

2. Бекер Виктор Давидович, родился 13 июня 1951 года, женат на Олиференко Галине Ивановне, родилась 9 июля 1955 года, служил в Советской Армии, до переезда в Германию, работал на заводе ЧМЗ, затем в автопредприятии аэропорта ГА, жена работала в буфете аэропорта ГА, жили в совхозе Солнечном, в данный момент живут в Германии Земля Байерн, в этом браке родилось двое детей:

1.) Бекер Виталий Викторович родился 19 апреля 1975 года, женат на Биньковской Виктории Константиновне, родилась 10 июля 1979 года, окончил Челябинский политехнический институт энергетический факультет, живут в Германии Земля Байерн, оба работают, в этом браке родился сын:

а.) Беккер Даниэль Витальевич, родился 29 сентября 2004 года.

2.) Бекер Ольга Викторовна родилась 26 апреля 1982 года, замужем за Витих Сергеем Викторовичем родился 11 декабря 1976 года, живут в Германии Земля Байерн, в этом браке родилась дочь:

б.) Витих Ксения Сергеевна, родилась 19 ноября 2007 года.

Бекер Давид Давидович умер и София Яковлевна вышла замуж за Бекер Виктора Давидовича, с ним она прожила недолго, разошлась, у них родился сын:

3. Бекер Давид Викторович, родился 2 марта 1955 года, женат на Артушевой Людмиле Валентиновне, родилась 17 октября 1954 года, служил в Советской Армии, до переезда в Германию, жил и работал в Челябинске слесарем-монтажником в монтажном управлении №1 треста ВММ и других строительных организациях, жена работала портнихой, живут в Германии Земля Байерн в городе Пайтинге, в этом браке родился сын:

1.) Бекер Евгений Давидович, родился 5 февраля 1979 года, женат на Бауер Елене Ивановне, родилась 26 июня 1984 года, в этом браке родилась дочь:

а.) Бекер Катарина Евгеньевна, родилась 31 июля 2005 года.

Мой брат Гроо Карл Яковлевич, родился 14 июня 1930 года работал в совхозе Солнечном, штурвальным, комбайнёром, шофёром, имеет не законченное высшее образование, женился на Сайбель Ирме Даниловне, родилась 9 октября 1930 года, она работала в столовой совхоза поваром, в данный момент живут в Германии Земля Райнландпфальц в городе Кайзерслаутерне, Ирма Даниловна умерла в 2009 году, в этом браке родились дети:

1. Гроо Александр Карлович родился 4 октября 1953 года, женат на Гейн Полине Эдмундовне, родилась 25 июня 1955 года, Александр Карлович служил в Советской Армии в Березниках, окончил Челябинский монтажный техникум, работал в начале шофёром на участке пусконаладки треста ВММ, затем снабженцем, жена работала главным бухгалтером в одной из строительных фирм треста ЧМС, в данный момент живут в Германии Земля Райнландпфальц город Кайзерслаутерн, в этом браке родились дети:

1.) Гроо Алексей Александрович, родился 12 декабря 1978 года, студент университета, не женат, живёт с родителями.

2.) Гроо Ляна Александровна, родилась 12 декабря 1978 года, замужем за Шлегель Георгом Викторовичем, родился 21 сентября 1979 года, окончила университет, работает в банке клерком, живут в Германии во Франкфурте на Майне, Земля Гессен.

2. Гроо Ирина Карловна, родилась 30 мая 1956 года была замужем за Шмыковым Валерием Полладиевичем, окончила Челябинский монтажный техникум, работает в Челябинске бухгалтером в одной из фирм, в этом браке родилась дочь:

1.) Шмыкова Наталья Валерьевна, родилась 13 апреля 1979 года, замужем за Дюрягиным Андреем Валерьевичем, родился 6 января 1978 года, проживают в Челябинске, в этом браке родились дети:

а.) Дюрягин Дмитрий Андреевич, родился 24 ноября 2005 года.

б.) Дюрягин Всеволод Андреевич, родился 2 мая 2008 года.

3. Гроо Лилия Карловна родилась 17 февраля 1959 года, замужем за Черепановым Сергеем Михайловичем, родился 3 февраля 1958 года, Лилия Карловна окончила Челябинский политехнический техникум, по специальности программист, работает в Екатеринбурге начальником отдела по управлению персоналом РЭЛТК, муж работает в охране предприятия, в этом браке родился сын:

1.) Черепанов Михаил Сергеевич, родился 7 марта 1990 года, работает курьером в Ситиэкспресс.

Моя сестра, Гроо Екатерина Яковлевна, родилась 19 апреля 1932 года работала в тепличном хозяйстве совхоза Солнечный, затем в магазине, вышла замуж за Илле Бруно Робертовича, родился 30 марта 1928 года, до переезда в Германию работал в совхозе Солнечном шофёром до самой пенсии, в данный момент живут в Германии, в городе Пфортсхайме Земля Баден-Вюртенберг, в этом браке у них родились дети:

1. Илле Роберт Брунович, родился 28 апреля 1956 года, женат на Удотовой Зое Алексеевне, родилась 6 сентября 1955 года, служил в Советской Армии, до переезда в Германию жили в Челябинске, оба работали на заводе ЧМЗ в прокатном цехе №3, во время плановых военных сборов был тяжело травмирован, стал инвалидом, после переезда в Германию жили в городе Кайзерслаутерне Земля Райнландпфальц, Роберт Брунович умер 28 октября 2006 года, в этом браке родились две дочери:

1.) Илле Евгения Робертовна, родилась 15 ноября 1978 года, была замужем, есть дочь.

а.) Аделина .. родилась 30 июня 1996 года.

2.) Илле Ирина Робертовна, родилась 27 января 1981 года, не замужем.

2. Илле Нелли Бруновна, родилась 6 июля 1958 года, замужем за Шультайс Виктором Карлович, родился 28 марта 1952 года, окончил политехнический институт, работал механиком на заводе имени Кирова, затем работал электриком на шахте, Нелли Бруновна работала крановщиком, окончила политехнический техникум, затем работала в Копейске на заводе пластмас в лаборатории, в данный момент живут в Германии в городе Кайзерслаутерне (Оттерберге) Земля Райнландпфальц, оба работают, в этом браке родились четыре дочери:

1.) Шультайс Екатерина Викторовна, родилась 18 июля 1982 года, не замужем.

2.) Шультайс Эмилия Викторовна, родилась 20 февраля 1984 года, не замужем.

3.) Шультайс Крестина Викторовна, родилась 15 сентября 1995 года, школьница.

4.) Шультайс Марина Викторовна, родилась 22 августа 1987 года, умерла 21 февраля 1994 года.

3. Илле Виктор Брунович, родился 2 марта 1962 года, женат на Червин Татьяне Романовне, родилась 27 мая 1966 года, служил в Советской Армии, до переезда в Германию работали и жили в совхозе Солнечный, он по окончании сельскохозяйственного института, работал механиком в МТМ, она - в больнице медсестрой, в данный момент живут с отцом и матерью в Германии в городе Пфортхайме Земля Баден-Вюртенберг, оба работают, он в конструкторском бюро в одном из филиалов автомобильного завода Мерседес, она - флегерин, в этом браке родились трое детей:

1.) Илле Игорь Викторович, родился 25 августа 1986 года, не женат.

2.) Илле Инна Викторовна, родилась 13 ноября 1989 года, не замужем.

3.) Илле Мартин Викторович, родился 14 мая 2002 года, школьник.

Мой брат, Гроо Фридрих Яковлевич, родился 30 ноября 1911 года, работал шофёром, комендантом совхоза Солнечный, начальником пожарной охраны и по совместительству шофёром пожарной машины, женился на Симон Амалии Каспаровне, родилась 8 июня 1915 года, работала на зерноскладе, техничкой в школе и конторе, в этом браке родились дети:

1. Гроо Фридрих Фридрихович, родился 26 октября 1935 года женат на Костюхиной Елене Фёдоровне, родилась 22 июня 1935 года, до переезда в Москву, работал механизатором в «Б. Баландинском» совхозе треста ЧМС, так раньше назывался совхоз Солнечный, в городе Одинцово (пригород Москвы), работал в одном из пригородных хозяйств Москвы, окончил в Москве курсы при сельскохозяйственной академии, работал главным механиком в совхозе Матвеевский, жил в городе Одинцово Московской области, умер 5 октября 2001 года, в этом браке родились две дочери:

1.) Гроо Татьяна Фридриховна, родилась 22 ноября 1960 года, окончила МГТУ имени Баумана, замужем за Капцовым Юрием Александровичем, родился 23 ноября 1961 года, так же окончил МГТУ имени Баумана, работают в Москве, она коммерческим директором в строительной фирме, он начальником отдела КБ имени Хруничева, в этом браке родилась дочь:

а.) Капцова Екатерина Юрьевна, родилась 3 августа 1983 года, замужем за Орманджи Эрдинчем, родился 3 декабря 1972 года, окончила Московский Государственный Университет по специальности дизайн и технология, работает начальником отдела компании — производителя одежды марок BAON и DESAM, он — директором департамента MICE в компании TEZtour,

2.) Гроо Ирина Фридриховна, родилась 30 ноября 1964 года, окончила Московский авиационный институт, работает бухгалтером в строительной фирме, была замужем за Смирновым Юрием Николаевичем, в этом браке родилась дочь:

а.) Смирнова Светлана Юрьевна, родилась 31 декабря 1987 года, работает менеджером в одной из московских фирм.

2. Гроо Александр Фридрихович, родился 25 октября 1936 года, был женат на Большаковой Татьяне Фёдоровне, родилась 18 ноября 1935 года, служил в Советской Армии в Украине во Львовской области, окончил Челябинский монтажный техникум, работал в монтажном управлении №1 Треста ВММ мастером, прорабом, начальником участка, на заводе ЧМЗ в ЭСПЦ 5 механиком, жил в Челябинске, умер 20 мая 1990 года, похоронен на кладбище кладбище в совхозе Солнечном, в этом браке родились две дочери, есть сын от второго брака с Евдокимовой Татьяной Константиновной, в данный она момент живёт в Челябинске.

1.) Гроо Елена Александровна, родилась 3 марта 1962 года, окончила Челябинское педагогическое училище, затем государственный педагогический университет, работает преподавателем начальных классов, была замужем за Рындиным Владимиром Михайловичем, в этом браке родился сын :

а.) Рындин Илья Владимирович, родился 26 октября 1990 года, служит в Российской Армии на полигоне Плесецк, не женат.

2.) Гроо Галина Александровна, родилась 16 марта 1966 года, окончила Санкт - Петербургский государственный медицинский университет имени Мечникова, работает в детской городской больнице № 17 медсестрой, была аужем за Кругловым Евгением Викторовичем, в данный момент живёт в городе Санкт-Петербурге.

3.) Гроо Максим Александрович, родился 18 декабря 1978 года, сын от второго брака, окончил Челябинский металлургический техникум, работал снабженцем в коммерческой фирме, сейчас живёт в Германии в городе Аугсбурге Земля Бавария, был женат, разведен есть сын:

а.) Гроо Александр Максимович.

3. Гроо Гильда Фридриховна, родилась 24 июля 1938 года, замужем за Курач Александром Фрусановичем, родился 21 января 1938 года, окончила Целиноградский финансово-экономический техникум, работала начальником планового отдела ОКС Кустанайского горисполкома, он окончил заочно Рудненский строительный институт, работал в одной из строительных организаций Кустаная мастером, прорабом, начальником участка, зам начальника управления, проживают в Казахстане в Кустанае, оба на пенсии, в этом браке родились дети:

1.) Курач Александр Александрович, родился 26 мая 1961 года женат на Глущенко Елене Владимировне родилась 3 февраля 1961 года, он окончил Челябинский институт механизации сельского хозяйства, работает в Кустанайском сельскохозяйственном институте старшим научным сотрудником, жена окончила Челябинский политехнический институт, работает главным бухгалтером в частной фирме, в этом браке родились дети:

а.) Курач Анатолий Александрович родился 14 октября 1985 года, женат, окончил Челябинский политехнический университет приборостроительный факультет, живёт в Челябинске.

б.) Курач Андрей Александрович родился 23 марта 1989 года, студент Челябинского политехнического университета, не женат.

2.) Курач Людмила Александровна, родилась 27 мая 1974 года, замужем за Анциферовым Дмитрием Анатольевичем родился 4 августа 1972 года, проживают в Санкт - Петербурге, в этом браке родились две дочери:

а.) Анциферова Екатерина Дмитриевна, родилась 19 февраля 1996 года, школьница.

б.) Анциферова София Дмитриевна, родилась 2 августа 2007 года.

4. Гроо Ольга Фридриховна, родилась 6 мая 1951 года, замужем за Галимовым Рифкатом Сафаровичем, родился 5 октября 1948 года, служил в Советской Армии в Карелии, в Кандалакше, живёт в совхозе Солнечном, работала в информационно-вычислительном центре Челябинского аэропорта ГА оператором, муж работал в автопредприятии Челябинского аэропорта ГА автоэлектриком и на заводе ЧМЗ в цехе водоснабжения, хлораторщиком на Сугаякской насосной станции, сейчас оба на пенсии, в этом браке родился сын:

1.) Галимов Рифкат Рифкатович, родился 19 марта 1974 года, женат на Шефер Наталье Александровне, родилась 25 апреля 1976 года, окончил Минское авиационное техническое училище ГА, работает в Челябинском аэропорту ГА инженером - механиком по приборам самолётов, жена работает в банке клерком, в этом браке родилось двое детей:

а.) Галимов Александр Рифкатович, родился 16 декабря 1999 года, школьник.

б.) Галимова Мария Рифкатовна, родилась 11 ноября 2009 года

5. Гроо Владимир Фридрихович, родился 6 августа 1952 года, был женат на Карпухиной Валентине Александровне, родилась 23 июня 1955 года, служил в Советской Армии в Уральском военном округе, в Еланских лагерях, окончил Челябинский монтажный техникум, до переезда в Германию жил в Челябинске, работал в монтажном управлении № 1 треста ВММ слесарем-монтажником, мастером по монтажу и ремонту промышленного оборудования, прорабом, пропитчиком на Челябинском электродном заводе и на других предприятиях города и области, последнее место работы Коркино, директор КСМК, женат вторым браком на Кун Татьяне Васильевне, родилась 13 сентября 1955 года, окончила индустриальный техникум, работала в магазине «Рябинушка» старшим кассиром, в архиве института ЧелябинпромстройНИИпроект, в данный момент живут в Германии, в Берлине, от первого брака двое детей:

1.) Гроо Александр Владимирович, родился 7 февраля 1975 года, не женат, живёт в Челябинске, окончил Челябинский политехнический университет приборостроительный факультет, работает в НПО «Протон», ведущий инженер.

2.) Гроо Ольга Владимировна, родилась 9 декабря 1978 года, окончила Челябинский металлургический техникум, затем Челябинский политехнический университет, финансово - экономический факультет, замужем за Аккерман Виктором Ивановичем, родился 25 февраля 1977 года, живёт в Челябинске, работает бухгалтером в Челябинскобувьторге, муж работает на заводе ЧМК бригадиром крановщиков в ЭСПЦ 3, в этом браке родился сын:

а.) Аккерман Вадим Викторович, родился 17 ноября 2001 года, школьник.

Моя сестра Гроо Эмилия Яковлевна родилась 21 августа 1914 года, работала в пекарне в «Б. Баландинском» совхозе треста ЧМС и на других работах, была замужем за Гоппе Петром Давидовичем, до переезда в Германию, жила со вторым мужем в Металлургическом районе Челябинска, после переезда в Германию жила в Гамбурге, умерла и похоронена там же, в первом браке родились дети:

1. Гоппе Фрида Петровна, родилась 27 сентября 1934 года, замужем за Гартманн Виктором Викторовичем, родился 16 февраля 1934 года, живут в Германии в Гамбурге, в этом браке родились дети:

1.) Гартманн Виктор Викторович, родился 23 мая 1957 года.

2.) Гартманн Евгений Викторович, родился 23 марта 1962 года.

2. Гоппе Ирма Петровна, родилась 17 сентября 1936 года, была замужем за Баландиным Павлом Ивановичем, живёт в Германии в городе Гамбурге, в этом браке родилось двое детей :

1.) Баландин Евгений Павлович, женат, живёт в Кургане.

2.) Баландина Наталья Павловна, замужем, живёт в Кургане.

3. Гоппе Фёдор Петрович, родился 20 марта 1939 года, служил в Советской Армии, окончил монтажный техникум, работал мастером, прорабом, начальником участка в монтажном управлении №1 треста ВММ, начальником участка на Заводе металлоконструкций у Боса, женат на Аккерманн Ларисе Ивановне, живут в Гемании в Гамбурге, в этом браке родилось двое детей:

1.) Гоппе Эдуард Фёдорович.

2.) Гоопе Вадим Фёдорович.

4. Гоппе Эрна Петровна, родилась 12 мая 1942 года, замужем за Аникеевым Виктором Николаевичем, работала почтальоном в совхозе Солнечный, муж работал шофёром в атопредприятии Челябинского аропорта ГА, в этом браке родился сын:

1.) Аникеев Николай Викторович

Эрна Петровна умерла от болезни щитовидной железы и похоронена на кладбище совхоза Сол-

нечный.

Моя сестра Гроо Мария Яковлевна, родилась 29 ноября 1927 года, вышла замуж за Круч Андрея Христиановича, родился 20 марта 1929 года, оба работали в Казахстане Кустанайской области, в Ордженикидзовском районе, в совхозе имени Свердлова, он работал бригадиром, мотористом в МТМ, она кладовщицей на складе, в данный момент живёт в Германии земля Байерн в городе Хохенпайсенберге, в этом браке родилось четверо детей:

1. Круч Александр Андреевич, родился 11 ноября 1951 года, женат на Горр Марине Викторовне, родилась 29 октября 1950 года, служил в Советской Армии, до переезда в Германию жил и работал в Казахстане, в Кустанайской области, Ордженикидзовском районе, совхозе имени Свердлова, окончил Кустанайский сельскохозяйственный институт, работал управляющим отделения совхоза, в данный момент живут в Германии в городе Пайтинг Земля Байерн, в этом браке родились сын и дочь:

1.) Круч Евгений Александрович, родился 19 июня 1974 года женат на Вернер Елене Александровне, родилась 28 ноября 1976 года, в этом браке родилось двое детей:

а.) Круч Томас Евгеньевич.

б.) Круч Даниель Евгеньевич.

2.) Круч Ольга Александровна, родилась 31 августа 1977 года, замужем за Фельде Григорием Александровичем, родился 30 апреля 1980 года, в этом браке родилось двое детей:

а.) Фельде Николь Григорьевна.

б.) Фельде Катрина Григорьевна.

2. Круч Андрей Андреевич, родился 13 февраля 1954 года, женат на Орт Эрне Александровне, родилась 21 января 1954 года, до переезда в Германию, служил на Дальнем Востоке на военно-морском флоте, жил и работал механизатором в Казахстане, в Кустанайской области Ордженикидзовском районе, в совхозе имени Свердлова, жена работала учителем, в данный момент живут в Германии в городе Пайтинге Земля Байерн, в этом браке родилось четверо детей:

1.) Круч Татьяна Андреевна родилась 24 июня 1977 года, замужем за Клят Геннадием, родился 26 января 1974 года, в этом браке родилось трое детей:

а.) Клят Герман Геннадиевич.

б.) Клят Давид Геннадиевич.

в.) Клят Рафаэль Геннадиевич.

2.) Круч Юлия Андреевна, родилась 28 августа 1978 года, не замужем, есть сын:

а.) ? Себастьяно ?

3.) Круч Владимир Андреевич, родился 20 июня 1980 года.

4.) Круч Мария Андреевна, родилась 9 октября 1986 года.

3. Круч Виктор Андреевич, родился 13 октября 1955 года, женат на Эрнст Нине Карловне, родилась 20 декабря 1956 года, служил в Советской Армии, до переезда в Германию жил и работал рабочкомом в Казахстан, в Кустанайской области, Ордженикидзовском районе, совхозе имени Свердлова, живут в Германии Земля Байерн, в этом браке родились двое детей:

1.) Круч Наталья Викторовна, родилась 14 апреля 1978 года, замужем за Морлок Виктором ?, родился 17 июля 1975 года, в этом браке родилось трое детей:

а.) Морлок Эмили Викторовна.

б.) Морлок Генриетта Викторовна.

в.) Морлок Михаэлла Викторовна.

2.) Круч Ирина Викторовна, родилась 2 января 1980 года, замужем за Шмидт Роландом ?, родился 17 июля 1976 года, в этом браке родился сын:

а.) Шмидт Денис Роландович.

4. Круч Владимир Андреевич, родился 26 апреля 1959 года, женат на Равчевой Татьяне Николаевне, родилась 21 января 1959 года, служил в Советской Армии, до переезда в Германию, жили в Казахстане в Кустанайской области, Ордженикидзовском районе, совхозе имени Свердлова, окончил Кустанайский сельскохозяйственный институт, работал преподавателем труда в школе, механизатором в совхозе, живут в Германии Земля Байерн в городе Хохенпайсенберге, в этом браке родилось трое детей:

1.) Круч Александр Владимирович, родился 29 октября 1979 года, женат на ? Елене ?, в этом браке родились дети:

а.) Круч Антон Александрович.

б.) Круч Михаэль Александрович.

2.) Круч Андрей Владимирович, родился 26 сентября 1982 года, женат на ? Наталье ?, в этом браке родились дети:

а.) Круч Денис Андреевич.

б.) Круч Андреан Андреевич.

3.) Круч Сергей Владимирович, родился 1 декабря 1987 года.

Таким образом, исходя из выше изложенного, можно с большой долей уверенности утверждать, что все Гроо в России имеют одни корни и идут они из трёх колоний поселений: Красный Яр, Гримм, Ляйтлинг, от трёх братьев прибывших в Россию 24 июля 1766 года в Санкт-Петербург из Германии, из города Фридберг (Friedberg) земля Гессен, город находится примерно в тридцати километрах севернее Франкфурта на Майне.

Списки репрессированных Гроо

Гроо Иван Иванович 28.12.1885 года рождения, уроженец с. Красный Яр Красноярского района АССР НП, житель г. Энгельса АССР НП, сторож. Арестован 20.09.38г. НКВД АССР НП за а/с агитацию Постановлением НКВД АССР НП от 13.01.39г. дело прекращено за недостаточностью улик. (Арх. уголовное дело №ОФ-10998). [13197.]

Гроо Иван Карлович 04.03.1901 года рождения, уроженец и житель с. Гларус Унтервальденского кантона РНП, столяр. Арестован 13.12.37г. Унтервальденским отделом НКВД. Осужден 17.12.37г. тройкой НКВД АССР НП за а/с агитацию к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 16.05.61г. Саратовским областным судом. **(Арх. уголовное дело №ОФ-18879). [13198.]**

Гроо Карл Карлович 05.08.1886 года рождения, уроженец и житель с. Красный Яр Красноярского кантона АССР НП, колхозник. Арестован 27.11.37г. Красноярским отделом НКВД. Осужден 03.12.37г. тройкой НКВД АССР НП за а/с агитацию к ВМН. Расстрелян 06.12.37г. в г. Энгельсе. Реабилитирован 23.05.89г. Саратовской областной прокуратурой. **(Арх. уголовное дело №ОФ-25503). [13199.]**

Гроо Карл-Иоган Яковлевич 1903 года рождения, уроженец и житель с. Grimm Бальцерского кантона АССР НП, колхозник. Арестован 11.12.33г. ГПУ РНП. Осужден 10.04.34г. тройкой ОГПУ по Саратовскому краю за а/с агитацию к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 07.08.72г. Саратовским областным судом. **(Арх. уголовное дело №ОФ-22346). [13200.]**

Гроо Каспар Христианович 03.06.1889 года рождения, уроженец и житель с. Александров-Гай Мариентальского кантона АССР НП, колхозник. Арестован 21.04.33г. ГПУ РНП за вредительство. Постановлением ГПУ РНП от 15.05.33г. дело прекращено за недостаточностью улик. **(Арх. уголовное дело №ОФ-26158). [13201.]**

Гроо Конрад Яковлевич 16.01.1895 года рождения, уроженец и житель с. Grimm Каменского кантона АССР НП, колхозник. Арестован 08.02.38г. Каменским отделом НКВД. Осужден 14.02.38г. тройкой НКВД АССР НП за а/с агитацию к ВМН. Расстрелян 24.02.38г. в г. Энгельсе. Реабилитирован 31.03.89г. Саратовской областной прокуратурой. **(Арх. уголовное дело №ОФ-23347). [13202.]**

Гроо Соломон Андреевич 13.08.1973 года рождения, уроженец и житель с. Красный Яр Маркштадтского кантона АССР НП, колхозник. Арестован 24.11.34г. НКВД АССР НП за а/с агитацию. Постановлением УНКВД АССР НП от 25.02.35г. дело прекращено за недостаточностью улик. **(Арх. уголовное дело №ОФ-4440). [13203.]**

Гроо Соломон Генрихович 13.08.1873 года рождения, уроженец и житель с. Красный Яр Красноярского кантона АССР НП, колхозник. Арестован 27.11.37г. Красноярским отделом НКВД. Осужден 03.12.37г. тройкой НКВД АССР НП за а/с агитацию к ВМН. Расстрелян 06.12.37г. в г. Энгельсе. Реабилитирован 23.05.89г. Саратовской областной прокуратурой. **(Арх. уголовное дело №ОФ-25503). [13204.]**

Гроо Филипп-Яков Генрихович 18.02.1870 года рождения, уроженец и житель с. Grimm Каменского кантона АССР НП, плотник. Арестован 16.11.37г. Каменским отделом НКВД. Осужден 21.11.37г. тройкой НКВД АССР НП за а/с агитацию к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 30.06.89г. Саратовской областной прокуратурой. **(Арх. уголовное дело №ОФ-28185). [13205.]**

Гроо Христиан-Яков Андреевич 1880 года рождения, уроженец с. Grimm Бальцерского кантона АССР НП, житель г. Бальцер АССР НП, колхозник. Арестован 14.04.32г. ГПУ РНП за а/с агитацию. Постановлением ГПУ РНП от 02.07.32г. дело прекращено за недостаточностью улик. **(Арх. уголовное дело №ОФ-6728). [13206.]**

Гроо Яков Андреевич 1865 года рождения, уроженец с. Grimm Бальцерского кантона АССР НП, житель с. Гоффенталь АССР НП, крестьянин. Арестован 05.10.30г. Краснокутским отделом ОГПУ. Осужден 17.12.30г. тройкой ПП ОГПУ АССР НП за а/с агитацию к ВМН. Расстрелян 14.01.31г. в г. Энгельсе. Реабилитирован 24.10.88 г. Саратовским областным судом. **(Арх. уголовное дело №ОФ-22595) [13207.]**

Гроо Яков Фридрихович 09.03.1895 года рождения, уроженец и житель с. Grimm Каменского кантона АССР НП, слесарь ремонтной бригады. Арестован 19.11.37г. Каменским отделом НКВД. Осужден 30.11.37 г. тройкой НКВД АССР НП за а/с агитацию к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 30.07.89 г. Саратовской областной прокуратурой. **(Арх. уголовное дело №ОФ-25778). [13208.]**

Анатолий Резнер

«НИКИТА ШЕЛКОВНИКОВ — МОЙ ДЕД»

(Отрывок из рассказа)

*«Камень из-за пазухи достану,
Выкину его и всех прощу».
Владимир Сулов.*

«Никита Шелковников - мой дед» - рассказ о поиске пропавшего без вести в годы второй мировой войны и, как оказалось, замученного в гитлеровском лагере для военнопленных Шталаг ХД Витцендорф (Германия) русского солдата - Шелковникова Никиты Сергеевича. Здесь освещаются оборонительные сражения на Десне 53-й стрелковой дивизии 43-й армии Резервного фронта, принявшей на себя главный удар 4-й танковой группы Эриха Гёпнера в составе гитлеровских армий «Центр» в наступательной операции «Тайфун» на московском направлении (2-13 октября 1941 г.). Трудная судьба выпала на долю и дочери «изменника Родины», Александры Шелковниковой, в 1945 году вышедшей замуж за репрессированного по национальному признаку и депортированного в Сибирь поволжского немца Александра Резнера. Глубокий взгляд в историю русской и немецкой фамилий обнаруживает сплетение славянских и германских корней тысячелетней давности. Способны ли сегодня мы, люди, своевременно распознать безумие диктаторов и предотвратить повторение мировой бойни?..

От автора

Я принадлежу к российским немцам. До выезда в Германию на постоянное место жительства, до 1995 года, жил в Сибири, работал на химзаводе, а последние восемь лет - журналистом в редакциях газет, в их числе - собственным корреспондентом в Алтайском крае центральной немецкой газеты «Нойес Лебен». (Москва). Без отрыва от работы учился на заочном отделении факультета журналистики Алтайского государственного университета. Учёбу пришлось прервать в связи с кризисом в России.

Автор многих публикаций в «доинтернетов-

ский» период. Эту работу нельзя назвать завершённой. Мне бы хотелось, чтобы она послужила своеобразным ключом к памяти современников, которые могут ещё своими воспоминаниями внести свою лепту в собирании мозаичной картины нашей общей истории. Ваши замечания, дополнения, уточнения будут здесь очень уместны.

Надеюсь, мой труд послужит более глубокому пониманию души переселенцев из России, Казахстана, других стран Востока в Германию заинтересованным читателем.

Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

От Матфея святое благовествование, 7,7-8.

Шелковниковой - двоюродной сестрой, о которой знал, но видеться нам не приходилось - так уж вышло. Встреча в сети была неожиданной и приятной - ну кто не рад встретиться с родными?

Однако эта встреча стала особенной. Я вспомнил щемящую боль человека, у которого отняли детскую радость общения с дедом. Я не ходил с ним на рыбалку, не мастерил кораблики, не учился крестьянским премудростям. Этой радости я не узнал ни с одним из двух своих дедов...

Я вошёл в поисковик и набрал имя и фамилию деда, пропавшего, по моим представлениям, без вести во время Великой Отечественной войны. И через минуту не поверил своим глазам...

Шелковников Никита Сергеевич...

Сомнения быть не может - это он!..

Дед, я нашёл тебя!.. Я так долго искал тебя и вот, наконец, нашёл!..

Я взволнованно разглядываю пожелтевшую карточку персонального учёта военнопленного из архива Российского Министерства Обороны, выставленную на сайте «obd-memorial»...

Заметка

В августе 1987 года, работая корреспондентом газеты в алтайском Славгороде, я написал полную веры и оптимизма заметку «Считался без вести пропавшим...» в рубрике «Они приближали день Победы». Вот она, без изменений:

«43 года назад отгремели победные выстрелы

над логовом гитлеровской Германии - Берлином. Москва салютовала советскому солдату - освободителю. Но не все вернулись с поля брани на поле хлебное. Среди двадцати миллионов погибших, замученных, погребённых заживо числился и бывший рядовой 36 артиллерийского

полка Шелковников Никита Сергеевич.

До недавнего времени он считался пропавшим без вести. Прасковья Петровна (правильно - Артёмовна), жена Никиты Сергеевича, имела разрозненные весточки о муже как во время войны (пришло два письма: из Новосибирска и Москвы осенью сорок первого года, когда формировались сибирские дивизии для защиты Москвы и Ленинграда от фашистских полчищ), так и после - в деревню под Новосибирском вернулся искалеченный солдат, выдавший Никиту Сергеевича в боях. И всё. Пропал солдат в горниле зловещей войны, могила его неизвестна.

Никто не забыт и ничто не забыто!

Помнили Никиту Сергеевича дети, семьи Шелковниковых, Фёдоровых, Авдошкиных, искали, а нашли лишь их внуки. Помогли им в этом благородном и трогательном деле Центральный Архив Министерства Обороны СССР, Исполком Красного Креста и Красного Полумесяца (ИКРЕСТ-ПОЛ), Советский комитет ветеранов войны,

Славгородский городской военный комиссариат, другие организации.

Не сразу отыскался след пропавшего без вести солдата. В архиве трёх семей хранятся и такие письма, в которых говорится: «Должны Вам сообщить, что поиском мест захоронения воинов Великой Отечественной войны не занимаемся, архивами не располагаем, но можем посоветовать обратиться...»

Выяснилось, что Никита Сергеевич умер 3 февраля 1942 года в Вильгельмсхафене (Wilhelmshafen) - портовом городе у Северного моря в Германии. Там, неподалёку, есть кладбище, где произведены захоронения военнопленных без указания имён и фамилий. Ко многим, ставшим известными после войны, добавилась ещё одна.

Надо ли нам, родившимся после самой кровопролитнейшей войны, знать о её жертвах? Да, надо. Надо для того, чтобы новые поколения людей знали, что такое война..

Вот такая была заметка

Прошло двадцать три года... «Общее число людских потерь страны и её Вооружённых сил в Великой Отечественной войне определяется сегодня уже в 26,6 млн. человек». С позиций сегодняшнего дня можно критиковать не только мою заметку и тогдашнее моё мировоззрение, но и «запоздалую» постановку в печати вопроса о военнопленных. Всё так. Хотя я пришёл в газету лишь в 1987 году, это было в Советском Союзе, когда было запрещено ворошить «позорную» тему. Героями были другие. В славгородской газете в те годы заметку с такой темой опубликовать было всё ещё непросто, но редактор препятствий чинить не стал. Это был благородный и мужественный поступок с его стороны.

Эта тема остра и сегодня. Стоило мне в интернете в группе российских немцев в качестве «пробного шара» привести цитату с сайта soldier.ru о захваченных гитлеровцами в 1941 году советских военнопленных, как сразу же последовали «вопросы на засыпку»: «А знаете ли Вы, сколько российских немцев...»

История немцев бывшего СССР мне не чужда. Вначале я думал, что это отдельная тема. Я ведь пытаюсь приоткрыть завесу гибели моего русского деда в фашистском плену. Но в жизни всё слито воедино. Рассказывая о русском деде, я не могу не вспоминать немецкого деда.

Мой дед по немецкой (отцовской) линии Резнер Андрей Александрович с января 1942 года работал в трудармии и остался жив.

В 1957 году, когда мне исполнилось два месяца от роду, наша семья из села Кривош Болотнинского района Новосибирской области переехала в село Славгородское, в степной Алтай. Жить рядом с мачехой для падчерицы Шурки (моей матери) «с её немцем» стало невыносимо ещё раньше, деревня злословила (66); старик Резнер звал всех своих детей в Славгород «до кучи», и они решились на переезд, благо отмечаться немцу в комендатуре было уже не надо. Отец, вроде, свёл корову со двора, продал, купил билет на поезд и... уехал, бросив шестерых детей и жену. В одном из отделений

совхоза «Славгородский» он сошёлся с другой женщиной, которая родила внебрачного сына.... Моя мать решительно порвала отношения со своим окружением, собрала детей и приехала в село Славгородское к бежавшему мужу, который жил вместе с родителями в почти новом совхозном доме. Шуру с детьми на порог старики не пустили. Мольбам и слезам её вняла сестра Шурки Резнера Лина Бинеман. Рядом с домом деда Резнера стояла заброшенная глинобитная землянка. Мать замазала-подбелила её да и заселилась. Первые два года своей жизни я провёл в темноте холодной землянки и под глубокой синью неба степной Кулунды. Отец вернулся к детям и жизнь продолжилась дальше. При всех своих недостатках Шурка Резнер был сообразительным и легко учился. В Марксштадте до войны он окончил семь классов, поступил в ремесленное училище. В Некрасово (Гальбштадт - центр Немецкого района) окончил на отлично курсы механизаторов. Потом попал в бригаду трактористов, там пили «по-чёрному», пили коллективно, пили и в уборочный день 12 сентября 1962 года; бригадир на тракторе отца съездил за водкой, вернулся, заглушив трактор, оставил включенной скорость; после попойки мой отец завёл трактор с помощью шнура-пускатца, трактор рванулся с места, сбил отца с ног прямо под заднее колесо...

В конце восьмидесятых годов совершенно случайно в Славгороде ко мне обратился мужчина в преклонном возрасте, искавший телефон, откуда хотел куда-то позвонить по очень неотложному делу. Я помог ему. Он заинтересовался, кого благодарить должен. «Не стоит благодарности!» - ответил я, назвав себя. Он изумился и рассказал мне историю, которую я слышал от матери не раз, с той лишь разницей, что этот человек был членом той же бригады и более того - отвозил в больницу моего погибшего отца. Я запомнил его фамилию - Гизбрехт. Судьба моего отца и горе моей матери (дочери сдавшегося в плен «изменника Родины») поразила тогда многих. Чтобы не лишиться вдову и детей

государственного пособия по утере кормильца, дело списали на несчастный случай; бригадир Б. был коммунистом, фронтовиком, русским, сурового наказания он не понёс...

С отцом мы жили в бедности, а после его смерти узнали, что такое бедность крайняя. Озабоченные тётушки советовали матери отдать младших детей (мне было пять лет, младшей сестрёнке - один год, старшему брату - шестнадцать) в приют. Она ревела, но никого не отдала. Не оставила она без присмотра и место захоронения мужа. Зато дед Андрей бросил мою овдовевшую мать и семерых внуков, уехал с Алтая в Киргизию, где и умер в достатке через 25 лет. Я его после смерти отца так ни разу и не увидел. Вскоре из Славгорода уехала и вся немецкая родня за исключением одного - моего дорогого дяди Вильгельма, отца младшего брата, которого мои отец и мать мальчишкой приютили в войну (отца мобилизовали в трудовую армию через год и два месяца после депортации в Сибирь), спасли от голодной смерти (был, по выражению матери, уже доходягой, страдал рахитом и он ответил добром на добро, когда беда пришла к нам - наша семья безмерно благодарна ему по сей день).

По прошествии сорока с лишним лет я понимаю, почему дед Андрей оставил нас. Страх быть вновь репрессированным не давал ему покоя. Не успев прийти в себя после депортации с Волги в Сибирь, 6 января 1942 года Болотнинским райвоенкоматом он был мобилизован в трудовую армию, а после войны, не успев надышаться воздухом свободы, 29 августа 1948 года был осуждён народным судом 1 участка Болотнинского района по статье 4 Указа от 4.06.1947 года на 15 лет исправительно-трудовых лагерей, содержался под надзором комендатуры НКВД до 13 января 1956 года. Освобождён из ИТЛ 4 августа 1953 года «без снятия судимости с зачётом рабочих дней в трудовой стаж». Сразу же после снятия комендатурского надзора, в 1956 году, семья Резнер (а с нею и мой отец), уходя от травли по национальному признаку переехала в Славгород Алтайского края, к месту компактного поселения немцев. Гибель Шурки шокировала многих, она напугала и деда Андрея, который посчитал смерть сына не случайной, что она была продолжением репрессий, и виноватым снова делают его.

На основании пункта «в» статьи 3 Закона РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» Андрей Александрович Резнер реабилитирован «За нахождение на спецпоселении» (28).

Я никогда не забуду, что в глаза и за глаза нас везде и всюду называли то несчастным шуркиным отродьем, то бесовым племенем, то ещё как-нибудь, но всегда - с жалостью и состраданием, смешанными с озлобленностью и презрением. Очевидно, мы мозолили людям глаза, им стыдно

было видеть голодных оборванцев, каждый мнил себя умнее, мы были недоумками, а помочь... у каждого были свои заботы. А мы рвались из этого ада, на зависть многим пробивались в училища, техникумы, университеты... Мужмоя кузины, завидев меня, не преминёт в сердцах бросить: «Ё...ный насос!..» Вообще «мои» немцы матерятся классно. Я много раз хохотал от души и всласть, до меня почему-то никогда не доходил смысл многих выражений. Я не принимал их на свой счёт. Осенило как-то раз спросить кузину. Она объяснила, дескать, её муж называет так всех, кто получил образование и занимает «привилегированное» положение в обществе. Вот он, работяга, вкалывает, а «насосы» вытягивают всё не ими заработанное. Опаснейшее мировоззрение крестьянства, честно зарабатывавшего на жизнь тяжёлым трудом, породило идею о необходимости раскулачивания более успешных и зажиточных «обманщиков-мироедов». Моя «вина» заключалась не в многолетней работе во вредном производстве химзавода, где было оставлено моё здоровье, а в способности к писательству, многолетней работой в газетах и внезапным падением в пучину безработицы. Я не стал читать занудную лекцию по организации и управлению хозяйством, о причинах мирового кризиса и личных проблемах, спросил только, в чьих руках находится их семейный кошелек? Она ответила: «В моих, конечно! Он же без меня в магазине заблудится...» - «Значит ты тоже насос», - сказал я. Мы посмеялись. Вот такой мы народ.

В первом десятилетии XXI века совершенно неожиданно для себя я сделал новое открытие в отношениях родственников отца ко мне — «шуркиному отродью». Я позвонил одной из проживающих в Германии тётушек (в обратную сторону связь не работает!) и поинтересовался её здоровьем. Вообще-то я немножко занимаюсь генеалогией, разыскал нашу дальнюю родственницу и по её просьбе восстановил прерванный контакт. И что услышал? «А ты что, опять Резнер?..» Получалось, когда я звонил или навещал своих немецких родственников, я был немцем, своим, а когда уходил - меня автоматически переводили в русское «бесовое племя» и по этой причине никогда контакта со мной не искали? Да, да, и я говорю: абсурд!.. Но этот абсурд фактически нанёс мне душевную травму и в совокупности с другими поставил меня в разряд изгоев.

Но я опять отвлёкся. Моя задача - оставаясь «русским немцем» приоткрыть завесу гибели моего русского деда в немецком плену. Ну не нравилась мне обезличенная формулировка из лексикона архивариуса: «...без указания имён и фамилий!» Не лежала душа к чужому Вильгельмсафену, не успокаивалась совесть «родства не помнящего»...

Родители

Моя мать, Резнер (в девичестве, конечно же, Шелковникова) Александра Никитична, русская, 1925 года рождения, с неохотой как, впрочем, и большинство наших стариков, «поминала» своего отца, не зная точно, где он «сгинул» и что вообще тогда с ним стряслось.

В ноябре 1945 года Варламовский сельский Совет Болотнинского района зарегистрировал брак русской Александры с немцем Александром.

«Неслыханное дело! - возмутились русские: пошла за немца!..»

«Ты что же удумал, - шипели немцы, - своих мало?..»

Надо ли говорить, что этим браком она под-писала себе и всей нашей семье несметные проклятия как со стороны русских родственников, так и со стороны немецких?.. Посмотрите, сколько националистов наводнило интернет и представьте, что творилось в России в годы войны и после неё! Я вспоминаю это не с осуждением поступка матери и отца. Я осуждаю осудивших их!..

Глупый, в те годы я ничего такого и не ведал. Умная мысль приходит опосля...

Ещё до войны люди уже были наслышаны о переселении «классово чуждых элементов» и их семей. «Примером может считаться депортация корейцев из Дальнего Востока в 1937 г. или поляков с западной границы в 1939 г.» Массовая депортация эстонцев, латышей и литовцев началась в середине июня 1941 г.

28 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», положившего начало массовой депортации советских немцев из Европейской части СССР за Урал в районы Сибири и Средней Азии и ликвидации АССР немцев Поволжья. Депортированный с Волги отец был приравнен к врагам Отечества, а мать... поздней осенью деревню облетела весть о том, что Никита Шелковников по пришедшему в деревню извещению вроде как пропал без вести, но на самом деле не пропал, а перешёл на сторону немцев, и Шурка Шелковникова моментально стала чужой среди своих.

Перед отъездом в Германию на постоянное место жительства я беседовал с тётушками - родными сёстрами отца, записывал их рассказы. Одна из них рассказала, что Резнеры были депортированы из Марксштадта в деревню Кандереп Болотнинского района Новосибирской области. Толпу усталых и настороженных «врагов» привезли со станции Болотная к сельскому Совету и жители под нажимом власти разобрали их «на построй». Я помню также рассказ матери, которая утверждала, что отец был депортирован на пару дней позже своих - отгонял общественный скот

то ли в Саратов, то ли в Энгельс. Потом ждал полочки - выплаты заработанных денег. Дождаться его возвращения никто не стал, поезд с конвоируемыми под штыками энкавдэшников Резнерами и их сородичами ушёл, выполнившего задание начальства Шурку Резнера включили в состав другой колонны депортируемых и только по счастливой случайности Шурка оказался в том же районе, хотя мог угодить и в Казахстан. Мой отец не жил в одной деревне со своими отцом и матерью, братьями и сёстрами. Он оказался под крышей Шелковниковых в Соколовке. Прасковье Шелковой шестнадцатилетний Шурка понравился. Проснувшись утром 1 октября 1941 года, в свой первый день в доме Никиты Шелковникова, Шурка вероятно спросил, кто в доме настоящий хозяин и где он. Оказавшись в то же утро в немецком плену, Никита Шелковников уж точно не знал, в чьём плену окажется его дочь...

Никита Шелковников родился в Соколовке. В Соколовке в 1935 году родилась тётя Тома - старшая дочь Никиты Шелковникова (во втором браке). В Соколовке родились мои старшие братья и сёстры. Родители Никиты Шелковникова (вероятно после раскулачивания, выселения из деревни и спецпоселения в другой) жили в Изылы Тогучинского района Новосибирской области (?).

В середине пятидесятых (вероятно после снятия спецконтроля комендатуры НКВД) наша семья ушла из Соколовки в Кривояш. В Соколовке перед этим отец срубил бревенчатый дом, жить собирались там долго, но отношения с мачехой осложнились настолько, что выбора не было. Переезд был осуществлён так: отец подогнал трактор на гусеничном ходу, подцепил дом за нижний сруб и как на салазках по снегу перетащил его из одной деревни в другую.

Никита Сергеевич с будущим зятем Шуркой не встретились. Когда эшелоны с депортированными немцами медленно тащились по стране на Восток, им навстречу, на Запад, к Москве с грохотом летели составы с мобилизованными на фронт резервистами.

Сплетение славянских и германских корней

Около десяти тысяч лет назад отступивший с материка ледник оставил на нынешних землях Германии многочисленные болота и озёра, в которых водились дичь и рыба. Не менее многочисленные славянские племена селились от таинственного Востока до берегов Эльбы и дальше. На славянской земле в незапамятные времена возникло небольшое рыбацкое селение Фрозе.

В 936 году кайзер Священной Римской империи Оттон 1 расширил свои владения на восток и потеснил славян. В том же году умер отец Оттона Генрих Птицелов. Мать Оттона королева Матильда попросила увековечить память о Генрихе Птицелове, которого похоронили на замковом холме Кведлинбурга. Так здесь возникло Кведлинбургское аббатство. Императорская семья десятилетиями одаривала аббатство всё новыми и новыми поместьями и селениями. Принудив славян к повинности, Оттон не только взял Frose (Фрозе расположено 15 км восточнее Кведлинбурга), но и в числе многих селений при-

писал местных язычников к аббатству, точнее - к церкви святого Серватия в Кведлинбурге (ныне лютеранская церковь). Во время Реформации при аббатиссе Анне II из рода Штольбергов аббатство стало протестантским.

Год за годом - прошла и тысяча лет. На востоке Германии чудом сохранились этнические сорбы. Славяне из Фрозе либо онемечились и забыли своё происхождение, либо ушли. В настоящее время Фрозе является старейшей частью Зелланда, что в Заксен-Ангальте.

Исторические изыскания заставляют полагать, что фамилия (семья) Резнер (Rasner) происходит от слова «роза» - шипастого и жизнестойкого кустистого растения, на котором распускаются нежные красивые цветы. Rasner происходит от Frose (человек записан за Розой, f;r Rose, Frose). В России крестьяне были собственностью помещиков и звались просто: Михайлов холоп, Шелковников работник. Русского мужика не спрашивали: кто ты, а - чей ты? Так и тут... Назвать

Froese славянским языком не поворачивается? Но ведь запись сделали германцы! Как бы там ни было, а германцы и славяне розу называли тогда и называют сейчас одинаково.

В русском языке с давних пор и по сегодняшний день букву (ё) в написании слов заменяли и заменяют на более простую (е). Так в России переведённая с немецкого языка фамилия Rasner стала Резнер. Кроме неё существуют варианты: Рёзнер, Рёснер, Реснер, Райснер, Рейснер, Роезнер, Розенер и другие.

В 1766 году 28-летний лютеранин, плотник и мукомол Тобиас Якоб Резнер из саксонской деревеньки Фрозе осуществил свою мечту и женился на приглянувшейся ему Марии Ольшмидт, прихожанке реформаторской церкви, приписанной к одному из графских владений Нойвирт (6). Они хотели Божьей милости, счастья и покоя, земли и воли, но курфюрсты, аббатства, мелкие князья и землевладельцы в борьбе за власть под знамёнами борьбы против протестантов и раскольников католической церкви вели ожесточённые войны, под ногами последователей Мартина Лютера горела земля... Самой продолжительной была братоубийственная война, вошедшая в историю как 30-летняя (1618-1648). История романтична для молодого поколения, выросшего в мирное время. Тобиасу история была страшна едва зарубцевавшимися ранами Семилетней войны (1756-1763), которая началась, когда ему исполнилось 22 года, и которую он, как мне представляется, прошёл солдатом от начала и до конца. Это была третья по счёту Силезская война в правление прусского короля Фридриха, получившего звание Великого уже после второй войны, сына Фридриха Вильгельма I. В молодости отец отдал сына на обучение гугеноттам, германским солдатам, где юнец познакомился с искусством ведения военных действий. Германские солдаты и простолудины не любили королевского отпрыска за его любовь к французскому языку и культуре, высмеивали «феминизм» будущего завоевателя, который, в свою очередь, насмехался над «варварским» языком немцев и посылал их в кровавые сражения.

В последней Силезской войне Пруссии помогала Великобритания, а против них дрались на смерть армии Австрии, Франции и России. Тобиас Резнер, выпив в трактире с друзьями вина, вспоминал о своей самой первой в жизни битве у Колина, где пруссаки были разбиты и потеряли 9428 солдат, 281 офицера, 22 полковых знамени и 45 пушек, но зато отыгрались у Цорндорфа, где побили 18 тысяч русских, потеряв 13 тысяч своих. Тобиас, как и весь народ, ругал короля за то, что из 48 тысяч солдат из-под Кюнерсдорфа живыми ушли только три тысячи, что русские дважды ставили на колени Берлин... История полна самых невероятных интриг, авторами которых являются изобретательные особы, приближённые к тронам королей. С самого начала Семилетней войны Великий князь Пётр Фёдорович-сын Анны (сестры царствовавшей после смерти Петра Первого императрицы Елизаветы) и Герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха - состоял в тайной переписке с прусским королём Фридрихом II и не скрывал своей радости при известиях о поражениях русских войск под командованием маршала Степана

Фёдоровича Апраксина.

Императрица Елизавета в последние годы своей жизни часто и тяжело болела, в случае её смерти, которую предвидели все, корону Российской Империи должен был одеть Пётр. Фельдмаршал Апраксин после успеха в битве при Гроссегерндорфе мог закрепить успех новым наступлением и на плечах отступавшего противника войти в его стан, но... отступил, помня о том, что симпатизировавший пруссакам великий князь Пётр Фёдорович не простит ему победы. Отказавшись от победы, фельдмаршал предстал перед судом при ещё живой императрице и вскоре скончался. Война за Силезию ещё продолжалась, когда императрица Елизавета скончалась и в декабре 1761 года Пётр Фёдорович с радостью сел на престол и заключил мир с Пруссией, аннулировав все успехи России в Силезской войне. Получив одно поражение за другим, Фридрих довёл своих подданных до крайней нищеты, но выход русских из войны облегчил тернистый путь к заветной цели, он добился своего и разбил неприятеля, покорив Силезию, сделав Пруссию крупнейшей державой в Европе. У Великого короля народ питается отбросами, горько шутили друзья Тобиаса. Нищета и голод парализовали деревни, гнали людей на поиски лучшей доли. Десятки тысяч бежали в далёкие страны.

То ли на рынке в Кведлинбурге, то ли на улице Фрозе дошла до Тобиаса, в начале 1766 года холостого, народная молва о том, что состоящий на службе у совершившей дворцовый переворот против своего двоюродного брата и мужа Петра III и исправившей ошибку истории русской императрицы Екатерины II дочери Князя Анхальт-Цербстского, принцессы Софьи Фредерики Августы из Штеттина, барон Кано де Борегард сзывает добровольцев на освоение Поволжья и даёт по императорскому Манифесту умпомрачительные льготы. Главное, что привлекло Тобиаса - это покровительство императрицы, бывшей лютеранки, принявшей православную веру, но относившейся благосклонно к иноверцам; надежда на скорое обретение мира, освобождение от воинской повинности, возможность получить землю, деньги на подъём хозяйства и... закружилась голова у парня! Но была одна незадача: одного согласия на поезд в Россию было недостаточно, чтобы получить надел земли, надо было стать главой семьи, надо было во что бы то ни стало жениться!.. По русскому Указу от 1721 года инославные могли сочетаться браком с русскими девицами, но как с ними объясняться «немичу»?!. Бог милостив! - Gott ist gnadig! (59) - решил Тобиас и незамедлительно отправился в Рослау на Эльбе, в пункт сбора искателей удачи. Уже будучи в обозе переселенцев на пути в морской порт Любек в одной из придорожных таверн познакомился Тобиас с Марией - женщиной «бальзаковского возраста», опытной в жизни и смелой в принятии кардинальных решений. По прибытии в Любек они скрепили брак в церкви. Морской переход до Санкт-Петербурга, переход в обозе до Торжка и сплав по Волге до запланированного поселения в нескольких километрах выше Саратова спаяли их в неразлучную пару.

«Я, - говорил вероятно Борегард 17 августа 1767 года записывая в реестр под номером 150 Тобиаса и Марию, - сделаю эту колонию столицей

всего Поволжья!.. Нашу матушку-императрицу зовут Катариной и колонию я называю её Высочайшим именем - Катариненштадт!.. Говорил или нет, но Катариненштадт спустя годы стал крупнейшей колонией российских немцев, городом и первой столицей поволжских колоний. Здесь Мария родила. Род Резнер оказался жизнестойким как розы, пережил первые трудные годы, пережил следовавшие один за другим набеги диких кочевников, восстание Емельяна Пугачёва, голод, революцию и сталинские репрессии и до

1941 года дал многочисленные побеги.

Вероятно нет в этом мире ни одного человека, который бы не задумывался о бренности своего существования, а также о том, какая память останется о нём после его ухода в мир иной. В архивах несомненно останутся записи о рождении, браке, учёбе, работе... О людях искусства и литературы будут напоминать картины, скульптуры, книги... А мастеровые люди оставят о себе необычные для их времени предметы: глиняные горшки, скрипки, резные шкафчики...

Мы гордимся славными делами своих предков

Совсем недавно я узнал одну историю. Вернее сказать - легенду.

В ноябре 2010 года Энгельскому краеведческому музею исполнилось 85 лет и заместитель директора музея Елена Плахова рассказала читателям легенду одного экспоната.

«Начало XX века, Покровская слобода. В семье горожанина Ивана Петренко случилась беда: заболел младший сын, 7 лет от роду. Местные врачи и даже сам Абрам Кассиль не дают никаких гарантий на выздоровление, ребёнок тает с каждым днем. На престольный праздник Покрова, когда все жители слободы собираются на крестный ход, вся семья Ивана Петренко идёт на праздничное богослужение в Покровский храм помолиться о помощи небесных сил и в первую очередь Богородицы.

На следующий день заболевший ребёнок, не проявлявший никакого интереса к окружающей жизни, вдруг сообщает матери, что во сне он услышал музыку, которую когда-то напевал ему дедушка. Родители знали, что дедушка действительно рассказывал младшему внуку о своём детстве и о шарманке, которую он очень любил. Но где же сегодня найти шарманку, чтобы порадовать сына?

Отец стал спрашивать знакомых о мастере, способном смастерить шарманку, и ему подсказали имя шарманщика, который жил в немецкой колонии Екатериненштадт (ныне Маркс). Иван отправился в Екатериненштадт, крупнейшее немецкое поселение в России, и был поражён видом широких ухоженных улиц, католического храма, людьми, говорящими на немецком языке.

Покровчанина познакомили с местным мастером Резнером, жившим на Уральской улице в доме № 28, который занимался изготовлением органов для католических храмов и когда-то в молодости увлекался изготовлением шарманок.

Поняв проблему посетившего его гостя, Александр Яковлевич достал старые чертежи и рассказал, что научил его этому мастерству отец, а тот в свою очередь научился у своего отца (его звали Пауль), который вёз эти чертежи со своей исторической родины — Германии ещё в XVIII веке.

Во время переезда в Россию по дороге он и его семья подверглись нападению разбойников. Они возникли вдруг ниоткуда, неожиданно с гиканьем проскакав на лошадях, но ничего не взяли, только нагнали страха — раскосые, широкоскулые, желтолицые, в длинных, похожих на кафтаны рубахах и в полосатых штанах. После

их отъезда Пауль вдруг обнаружил, что чертежей у него нет. Этими разбойниками на самом деле были калмыки, у которых не сложились отношения с поволжскими немцами, расселившись на скотопроегонных путях калмыцких кочевий.

Прошли годы, и однажды уже состарившемуся Паулю принесли потёртые бумаги, в которых он узнал свои чертежи по изготовлению шарманки. Эти бумаги к нему попали после того, как калмыки со своими кибитками навсегда покинули эту территорию, поняв, что будущего здесь для них нет, и один старый калмык передал эти бумаги для Пауля, понимая, как они ему нужны.

Мастер Резнер в своей мастерской вместе с Иваном, который вызвался помогать ему, через несколько недель смастерил нет, не шарманку, а самую главную её деталь — валик с набитыми металлическими крючками — штифтами. Эти крючки при вращении ручки издавали звуки определённой мелодии. Александр Яковлевич всегда уважал людей, понимающих музыку, поэтому на валик он набил не одну, а девять мелодий.

Новая шарманка могла исполнять мелодии на все случаи жизни и на разный, даже самый прихотливый вкус: марш, вальс, галоп, польку, гопак.

А ящик для валика вызвались смастерить добрые знакомые мастера Резнера — братья-шорники Кратцау, и сделали шарманку не простую, а расписную, с сюжетными сценками танца, игры на мандолине и кулинарного мастерства.

Вернувшись домой, Иван Петренко вечерами играл разные мелодии по заказу не только для членов своей семьи, но и для соседей и даже слобожан с соседних улиц, чаще всего — немецкую мелодию «Прелестная Катрин», и тогда тягучие со скрипом звуки вызвали ностальгические чувства у поволжских немцев, живших в слободе.

Спустя время младший сын семьи Петренко выздоровел, а шарманка стала одним из дорогих сердцу предметов в их семье на протяжении всего XX века.

Сегодня шарманка органного мастера А. Я. Резнера из немецкой колонии Екатериненштадт живёт в музее. В 2008 году, в Ночь музеев, шарманка исполнила для наших гостей свою незамысловатую мелодию, а это значит, жива ещё старушка и проживёт она ещё очень долго, ведь живым место уж точно не на кладбище.

Вот такая незамысловатая шарманочная история в ряду многих музейных историй».

Корневая ветвь фамилии Резнер жила в городе безвыездно вплоть до вторжения гитлеровских войск в СССР и последовавшего насильственного переселения в Сибирь...

Меня неоднократно спрашивали, готов ли я поручиться за то, что маркштадтские Резнеры всенепрерывно являются прямыми потомками Тобиаса Якоба Резнера. Ответа пока нет. Подробное исследование генеалогии фамилии Резнер можно заказать, если оно будет оплачено.

И тут нас может ожидать сюрприз. Дело в том, что фамилия Резнер в России была уже не только известна, но и легендарна. И связана она была с именем ещё более знаменитого и легендарного русского царя Петра Первого! В молодости Пётр совершенно случайно обнаружил в подмосковном селе Измайлово небольшое судно интересной конструкции. Оно было подарено англичанами царю Алексею Михайловичу и без надобности стояло в амбаре. Пётр с друзьями отремонтировал судно, оснастил парусом и спустил на воду реки Яузы. Тогда же у Петра возникла идея построить в России свой флот. «Дедушка русского флота» или, как его ещё называют, ботик Петра Великого, был достоин великой чести и занимает почётное место в экспозиции Центрального военно-морского музея Петропавловской крепости Санкт-Петербурга. «Сознавая услугу, оказанную Балтийским флотом в течение Северной войны, Пётр Великий пожелал почтить этот флот устройством торжественного чествования его родоначальника - старого ботика...» «11 августа 1723 года «дедушка русского флота», управляемый самим Петром I, в сопровождении 200 галер, под грохот канонады полутора тысяч орудий и громкие крики «ура» прошёл вдоль строя украшенных флагами кораблей Балтийского флота».

«Шведский король Густав III имел план - взять Санкт-Петербург во что бы то ни стало. С моря и с суши. И сокрушить Россию — лишив её северной столицы. Активность шведского короля объяснялась тем, что главные военные силы русских были брошены в пламя очередной русско-турецкой войны... Адмирал Василий Яковлевич Чичагов в 1789 году был назначен командующим Балтийским флотом и в следующем году в знаменитом Ревельском сражении разбил эскадру Карла Зюдерманландского и был награждён императрицей Екатериной II орденом Св. Андрея Первозданного и 1388 душами в потомственное владение, за Выборгское - орденом Св. Георгия I степени и 2417 душами крестьян...» (82).

Авторитет Адмирала В.Я.Чичагова исключает сомнения в достоверности его свидетельств, найденных в его записках: «Екатерина, желая польстить самолюбию русских и обессмертить своё собственное царствование, приказала воздвигнуть памятник Петру I, к имени которого приобщила и своё имя. При открытии монумента она приказала поставить рядом с собой на балконе Сената коменданта Резнера (умер в 1788 году), старца свыше ста лет, служившего при Петре. Он жил в совершенной нищете. Императрица повелела дать ему пенсию и квартиру.». Речь идёт о главной достопримечательности нынешнего

Санкт-Петербурга — «Медном всаднике» - памятнике основателю Петербурга, установленном на Сенатской площади, рядом с Невой и названном так по поэме гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Но кто же этот «комендант Резнер, старец свыше ста лет, служивший при Петре?»

В сонме статей о «Дедушке русского флота» интернет выдаст вам и статью Тамары Мазур «Петербург в судьбе выходцев из Норвегии в эпоху Петра». Она пишет: «С городом, возникшим на берегах Невы, благодаря энергии великого преобразователя России Петра I, связали свою судьбу представители многих народов. Оставили славный след в истории Санкт-Петербурга и представители Норвегии...». Следом за адмиралами Корнелиусом Крюйсом и Петром Бредалем, капитаном 1 ранга Гендрихом Весселем она упоминает о капитан-командоре Матисе де Реснер. Самое интересное я нахожу в том, что в биографических энциклопедиях перечисляются несколько фамилий, под которыми знали этого человека: де Реснер, Резнер, Резен.

«Реснер Матис (Матфей) (де Реснер, Резнер, Резен) - капитан командор; происходил из «норвежского шляхетства» и в 1720 г. был принят в русскую службу штурманом. В 1724 г., 10 января, он был произведён в капитан-лейтенанты, но 20 ноября 1733 г., «за неудоинством», не был произведён в капитаны, а написан в мастера ранга сухопутного капитана. В 1737 г. Реснер назначен был командиром Яркового порта, в 1739 г. - капитаном 2 ранга и в 1754 г. - капитаном 1 ранга; в том же году командовал новопостроенным в Архангельске кораблём «Полтава», на котором и пришёл в Кронштадт. В 1757 г., 5 мая, он был произведён в капитан-командоры. Командуя сперва кораблём «Астрахань», а потом кораблём «Св.Иоанн Златоуст I-й», он плавал с флотом, под командой адмирала Машукова, в Балтийском море и участвовал в блокаде Прусских берегов, а затем, командуя 4 кораблями, крейсировал у мыса Геля, при входе в Данцигский рейд. За «непорядочные поступки и непослушание главному командиру» во время этой кампании, Реснер был судим и приговорён «к тягчайшему истязанию», но ему было вменено в наказание продолжительное пребывание под арестом и, сверх того, он был оштрафован. В 1763 г., по неспособности к дальнейшей службе, Реснер был от неё уволен. Сохранилось неофициальное сведение, что какой-то Резнер в числе 4-х столетних моряков Петровского времени, в 1803 г. составлял почётную стражу при ботике «Дедушка русского флота», который находился на шканцах корабля «Гавриил», состоявшего на Неве, против Исаакиевской церкви».

В чине капитана 2 ранга М. де Реснер (Резнер) в 1741 г. на придворной золочёной яхте «Принцесса Елизавета» перевозил из Шлиссельбурга в С.-Петербург турецкого посланника. Эта яхта в числе многих в августе 1745 г. «участвовала

в торжествах по случаю бракосочетания их высочеств наследника русского престола Петра Федоровича (будущего императора Петра III) и принцессы Софьи Фредерики Августы Ангальт-Цербстской (будущей императрицы Екатерины II). 30.8 сопровождала ботик Петра I вниз по Неве». В 1743 г. капитан М. де Реснер (едва ли не во всех комментариях в скобках обязательно записано - Резнер) командовал придворной яхтой «Вирцоу», предназначенной для развозов членов императорской фамилии и их приближённых.

Екатерина Вторая, как уже известно, дала старцу Резнеру пенсию и квартиру. А где жил с 1763 г. по 1803 г. «комендант»? Его служба проходила от Каспия до Балтики, куда легче всего было идти по Волге, а там поднимались колонии «иностранцев», среди которых было немало выходцев из Голландии, Норвегии, Дании... Не в Маркштадте ли, у детей и внуков? И он ли это? Ведь старец «умер в 1788 году!..»

Вот такая загадка истории. В художественном произведении, где читатель следует фантазии писателя, позволительно соединить факты с вымыслом и выстроить изящную сюжетную линию, и это не так уж плохо, поскольку наша фантазия всё равно это уже сделала за нас, пусть всего лишь мысленно...

Сибирский тракт... По мере освоения Сибири из европейской части России на восток торил народ свои дороги. Шли сквозь дикую природу по малонаселённому сибирскими народами Сибирскому ханству, метили «лёгкий» путь. Ермак разбил орду диких кочевников и присоединил Сибирское ханство к России. Воевода Данила Чулков пленил последнего сибирского царя Ораз-Мухаммеда и в нескольких километрах от татарского поселения Сибирь - бывшей столицы ханства, основал новый центр - город Тобольск.

Лет пятьсот назад дорога в этом направлении называлась Бабиновской, а с 1763 года был открыт Сибирско-Московский тракт (16). Чтобы преодолеть расстояние от Москвы до Томска, приходилось рассчитывать на путешествие в конном обозе и несколько месяцев пути. Великий тракт шёл из Москвы через Муром, Казань, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Кольвань, Томск, Иркутск, Нерчинск до Кяхты, пересекал Внутреннюю Монголию и заканчивался в Калгане — крупной заставе на Великой Китайской стене — бывшей тогда главными воротами в Китай. В конце XIX века началось сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали почти в точности повторившей известный путь.

Продвигаясь в глубь Сибири по могучим сибирским рекам на парусных судах - дощаниках, в стратегически важных пунктах русские воеводы возводили деревянные крепости, называвшиеся острогами. Так возникли Томский острог, Сургутский, Уртамский... Костяк русских войск составляли казаки. Они селились рядом с острогом; чтобы прокормить себя и свои семьи, распахивали землю, занимались крестьянским трудом. В Сибирь бежал замордованный помещиками народ, сюда ссылали каторжников, в тайгу уходили староверы - они шли впереди казаков и первыми ставили по берегам рек рубленные избы. В 1683 году, задолго до открытия Сибирского

тракта, служивый человек Никита Шелковников (вполне возможно, что и казак) «осел на землю». С него берёт начало деревня Шелковниково. Но о какой деревне речь? Шелковниково есть в Кемеровской области, на Алтае, в Адыгее!.. Однако в Болотнинском районе Новосибирской области Шелковниково тоже было (или есть и сейчас - на карте я не нашёл). В ней 30 августа 1912 года родился Герой Советского Союза Забобнов Иван Семёнович. Первопроходец Шелковников выбрал славное место - сейчас оно является чуть ли не географическим центром России. Шелковниковы живут по всей России, но больше всего их в Сибири: в Алтайском крае, Кемеровской, Томской областях, а ещё кучнее - в Новосибирской области

У каждой фамилии есть своя история происхождения. Шелковниковы гордятся тем, что их фамилия признана «памятником русской истории, культуры и языка». В детстве я считал Болотнинский район с его реками, озёрами и болотами неотделимыми от Шелковниковых как неразлучима рыба от воды. «Водится у нас трава болотная, шелковник называется, - рассказывала мать, - плотва на неё хорошо ловится...» В Славгороде на озере Секачи с друзьями детства я строил плоты, заплывал к самым камышам, ложился на горячие доски плота и подолгу разглядывал подводный мир, но рядом со мной никогда не было человека, который мог бы сказать, как тот шелковник выглядит. Если бы дед Никита вернулся с войны живым, я знал бы тогда и то, что древнейшая фамилия пришла в Сибирь из центральных областей России, и что шелковник - ещё более древнейшее растение, чем фамилия.

Меня всегда привлекали исторические рассказы о моих возможных предках. Теперь же, рассказывая сам, я хочу предложить небольшой отрывок из «Истории Алтая», изданной под редакцией доктора исторических наук, профессора А.П. Бородавкина Алтайским государственным университетом в 1983 году: «Сохранились сведения об учителях Барнаульской школы. Для работы в ней сначала был «истребован» из Тобольской духовной консистории, а прислан из Томска дьячок Пётр Хавов, который состоял в должности учителя с 8 декабря 1753 г. до апреля 1756 г., получая по 18 р(ублей) в год. Некоторые факты рисуют «методу» его занятий. Так, купец Брызгалов жаловался по начальству на то, что дьячок Петро «невозможно избил дитё». Скоро последовал и ответ на жалобу» «Сын ваш не дитё, а стерва, и наказан поделом». Дальше жаловаться, видимо, было бесполезно. Купец ограничился угрозой в адрес «воспитателя».

В апреле 1756 г. по представлению Канцелярии горного начальства Хавов был отстранён от учительской деятельности «за неспособностью», а на его место назначен копиист местной канцелярии Антон Фёдоров с жалованьем по 24 р. в год. Однако он был стар и по этой причине «в службу не годен».

В 1758 г. желание работать в словесной школе изъявил священник С.А.Шелковников. Приняв школу в октябре 1758 г., он в марте 1759 г. по постановлению Канцелярии «ввиду предстоящего отъезда» из Барнаула передал школу ранее признанным «неспособным» дьячку Хавову. Но в сентябре 1759 г., вернувшись из Кузнецка, С.А.Шелковников вновь принял школу и оста-

вался в ней до своей смерти, последовавшей в августе 1760 г.».

До 30-х годов прошлого века мой дед Никита Шелковников занимался извозом. Он жил в крепкой православной семье, державшей до коллективизации ямщицкий двор

Накануне войны Никита Шелковников рабо-

тал в паровозном депо станции Болотная. Его запомнили простым, добрым, общительным, неунывающим человеком, он постоянно что-то напевал себе под нос...

Таким он запомнился.

Вероятно таким он и был.

До войны...

Мобилизация

Раннее воскресное утро 22 июня 1941 года взорвалось на западных границах Советского Союза рёвом авиационных и танковых моторов, грохотом артиллерийского обстрела и неумолчным гулом военной армады, всей своей мощью обрушившейся на дремлющие города и селения.

Был оглашён Указ о мобилизации населения: «На основании статьи 49 пункта «Л» Конституции СССР Президиум Верховного Совета объявляет мобилизацию на территории военных округов... Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно. Первым днём мобилизации считать 23 июня 1941 года».

Никита Сергеевич Шелковников родился 15 сентября 1903 года и был призван Болотнинским райвоенкоматом в действующую армию позже - 7 сентября 1941 года.

Вместе войну шурковать

Я невольно пытаюсь представить себе, как завязалась дружба между русской девушкой и немецким парнем в первый день знакомства. В Марксштадте многие немцы знали русский язык. По-крайней мере мой отец умел говорить.

- Тебя как зовут? - спросил он, разглядывая стройную черноволосую девушку.

- Шурка.

- Шурка?

- Александра я.

- И я Шурка!..

- Надо же, значит, судьба нам такая выпала...

- Ага, будем вместе войну шурковать!..

- А ты откуда такой прыткий?

- С Волги! Из Марксштадта, из республики

Немцев Поволжья. У нас там и православная церковь есть. Была... Нет, ну она есть, но...

- Мы из православных. А ты?..

- Лютеранин.

- А нам говорили, вы все рогатые! Вот, смотри, тут, в газете, рисунок есть...

- Ага, и ещё мы с копытами...

Она недоверчиво глянула на его босые ноги:

- Значит вы не немцы.

- Мы немцы, но не те...

А может, всё было и не так, но мне ясно одно: молодые люди влюблялись и во время войны, без оглядки на вероисповедание, национальную принадлежность, социальное происхождение и прочие условности.

Справка:

Резнер Александр Андреевич, (24.02) 1925 года рождения, мобилизован (в неполные 18 лет) в трудармию Болотнинским райвоенкоматом Новосибирской области 24 ноября 1942 года и отправлен на станцию Сергеево-Уральская, Челябинской области.

В 1945 году отец из трудармии, по словам матери, сбежал. Я думаю, он был настолько истощён, что был списан и переведён на спецпоселение в Соколовку под надзор комендатуры. Многие в это время были демобилизованы и отправлены в места спецпоселения. Побег карался лишением свободы на срок до 25 лет. Мой тесть, Гральке Андрей Густавович, в 1945 году из трудармии тоже бежал, но был пойман и за побег получил пять лет каторжных работ на золотых приисках Колымы.

Согласно справке информационного центра при Управлении внутренних дел Новосибирского облсполкома, находился отец на спецучёте с октября 1941 года по 13 января 1956 года.

УЧЕНЫЙ БАДЕР ОТТО НИКОЛАЕВИЧ

Бадер Отто Николаевич - выдающийся российский археолог, создатель уральской школы археологов. Руководитель крупных археологических экспедиций. Исследователь памятников от раннего палеолита до позднего средневековья на территории от Приполярья до Крыма, от Оки до Западной Сибири. Автор более 400 работ. Член Итальянского института предистории и Общества доисторической археологии Франции.

Отто Николаевич Бадер родился 29 июня 1903 г. в с. Александровском бывшего Гадяцкого уезда Полтавской губернии в семье лесничего. Его юношеские годы прошли в Смоленской губернии около г. Белого, где работал его отец. Здесь он полюбил природу и заинтересовался историей. В гимназии он организует первое в городе краеведческое общество, делегатом от которого был на 1-м Всероссийском съезде

краеведения в 1924 г.

В 1922-1926 гг. Отто Николаевич учился в 1-м Московском государственном университете на археологическом отделении факультета общественных наук. Одновременно с этим О.Н. Бадер посещал лекции по антропологии, палеоэтнологии и этнографии на кафедре антропологии физико-математического факультета МГУ, где преподавали Д.Н. Анучин, Б.С. Жуков, В.В. Бунак, Б.А. Куфтин.

С 1924 г. О.Н. Бадер заведовал археологическим разделом Музея центральной промышленной области в Москве, а в 1927-1930 гг. он работал специалистом-археологом в музейном отделе Главнауки Наркомата просвещения. С его участием были организованы археологические разделы в ряде областных музеев.

В 1926-1941 гг. Отто Николаевич — научный сотрудник, а с 1931 г. — ученый секретарь Института и Музея антропологии МГУ, ученый секретарь «Антропологического журнала». Одновременно (1933-1941 гг.) он научный сотрудник, а с 1937 г. — ученый секретарь МОГАИМК (сегодня Институт археологии РАН). В 1937 г. О.Н. Бадеру присвоено звание кандидата исторических наук по совокупности работ.

О.Н. Бадер читал лекции, руководил специализацией на кафедре антропологии и истфаке МГУ, в 1936-1939 гг. вел курс археологии на Высших музейных курсах. Ряд лет он являлся председателем Археологической комиссии Московского научно-исследовательского бюро краеведения и Комиссии по истории Москвы, а с середины 30-х годов — постоянный член Четвертичной комиссии.

До войны О.Н. Бадер вел большие полевые работы: в экспедиции МОГАИМК на строительстве канала Москва — Волга, в Окской, Чувашской, Крымской экспедициях Института антропологии МГУ и Азово-Черноморской экспедиции. Он исследовал находки палеоантропологических материалов близ Хвалынского и на р. Сходне, в Крыму работал на мутьерских поселениях Волчий Грот и Чагарак Коба, мезолитическом поселении Бурган Кая, открыл десятки позднемезолитических и неолитических местонахождений на Крымской яйле, исследовал наскальную живопись Каменной Могилы в Приазовье. Совместно с М.В. Воеводским он выявил балахнинскую неолитическую культуру в Волго-Окском междуречье, исследовал Балановский могильник, давший название балановской культуре, и Поздняковское поселение позднебронзового времени на Оке, по которому выделена поздняковская культура, исследовал мезолитические и неолитические поселения на Верхней Волге. Особое место занимала работа в Комиссии по истории Москвы и археологические исследования в Москве и Московской области.

В первые дни Великой Отечественной войны Отто Николаевич уходит на фронт в составе ополчения МГУ. В конце 1941 г. он был отозван с фронта по национальному признаку, находился в стройармии в г. Нижнем Тагиле.

В романе Бориса Раушенбаха «P.S. — Постскрипtum» (Литературная запись Инны Сергеевой) описан следующий эпизод: — «Уже в Свердловске мы кое о чем начали догадываться. Когда я явился с вещичками, то в толпе увидел профессора Московского университета Отто Николаевича Бадера, и жена, которая меня провожала в ар-

мию, сказала: «Вот, обрати внимание, Бадер страшный лопух, и если ты ему не поможешь там, куда вы едете, он неминуемо погибнет...» Она все поняла!».

Книга Памяти жертв политических репрессий г. Нижний Тагил содержит следующие данные:

Бадер Магдалина Иосифовна, 1883 г. р.; немка; место рождения: Молочанский р-н, Днепропетровская обл.; домохозяйка. Место проживания: г. Н. Тагил. Арестована 28.12.34. Осуждена по ст. 58-10. Приговор: 3. Реабилитирована при жизни 27.11.58 Президиумом СОС. Номер дела: 27538-58

Бадер Отто Николаевич, 1870 г. р.; немец; место рождения: с. Александровское, Гадячинский уезд, Полтавская губ. Арестован 01.01.41. Осужден по ст. Т/м. Номер дела: Мемориал

Бадер Роза Ивановна, 1908 г. р.; немка; место рождения: Молочанский р-н, Днепропетровская обл.; место работы: Н-Тагил, больница № 2; сиделка. Место проживания: г. Н. Тагил. Арестована 28.12.34. Осуждена по ст. 58-10. Приговор: 3. Реабилитирована 27.11.58 Президиумом СОС. Номер дела: 27538-58

Бадер Семен Иванович, 1910 г. р.; немец; место рождения: Молочанский р-н, Днепропетровская обл.; место работы: УВЗ, вагоноборочный цех; слесарь. Место проживания: г. Н. Тагил. Арестован 31.12.37. Осужден по ст. 58-2-6-9-11. Приговор: ВМН. Расстрелян 22.10.38. Реабилитирован при жизни 31.10.58 Военным трибуналом УралВО. Номер дела: 27335-58.

В 1944-1946 гг. работал в штате Тагильского краеведческого музея, исследовал неолитическое поселение Полуденка, начал раскопки стоянки Талицкого на Чусовой. В 1946 г. О.Н. Бадер был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

С 1946 по 1955 годы работал в Пермском университете в должности доцента исторического факультета. Основатель пермской школы археологов, создатель Камской археологической экспедиции ПГУ (1947). Камская археологическая экспедиция в 1947-1958 гг. под его руководством работала в зоне строительства Камской гидроэлектростанции. Исследовались палеолитическая стоянка Талицкого, даны характеристика и периодизация культуры мезолита, неолита и бронзового века Прикамья. Исследован Турбинский могильник и выделена сейминско-турбинская культура. Труды экспедиции были опубликованы в сборниках. Он создал в Пермском университете музей археологии Прикамья (1954) и археологический студенческий кружок, продолжающий свою работу и поныне. В 1947 г. по инициативе О.Н. Бадера было проведено в Перми Первое Уральское археологическое совещание, которые с тех пор периодически проводятся в разных городах Урала.

В Пермском госуниверситете читал курсы археологии, этнографии, истории первобытного общества, ряд спецкурсов, вел спецсеминар по методике археологических исследований. В Пермском университете впервые организовал специализацию по археологии и взрастил целую плеяду талантливых учёных, основавших свои собственные школы в разных городах и научных центрах: В.Ф. Генинг (г. Свердловск), З.П. Соколова, В.А. Могильников, Б.Г. Тихонов (г. Москва), Р.В. Чубарова (г. Санкт-Петербург), В.П. Денисов, Ю.А. Поляков, А.Д. Вечтомов,

И.С. Поносова (г. Пермь), Н.А. Мажитов (г.Уфа), Г.И. Матвеева (Самара).

В 1955 г. Отто Николаевич вернулся в Москву, в Институт археологии РАН, читал курс лекций по каменному веку на кафедре археологии МГУ, руководил специализацией, вел студенческий археологический кружок.

Но не прерывается связь с Пермским университетом. Продолжают работу Камская, а затем Воткинская археологические экспедиции под руководством О.Н. Бадера, издаются труды экспедиции, обобщаются материалы по неолиту. В 60 — 70-е годы он исследовал пещерные памятники Среднего и Нижнего Урала, с 1960 г. возглавлял экспедицию в пещеру Шульган-таш (Каповая) с настенными росписями, палеолитическую стоянку Мысовая (Урта-Тюбе), с 1957 г. систематически работал на палеолитическом поселении Сунгирь. Мировую известность памятнику принесли открытые здесь погребения древних людей.

В 1964 г. было найдено захоронение взрослого мужчины, а в 1969 г. — парное погребение двух детей: мальчика 12-13 (южное погребение) и девочки 9-10 лет (северное). Дети были уложены в могилу в вытянутом положении, тесно прижатыми головами друг к другу. Вероятно, дети погибли во время очередной стоянки племени на Сунгире. Их похоронили в центре жилища, на месте очага. Затем люди, на время покинув берега Клязьмы, вернулись вновь. Жилища поставили в стороне от прежних. А через несколько лет в трех метрах от могилы детей была вырыта вторая - для пожилого мужчины.

Находки Сунгиря ярче, чем других палеолитических памятников, свидетельствуют о существовании уже в то время анимизма, веры в загробную жизнь, тотемизма и магии, культы предков, а вероятно, и почитания солнца и луны, лунного календаря и арифметического счета. Сунгирь раскрыл перед наукой жизнь эпохи палеолита в еще небывалой ее сложности.

Особенности материальной культуры обитателей Сунгирской стоянки указывают на ее близость культуре одновременных поселений на Среднем Дону. Известным антропологом М.М. Герасимовым были воссозданы по сохранившимся черепам скульптурные облики наших далеких предков — двух подростков, девушки и мужчины. Созданные скульптурные портреты первых жителей Владимирского сейчас находятся в краеведческом музее.

Оба погребения отличались поразительным богатством инвентаря, но особенно могила детей: оружие из бивней мамонта — копья, дротики, кинжалы, огромное количество бус из бивня, нашитых когда-то на одежду, браслеты и перстни из бивня, сверленные клыки песца, прорезные диски, имевшие ритуальное значение, «жезлы» из бивня и рога. Редкими произведениями первобытного искусства являются фигурки животных — мамонта и лошади-сайги. Символом Сунгиря стала лошадка, найденная в 1957 г.

В 1966-1972 гг. О.Н. Бадер являлся заместителем председателя Научно-методического совета по охране памятников истории и культуры при Министерстве культуры СССР и руководил его археологической секцией. Он член Четвертичной комиссии Отделения наук о земле АН СССР и Советской секции Международной ассоциации

по изучению четвертичного периода (INQUA), Комиссии по изучению геологии и географии карста АН СССР, Уральской археологической комиссии, член редколлегии журнала «Советская археология».

О.Н. Бадер работал в романтический период развития науки, во время ярких археологических открытий и бурного накопления фактического материала. Отто Николаевич был прекрасным полевым работником, организатором, преподавателем, популяризатором науки. Он исследователь памятников от раннего палеолита до позднего средневековья на территории от Приполярья до Крыма, от Оки до Западной Сибири. Разработал периодизацию каменного, бронзового и раннего железного века Урала. Руководитель крупных археологических экспедиций — на канале Москва-Волга, Азовско-Черноморская, Камская, Воткинская, Нижнекамская. Разработал оригинальную методику полевых исследований, сторонник комплексного исследования данных естественных и гуманитарных наук, принял участие в формировании методики, методологии и тематики современной археологии, музееведения и палеоантропологии.

Наиболее крупными проблемами его исследований были проблемы становления и развития первобытного человека, происхождения и развития финно-угорских народов, становление начал духовной культуры человечества (искусство, математические знания). Они отражены в монографиях «Каповая пещера. Палеолитическая живопись» (М., 1965), «Сунгирь. верхнепалеолитическая стоянка» (М., 1978) и др. В Пермской области им исследованы стоянка имени Талицкого, грот Столбовой на р. Чусовой (палеолит), поселение Огурдино, стоянки Нижнее Адищево, Заозерье, Барская Пристань (мезолит), стоянки Боровое Озеро I жертвенное место у камня Писанного на р. Вишере (неолит), Турбинский могильник (эпоха бронзы), могильник и поселение Скородум (ранний железный век), Неволинский могильник (эпоха средневековья). Им активно изучались древности эпохи энеолита (гаринская, борская культуры), которые были объединены в Турбинскую этнокультурную область. О.Н. Бадером введены в научный оборот выразительные памятники мезолита (камская мезолитическая культура) и неолита (камская неолитическая культура) Среднего Приуралья.

Автор более 400 работ, в том числе 12 монографий, часть их издана за рубежом. Его труды имеют мировую известность. Участник международных конгрессов, член Итальянского института прединформации, Общества доисторической археологии Франции.

Всю свою жизнь О.Н. Бадер вёл большую общественную работу, читал лекции среди населения, оказывал помощь в работе центральных и местных музеев, краеведам. В Пермском университете он неоднократно избирался в профбюро и местном и относился к своим обязанностям с большой ответственностью.

Умер 2 апреля 1979 года.

Владимир Антонович Оборин вспоминает о О.Н. Бадере: «Крупный учёный и организатор науки, О.Н. Бадер в быту был скромным, обаятельным, интеллигентным человеком, чутким и внимательным к людям. Он одинаково просто общался с крестьянами и рабочими, профессо-

рами и лаборантами. Многие из них вспоминают его добрым словом до сих пор. Требовательный к себе, он так же требовал и от учеников служения делу, помогал раннему становлению их самостоятельности в науке, был всегда готов прийти на помощь в любом самом личном деле. Ему было присуще чувство юмора, он любил различные весёлые розыгрыши, писал лирические стихи и стихи на археологические темы. О.Н. Бадер был одинаково интересен для окружающих как в среде своих сверстников, так и в обществе молодёжи. Для учеников он был образцом преданности любимому делу и примером высоких нравственных качеств» (Профессора Пермского университета. — Пермь, 1991).

Римма Дмитриевна Голдина. Отрывок из воспоминаний:

«Жаль, что с Отто Николаевичем Бадером мне довелось увидеться в жизни лишь несколько раз. Впервые это было в 1959 г., когда он приехал на завершающие раскопки Турбинского I могильника. Помню, что это было для всего кабинета праздничное событие. Все было вымыто, выскоблено, вычищено, ненужное — спрятано. Все собрались в ожидании. Стремительно входит О.Н. Бадер — небольшого роста благообразный старичок, очень энергичный, с короткими седыми волосами, седой бородкой клинышком, греческим носом, серыми глазами — красивое интеллигентное лицо. Кроме того, О.Н. Бадера отличала своеобразная манера при разговоре склонять немного голову, как бы подчеркивая внимание к собеседнику, и очень яркая, удивительно точная и образная речь.

Это был образец интеллигентности. Его ученики говорили, что Отто Николаевич даже в бане, где человек предстает совсем обнаженным и беззащитным, не терял своей интеллигентности. В археологическом кабинете Пермского государственного университета он был чем-то вроде спустившегося с неба сверхчеловека и его авторитет был непрекаем. Собственно в поле мне с ним работать не привелось — лишь мельком мы встречались на раскопках легендарного Турбинского I могильника в окрестностях г. Перми в 1959 г. и летом 1960 г. при исследовании Бойцовских поселений на Средней Каме. Но там он был недолго, приехав с небольшой инспекционной проверкой.

Пожалуй, больше впечатлений оставила встреча 1974 г. в Кургане, где состоялась очередная студенческая Урало-Поволжская конференция. Ее основным организатором в этом году была тогда преподаватель Курганского педагогического института Тамила Михайловна Потемкина — очень обаятельная и увлеченная наукой женщина. Я привезла на эту конференцию четырех своих самых первых и поэтому дорогих для меня студентов-археологов I курса: Л. Макарова, Г. Анонову (Журавлеву), Р. Кабинова, С. Киселеву. Доклады всех были отмечены дипломами. О.Н. Бадеру было уже 71 год, но он был очень энергичен, присутствовал на всех заседаниях, выступал с доброжелательной оценкой студенческих докладов. На меня огромное впечатление произвело его выступление на заключительном заседании конференции о перспективах уральской археологии. Он говорил очень вдохновенно и красиво. Честно говоря, мне удалось в жизни слышать не многих, столь одаренных ораторов. Студенты были все им очарованы. О.Н. Бадер

помог мне в решении вопроса о проведении следующей Урало-Поволжской археологической конференции. В Кургане было решено провести ее в 1974 г. в Ижевске, Удмуртском университете. Эта конференция в значительной мере способствовала формированию научной школы археологов Удмуртии.

Последняя наша встреча с О.Н. Бадером состоялась в 1978 г., когда я пришла попрощаться с ним в больнице в Москве во время моей командировки. Он был уже тяжело и неизлечимо болен. Я нашла его сидящим на скамейке в скверике больницы. Он очень похудел, и сострадание не оставляло меня ни на секунду. Я не могла сдержать слез, но он был бодр и строил многочисленные планы на будущее. В частности, он был увлечен идеей экспедиции по пути Ермака в Сибирь. Примерно определял, как построить маршрут, кого пригласить, что копать. Но, увы, его планам уже не суждено было сбыться. Мы тепло расстались, но больше уже никогда, к сожалению, не увиделись.

Отто Николаевичу Бадеру удалось в Перми в условиях суровой послевоенной действительности создать жизнеспособную археологическую школу, наиболее яркими представителями которой были Владимир Антонович Оборин и Владимир Федорович Генинг. Трудное голодное время, нет излишеств в одежде и обуви, нет хорошего оборудования. Но О.Н. Бадер каждое лето вывозил своих питомцев на разные памятники Прикамья: Турбинский и Неволинский могильники, Галкинское городище, Левшинскую стоянку и другие. Но в особенности всем была памятна Островская стоянка или стоянка им. М.В. Талицкого, которую раскапывали в 1945-1948 гг., 1950-1952 гг. Не только потому, что это была для того времени самая северная в Евразии стоянка палеолитического человека, но и потому, что копать ее было особенно трудно. Ведь культурный слой стоянки, мощностью несколько сантиметров, надо было извлечь из-под толщи 12-метрового балласта, в котором не было никаких археологических остатков. Иными словами, без всякой техники, обычной лопатой надо было убрать 12 метров земли для того, чтобы потом осторожно — ножом и щеткой расчистить несколько сантиметров культурного слоя, насыщенного костями животных и каменными обломками. Это была очень тяжелая физическая работа, и оставались только крепкие, увлеченные, боевые и очень сплоченные, дружные. Каждый день заканчивался у костра. Душевные песни, тепло костра и завораживающие языки пламени, на которые можно смотреть бесконечно, также сплывали. Ведущими запевалами были В.А. Оборин и В.Ф. Генинг. Остальные создавали подголосный фон.

В условиях трудного быта и тяжелой, изматывающей работы несколько скрасить существование могли только шутки и общее веселье. Пошутить был горазд и О.Н. Бадер. В 1950 г. выехали на раскопки интереснейшего Неволинского могильника VII-IX вв. на р. Ирень. Жили все вместе в большой армейской шатровой палатке. А В. Оборин любил поспать и всхрапнуть. И О.Н. Бадер решил избавить его от этого недостатка. Он встал пораньше, взял ложку соли и всыпал ее в рот спящему В. Обороину. Очевидцы рассказывают, что вмиг проснувшийся В. Оборин пулей выскочил из палатки и помчался к реке. А

когда прополоскал рот, злобно закричал: «Какая сволочь это сделала?» Он был уверен, что это проделки дежурившего на кухне В. Генинга. Тот, как мог, отказывался. И только спустя некоторое время, О.Н. Бадер признался, что это дело его рук. В. Оборин опять же был сконфужен, так как никогда бы не смог заподозрить в чем-то подобном интеллигентнейшего Отто Николаевича, а тем более обозвать его столь неприличным словом». (Голдина Р.Д. Мой путь в археологию // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 4. - Ижевск, 2002. С. 19-20).

Литература о О.Н.Бадере:

Бадер О.Н. // БСЭ. 1970. Т.2 Изд. 3-е.
Бадер Отто Николаевич (29 июня 1903 — 2 апреля 1979) // Профессора Пермского государственного университета. — Пермь, 2001. С.12-13.
Голдина Р.Д. Мой путь в археологию // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 4. — Ижевск, 2002. С. 19-20.
День в истории: Календарь знаменательных и памятных дат Пермской области. С приложением перечня юбилейных дат на 2001 год / Сост. Т.И.

Быстрых. — Пермь, 2000. С. 61.

К 60-летию Отто Николаевича Бадера // Советская археология. 1963. №4.— с.126-128: портрет.

Крайнов Д.А. К 70-летию О.Н. Бадера // Памятники древнейшей истории Евразии. — М., 1975.

Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. Вып. 1. — Пермь, 1994.

Мельничук А.Ф. Бадер Отто Николаевич // Краеведы и краеведческие организации Перми: Библиографический справочник / Сост.: Т.И. Быстрых, А.В. Шилов. — Пермь, 2000. С. 71-72.

Морозов Ю.А. О.Н. Бадер и уральская археология // Пермский край: прошлое и настоящее. Материалы междунар. науч.-практ. конф. — Пермь, 1997.

Оборин В.А. Бадер Отто Николаевич // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург, 1998. С. 64.

Оборин В.А. О.Н. Бадер (1903-1979) // Профессора Пермского университета: Библиографический указатель / Перм. ун-т.; отв. ред. Б.М. Осовецкий. — Пермь, 1991. С. 95-97.

Оборин В.А. Вклад О.Н. Бадера в развитие уральской археологии // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. — Ижевск, 1983.

Марина Резонтова

ИСТОРИЯ ОДНОЙ НЕМЕЦКОЙ СЕМЬИ

Из ранней истории немецко-русских отношений нам известно, что уже в середине X века между Германской империей и Киевской Русью были установлены дипломатические связи, которые крепили из года в год, из века в век. При Петре I немало немцев занимали ученые должности и служили в армии и администрации, а по указу Екатерины II в июле 1763 года были специально приглашены в Россию иностранные поселенцы. Около 700 тысяч иммигрантов, главным образом из Южной Германии, поселились на Средней Волге и в Черноморье. В результате дальнейшего притока иностранцев до 1842 года было заложено более 100 немецких поселений. Большинство переселившихся немцев в Российской империи были потомками крестьян и поэтому многие из них сохраняли обычаи, традиции, одежду и говоры своей родины. Так и жили — не тужили, честно трудились, рожали и воспитывали детей, пока не началась Великая Отечественная Война. Указом Правительства от 28 августа 1941 года были выселены более 800 тысяч немцев на территорию Сибири и Казахстана. Это участие постигла и семью обычного немецкого сапожника Петра Францевича Фрайбергер. Родился он в 1905 году на хуторе Красный Ванновского района Краснодарского края. В то время это местечко имело название «Немецкая слобода».

Окончил немецкую школу, а затем овладел ремеслом сапожника и прославился на всю округу, как хороший мастер. В 1927 году женился на Софье Петровне Клестер, девушке из той

же деревни. В отличие от мужа Софья Петровна грамоте не обучалась, но знала все молитвы и регулярно посещала службы в церкви. По вероисповеданию все жители хутора были католиками. В семье сапожника всё соответствовало строгим немецким правилам — семь детей и жена—хозяйка, хранительница семейного очага, поддерживающая дом на трёх столбах, трёх «К» (дети, кухня, церковь). Всё шло своим чередом до августа 1941 года, пока не начались массовые выселения немцев. Всех жителей хутора Красный в течение 24 часов отправили на новые неизвестные земли, в далёкий Восточный Казахстан, Большенарымский район. Семья Фрайбергер да и другие успели взять с собой только необходимые для дальнейшей жизни вещи, и дорогие сердцу предметы, с которыми связаны важные события и знаменательные даты, ведь их заверили, что они ещё вернуться к себе домой, что уезжают только на некоторое время. Семья Фрайбергер была музыкальной, Петр Францевич играл на цимбалах, а его младший брат Алексей всю свою жизнь посвятил игре на скрипке. Алексея всегда приглашали на свадьбы, немецкие праздники, и поэтому на старых фотографиях его можно узнать по скрипке в руках. Трудная доля постигла музыканта из села Малонарымка, в 1943 году Алексея отправили в трудовую армию под город Челябинск, где он по его словам познакомился и сдружился со знаменитой певицей Ниной Руслановой. Пережить все тяготы и невзгоды помогала ему скрипка.

Жизнь в Малонарымке продолжалась, родились еще две дочери, старшие подрастали и помогали родителям в хозяйстве. Любовь к музыке передалась и детям Петра Францевича, старший сын — Иван Петрович обладает абсолютным слухом и уникальной способностью играть практически на всех музыкальных инструментах. Этот талантливый человек всю жизнь проработал директором Дома культуры села и режиссером местного театра. В 1957 году Иван Петрович женился на Бургард Марии Степановне и родились у них двое детей. Сын Пётр и дочь Людмила, ко-

торая рассказала мне о своих предках. Людмила бережно хранит фотографии своих дедушки и бабушки, других родственников, родителей и некоторые из них подарила этнографическому музею. Людмила со своими детьми активно участвует во всех немецких праздниках, прививает любовь к немецкому языку и чтит память своих предков.

**«Дом Дружбы» прил. «Рудный Алтай»,
25 октября 2003 г.**

Гаяз Самигулов

ГОСПОДИН ГОРОДНИЧИЙ, ИЛИ КОЕ-ЧТО О ЗАБЫТЫХ ПЕРСОНАЖАХ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Городничий для большинства из нас ассоциируется с персонажем комедии «Ревизор» (по крайней мере для тех, кто все же изучал в школе литературу, а не «проходил» ее). При этом почти никто из людей как старшего, так и младшего поколения не сможет объяснить — а кто же такой городничий, в чем заключалась его работа, какова его роль в жизни российской провинции конца XVIII — середины XIX века?

Не претендуя на полный ответ на эти вопросы, постараюсь немного прояснить ситуацию.

«Довесок» к пенсии

Городничие существовали в России в XVI–XVII вв. и выполняли функцию блюстителей порядка — на них лежала охрана спокойствия в городе, наблюдение за торговлей и прочее. В ходе петровских реформ эта должность исчезла, чтобы вновь возникнуть уже в правление Екатерины II.

В ходе областной (губернской) реформы Екатерины II для уездных городов была учреждена должность городничего.

Фактически городничий и уездный суд совместно являлись высшей властью в уезде и городе. Его обязанности были очень разнообразны: он отвечал за общественное спокойствие, пожарную безопасность, состояние дорог, санитарное состояние и так далее, и тому подобное. Сложно назвать ту сферу жизни города, которая бы не подлежала контролю городничего.

Резерва чиновничьих кадров, из которых можно было бы назначать городничих, государство не имело, и на первых порах было найдено компромиссное решение. Городничими назначали офицеров, вышедших в отставку по стоянию здоровья. Обычно речь шла о небогатых людях, для которых жалование городничего было неплохим «довеском» к их военной пенсии (если таковая вообще имела).

«Частное» дело

Челябинск становится из города — центра провинции уездным городом на основании указа от 27 января 1781 года, соответственно и первый городничий — секунд-майор Сергей Воинов был назначен только после этого. Но в 1782 году Челябинский уезд был передан из Пермского наместничества в Уфимское, и в

Челябинск был назначен новый городничий. Им стал Иван Егорович фон Швейгофер. К слову, в «Месяцеслове с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1782» в Челябинске указан «Городничий: Секунд-майор, Иван фон Швейговерн». Путаница с написанием фамилии в документах в ту пору дело довольно обычное. Кстати, можно даже указать точную дату, когда назначенец прибыл в город — 20 мая 1782 года.

Очень быстро выяснилось, что объем обязанностей, возложенных на городничих, слишком велик. В 1782 году в уездных городах создаются «Управы благочиния» — органы, подчиненные городничему, в чьи обязанности входило поддержание порядка в городе.

Фактически управы благочиния являлись городскими полицейскими управлениями. В состав управы входили, например, частные приставы, каждый из которых отвечал за порядок в своей «части» города. Челябинск подразделялся на три части: первая к западу от ул. Христорождественской (Цвиллинга), вторая к востоку от нее (включая и саму Христорождественскую улицу) и третья часть — Заречье. Слово «частный» в данном случае не является синонимом слов «приватный», «личный», «негосударственный», а обозначает именно человека, отвечающего за «часть» города.

Непопулярное дело

В 1793 году после смерти Ивана Егоровича в должности городничего указом Правительствующего Сената был утвержден Федор Иванович фон Швейгофер, скорее всего, сын предыдущего городничего. К слову, довольно своеобразно записана фамилия вдовы Ивана Егоровича в

«Обывательской книге» Челябинска за 1795 год: «Фоншвейгхоферова Марья Федоровна» — по сути, писарь «ославянил» немецкую фамилию, причем слово «фон», означавшее принадлежность к дворянству, было включено в состав русифицированного варианта.

В июне 1795 года Федор Иванович направил в Челябинское духовное правление сообщение о необходимости «учинить запрещение» хоронить умерших от заразных болезней из пригородных деревень при «Челябинской загородной церкви», «дабы чрез то не могла таковая прилипчивая зараза фселиться по здешней город». Городничий предлагал не отпевать их в кладбищенской церкви и отвести на кладбище отдельный участок для погребения умерших от заразных болезней.

Помимо прочего Федор Иванович довольно активно занимался организацией пожарной безопасности города и комплектацией необходимого для пожарных оборудования.

Одной из самых сложных обязанностей городничих было распределение квартирного постоя и прочих, связанных с этим вопросов. Военские части, как квартировавшие в Челябинске на постоянной основе, так и проходившие через город и останавливавшиеся на отдых, размещались в домах горожан.

Для горожан это была одна из самых тяжелых повинностей, особенно для зажиточных, к которым на постой определяли офицеров — жить «гостем» в собственном доме, да еще из года в год, нелегко, да и нормальному ведению дел очень мешает. Известно, что челябинского мецената Максима Сидоровича Ахматова за его пожертвования в пользу города городское общество постановило избавить от квартирного постоя — высшая степень признания заслуг.

А когда стало известно, что в Челябинске будет размещаться первый батальон мушкетерского полка, и командир этого полка генерал Певцов, купцы, скинувшись, купили ему под постой отдельную усадьбу в городе. Так вот, таким непопулярным делом, как распределение военнослужащих на постой в дома горожан, занимался тоже городничий.

Кто главный по «надолбам»?

Напомню, что реальной властью обладали городничий и уездный суд, а городская дума имела очень немного полномочий. Зачастую такое положение приводило к своеобразному противостоянию. Сегодня, спустя полтора-два века, некоторые ситуации имеют комический оттенок.

Так, в июне 1824 года городничий пишет в городскую думу, что надо сделать «парапеты», они же «надолбы», то есть перила на мостах через Миасс и через старицу, о чем он уже не раз устно доводил до сведения думы, но парапеты все еще не сделаны. Из думы ехидно ответили, что «обращаться в думу надлежит письменно, а не устно, через прорыв нет моста, а есть слань, которая жителями города еще не поправлена и потому делать на ней надолбы невозможно».

Последнее веское слово осталось все же за городничим, он со ссылкой на распоряжение

губернского землемера прописал: «2-е, в самом городе устроить на старице гать с надолбами. 3-е, переделать по ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫМ чертежам мост на реке Мияс, с надолбами и выкрашиванием на обеих надолбах военной краскою». Дума еще хорохорилась, но фактически парапетное сражение было проиграно. В челябинской истории можно найти и другие примеры такой «политической борьбы».

Должность городничего была упразднена в 1862 году. Возможно, в этом одна из причин нашего незнания о городничих — уже к началу XX века они были достоянием истории, а уж сегодня и вовсе забыты.

<http://www.up74.ru/rubrics/nauka-i-istorija/2013/02-fevral/gospodin-gorodnichij/>

ИЗ АРХИВА «Южноуральской панорамы»

Не рубите, мужики!

Полицейскими функциями деятельность городничих не ограничивалась. В сферу их «интересов» входила даже защита окружающей среды.

Довольно любопытный документ датирован весной 1785 года. Городской магистрат в указе, посланном городскому старосте, сообщил: «минувшаго апреля 15 числа в присланном в сей магистрат от господина секунд-майора и города Челябинска городничаго фон Швехгофера сообщении написано: до сведения де ево дошло, что челябинские граждане поблизости здешняго города вырастающей в двух верстах мелкой разнаго рода лес весь вырубил дабы тот вырастающей в дву верстах мелкой разнаго рода лес впряде своей пользы отнюдь не рубили».

Магистрат предписывал довести до сведения горожан категорический запрет рубить лес в радиусе двух верст от города. Этот указ не был «разовым», впоследствии, если была необходимость нарубить веток для починки плотины, то предписывалось, чтобы их брали не ближе 2 верст от города. А строительный лес валить вблизи города вообще запрещалось: когда была необходимость в деловой древесине, например для перестройки моста через Миасс, деревья рубили на озере Аргази и по вешней воде сплавляли до Челябинска.

Кстати, к ремонту и перестройке мостов городскую думу побуждал зачастую также городничий. Самый ранний из сохранившихся документов, где И. Е. фон Швейгофер предписал магистрату выделить людей и изыскать лес на починку мостов (кроме моста через Миасс в Челябинске были еще мосты через ручьи), датирован 1786 годом.

Место дислокации

Размещалось челябинское городническое правление до самого конца XVIII века в бывшем здании провинциальной канцелярии, на улице Христорождественской. Сегодня это незастроенный участок, часть сквера пл. Ярославского, на ул. Цвиллинга, напротив дома № 7.

РУССКИЕ НЕМЦЫ — ПЕРВАЯ НАЦИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ

Я вижу что тема «царские немцы» пользуется большой популярностью на данном форуме. Предлагаю обсудить нижестоящий текст. Заранее благодарю всех участников.

Кто же в таком случае был привилегированной нацией, занимающей первое место в России по шкале этнической ценности? Таковыми были русские немцы. Они начали появляться при дворе и в русском обществе в царствование Петра I в процессе «прорубания окна в Европу». При Петре I это был торговый, военный и ученый люд. Они служили «по контрактам», отдавая свой опыт России, не забывая свои собственные интересы, присматриваясь к огромной, полудикой стране. Завоевание Прибалтики включило в орбиту русского дворянства особый отряд «немецких баронов», владевших землями в Латвии, Эстонии и Литве со времен меченосцев. Прибалтийские немцы быстро разобрались в интригах петербургского двора, почти безошибочно делая ставку на победителя во время дворцовых переворотов. Военные и волевые качества, активность и преданность престолу быстро сделали их важной составляющей в сфере политики, армии и администрирования.

Этому способствовало непрерывное породнение русских царей, великих князей и княжон с немецкими владетельными домами - Мекленбургским, Брауншвейгским, Гессен-Дармштадтским, Голштейн-Готторпским, Ольденбургским, Лейхтенбергским и др. Немецкая кровь постепенно вытесняла русскую в жилах царей, превращая их в обрусевших немцев. Практически все русские императрицы плохо говорили по-русски даже к концу своей жизни. По нацистским законам третьего рейха царскую семью следовало бы отнести к этническим немцам. Имея в виду такую особенность династии Романовых, можно утверждать, что не кровь определяет мироощущение человека, а воспитание и уклад жизни. Визиты немецких родственников в Петербург и ответные визиты великих князей к ним были регулярными. Таким же регулярным становилось присутствие дворян немецкого происхождения при царском и великокняжеских дворах. В глазах русских придворных присутствие немецкого дворянства там обретает черты неизбежности и закономерности. Даже когда наступали периоды немецкого засилья, у русского дворянства крайне редко появлялось желание открыто протестовать или жаловаться. Да и к кому следовало обращаться жалобы с неудовольствиями такого рода? К Царю, у которого все родственники немцы и опорой трона являются выходцы из Прибалтики? Поэтому приходилось терпеть, копить злость и ждать очередного переворота.

Важной особенностью карьеры прибалтийских дворян являлось условие обязательного принятия православия, что снимало все ограничения в продвижении по государственной службе. Поэтому прибалтийские немцы, желающие сделать карьеру при русском дворе или в армии, уже к концу

XVIII в. сменили протестантизм на православие. Это принесло свои плоды, и вскоре православные немцы активно теснят православных же русских на всех уровнях и во всех сферах государственной жизни. Мы видим русских немцев во главе Канцелярии Его Величества, министерств: двора, иностранных и внутренних дел, военного, финансов, образования, генералами и адмиралами, губернаторами, командующими армиями, гвардейскими частями. Прибалтийское дворянство стало рассадником административной элиты. В России не существовало губерний, военных округов, дивизий, полков, где бы немцы не занимали командных постов. Особенно высокая концентрация их вблизи трона.

Немцы воспитывают цесаревичей, великих князей и княжон, управляют наукой и университетами, военными академиями и штабами, заводами и поместьями. Помимо изначальных земельных наделов в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии прибалты становятся помещиками практически всех губерний страны. Немцам в Российской Империи жаловаться было не на что. Французский историк ссылается на случай, когда Николай I, желая вознаградить Ермолова А. П., спросил его, чего бы он хотел. Ермолов ответил: «Сделайте меня немцем, Государь». Немецкая буржуазия - средний класс - задает тон не только в Риге и Ревеле, но также и в Петербурге, Москве, Екатеринбурге и других городах Империи. Немецкое крестьянство фермерского типа процветает как в Поволжье, куда оно было приглашено Екатериной II, так и в Новороссии, Прибалтике, средней России.

Русские немцы, включая прибалтийскую ветвь, оказали в целом положительное влияние на государственность России, становление ее промышленности, науки и культуры. Они стали изрядно обрусевшим нацменьшинством, занявшим благодаря своим талантам исключительное положение в жизни Российской Империи, сравнимое, в какой-то степени, с положением правящей иудейской прослойки в далекой Хазарии 1000 лет тому назад. Невозможно перечислить имена всех российских граждан немецкого происхождения, вошедших в историю Государства Российского. Отметим здесь лишь наиболее известных ученых - Миллера Г.-Х., Рихмана Г.-В., мореплавателей - Беллинсгаузена Ф. Ф., Крузенштерна И. Ф., военачальников - кн. Барклая-де-Толли М. Б., бар. Беннингсена Л. Л., гр. Миниха Б.-Х., бар. Остермана А. И.

К тому времени, о котором идет речь, русские немцы занимали от трети до половины губернаторских и вице-губернаторских должностей России и до половины командного состава армии. Здесь они выдвигались благодаря храбрости, дисциплине, преданности трону, исполнительности и жестокости. Эта последняя черта иногда приводила к бунтам, как было в Семеновском полку в октябре 1820 г., и всегда помогала усмирять мятежные провинции и отдельные воинские части. Солдаты не любили и боялись немцев. Лейтенант

Шмидт здесь был приятным исключением. Во время русско-японской войны командный состав армий выглядел так: 1-й армией командовал ген. Линевич, 2-й - ген. Грипенберг, 3-й - ген. бар. Каульбарс. Отрядами, входящими в армии, командовали генералы Засулич, Штакельберг, Мищенко и Ренненкамф.

На совещании в Новом Петергофе в конце июля 1905 г., посвященном созданию Государственной Думы, в первом перед Государем ряду сидели: Победоносцев К. П. - обер-прокурор Синода, Булыгин А. Г. - министр внутренних дел, Будберг А. А. - шеф императорской канцелярии, Фриш Э. В. - старейшина Госсовета, Ламздорф В. Н. - министр иностранных дел, Редигер А. Ф. - военный министр, братья Д. Ф. и А. Ф. Треповы, кн. Ширинский-Шахматов А. А., гр. Бобринский А. А., гр. Игнатьев А. П., Танев А. С., бар. фон-Гильденбрандт Ю. А. - статс-секретарь, бар. Фредерикс Б. В. - министр двора, Нарышкин А. А. - председатель Совета объединенного дворянства, Рихтер О. Б. - член Госсовета, Шванебах П. Х. - главноуправляющий земледелием и землеустройством, бар. Нольде Э. Ю. - управляющий делами Комитета министров, Тимрот А. Г. -- статс-секретарь, Герард Н. Н. - председатель департамента Госсовета, сановники Коковцев В. Н., Стишинский А. С., Павлов Н. М., Верховский В. В., Чихачев Н. М., историк Ключевский В. О., пять великих князей. Как видим, немецкое дворянство представлено здесь весьма внушительно.

В офицерском Собрании гвардии, армии и флота в присутствии Императора Николая II, великих князей, высшего генералитета и рядового

офицерства полковник Золотарев произносил речь, посвященную памяти Императора Александра III, основателя Собрания. «Пока Золотарев говорил о внутренней политике Александра III, как известно, весьма консервативной, зал слушал в напряженном молчании. Но вот лектор перешел к внешней политике. Очертив в резкой форме «унизительную для русского достоинства, крайне вредную и убыточную для интересов России пронемецкую политику предшественников Александра III», Золотарев поставил в большую заслугу последнему установление лозунга — «Россия для русских», отказ от всех обязательств в отношении Гогенцоллернов и возвращение себе свободы действий по отношению к другим западным державам... И вот, первые ряды зашевелились. Послышался глухой шепот неодобрения, задвигались демонстративно стулья, на лицах появились саркастические улыбки, и, вообще, высшие сановники всеми способами проявили свое негодование по адресу докладчика. Я был удивлен и таким ярким германophilством среди сановной знати, и тем, как она держала себя в присутствии Государя», - писал Деникин А. И.

Мы привели этот раздел книги для полноты картины и с целью показать два полюса этнического спектра дореволюционной России. На одном из полюсов находились русские немцы, обладающие властью, влиянием и всеми правами, на другом - евреи, не обладающие этими ценностями, но решившие добиться гражданских прав.

<http://ok.zhitinsky.spb.ru/library/kaz/trakta25.htm>

Валерий Зайцев

«ЧЕЛОВЕКУ, КАК И ДЕРЕВУ, НЕЛЬЗЯ БЕЗ КОРНЕЙ»

Так считает князь Николай Дмитриевич Кропоткин, потомок Рюриковичей в 109-м поколении, один из последних представителей этой славной фамилии. Мы встретились с ним в Риге.

Латвийские следы

...Первый раз он приехал в Ригу в далеком 1928 году, когда ему было всего четыре года. Приехал вместе с родителями из Берлина, где родился. А в Сигулде жила его бабушка, жена князя Николая Дмитриевича Кропоткина, бывшего ливонского вице-губернатора, действительного статского советника и церемониймейстера в свите императора Николая Второго.

По смерти матери в 1898 году, урожденной графини фон дер Борх, князь Кропоткин унаследовал ее родовой замок Зегеволд в Сигулде. В марте 1899 года внесен в матрикулы Ливонского рыцарства под № 449 с правом писаться «князь фон Кропоткин».

Но империя рухнула, и, понятное дело, после прихода к власти большевиков царедворец не смог оставаться в России и эмигрировал во Францию. Дети уехали в Германию. А бабушка спокойно жила в Сигулде и уехала отсюда лишь

в 1939 году.

В свое время вице-губернатор построил в Сигулде новый замок (сейчас там размещается местное самоуправление), правда, латвийские власти в 1922 году его экспроприировали, но «маленький зеленый домик» у бабушки оставался, его стараниями до города прошла железная дорога...

А начиналась эта история очень давно, когда царица Анна Иоанновна подарила этот замок графу фон Ласси, который приехал из Ирландии служить в русской армии.

— Вообще-то здесь, в Сигулде, так все перепутано, — рассказывает Николай Дмитриевич. — На дочери графа Ласси женился граф Браун. У него сыновей не было, но дочь вышла за графа Борха. И теперь уже дочь графа Борха вышла замуж за Дмитрия Николаевича Кропоткина. Это был мой прадед. Его потом в Харькове, где он был губернатором, убили революционеры. Так что как минимум три поколения Кропоткиных

связаны напрямую с Сигулдой...

Интересная деталь: в роду Кропоткиных была многовековая традиция — называть сыновей поочередно Николай и Дмитрий.

— В 2000 году на Всемирной выставке EXPO, которая проходила в Ганновере (я а живу в этом городе), увидел латвийский павильон и в нем — проспекты о Сигулде, в которых был изображен и наш родовой замок. Подошел к стендистам, представился, немного рассказал о себе. А через несколько лет снова приехал в Сигулду. Увидел Новый замок, который строил мой дед, нашел дом, куда приезжал к бабушке в гости, навестил фамильное кладбище. Сейчас стараниями местных властей могилы Кропоткиных приведены в надлежащий вид. И вот завтра тоже поеду в Сигулду...

Уральские морозы и шахты Донбасса

Он превосходно говорит по-русски, правда, иногда задумываясь над некоторыми словами.

— У меня русские родители, и я воспитывался в русском духе, никогда не забывая своих предков. Правда, потом была немецкая школа, немецкая армия, да и жизнь немецкая.

Но был в жизни Николая Дмитриевича Кропоткина период, когда он активно осваивал русский язык — с 1944 по 1955 год он был в советском плену!

— Это случилось в 1944 году под Смоленском. Тогда части вермахта уже отступали... Первый мой лагерь был в Челябинской области. Есть там небольшой городок Аша. Работали на лесоповале, причем при любой погоде. Надо сказать, что я некоторое время скрывал свою подлинную фамилию, но энкавэдэшники все равно докопались. Как-то приезжает холеный майор в новенькой форме, вызывает на допрос. «Мы про тебя все знаем, ты — Кропоткин! И про деда знаем, и про отца... Как же ты за немцев воевал?»

Сказал откровенно — если бы не пошел в германскую армию, меня бы немцы расстреляли. А теперь, наверное, русские это сделают. Хотя служил я переводчиком в войсках связи, занимался радиоперехватом. Потом был еще один лагерь, и еще... Прошел их не менее десятка.

Один раз даже вспомнил в свою защиту на допросе троюродного деда, основоположника анархизма князя Петра Кропоткина. На что мне тут же заявили: «Ты не путай Кропоткиных! Этот к тебе отношения не имеет!»

Через несколько лет Советы решили всех военнопленных переквалифицировать в военных преступников. Наверное, чтобы сохранить в лагерях дешевую рабочую силу... Вызывают меня на заседание «чрезвычайной тройки» и зачитывают приговор: за военные преступления приговаривается к смертной казни, которая заменяется 25 годами каторги! Можете представить мое состояние...

Надо сказать, что пленных очень часто перетасовывали по разным лагерям, чтоб не смогли какую-то организацию создать. Так я попал на Украину. Работали на восстановлении Киева, в Донбассе. Кстати, за работу в шахте военнопленные получали такие же деньги, как и обычные шахтеры. Правда, тратить их не могли, но когда

нас освободили из плена, все выплатили. Но это было уже в 1955 году, когда канцлер Аденауэр решил этот вопрос с советским правительством. А может, и Германия деньги заплатила какие-то... Кстати, одного из моих предков в давние времена тоже из турецкого плена выкупали (смеется).

...И вот наступил день освобождения, в который я так и не смог тогда поверить. Собрали вещички, погрузились в эшелон, поехали. Через час-полтора вдруг остановка. Вдоль вагонов бежит знакомый офицер и кричит: «Кропоткин! Кропоткин!» Тут у меня сердце екнуло — вернут обратно, и все тут! Нашел он меня и спрашивает: «Николай, у тебя 25 рублей на бутылку водки есть? Выручай!» Я готов был отдать все деньги, что у меня были. Достал несколько купюр, сунул в руку: «Выпей за мое здоровье!»

Так я снова вернулся в Германию. Тогда же германское правительство приняло решение выплатить бывшим военнопленным пособие — по одной марке за каждый день плена. За одиннадцать лет набежала изрядная сумма. Но, скажу я вам, надо знать немцев: уже потом, когда устраивался на работу, в разговоре со мной чуть ли не каждый говорил: «О, вы же получили от правительства такие деньги!» Как будто я одиннадцать лет отдыхал в советских лагерях... Но работу я все равно нашел. Сейчас, естественно, уже пенсионер.

Перстень с печаткой

Мы сидим с Николаем Дмитриевичем в гостиничном номере. Он положил на стол объемистую тетрадь — родословную Кропоткиных, которую начал составлять его дед, тоже Николай Дмитриевич, уже в эмиграции.

— К сожалению, я уже, наверное, не смогу закончить этот труд — просто не у кого спросить о своих предках. Я слишком поздно начал заниматься этим...

На левой руке у него — перстень с печаткой из черного агата. На ней фамильный герб — пушка, на которой сидит райская птица. Этой реликвии уже более 120 лет. Мой собеседник получил его от своего отца, но Николаю Дмитриевичу передать его будет некому. Увы, наследников у него нет...

— Жена моя ушла из жизни осенью прошлого года. Хотя отец ее был родом из Швейцарии, у Нины тоже были русские корни: она родилась в России, училась в Риге. А познакомились мы с ней уже в Германии после войны. А сейчас у меня возникла идея: перенести на родовое кладбище Кропоткиных в Сигулде, которое восстановили стараниями местных властей два года назад, прах моих близких, большинство из них нашло последний покой на немецкой земле. Я даже начал интересоваться, как это сделать. Оказалось, проще всего везти самолетом, но гробы должны быть оцинкованные. А платить надо будет по весу, как за багаж...

Но чувство юмора не изменяет Николаю Дмитриевичу ни при каких обстоятельствах (во всяком случае, он считает, что это самая русская его черта). Судите сами.

— Знаете, Валерий, у меня 4 июня, в воскресенье, день рождения. Так мэр Сигулды Талис Пукитис приготовил мне сюрприз: решил устроить полет на воздушном шаре над Сигулдой, чтобы

я смог увидеть землю своих предков. А один мой приятель, с которым я приезжал в Ригу, Хорст Врубель, тут же подсказал мне: «Николай, а ведь если ты выпадешь из корзины воздушного шара, так тебя тут же, на фамильном кладбище, и похоронят. И не надо будет тратиться на перевозку! (Смеется.) Это, конечно, вариант, но пока не хочется спешить!»

Через несколько дней князь Николай Дмитриевич Кропоткин покинет Латвию и вернется на

свою родину, в Германию. Но, как он сказал на прощанье, «надо помнить свои корни, своих предков, свое родство. Потому что любому человеку, чтобы жить на земле, как и дереву, необходимы корни». И к этим словам добавить нечего...

«Час» поздравляет князя Николая Дмитриевича Кропоткина с днем рождения и надеется на новую встречу с ним в Риге.

<http://bgconv.com/docs/index-141372.html>

Ольга Соловьева

БУЖСКИЕ ГОЛЕНДРЫ

В 80 километрах от железнодорожной станции моего поселка Залари в Иркутской области есть три небольшие деревни Пихтинск, Средне-Пихтинск и Дагник, которые нередко упоминают под одним названием — Пихтинск. Объединяет их не только общее наименование, но и история возникновения этих поселений, а также происхождение живущих здесь людей. Они по праву называют себя сибиряками, поскольку в большинстве своем родились и выросли в Пихтинске, однако их фамилии — Кунц, Людвиг, Гильдебрант, Зелент и другие — имеют явно не сибирские корни. Эти люди являются потомками очень своеобразной группы выходцев из Германии, которые на протяжении нескольких столетий жили у Западного Буга и на Волыни (территории, относящейся сегодня к Польше, Украине и Белоруссии) и называют себя забужскими и бужскими голендрами.

В 1910 году к крестьянскому начальнику Адаму Адамовичу Райнерту, жившему на станции Тыреть, прибыли четверо ходоков с намерением осмотреть земельные участки для переселенцев. Их звали Андрей Гиньборг, Иван Гильдебрант, Иван Бытов и Петр Кунц. Каждый из них был доверенным лицом нескольких семей, желавших поселиться на свободных землях Сибири.

Это происходило во время так называемой Столыпинской аграрной реформы, когда организация переселения на сибирские и туркестанские просторы показала правительству одним из решений земельного кризиса в центральных и западных районах Российской империи. Желающим поехать в Сибирь предлагались различные льготы: бесплатный проезд по железной дороге до станции, ближайшей к выбранному участку; освобождение на несколько лет от налогов; отсрочка от призыва в армию; денежные ссуды для скорейшего обустройства на новом месте и т. д. Но прежде они должны были снарядить доверенного человека, который бы уже на месте, с помощью чиновника переселенческого ведомства, осмотрел имеющиеся в наличии земельные участки и записал за собой понравившиеся.

Ходоки, прибывшие в Тыретьскую переселенческую контору, после долгих раздумий были определены на Пихтинский участок, который располагался в Саянских предгорьях, в стороне от железнодорожной ветки и старожильческих деревень. Здесь за ними были записаны 24 земельных надела, по 15 десятин каждый, и в 1911 году стали прибывать первые семь пере-

селенцев.

Приехав в Сибирь, люди дали новым местам привычные старые названия тех мест, где они жили раньше. Так на Пихтинском участке появились Новины, Замостече (сейчас это Средне-Пихтинск и Пихтинск) и Дагник.

На вопрос, что заставило голендр бросить родные края и ехать за пять с лишним тысяч километров, все мои собеседники в Пихтинске отвечали одинаково: недостаток земли дома, невозможность прокормить семью и надежда прочно устроиться в Сибири. «Земли там было мало, — рассказывает Густав Михайлович Кунц, — ни земли, ни покосов, все помещичье. Корову на веревке пасли. А в Сибири землю свободно давали. Земля плодородная, все растет. Конечно, яблок и груш нет, но без этого жить можно, а хлеб и все остальное есть. И свободна земля — сколько хочешь бери, где хочешь стройся».

К августу 1912 года на Пихтинском участке уже появилось около 200 человек. Всего же, по словам Альберта Мартыновича Людвига, с 1911 по 1915 год сюда приехало 36 переселенческих семей.

Люди ехали на новое необжитое место, до конца не представляя, что же их там ожидает. Поэтому они везли с собой все, что могли взять из дома: плуги, телеги, прялки, ткацкие станки. Вещи грузились в отдельные вагоны и везлись по железной дороге до Заларей. На станции переселенцы покупали лошадей, загружали подводы и уже самостоятельно добирались до места поселения.

Первыми постройками на участке стали временки для жилья («шалаш», как их называли), а уже года три-четыре спустя появились основательные крепкие дома, подобные тем, что были у голендр на прежней родине.

Дома у них также особенные, и, когда я была в Пихтинске, они меня очень заинтересовали своей необычной архитектурой. По сути дела, это дом-двор, дом-комплекс. В одном вытянутом объеме собраны функционально различные части: жилье, сени, кладовые, хлев, ток для обмолота зерна, сеновал и завозня. Все необходимое для жизни крестьянина объединено в одной постройке. Этим и объясняется непривычный вид усадьбы, без отдельных построек, расположенных по ее периметру. Все пихтинские дома рублены без гвоздей. Почти все двери и ворота поставлены на «пяты» — поворотный прием без использования петель.

«Такой лес густой был, — вспоминает Карл Григорьевич Людвиг, — что от одного дома не видать было другой». Земли, свободной от леса, было мало, поэтому первым делом надо было браться за его раскорчевку. Государство поддерживало поселенцев, выплачивая, помимо основной ссуды на обустройство, еще и дополнительные деньги за каждый раскорчеванный участок земли.

Так потихоньку люди начали осваиваться, обустраиваться, создавать семьи, рожать детей, делая записи об этом в метрических книгах Иркутской лютеранской церкви, которые удалось обнаружить в Иркутском областном архиве. Самая ранняя из таких записей относится к 1911 году.

Если рождались и умирали жители пихтинских деревень в большинстве своем у себя дома, то венчаться они предпочитали ездить в Иркутск. Первую пару молодоженов из Пихтинска пастор Иркутской лютеранской церкви обвенчал 24 января 1916 года.

Женились только на своих — на голендрах. Поэтому не удивительно, что сейчас чуть ли не все жители Пихтинска могут найти между собой близкое или дальнее родство, а фамилии, повторяющиеся в метрических книгах лютеранской кирхи, и сегодня преобладают в этих деревнях: Людвиги, Гильдебранты, Кунцы, Бытовы, Зеленты, Гиньборги (или Гимбургги), Бендики.

В настоящее время почти все эти люди записаны в паспортах украинцами. Однако первые поселенцы Пихтинска были оформлены в документах как немцы. Вероятно, главным аргументом в пользу такого определения национальности стали их немецкие фамилии. Возможно также, что на тот момент еще сохранялись какие-то воспоминания о давней германской родине, где жили их предки до того, как они обосновались на берегах Западного Буга. Сегодняшние жители Пихтинска ничего об этом не знают. Они рассказывают только, что никто из их семей — ни на прежней родине, ни в Сибири — не говорил по-немецки. Дома они разговаривали на смешанном украинско-белорусском языке. Читали же, писали и молились Богу по-польски. Ни к немцам, ни к полякам, ни к украинцам они себя не относили. Знали, что они «голендры», но о том, что это значит, как и откуда они появились на Волыни, не задумывались.

В процессе ассимиляции голендры практически утратили связь со своей исторической родиной, а также потеряли язык — видимо, не было учителей. Живя среди украинцев, научились говорить «по-хохлацки» (как они это называют). В доме Рудольфа Андреевича Гильдебранта (ему сейчас 81 год) родители приучали детей говорить между собой по-польски, хотя отец с матерью говорили друг с другом по-украински. Самое интересное, что они всегда читали книги на польском языке, но написанные готическим шрифтом.

Это — «ксёнжки». Так по-польски называют религиозные книги — Библию, мо-

литвенники, сборники проповедей известного польского лютеранского священника Самуила Домбровского. Они лежат в каждом доме на почетном месте. Бывший глава Законодательного собрания Иркутской области Иван Зелент всегда держит при себе ксёнжку, перешедшую к нему после смерти матери. Польский текст в ксёнжках набран готическим шрифтом, а отпечатаны они в прошлом веке в Восточной Пруссии. Мне посчастливилось держать одну из них в руках: необыкновенное ощущение прикосновения к чему-то очень ценному и важному.

В Иркутске жил лютеранский пастор, который и после революции приезжал в Пихтинск. Но когда в 1932 году началась пятилетка атеизации, такая возможность, конечно, пропала.

Когда голендры приехали в Сибирь, у них не было храма, они собирались по домам. Читали молитвы, проповеди, пели песни. А когда приезжал пастор, то совершал службу по всем литургическим правилам.

Нынешние пихтинцы называют себя лютеранами. Столетия, прожитые ими среди польских католиков, украинских и русских православных, все перемешали в их обрядах и представлениях. Лютеранские псалмы и проповеди они читают по ксёнжкам, а Рождество и Пасху отмечают по православному календарю. У протестантов нет культа святых, а голендры празднуют Петра, Мартына, Ивана и Михаила. Пихтинцы — самые настоящие экуменисты. При этом в семьях было жесткое религиозное воспитание. Иван Зигмундович Зелент вспоминает, что детям нельзя было брать в руки ножи что в воскресенье до обеда ему не разрешали играть. Вступать в пионерскую организацию тоже было нельзя. Еще до школы родители по польскому букварю научили его и десятерых его братьев и сестер (что характерно, и сейчас в пихтинских семьях много детей) свободно читать ксёнжку по-польски.

В воспоминаниях Зигмунда Андреевича Зелента, записанных в 1968-м, говорится, что начальник переселенческого пункта в Тырети Райнерт сделал запрос в Петербург об уточнении национальности пихтинских поселенцев. Ему сообщили, что «эти люди родом из Голландии, что их предки, 12 семей, при царствовании Екатерины II куплены как хорошие специалисты: плотники, столяры, ткачи, токари. Это было еще 360 лет назад, настоящей нации так и не

написали, тогда начальник предложил оформить национальность этим людям — немец, и они не отказались. Так эта национальность и осталась до сих пор».

Сразу бросается в глаза несоответствие указанного момента периода правления Екатерины II. Можно было бы считать это опiskой и не принимать во внимание. Но доказательств того, что петербургские чиновники начала XX века, давая ответ Райнерту, обладали достоверной информацией, тоже нет. А самое главное: по ходу исследования обнаружилось факты, рисующие иную картину появления бужских голендр. Многие детали требуют уточнения, однако ясно одно: к Екатерининской эпохе рассматриваемые события отношения не имели, а происходили гораздо раньше — в начале XVII или даже во второй половине XVI века.

В старых метриках уроженцев бужских колоний стоит пасторская печать, на которой видна цифра 1564. Вполне вероятно, что это год основания Нейбров Нейдорфского прихода. Так же считает и немецкий исследователь Вальтер Кун, еще в 1930-х годах писавший об истории немецких поселений на Буге и на Волыни. Однако позднее стало преобладать другое мнение, которое опиралось на следующее сообщение, обнаруженное в церковной хронике: 3 июня 1617 года польский граф Рафаэль Лещинский пожаловал 14 крестьянским семьям из Пруссии привилегию поселиться на его земле у реки Западный Буг в качестве вольных колонистов. Эти семьи и стали основателями двух первых деревень, которые находились в 30 километрах к югу от Бреста и назывались Нойбрау (Нейбров) и Нойдорф (Нейдорф).

Получается, что переселенцы приехали из Пруссии. Но была ли она их родиной или только промежуточной остановкой на долгом пути? На этот счет также существует несколько версий. Согласно одной из них, предки приглашенных колонистов жили в низовьях Рейна, но из-за малоземелья и политических неурядиц покинули свою родину в середине XVI века. По морскому пути они прибыли в устье реки Вайкзель (Висла) и поселились в районе Данцига (Гданьска). Часть этих людей и пригласил к себе граф Лещинский.

По другой версии, бужские голендры являются потомками голландских лютеран, покинувших страну из-за религиозных притеснений. Некоторое время они жили в окрестностях Данцига, а затем переселились на Западный Буг.

И, наконец, по третьей версии, первоначальным местом проживания этих людей считается Пруссия. Этого мнения придерживается и современный немецкий ученый Хельмут Хольц. Он пишет, что «нет ничего, что могло бы связывать этих людей с Голландией, — ни религии, ни языка, ни обычаев, ни национальных костюмов. Все указывает, скорее, на то, что они пришли из Пруссии и по своему происхождению были пруссаками». Одним из доказательств он считает тот факт, что большинство молитвенных книг отпечатаны в Восточной Пруссии. Многие нейдорфские пасторы также приехали в колонию из Пруссии.

Сильным доводом в пользу голландского происхождения этой группы людей было их название: «голендры» или «олендры» — как произносят

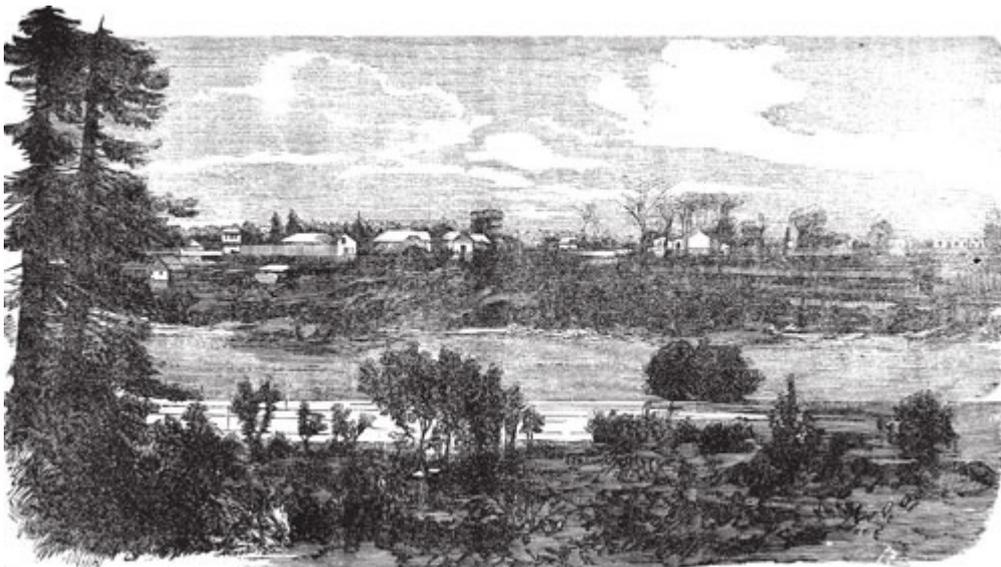
пихтинцы, holendry — как это звучит по-польски, Bughollaender — по-немецки. В переводе с последнего это слово означает «бужские голландцы». Однако Хольцу удалось найти указание на старую церковную хронику, в которой поселенцев называли не Bughollaender, а Haulaender. А это говорило уже не об этническом происхождении, а о характере поселения. «Hauland» — так называли немцы пахотные земли, возникшие в результате вырубки и корчевания леса (от haueu — «рубить»). Соответственно, жителей этих земель звали Haulaender. Приехав на Западный Буг, колонисты были вынуждены раскорчевывать свои земельные участки, точно так же, как три столетия спустя это делали их потомки, оказавшись на Пихтинском участке Иркутской губернии. Со временем устаревшее слово Haulaender трансформировалось в Hollaender. Возможно, этому способствовало и то, что среди первых колонистов, заселявших польские земли, были также и голландцы. Иногда, по словам профессора Дюссельдорфского университета Д. Брандта, слово «голландец» выступало синонимом слову «колонист» вообще.

Как бы там ни было, но, обосновавшись на землях Лещинского, эти люди оказались в изоляции от своей прежней родины. Приехавших в Сибирь и оставшихся на Волыни разделяло громадное расстояние, но, тем не менее, связи между ними не прерывались. Одни приезжали «на разведку», посмотреть, как обустроились переселенцы, и оставались в Пихтинске, другие уезжали обратно. Они писали друг другу письма, поздравляли с праздниками. Вскоре ситуация изменилась. Мировая война, революция, гражданская война разделили людей сильнее, чем расстояние. А когда в 1921 году между Россией и Польшей был заключен Рижский мирный договор, по которому территория Западной Украины и Западной Белоруссии отошла к Польше, то обе группы бужских голендр — в Сибири и на Волыни — оказались гражданами разных государств. Они продолжали писать друг другу письма, но теперь это было гораздо сложнее.

К сожалению, из этой переписки ничего не сохранилось. Однако остались люди, которые живут сейчас в Германии, но родились на Волыни и еще помнят кое-что о жизни голендр в те времена. Это жители Дуйсбурга Ирэна и Эдвард Людвиги, а также Марьяна и Бронислава Людвиг из небольшого селения Тепхин под Берлином. На Волыни прошли детские и отроческие годы этих людей. Сестры Марьяна и Бронислава родились соответственно в 1913-м и 1924-м, Эдвард Людвиг — в 1925 году в селе Нейбров, а его сестра Ирэна — там же, но в 1937-м. В январе 1940 года все они покинули родину и переехали в Германию.

Как вспоминает Бронислава Людвиг, «у нас говорили, что мы — голендры, в школе что-то рассказывали, что 400 лет назад наши сюда пришли, но кто там пришел, как это все там было, может с Голландии когда кто пришел — не знает никто. Только вот у нас Бог свой, в церковь свою ходили, пастор был, как у немцев в Восточной Пруссии, а так больше ничего не знаю. Мама рассказывала также, что в 1912-м наши в Сибирь уехали».

Год 1939-й оборвал и эту ниточку. В сентябре Германия напала на Польшу, началась Вторая

мировая война. Дойдя до Западного Буга, немцы остановились. А вскоре Западная Белоруссия и Западная Украина «добровольно вошли в состав СССР», и советские войска встали по другую сторону Буга.

Из рассказа Брониславы Людвиг: «Когда война была в 1939-м, то до нас, в Забужские Голендры, первыми пришли немцы. Потом с той стороны на Польшу пришли русские. Мы жили как раз у реки. Буг в то время не был польской границей, здесь была Волынь. Немцы пришли, и русские пришли. Буг сделали границей — здесь русские, там немцы. Сентябрь, октябрь, ноябрь — и война закончилась. В декабре говорят: «Немцев забирают. Сказали, что 500 метров — все должны уезжать, только патруль здесь должен ходить»».

Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года предусматривал, в числе прочего, переселение волыньских немцев в Германию, если они того пожелают. В связи с этим в Германии были отпечатаны различные брошюры, листовки и газеты, в которых говорилось об исторических корнях этих людей, об их принадлежности к великой Германии, немецкому народу. Звучал призыв: «Возвращайтесь домой, Родина вас помнит и ждет!» Эта литература распространялась и среди бужских голендр. В январе 1940 года они были поставлены перед конкретным выбором: Россия или Германия. Но Россия для них уже не была страной, гражданами которой они себя считали, — ведь с 1921 года их села находились на польской территории. Самой же Польши, как казалось в тот момент, больше не существовало. А немцы обещали им всяческие блага, напирая на национальные чувства. Большинство жителей колоний решило уехать в Германию. «До нас пришла немецкая и русская комиссия, стали мы записываться. Нам сказали день — 25 января 1940 года. Отец взял лошадь, воз. Все покинули — дом, хозяйство — и уехали. Всей деревней, 150 семей, и уехали».

В целом с территории Западной Украины и Западной Белоруссии в это время переселились в Германию 67 452 человека, в том числе 2 280 бужских голендр. Приехав в Германию, они обнаружили, что на них смотрят, как на людей второго сорта, не признают «настоящими» немцами

и презрительно называют «поляками». Прожив на Волыни более трех столетий, они утратили немецкий язык, восприняли элементы славянской культуры. Поэтому вполне естественно, что, оказавшись в Германии, они попали в положение иностранцев на собственной исторической родине.

Некоторые семьи бужских голендр решили никуда не уезжать. Когда началась Великая Отечественная война, это

решение оказалось для них роковым. Как «лиц немецкой национальности» их депортировали на восток в лагеря. Таким образом, еще одна группа голендр оказалась в Сибири, но уже не по своей воле.

Тем же, кто «вспомнил» о своем немецком происхождении, были выданы документы, удостоверяющие их принадлежность к новым гражданам III Рейха. Покинув Забужье, эти люди приехали сначала в Лодзь, потом в переселенческий лагерь в Эрлангене (недалеко от Нюрнберга), где они пробыли с апреля по сентябрь 1940 года. Затем им было определено новое место жительства недалеко от Познани в Вартегау (административно-территориальный район, образованный немцами на территории оккупированной Польши). Всем дали дома, отобранные у прежних польских хозяев, скот, птицу и обязали снабжать немецкую армию сельхозпродуктами. Как вспоминает Бронислава Людвиг, «дали нам на Польше в Вартегау хозяйство, польский дом это был. Батьку, матку с дому они выгнали, сыны на немцев работали. А нам сказали — это ваша хата». Так они и жили до весны 1944 года, пока не началось наступление советской армии, и все немцы в срочном порядке стали покидать эти земли. Уехали и голендры. Часть из них осела под Берлином, часть поехала дальше на запад Германии, где они и живут до сих пор.

Во всей этой истории немало трагичного. Но, пожалуй, самое страшное — это то, что родственники (те же Людвиги, Кунцы, Зеленты, писавшие друг другу письма) вдруг стали врагами и воевали по разные стороны линии фронта: одни — в немецкой, другие — в советской армии. Вполне вероятной могла быть встреча двух братьев или, допустим, дяди и племянника лицом к лицу с оружием в руках. И хотя большинство пихтинцев в 1942 году оказались в «трудовой армии», все же некоторые добровольцы в 1941 году «прорвались» на фронт. Среди них был и Густав Григорьевич Зелент. В это же самое время где-то на восточном фронте находился солдат немецкой армии уроженец Забужских Голендр Мартин Людвиг — муж Брониславы из Тепхина, которая приходилась жене Густава Григорьевича двоюродной сестрой. В 1944-м он пропал без вести. Ян Людвиг, брат Ирэны Зирах из Дуйс-

бурга, также воевал на восточном фронте и был убит неподалеку от тех мест, где жили его родственники и предки, — под Житомиром.

К моменту начала войны молодые пихтинцы проходили службу в Красной армии. Сложной оказалась судьба этих парней. Густав Михайлович Кунц родился в 1919 году на Пихтинском участке. 20 октября 1940 года Заларинским районным военкоматом он был призван в Красную армию и прошел военную службу телефонистом в 9-м отдельном зенитно-артиллерийском дивизионе на Дальнем Востоке. Потом он был направлен в командировку в Новосибирск, где его уволили из армии и направили на работу в народное хозяйство. Причина увольнения — национальность. Да, Кунц был уволен из Красной армии на основании приказа № 35105 от 8 сентября 1941 года, в котором сказано: «Изъять из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной армии, как на фронте, так и в тылу, военнослужащих рядового и начальствующего состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа в строительные части». Вот и аукнулась пихтинцам их национальность — «немец».

(В Первую мировую войну, хотя и шла она с Германией, национальность пихтинских переселенцев никак не сказалась на их судьбе. Некоторые из них были призваны в русскую армию и несли все тяготы военной службы наравне с другими российскими подданными.)

В ноябре-декабре 1941 года стали создаваться трудовые армии, или, как указано в архивных справках, «трудовые колонны». Это был не тыл армии, не трудовой фронт, о котором писали в газетах. Это были лагеря для советских граждан — людей разных национальностей, живших на территории СССР. В трудовую армию направляли советских немцев, финнов, румын, венгров. Власть боялась доверить им оружие для защиты Родины. В основном их использовали на промышленном строительстве и лесоразработках. На основании постановлений ГКО мобилизация в «трудовую армию» производилась через военкоматы. В соответствии с постановлением ГКО от 7 октября 1942 года туда же мобилизовались немцы Сибири и Казахстана, не подвергшиеся переселению в августе-сентябре 1941 года.

И сегодня помнят жители Пихтинска, как в 1942 году в деревню приезжали сотрудники НКВД с целью установить истинную национальность ее жителей. Они ходили по улице, по домам, прислушивались к разговорам играющих детей, надеясь услышать от тех немецкую речь. Но ребяташки говорили «по-хохлацки», старики пели песни по-польски, и о при-

надлежности пихтинцев к немцам, казалось, ничего не свидетельствовало. Это и спасло деревни, которые могли бы полностью исчезнуть, а все жители оказались бы в лагерях. Тем не менее немецкие имена и фамилии сыграли свою роковую роль. Более 80 жителей Пихтинского участка 22 марта 1942 года были вызваны в Заларинский районный военкомат и призваны в армию.

В своих воспоминаниях Зигмунд Андреевич Зелент написал: «В марте 1942 г. нас всех в организованном порядке сняли с заготовки леса и по приказу военкома направили на защиту Родины. В один день с нашего маленького колхоза было отправлено 65 человек, в деревне остались лишь старенькие да маленькие и лично моя семья с женой девять человек». К сожалению, Зигмунд Андреевич забыл о том, что он «немец». Поэтому вместо фронта пихтинцы оказались в «трудовой армии». Направили их на станцию Решеты Красноярского края, в Краслаг. И стали пихтинцы «воевать» в тайге с пилой и топором. Были они на положении заключенных в системе НКВД, ходили в сопровождении охраны. Труд был тяжелый, а кормили плохо. При невыполнении нормы выработки снижали норму выдачи хлеба с 600 грамм до 300. Я разговаривала об этом с очевидцами, и мне бы хотелось процитировать их воспоминания.

Рудольф Андреевич Гильдебрант: «Забрали меня в трудовую армию, когда мне только исполнилось 18 лет, в самый день рождения. Отправили на заготовку леса. Лес валили ручными пилами, потом грузили в вагоны, которые отправляли на фронт. Бывало работали по 3—4 суток и без еды — не успевали поесть. Проводили железную дорогу: зимой прямо на снегу, так она весной вся искривлялась, а летом — на песке. В ноябре 1946 года отправили 20 человек, в том числе и меня, в Красноярск. Оказалось, что нужны были заключенные, а не мы, и нас повезли дальше, на запад. Оставили километрах в шестидесяти от Красноярска. Там я стал работать в колхозе. Убирал хлеб, картошку. Работа эта была мне знакома и близка. А 7 ноября отправили снова в Красноярск на лакокрасочный завод. Не хотелось ехать, а куда же денешься. Работал я

в белильном цехе. День постоишь, все дыхание забивало. Кормили нас там по карточкам, и что-то карточки на хлеб перестали выдавать. Мы терпели месяц, принимая вместо хлеба кашу, а на второй устроили забастовку. Так нас всех, кто бастовал, оттуда и выгнали. Остались мы на улице, а мороз — 56 градусов, идти некуда, думал, замерзнем. Помог комендант, устроил на кирпичный завод. Но и там не легче. Что делать, если сил нет, а норму надо выполнять. Снова забастовка, снова выгнали. Комендант опять помог. Устроился на стадион «Динамо». Чистил его, разметал, делал летом разметки известкой, зимой водой заливал. Выходных почти не было, и по воскресеньям работы много. Но все легче было там. И директор был хороший — бывший фронтовик, ногу на войне потерял.

Работал на шпалозаводе, на лесозаводе, кем только не был. Однажды на заготовке леса, когда погрузили мы его на вагоны и сели отдохнуть да поесть черемши — черемши мы тогда ели больше, чем коровы травы, — что-то толкнуло меня сестра не там, где все, а повыше, подальше от железной дороги. И только я сел, как вдруг вижу — последний вагон отцепился и покатился вниз по наклонной, набирая скорость. Крики, все бегут! Я только привстал и «БАХ!» — бревно в спину, но успел отскочить. Много людей подавило, кругом кровь, стоны раздаются со всех сторон. Бригадир с теми, кто уцелел, бросился разгребать живых, а стрелок запретил спасать людей. Но никто не обратил тогда на него внимания. Страшно было.

Жили мы в землянках у железной дороги. Кормили плохо. И повара попадались злые. Бывало, идет бригадир получать ужин, каждый подходит, ему наливают. А нас, иркутских, повара знали в лицо и называли русскими немцами. Подойдешь, а они вместо супа нальют воду, и ничего не поделаешь. Унижали нас, оскорбляли, словами убивали крепко. В Решетах жили хуже собаки.

Промучился я так 6 лет, а в 1948-м вернулся домой. Стал работать в пихтинском колхозе, который назывался тогда «Каганович», трактористом. И там работал, и другим колхозам помогал. Трактора тогда были не то, что сейчас — заводили вручную. Бывало и челюсти вышибало, и руки ломало. Потом работал в кузнице.

Тяжелое было время, когда забирали в трудовую армию, мать была парализована, все равно не пожалели. Я даже не видел, как ее похоронили. Отец погиб с голоду в трудовой армии. Я не сразу, но работал вместе с ним, сам хоронил его. По первости людей не успевали хоронить, умирали по 10—15 человек в сутки. Всех голыми кидали в одну яму. Но я отца хоть в гробу хоть земля в глаза не сыпала»

Нина Мартыновна Колыщенко: «Когда забрали в трудовую армию, я уже немолода была — 19 лет. Дома остались сестренки, братья. Нас в семье было шестеро, я — старшая. Мать умерла, когда мне было 13 лет. Так отец всех один и тянул. Отправили меня на Урал. Там всю зиму котлованы рыли под овощи. А земля мерзлая, рыть плохо. Весной навоз возили с фермы, отогревали, рассаду сеяли, воду носили, лес валили, хлеб убирали вручную. Кормили нас плохо. Овощи все мерзлые. Недоедали. Потом свой урожай стали есть, хлеба давали по 500 грамм. Режим был строгий: украл 2 репы — 2 года в тюрьме.

Я однажды взяла немного морковки, так меня на сутки в карцер посадили. Хорошо, что наш агроном — до сих пор помню, что его звали Виктор Алексеевич, хороший был человек — не дал лишить меня обеда и ужина. Я услышала, как он сказал надзирателю: «Ослабнет, косаря потеряю»».

Немцев на Урале селили в общежития, а нас, как иркутских, на частные квартиры. Но как немец «наступит», всех сгоняли в общежития.

Была я там 8 лет. В июле 1950-го вернулась домой. Нам три раза присылали с Москвы разрешение, но нас не отпускали, пока мы сами этого не добились.

Когда приехала, отец умер, идти некуда, а на руках четырехмесячный сын. Там, на Урале, я познакомилась с русским, но его мать сказала: «Нам не нужна немка». Так я и осталась одна. Колхоз мне не помог, хотя я и считалась колхозницей, и пошла я на заработки. Жить начала с нуля. Страдания всю жизнь были».

Да, действительно, много горя принесла эта война. В Пихтинске практически в каждой семье унесла кого-то с собой навсегда.

Около десяти человек в 1942—1943-м были демобилизованы по болезни и направлены домой, в Иркутскую область. Адольф Иванович Гимбург был призван в трудовую армию 22 марта 1942 года, а 26 марта (через 4 дня) демобилизован по болезни. 23 февраля 1944 года он снова был призван Заларинским районным военкоматом и направлен в трудовую армию в Челябинскую область (в «Челябметаллургстрой»), где работал до 2 ноября 1954 года возчиком гужевого транспорта.

Около 15 пихтинцев, работавших в Красноярском крае, 3 июля 1943 года были направлены на Урал, в Молотовскую (Пермскую) область, в Усольлаг. Здесь они строили лагеря, работали на лесозаготовках. Условия жизни в Усольлаге не отличались от условий Краслага: непосильный труд, унижения, голод.

Густав Михайлович Людвиг (1906 г. р.), тоже бывший в трудовой армии, вспоминает: «Пошли вечером картошку копать. Есть-то надо. Дошли до поля. Тишина. Нет никого. Мы присели и копаем картошку руками. Было нас трое — я, Зигмунт в середине и Альберт с краю. Я потом говорю: «Пойдем». Мы пошли, а Альберт остался. Он не видел, что мы ушли. Мы с Зигмунтом дошли до леса. Ждали Альберта, но его не было. Решили вернуться на поле. Высыпали картошку и пошли. В это время на поле пришла охрана и стала стрелять в нас из винтовки. Пули попали в Зигмунта, и он упал. Я успел убежать.

Давали хлеба 800 грамм тому, кто вырабатывал норму. Утром съедем весь хлеб, а обед и ужин без хлеба. Суп давали только на обед и на ужин».

У Анели Михайловны Людвиг (1914 г. р.), жившей в Пихтинске, было двое детей — четырех и шести лет. Ее муж, Карл Григорьевич Людвиг, был призван в трудовую армию 22 марта 1942 года, а 11 ноября того же года призвали и Анелю Михайловну и отправили на Урал.

Дети остались дома у родственников. Домой она вернулась в 1946-м. Четыре года дети не видели ни отца, ни матери.

Пришел долгожданный День Победы. А для пихтинцев «война» продолжалась. На основании

постановления СНК СССР № 35 от 8 января 1945 года и распоряжения НКВД СССР и Наркомучета от 22 ноября 1945 года немцев-трудоармейцев отнесли к категории «спецпоселенцев». Им, как всем депортированным, предписывалось регулярно отмечаться в спецкомендатурах и под угрозой уголовного наказания не отлучаться с места жительства без разрешения властей. И это — за самоотверженный труд в нечеловеческих условиях.

Домой пихтинцы стали возвращаться в 1950-х. Но еще до 1955 года многие из них стояли на учете и ходили в деревню Харагун Заларинского района отмечаться в спецкомендатуре.

До сих пор в сердце каждого пихтинца, который принадлежит к старшему поколению, болят незаживающие раны. Каждый год мы празднуем День Победы, поздравляем наших ветеранов, говорим им «спасибо». А почему бы не поблагодарить и этих людей? Неужели их жертвы и самоотверженный труд уйдут в небытие? Неужели они недостойны того, чтобы просто, по-человечески, им сказали «спасибо»? Я считаю, что это не-

справедливо. Они внесли свой вклад в общую победу, которая им тоже далась большой ценой. Даже сейчас, разговаривая с пожилыми пихтинцами, теми, кто прошел всю войну, я видела, как на их глазах блестили слезы. Слишком свежа боль тех событий. Так почему бы не смягчить ее, показав им, что их жертвы не напрасны и мы благодарны им.

Их единственная вина состояла в том, что их посчитали немцами, которыми они, по сути, никогда не были. Они хотели с оружием в руках защищать свою Родину, а она отнеслась к ним как к предателям. Разве такое можно забыть?

Их национальность уникальна, они являются носителями уникальной культуры, которую неправильно истолковали тогда, а сейчас вообще забывают. О существовании такого народа, как голландцы, в наше время знают немногие. А ведь это частичка нашей многонациональной страны и живая страничка ее истории, и я надеюсь, что своим маленьким вкладом я хоть чуть-чуть осветила ее...

[*] Работа ученицы 11-го класса средней школы пос. Залари (Иркутская обл.). Научные руководители: Г. Н. Макогон, Л. А. Сидорова. Заняла третье место на VI Всероссийском конкурсе исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век», который проводит международное историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал» совместно с Союзом краеведов России и РГГУ. Печатается с сокращениями. — Примеч. ред.

ХРОНИКИ

Троицкой камвольной фабрики

Троицкая камвольная фабрика - одно из старейших текстильных предприятий России. Основал фабрику московский купец А.П. Прохоров в 1797 году. Фабрика была бумагопрядильной.

В 1865 году владельцем фабрики стал немец Куппер, который переоборудовал ее под выпуск армейского сукна. До 1976 года фабрика производила тонкосуконные ткани. Затем предприятие было переориентировано на выпуск гребенной чесальной ленты, а с 1990-х годов был налажен выпуск пряжи для ручного и машинного вязания, а также пряжи для производства камвольных тканей.

Давид Фельк

СЕМЬЯ: ВСПОМИНАЯ ПОИМЕННО

Фельк Генрих Иванович, мой дед, родился в 1862 году в августе в селе Кинд, Екатеринбургского района Саратовской области. В семье крестьянина. При сталинских репрессиях в 1941 году был изгнан из своего родного поселка Хантагу, Красноярского края на полуостров Таймыр (на самом Севере), где он скончался от холода и голода в 1944 году. Двое суток на Таймыре он жил в палатке, где не было печки. Сноха Эмилия Ивановна и внук Адольф по очереди грели камни, которые заворачивали в тряпки, заносили в палатку и клали ему под ноги, чтобы он мог спать. Я его биографию коротко описал. Он пострадал еще в 1919 году, когда его заставили отдать государству свою мукомольную мельницу и 5-комнатный дом. После этого сыновья

отделились, и он с бабушкой остался у моего отца. В 1929 года опять заставили отдать в колхоз лошадей, верблюдов, телеги и сбруи.

Моя бабушка, Фельк Евгения, (отчества не знаю), родилась в 1863 году (девичья фамилия Лоренц), в селе Кинд, Екатеринбургского района Саратовской области, в семье крестьянина. Умерла в мае 1924 года. За совместную жизнь, она родила Генриху Ивановичу много детей. Из них я знаю семеро, которые принесли им потомков:

Тетя Лиза, которая вышла замуж за Лоос Левина Левиновича. Родила двоих детей. Умерла в 1921 году от голода.

Дядя Ванюшка. В 1912 году уехал в Америку, в Нью-Йорк. Имел двоих детей.

Дядя Карл, имел двоих детей. Погиб в германской войне в 1918 году. Его сын родился в 1918 году и был так же назван Карлом, тоже погиб в германской войне 1941- 45гг. Его дочь Лиза, 1915 г.р., вышла замуж за Вайс Христиана.

Дядя Саша. Был взят в трудармию в 1942г., там и скончался.

Мой отец Генрих. Скончался в трудармии от холода и голода на 49 году жизни.

Отец

Фельк Генрих Генрихович родился в 1893 году в селе Кинд, в семье крестьянина. До образования колхозов в 1929 году, он работал у богатых людей. Он был хорошим специалистом по паровым двигателям и двигателям внутреннего сгорания. Жизнь его хорошо испытала: в 1912 году он женился, в 1914 его взяли в армию, когда началась первая мировая война. Служил где-то на Кавказе, возле иранской границы, в Нахичиване. В начале 1917 года, когда он услышал, что у него родился сын в 1915 году, то его отпустили на побывку повидать сына, а в конце 1918 года его опять взяли в армию. Но так как он был хорошим специалистом по паровым двигателям, то в 1920 году его отпустили, так как надо было вести монтажнооборудования в Новом Бурасе на мукомольной мельнице на тяге паровой машины, которую отобрали у дедушки в 1919 году. Его семью выслали в 1941 году в Красноярский край. В январе 1942 года он был взят в трудармию, в Кировскую область, где от холода и голода, он скончался в мае.

Мой отец женился в 1912 году на Дерр Эмили Ивановне. Вскоре родился сын, но он умер еще в пеленках. Потом родилась дочь. Она тоже умерла в пеленках. После этого моя мать Эмилия забеременела, а моего отца забрали в армию на войну. В первую империалистическую войну 1914-1922гг. он находился на иранской границе возле Нахичиване на южной границе Кавказа. Там он получил известие, что у него родился сын Иван, 25 марта 1915 года. Но в отпуск не пускали — война в разгаре. И только в конце 1917 года его отпустили, чтобы повидаться с женой и сыном. После побывки его опять взяли в армию, но недалеко от дома. Когда дедушка отдал свою паровую мельницу и 5-комнатный дом советской власти в 1919 году, отца отпустили из армии, т.к. он был хорошим специалистом по мукомольным работам и паровым машинам. На этой мельнице у дедушки работали только его дети (сыновья и снохи) посторонних работников не использовал.

Затем все оборудование мельницы с фундамента сняли, демонтировали и отвезли в поселок Новый Бурас Саратовской области. Там мой отец и его братья работали на монтаже мельницы и дома. (Были они как рабсила или как шефы, я не знаю). В 1921 году, когда в наших местах был голод, и мельница была уже смонтирована, наш отец и наши дяди перевезли свои семьи в Новый Бурас. В нашем доме, который отдали советской власти, уже жило начальство, а наши семьи расселили по квартирам.

Наш отец и дядя Саша, дядя Христиан и дядя Давид работали на мельнице посменно. Мельница

дядя Христиан. Его дети и внуки расселены в Алтайском крае.

Дядя Давид. Дети и внуки расселены в Волгоградской области. Также скончался в трудармии.

Сколько еще детей было у моих бабушки и дедушки не знаю, но, по слухам, вроде был 21 ребенок.

работала круглосуточно. Отец и дяди работали по 12 часов в сутки. Один — в машинном отделении, другой - в мельничном. А во вторую смену ходили уже другие два брата. А на другую неделю они меняли смены и отделения. Здесь мы жили до 1924 года. Потом мы переехали опять в село Кинд. Здесь наш отец нанялся работать у богача на маслобойке машинистом. Тут же в 1924 году умерла наша бабушка, Фельк Евгения. Дедушке без нее было трудно, он отделил всех сыновей и остался с отцом. Но хозяйство вел дедушка, так как отец работал у богача на маслобойке.

В нас было 5 га земли. Дедушка на лето нанял сезонного работника. Когда власть забрала у богача маслобойку, то отец стал работать дома по хозяйству. У нас тогда были две лошади, три верблюда, две коровы, 2 козы, 6 овец, 20 курей и каждый год держали от 3 до 6 свиней. Когда отец начал работать дома, то надобность в сезонном работнике отпала. В 1927-28 году, зимой, земли в селе разделили, и мы получили свою землю в 33 км от села. Там мы опять построили большую летнюю кухню, амбар и большой сарай. В этом 1928 году урожай был огромный, богатый. Рожь доходила до двух метров в высоту. Пахотная земля была рядом с хутором. При уборке дедушка сидел на передке лобогрейки, командовал верблюдами, а отец сидел сзади и сметал рожь. Мать и старший брат Иван вязали снопы, а я тоже помогал, чем мог. Братья, Володя и Адольф, где-то играли.

Вдруг дедушка и отец остановили лобогрейку, подняли ее (я видел, как отец взялся за волосы, но еще не понял). Оказалось, под нее попал Адольф, мой младший брат. Ему было 3 года. Отец его вытащил, а он весь в крови. Ему перерезало пятку на правой ноге и локоть на левой руке, так же было много ран, но менее значимых. А Володя отделался легким испугом, наверное, был подальше. Мама ездила с Адольфом из больницы в больницу целый год, пока ее сын выздоровел. В конце концов родителям надоело ездить впустую по больницам, отец отвез жену и сына домой, где Адольфа быстро вылечили, и в 1929 году они вернулись. В 1929 году мы отдали все в колхоз: землю, животных, селянку, лобогрейку, сбрую, телеги, плуг и т.д. Дедушка устроился в колхоз сторожем, а отец устроился в МТС (машинно-тракторную станцию) работать машинистом. Жить было не на что: земли нет, урожая нет, в колхозе не давали ни грамма на трудодень, в МТС тоже ничего не платили. Тогда отец вместе с семьей уехал осенью на Кавказ, в Баку. Искали там: работа есть, квартиры нет. Искали два месяца пока нашли и квартиру, и работу. Работа была в Хиллах. Ехали от Баку на

пароходе, сначала по каспийскому морю, затем по реке Куры до Хилы. Там строился канал длиной 18 км. Сюда приехали многие из нашего села. Дедушка с нами не поехал, он остался у другого сына, дядя Христиана. А с нами в Хилы ехал дядя Давид с семьей из 5-ти человек и дядя Генрих с семье из трех человек, двоюродный брат нашего отца.

Здесь мы работали на строительстве канала. Хлебные и продуктовые карточки дали только на работающих. На детей не давали. А мне было уже 13 лет, и отец сделал мне ремень (хомут), чтобы зацепить носилки. Я накинул ремень через шею и стал работать — таскать землю. За это получал хлебные и продуктовые карточки. После постройки канала мы опять стали безработными. Так как за квартиру было вновь нечем платить, мы переехали сначала в Нахичевань, а потом уехали по железной дороге немного назад между Галафи и Махмутли, где был один единственный барак. Назывался он «Барак 217». Тут жили люди, обслуживающие железную дорогу. Это было в 2-3 км от иранской границы. Там река Аракс разделила Иран и СССР.

Отец устроился работать в кузнице. Старший брат работал на ж\д. Мать нанялась печь хлеб для геологов. Зарплату она не получала, работала «за припек», т.е. сколько муки получала — столько хлеба отдавала, а припек себе. А я помогал отцу в кузнице молотобойцем. Отец достал мне маленькую кувалдочку, килограммов 5, и я махал ей. Здесь мы жили материально хорошо. Отец хорошо зарабатывал ан кузнице, мать пекла много хлеба. Иван тоже неплохо получал. Одно было плохо — все три семьи жили в одной квартире. К весне 1932 года наша мать сильно заболела. И мы были вынуждены уехать. Мать мы выносили оттуда на руках, т.к. ходить она не могла.

Приехали домой, в село Кинд, мама быстро поправилась и стала опять ходить. В эту весну мы успели посадить кукурузу. Отец зарабатывал 5 мешков муки, но чтобы перезимовать этого не хватало. И осенью мы снова уехали в Баку. Там нашли на краю города, в Ленинском районе, на конечной остановке автобуса одну комнату, примерно во 20 м². Там мы снова жили тремя семьями. Здесь все работали на буровых установках нефтедобывающей промышленности. Отец работал верховым.

Однажды он получил сильную травму на руке. Мать работала на глиномешалке, которая служила для охлаждения и смазки бура при бурении. Старший брат Иван работал там же. 5 мешков муки, которые зарабатывал отец, мы оставили у дяди Христиана, сундук с кукурузой — у сестры матери и опять уехали в Баку. Весною 1933 года отец сказал матери: «Езжай с детьми домой, а я остаюсь со старшим сыном здесь. Если успеешь что-то посадить, мы приедем попозже. Не успеешь — переедете опять сюда». Так и решили. Мама, я, Володя и Адольф поехали домой. Когда приехали, оказалось, что нашей муки нет. Украли. Остался сундук с кукурузой. Но нужно посадить и жить минимум три месяца. Посадить-то посадили, но жить

Отец с Иваном приехали. Папа устроился в МТС на баркасе — возил горючее по Волге. Иван устроился в колхоз. Дедушка вернулся жить к нам. Ели кукурузу и жмых, который покупал отец.

За две недели до урожая было уже нечего есть: варили крапиву и лебеду, ели. Родители видели, что нам не выжить, поэтому решили отправить трех сыновей куда глаза глядят. Отправили Ивана, Володю и Адольфа. Я хорошо помню, что отдал им все вещи. На прощание сказали: «Езжайте и спасайте свою жизнь». А мы остались дома.

Прошла еще примерно неделя. Смотрю, дедушка уже не встает. Отец начинает опухать. А мы едим только лебеду и крапиву. Больше ничего нет. А осталось около недели до урожая. У ржи в это время было уже молочное, залитое зерно. Я в 15 лет сообразил, что дедушка помрет от голода через 2-3- дня. Тогда я взял ножницы, мешок и пошел на поле. Нарезал ржаных колосьев, принес домой. Мама пожарила их, а я стал толочь в ступке, затем мама стряпала мякiness лепешки. С этого дня мы стали жить и спасаться от смерти. После этого дедушка начал вставать, и у отца опухоль пропала. Через несколько дней зерно окрепло. Тогда я стал приносить домой настоящую рожь. Сначала ее просто варили, а потом сделали ручную мельницу. Стряпали лепешки, козу выменяли за зерно, было молоко на кофе. Но зерно я доставал исключительно ночью. Проходилось переходить через р. Карман. На нашей местности она начиналась, но овраги были большие. Наверно, когда-то здесь была большая река.

После того, как мы позабыли лебеду и крапиву, к нам вернулись мои братья. О, какая это была радость! Я видел, как мама бросилась обнимать их и плакать. А я уже не помню свои ощущения. Они были живые и целые, но от них остался один скелет. Грязные, вшивые. Но смерть миновала, и это главное.

Отец продолжал работать в МТС, дед не работал нигде. Мама трудилась по хозяйству. Володя с Адольфом были дома, а я по-прежнему воровал зерно по ночам. Иван пошел работать в колхоз. Ему дали две лошади, чтобы возить зерно на элеватор. Однажды я при этом присутствовал. Иван приезжает и жалуется, что не может разгрузить мешки с зерном на элеваторе. Дите есть дите, хоть ему и было уже 18 лет. А жаловаться можно только родителя. Отец был дома, обедал, но кроме него помочь Ивану было некому. Но он сказал: «Сынок, я не могу тебе помочь, меня ждут на работе, а вы справитесь вдвоем». Я видел, как Иван заплакал, но делать было нечего. Чтобы больше заработать, отец, ко всему прочему, еще и загружал и разгружал баржу. Он приходил все время усталым и грязным. Мама все время за ним ухаживала: мыла, купала, стирала. Видно было, что они любили и ценили друг друга. Мы четверо учились, дедушка каждое лето косил сено, чтобы хватало на всю зиму. С 1935 по 1941 год у нас было две коровы, 5-6 овец, 20 курей, свиней и т.д. Всех их надо было кормить. Иван закончил 7 классов, и стал просить у родителей разрешение на поступление в техникум в Энгельсе. Наши родители всегда были за то, чтобы дети получили какую-нибудь специальность.

Иван закончил бухгалтерский факультет в 1936 году. Отец так и работал на МТС до 1941 года. В сентябре его с семьей выселили как председателя, как пособника Германии, полуголыми в Красноярский край, в село Андропово.

В январе 1942 года его вместе с сыном Володей взяли в трудармию, в Кировскую область. Там наш отец скончался в мае 1942 года на 49 году жизни. Был похоронен в братской могиле, как и все трудармейцы. До сих пор мы не знаем его могилу.

Наша мать **Фельк Эмилия Ивановна** родилась 11 мая 1896 года в селе Кинд. Девичья фамилия - Дерр. Она была безусталая труженица. Когда мы были еще единоличниками земли, до того, как разбудить нас в школу, она успевала натопить печку, приготовить завтрак на 7 человек, надоить двух коров, накормить свиней и кур, лошадей и коров.

Печку в то время мы топили соломой или подсолнечной шелухой. Надо было все время подкладывать, чтобы горело. Это не то, что топить дровами. Здесь нужно было постоянно находиться у печки. Наша мама родила отцу восемь детей, из них двое старших и двое младших умерли в детстве. Средние четверо остались в живых. Это Иван (25 марта 1915), я, Давид (21 октября 1918), Володя (19 августа 1922), Адольф (23 мая 1925). В 1940 году меня с Иваном призвали в Красную Армию. У старшего брата жена умерла в мае 1941 года, остались два сына: Бруно (1937 г.р.) и Анатолий (1940 г.р.)

В сентябре 1941 года наша мать с семьей была выселена из родных мест голой и босой в Красноярский край, в село Андропово. На руках два внука 4-х лет и одного года, несовершеннолетний Адольф и свекор 79 лет. Но с ней еще мужи совершеннолетний Володя. В январе их забрали в трудармию, а мама с семьей была выселена еще дальше на север, в Хатангу, на Таймырском полуострове. Там они жили в палатках. Первое время не было даже печки, поэтому они грели камни на костре и заносили в палатку, заворачивали тряпками и клали под ноги внукам и свекру, чтобы могли спать.

В 1942 году замерз 1,5 годовалый внук, а в 1944 умер свекор, Фельк Генрих Иванович. В январе 1942 года наша мать на 46 году жизни осталась без мужа. На ее попечении остались: 80 летний свекор, сын Адольф, 16-летний внук Бруно и внук Анатолий 1,5 лет. Как она смогла выжить, не понимаю до сих пор. Она одевала, кормила, грела четырех беспомощных людей. А ведь была, можно сказать, выселена голой.

Фельк Иван Генрихович, мой старший брат родился 25 марта 1915 года. Закончил 7 классов сельской школы и в 1933 году поступил в техникум г. Энгельса на бухгалтерский факультет, который закончил в 1936 году. По окончании техникума, он работал ревизором-бухгалтером. В 1936 году он женился на Гекманн Эрне Ивановне, 1916 г.р. у них родилось два сына.

До призыва в армию Иван работал учителем, затем был призван в Красную Армию в августе 1940 года. Его жена, Эрна, умерла перед началом войны в мае 1941 года, поэтому дети

остались на попечении бабушки. Иван служил где-то на Кавказе. Из военкомата его не пустили даже на похороны жены. В конце 1941 года Ивана демобилизовали из армии как негодный элемент и отправили на Урал в г. Челябинск, в трудармию ГУЛАГ. В Челябинск он приехал в феврале 1942 года.

Здесь он прошел все испытания ГУЛАГа и остался живым. В 1946 году, когда отношение к российским немцам стало изменяться в лучшую сторону, он снова женился.

В 1947 году он смог вызвать своего брата Володю из Кировского (Пермского) ГУЛАГа. В 1948 вызвал мать, брата Адольфа и своего сына Бруно с Севера, из Хатанги. В 1953 году в Челябинск приехал и я. В 1967 году единственный сын Ивана женился, а в 1968 году родилась его внучка — Лариса.

В 1980 году у Ивана обнаружили рак прямой кишки. Он лег в больницу на операцию и в январе 1981 года скончался на операционном столе.

Фельк Владимир Генрихович, мой брат, родился 19 августа 1922 г. В 1950 году женился на Финк Лидие Яковлевне, которая родилась 19 декабря 1922 года. Они имеют четырех детей: Виктор (07.12.1951 г.р.), Людмила (06.02.1954 г.р.), Саша (1956 г.р.), Ирина (20.01.1958 г.р.).

Володя полностью прошел испытания ГУЛАГа, потерял один глаз, но до сих пор не может получить документы о своей травме. Думаю, что он или его дети более подробно опишут его биографию.

Фельк Адольф Генрихович, 23.05.1925 г.р. — мой самый младший брат. Он хоть ГУЛАГа не прошел, но много пострадал еще до войны. Я описал это выше.

Но я не описал события 1927 г. В январе или феврале, в какой-то из дней, дедушка ушел по своим делам, отец пошел на работу, а мама на базар. Ваня тоже куда-то вышел. Мы троим: я, Володя и Адольф сидели на печке. И вдруг Адольф оказался в казане с горячей водой. Казан — это такой котел, в который во время топки печи ставили чайник. Кто его толкнул в котел, я не знаю, но потом нам очень крупно попало от матери. Адольф получил много ожогов на теле. Помимо детских приключений, на Севере ему досталось тоже немало.

В молодости он часто менял женщин. Хотел завести ребенка, но ни одна женщина не решалась родить ему. Фактически, он был инвалид. У него не было правой пятки, и он не мог полностью выпрямлять левую руку. Но в 1967 в его жизни появилась Грачева Евдокия Михайловна с двумя дочерьми. Она решила подарить ему ребенка. Это была дочь — Елена Адольфовна, которая родилась в 1968 году. Сейчас она живет в г. Челябинске, в Металлургическом районе. Сам Адольф умер 23 октября 1992 года. С Дуней они прожили всю жизнь, не смотря на то, что он очень любил выпивать.

Дошла очередь до меня

Я, **Фельк Давид Генрихович**, родился 21 октября 1918 года. В три года этот мир уже начал испытывать меня на прочность. Во время голода 1921 я был на грани жизни. Но наш отец вовремя увез всю семью в Новый Бурас.

Там я поправился и быстро ожил. В 1924 году мы снова вернулись домой.

В 1926 году я пошел в школу, в первый класс. Каждую весну до 1930 года мне приходилось пасти скотину 3-4 дня. Так же вместе с Иваном

мы пахали землю на верблюдах. Я пашу днем, а Иван рано утром и вечером допоздна. Обеды варил он. Спал и отдыхал, когда я был занят. Даже ночью он пас верблюдов. Мне тогда было всего 10-11 лет.

Был у нас верблюд, по кличке Толстяк. При виде зеленой травки, он тут же уходил из борозды, но потом вновь возвращался. А я за вожжи тяну, а он по-своему. Я тогда столько слез ронял, не счесть. Досыта наплакался. Но делать было нечего: пахать надо и жаловаться некому.

В 1929 году я заболел трахомой на оба глаза. Благодаря врачам, я не лишился зрения. В 1930 отец с семьей выехал на Кавказ, в Баку. В 1936г. Я закончил 7 классов и поступил в медицинский техникум в г. Бальцере. Через два года я увидел объявление, что в Элисте открываются годичные курсы преподавателей немецкого языка в Калмыкии. Стипендия 250 рублей. Тогда это были большие деньги. И мы, пять человек из техникума, решили поехать туда. Но к нашему приезду они уже набрали полный штат, и нам отказали. Трое из нас поехали в техникум, а мне стало стыдно возвращаться, и я поехал домой.

Дома, конечно, по головке не погладили. Отец сказал: «Теперь иди в колхоз и быку хвост не крути». Я долго думал, что мне теперь делать, все же мне уже шел 21 год. На жизнь надо было зарабатывать самостоятельно. Тогда я пошел в районный центр, село Унтервальден и попросил директора принять меня в 10 класс. Он принял меня с условием, чтобы всю программу, пройденную в 10 классе, я освоил до Нового года. И приходиться учиться только после ноябрьских праздников. И вот, после 8 ноября 1938 года я учился уже в 10 классе. В 1939 году я окончил 10 классов и поехал в г. Саратов. Сначала хотел поступать в мединститут, но после приезда я не знал, с чего начать. По-немецки здесь никто не говорит, а по-русски я не говорил ничего.

Что делать? Тогда сначала я поехал в г. Энгельс, купил себе немецко-русский разговорник. Затем решил зайти в Саратове в ОблОНО и попросить преподавать немецкий язык в русских школах. Мне было очень обидно, что я почти не знаю русского языка. По разговорнику составил вопросы, которые мне нужно будет задать заведующему и пошел.

Как я там выглядел, можете себе представить. Каждый из вас получил знания по иностранному языку в школе. Вот попробуйте в той же стране, язык которой вы изучали, преподавать свой. Тогда я был молод и силен, жаждал вникнуть в мир знаний и хотел научиться языку, чтобы поступить в институт.

Заведующий задавал мне много вопросов, часть из которых я не понимал. Приходилось заглядывать в разговорник. После этого он дал мне назначение в Олоновскую школу Новоузенского района Саратовской области.

Там меня приняли хорошо, дали отдельную комнату. Там я стоял на хлебах. Хозяйка, Вера Михайловна, стирала, гладила, обеды готовила, заботилась из-за того, что я не знал языка и очень бледно выглядел. Но постепенно я кое-чему научился. В этой школе были исключительно молодые учителя, благодаря активному общению я стал быстро понимать и разговаривать.

Тут я познакомился с Ниной Тимофеевной

Грохотовой, учительницей русского языка. В июне 1940 мы поженились, а в августе меня уже забрали в армию. Вместе мы прожили всего около трех месяцев. В мае 1941 года, в Понье, я получил известие, что у меня родилась дочь Алевтина. После этого наши связи с женой потерялись. В 1945 году я получил известие, что моя жена вышла замуж за другого и уехала в Кишинев.

22 июня 1994 г., 8 часов утра. Нахожусь на работе. Вспомнил день, 22.06.1941, когда служил в Красной Армии. В этот день мы стояли в карауле. Мне шел 23 год. Было радостно на душе. Дома растет дочь, скоро ее увижу. Обещали дать отпуск в августе.

Служил я в ЛАП-401 (легкий артиллерийский полк) на конной тяге в г. Архангельске. В апреле 1941 года наш полк своим ходом переправился в деревню Поньгу. Там в середине мая мы переехали в летние лагеря. 21 июня наш взвод заступил в караул в 18 часов. Я заступил на пост в пушечном парке с 4 часов утра. В шестом часу увидел своего командира - полковника Кузнецова. Он зашел в палатку дежурного полка. Из-за близости мне было все видно. Что за команда проходила в палатке, не знаю, только не прошла и минута как связные дежурного по полку выскочили и по всем палатам. Еще минута, и вижу, как все командиры среднего командного состава выскочили из своих палат в боевой готовности и через пять минут протрубили боевую тревогу. Через 15 минут по приказу разводящего я остался без пушек. Мы разъехались по точкам, окопались, замаскировались и ждали команду.

Взвод, в котором я служил, был учебным, командиром 1ого отделения был мл. сержант Воробьев. В августе мы должны были расформироваться и стажироваться один год, а потом получить подразделение и самостоятельно командовать. Но из-за обстоятельств нас отправили на зимние квартиры в Польшу без командира, назначили старшим одного из солдат.

Через 10 дней нас отправили опять в летние лагеря Архангельска, где проходило обучение солдат для отправки на фронт. Во взводе нас было 25 человек. Вот здесь нас встретил бывший командир артиллерии при 88 дивизии Архангельска. Он был удивлен, что готовые командиры отправлены на фронт солдатами. Он приказал нам ждать его команд. Через день нас отправили в Минское пехотинское училище, которое эвакуировалось в Великий Устюг. Здесь наш командир гонял нас бегом по 5-10 км, здесь нас называли артиллеристами. Одного из нас назначили старшим. Дали нам танк Т-34, пушку 76мм с коротким стволом и пушку 45 мм. В октябре 1941 года нас, как российских немцев собрались расселить. Мы сдали все новое обмундирование, а на складе нам выдали такое же, но с дырами от пуль, где-то в крови. И нас, 12 человек, отправили опять в Архангельск.

Проводы были очень трогательные. Направили нас в рабочий батальон 128. Находились мы то в Бакарицах, то в Иссакогорске, строили землянки для солдат и склады для НЗ. Здесь после рабочего дня у нас были военные занятия. Из досок нам сделали винтовки и с ними мы ходили на подготовку каждый день. Пока мы еще получали солдатский паек, который сократили в начале 1942 года. Дали на кухню только 40

грамм крупы и рыбу, но хлеб давали ежедневно по 800 грамм. В июле 1942 года всех немцев отправили их стройбата в трудовую армию — ГУЛАГ НКВД, в Коми АССР Удмуртское отделение ИТЛ «Я»-219 МВД.

Я работал на различных работах. В конце сентября 1942 года меня перевели на бревнотаску — самую тяжелую работу. Из реки мы вытаскивали бревна баграми на цепи бревнотаски, и так мы штабелевали лес. Я багром подталкивал бревна на цепи машины. Несколько раз падал в воду, но ребята меня вытаскивали, но сушиться было негде. Кругом снег, холодно. И я пошел в лагерь, конвоир отпустил. Пока шел, все на мне замерзло, а нужно было идти еще километра два-три. Зашел в барак, разделся наголо, вещи положил на печку. Переодеть было нечего, постели тоже не было. Лежал на нарах, на сене, которое принес из леса.

Здесь на этой работе я окончательно дошел. Кормешка плохая, а работа тяжелая. Со мной работали люди, которые были намного старше меня и все быстро умерли. Мы работали по 12 часов в сутки. Вахтеры всегда проверяли справки о выполнении нормы. Если не было 100% выполнения, то нас не пускали в зону. После такой работы есть баланду — так долго не протянешь.

Здесь я проработал два месяца и попал в слабосильную команду из-за плохого кормления. Днем мы ничего не делали, а ночью вывозили мертвые тела. Из стационара за ночь мы вывозили по 6-8 тел, погибших из-за холода и голода. Теплой одежды не было, а лагерное начальство ничего не выдавало.

Кто упаковывал мертвых и клал в ящики — не знаю. Это были заколоченные ящики с щелями до 10 см из нестроганных и необрезанных досок. Мы клали их на сани по 3-4 штуки, ехали ночью, в буран, снег, ветер. Однажды мы вылетели на какой-то склон, сани покатались, опрокинулись, ящики слетели с саней и раскрылись. Пришлось класть ящики обратно на сани, а туда покойников. Но мы были очень слабы, мы были доходягами. И тут я увидел, что покойники были почти голые, у них было только грязное нательное белье.

У нас не было сил опускать ящики в яму, поэтому мы просто скинули их вниз. Тем не мене веревки нам не давали. Сказали, что весной, когда растает снег, они засыпят. На обратном пути один из нас обморозил пальцы.

Проработав здесь недели полторы, я перевелся в полустационар. Следующая перспектива — стационар, а оттуда мы вывозили ночами в могилу. В нашем лагере в декабре 1942 г. уже никто не работал, кроме obsługi. Все были в стационаре и полустационаре, в слабосильной команде. Но начальство задумалось, когда поняла, что почти весь лагерь в 1500 человек не работал, а хоронить придется всех. Вот они и организовали медкомиссию, чтобы выгнать половину за зону и не хоронить самим. 31 декабря 1942 года активировали многих, в том числе и меня. Я не мог даже залезть на верхнюю нару.

Всем нам поставили болезнь Пеллара, т.е. нехватка пищи и витаминов. В конце февраля 1943 года нас отпустили. Дали 4 кг хлеба, 1,5 кг рыбы на 10 дней и 160 рублей. Хорошо было тем, кто знал, куда ехать. Но я не был среди них. К жене в село Олоновку Саратовской области

нельзя было категорически. Только за Урал. А куда были выселены родители, тоже не знаю. Добрались до Катласа. Мне сказали, что родителей выселили куда-то в Красноярский край, но больше ничего не было известно. Надеялся, что кто из знакомых подаст весточку. Билетов не было. Кто-то поехал по товарняке, но я боялся замерзнуть, а потому остался.

Вот тут и появился завхоз привокзального хозяйства, который предложил нам поработать. Я выступил за старшего и сказал, что, несмотря на желание, работники мы пока никакие. Гонять нас не нужно, сколько сделаем, столько и платить. Но кормить обязательно. Он согласился и дал нам работу — чистить привокзальный туалет. Сначала мы грузили жижу в какие-то бочки и увозили. Сначала завхоз нанял возчиков, а потом они куда-то исчезли. Тогда завхоз решил нам вычерпывать жижу на снег, чтобы она замерзла. Тогда ее можно будет расколоть и увезти на санках. Вычистить мы вычистили, но увозить эти глыбы нам не пришлось. Завхоз был хороший мужик, купил нам билеты, и мы уехали. Кто куда. Работали мы у него 10 дней. Каждому он дал по две продуктовые и хлебные карточки, а так же по 264 рубля.

После этого с Катласом я попрощался. Сколько ехал не помню, но в начале апреля 1943 года я приехал в село Андропово, где был выселен отец с семьей. Но из родных там уже никого не осталось. Отца с Володей в 1942 г. взяли в трудовую армию. Мать со свекром, сыном и внуками выселили на север в Хатангу, на Таймырский полуостров.

Здесь, в Андроповке, меня по-матерински приняла тетя Амалия Фельк. Двое или трое сыновей нее были в трудовой армии, четверо маленьких детей и 80-летняя мать жили с ней в Андроповке. Ее мужа расстреляли в 1937 году. В сельсовете мне дали хлебную карточку на 400 грамм на каждый день. В колхозе дали 20 кг муки и 700 гр хлеба на каждый день. Здесь 10 дней меня не трогали. А после этого я пошел в колхоз и попросил работу по силе. Мне предложили ухаживать за жеребцами-производителями. Я согласился. Здесь были три жеребца-производителя и два коня для председателя и завхоза колхоза. Я кормил, чистил и ухаживал за ними. Здесь я быстро окреп. Тетя Амалия всегда поддерживала меня молоком и готовила вкусный обед. Продукты и хлеб, которые я получал, отдавал в ее семью. Так же из колхоза я получал и картошку. Если нужно было мясо, я всегда мог заколоть барашка или бычка и что-нибудь взять себе.

Так примерно я и проработал до конца июля. Лето было теплое. Я даже ночевал на телеге на хоздворе. Днем я косил траву лошадям, а что оставалось сушил на сено. Вот на этом сене я и спал.

Однажды ночью я услышал какой-то разговор, но виду, что лежу в телеге, не подал. Затем этот разговор перешел в гнусное ругание. Это был завхоз Астахов. Он напился и пришел во двор, начав меня шерстить, обзывать как только мог: фрицем, фашистом, гадом и тому подобное. Я не выдержал, вылез из телеги, взял вилы и пошел на него. Когда он увидел меня, сразу же ушел, не сказав ни слова. На следующий день я пошел к председателю колхоза, все ему рассказал и попросился в бригаду. В бригаде меня

поставили табунщиком. В табуне было штук 50 лошадей, пасти их приходилось, в основном, ночью.

Тут я поработал около месяца, а потом председатель отправил меня вновь в трудармию. Я испугался. Вспомнил опять Колас, где за 4 месяца я дошел до того, что не мог залезть на нары, потерял мужское достоинство на год, а может и более.

Отвезли меня в районный центр Назарово. Когда мы приехали, рабочий день уже кончился, меня никто не принял. Товарищ, который меня привез, вернулся домой, а я остался один в чужом городе. Хорошо, что это было в августе — хотя бы тепло. Можно даже заночевать на улице. Я начал расспрашивать людей, и мне подсказали, что на станции Ададим работает мельником немец. Станция была в 1,5-2 км от Назарова, и я пошел туда. Немец принял меня хорошо, звали его Энгель Генрих. Работал он старшим мельником, жил при мелькомбинате. У него была большая комната, примерно 20 кв. м, и большая кухня, примерно 12 кв.м. у него была жена и 5 детей, старшему было 15 лет.

Я рассказал дяде Генриху все: где был, откуда приехал и что теперь. Он посоветовал мне стать грузчиком у них на мельнице, тогда меня в трудармию не возьмут, бронь наложат. Хотя я не был уверен в своих силах, потому что прошло всего 6 месяцев, страх оказался сильнее меня. Я боялся этого Котласа как заяц волка, а потому согласился. Что будет, то будет. Дядя Генрих сказал мне: «Сегодня ночью наш директор мелькомбината приедет из Минусинска, я с ним поговорю, и он оставит тебя у нас работать».

Утром встаю, а дядя Генрих мне говорит, что встретил директора и поговорил с ним. Сегодня он поедет в райвоенкомат, и на тебя наложат бронь. Так оно и было. Я работал здесь до декабря 1944 года на мельнице и жил у дяди Генриха на кухне, лежал на полу у печки. Рваные валенки подложил под голову, солдатские брюки подстелил под себя, а бушлатом укрывался. Утром оделся, и постель убрана.

При мельнице была столовая, где кормили три раза в день, хорошо и вкусно. Здесь же была душевая, в которой можно было купаться и стирать, что спасало от вшей и вообще насекомых. Тут ко мне примкнул еще один немец, Фейлер Давид, который был постарше меня. Он вызвал сюда свою семью, и директор дал ему комнатушку. Я тоже писал своей жене, чтобы приехала сюда, но она отказалась. Правда, я описал ей все: как жил, где ночевал, как питаюсь, как одет, и что денег на мельнице не получал.

В августе 1944 года меня пригласили работать учителем немецкого языка в школе, и я согласился. Мне было поставлено 22 урока в неделю. Когда пришел к директору мельницы за расчетом, он сказал, что сначала поговорит с председателем райисполкома. Я ответил, что директор школы уже обо всем с ним договорился. Тогда он решил поехать в райвоенкомат. На следующий день мы поехали с ним вместе. О чем они там говорили, я не знаю, но, выйдя, он сказал, что поедем в НКВД. Зашли в НКВД. Через несколько минут они вызвали коменданта и основательно засели. Прошел, наверно, целый час, а я все сидел в коридоре. Через некоторое

время меня пригласил к себе капитан. И тут пришлось рассказать всю мою жизнь: как родились мои родители, какая у кого национальность. После такого объяснения комендант объяснил, что немцев не допускают к службе в армии, работе в органах НКВД (МВД) и на руководящих и воспитательных постах. А учитель — воспитательная работа. Если я им буду нужен — позовут.

В декабре 1944 года я опять попал в трудармию, в Красноярский край, на станцию Пойма. Там, в радиусе 50-100 км никаких жителей, кроме конвоиров, не было. Даже дорог не было. Здесь я прошел все лагеря. В конце концов, оказался в Сосновском лагере ОЛП У-235. Определили меня на лесоповал.

Все лагеря находились под охраной. Охраняли нас бывшие заключенные, у которых остался небольшой срок или те, которые понравились лагерному начальству. Они издевались над нами. Вольнонаемных здесь не было и в помине, так как ближайшие поселения находились очень далеко, да и всех мужчин уже сослали на фронт. Вот такой контингент нас охранял. Заключенные охраняли невиновных людей. Только у них язык был русский, а у нас немецкий. Правда, охрана была только на вышках, на работу ходили уже без конвоира. Бежать было некуда — 100 км ненаселенной местности зимой, в лесу, без ориентиров, голыми и голодными.

9 мая 1945 я встречал на лесоповале. День был солнечным и теплым. Как только мы начали работать, один из наших товарищей прибежал и сообщил, что война кончилась. Мы бросили все и побежали в лагерь, мечтали, что нас отправят домой, на Волгу.

Но не тут-то было. Во всяком случае, сняли военизированную охрану и поставили нашего брата-немца. Кормили по-прежнему плохо, но лучше, чем в Котласе. Одевали хуже, чем заключенных, лагеря которых были рядом. Они ходили в нормальной обуви, а нам прибили брезент к деревянной подошве. Зимой и летом мы носили эту «обувь».

К осени сняли вышки, разломали забор, и мы стали жить более свободно. Как — то договорился с десятником и бригадиром, чтобы я мог ходить в лес за кедровыми шишками. Находил я их немного, но как-то раз я увидел дерево, которое сверху все было усыпано шишками. Я полез, встал на сухой сук, который обломился, и я рухнул с восьмиметровой высоты. Прямо на ноги. У меня что-то хрустнуло в пояснице, как будто бы переломили сухую палку через колено. Я упал на бок, не мог дышать несколько секунд, не могу встать. В лесу нет ни души. Я подумал, что все кончено.

Немного полежав, я встал и еле пошел к своим, но все же добрался. Рассказал десятнику, на что он ответил, что если до завтра не пройдет — останусь дома. Улучшения на следующий день не последовало, и я пошел в больницу. Врач осмотрел, ничего не увидел и сказал медсестре, чтобы помазала мне поясницу йодом. Через несколько дней улучшения тоже не было. Десятник сказал, что не может больше двух дней водить меня по нарядам — либо бюллетень, либо на работу. На третий день я получаю штрафной паек. А через месяц штрафного пайка концы отбросишь быстро, как в Котласе.

Я все же решил выйти на работу с брига-

дой, хоть посидеть у костра, но получить уже не штрафной паек. Меня заставили отрубать сучья. Махать топором я почти не мог, а потому попал топором в чашечку правого колена. Пошел в больницу, наложили четыре скобки и дали бюллетень. Теперь я находился дома. Кормили очень плохо, и я решил пойти воровать картошку ночью. Наш ОЛП сажал ее для себя. Наши лагерные придурки (так называли наше начальство) ходили ночью туда дежурить: и сами наедались, и воров прогоняли. Вот тут я и попался. Осень, холодные ночи, в плохой одежде, да еще и с больной ногой. Добрался до середины поля попластунски, думал, не дойдут. Но они бегали и посередине, вокруг меня, но не заметили. Так я пролежал там час или полтора, замерз. Но все же сумел доползти обратно в барак. Принес штук 10 картошки. Но из-за холода, моя нога разболелась еще сильнее и опухла. Врач собирался отправить меня в центральную больницу на ампутацию ноги, но я отказался, лучше уж умереть. Тогда он предложил лечь в стационар. За неделю или полторы опухоль спала. В стационаре я помогал мерить температуру, ставить банки, разносил лекарство и еду. Благодаря этому, меня оставили в стационаре на два месяца. Здесь и рана зажила, и поясница окрепла.

После больницы я попал в дорожную бригаду, где в последствии стал бригадиром у мужской и женской бригад. Женская разносила и укладывала шпалы, мужская укладывала рельсы и строила деревянные мосты. Здесь я работал до 1946 года, до отправки в Среднюю Азию.

Нас опять погрузили в товарные вагоны и везли до Андижана, Ташкентской области. Здесь, в вагоне, я впервые встретился со своей ненаглядной. Здесь мы договорились пожениться. Так оно и было. Мы приехали, сложили с ней свои куклы и тряпки и сыграли свадьбу. На свадьбу сварили кашу из кукурузной крупы в котелке из черной жести, пригласили ее подругу Эмму, съели кашу и легли спать. Наутро встали муж и жена. И до сегодняшнего дня не жалею об этом.

А познакомились мы так. Когда началась погрузка в вагоны, меня вызвал начальник ж\д строительства Нагребецкий. Из-за того, что я опоздал, моя бригада была уже погружена. Но костяк сохранился в другом вагоне. Я оказался в вагоне в основном со своей бригадой. По обе стороны — двухъярусные нары. Все места уже были заняты, мне не хватило. Все ночи я коротал у печки, а днем спал на какой-нибудь из нар. Вот здесь, у этой печки, я и познакомился с будущей женой Klarой. Перед тем как поезд тронулся, вагоны замкнули снаружи. Открывали только на остановках. С одной стороны стояла бочка (параша). В вагоне было тепло, но с запашком. Так и ехали до Андижана, а оттуда в село Избискент Узбекской ССР. Меня с бригадой определили к одному председателю колхоза, который должен был дать нам жилье. Он дал нам здание, где осенью сушили хлопок. Нам привезли доски, и мы начали строить нары. А мне председатель отдал комнату возле Чайханы. Раньше эта комната была парикмахерской, а теперь была давно заброшена. Мы с женой вместе вычистили и вымыли это помещение. Поставили односпальную койку - и вот уже наш

семейный уголок.

Где найти койку, нам подсказал председатель: «Вон там мечеть, во дворе есть койка. Но смотри, если поймают — убьют. И никому не говори, что я тебе это подсказал».

В два часа ночи я пошел красть койку. Когда я принес ее, мы с Klarой Константиновной разложили на ней свою «постель», а днем одевали ее на себя. Ее стеганый бушлат мы клали вместо матраса, штаны и рубашки — под голову, а моей шинелью мы укрывались.

Строили дорогу в г. Майли-Сай. Наше строительное управление относилось к горнохимическому комбинату, который находился в г. Ленинбаде Таджикской ССР. Жили мы сначала в Исбаскенте Узбекской ССР, а дорогу строили в Киргизской ССР, которая вела в г. Майли-Сай. Когда закончили строительство, нас перевезли туда. Жили здесь в ущелье. С трех сторон на горах лежал снег зимой и летом, а на выходе из ущелья был шлагбаум. Там всегда дежурил вахтер.

Сначала мы с Klarой жили в мужском бараке, где были четырехместные нары. На верхних местах спали мужики. В этом бараке нас было четыре пары женатых. Мы просили начальство, чтобы нам разрешили закрыть уголок в этом бараке, получили положительный ответ. Моя бригада работала в то время на заготовке стройматериалов. Клара сеяла песок. Отношение к нам со стороны начальства было хуже, чем к заключенным. Клара ушла в отпуск всего за 4 дня до родов. Мы жили еще в бараке, когда Клара сама ушла в роддом. Бросила работу и ушла.

Итак, 20 декабря 1947 года у нас родился сын Владимир. Мы были не зарегистрированы, потому что там, где мы жили, вольнонаемных людей не было. Не было ни сельсовета, ни ЗАГСа. А разрешение поехать нам дали только после рождения сына. Тогда мы поехали в село Бурганда, Ленинского района Киргизской ССР и зарегистрировались. Там же регистрировали сына. Это было 14.01.1948 года.

Радость какая — сын родился! Только человек, который ждал своего ребенка с нетерпением, может определить эту радость! Увидеть свое дитя и посмотреть на себя со стороны.

Когда Клара вернулась из роддома, мы решили построить себе домик из саманов. Прошло пару недель, и мы выбрали себе место для постройки. Стройка началась с изготовления саманов. Клара пока еще не работала. Вечерами с ней перекапывали глину, готовили солому. А на следующий день она с малышом шла на свою «стройку». Малыша клала в кусты, а сама начинала месить глину ногами.

Когда я приходил с работы, глина была уже готова для формовки. И мы начинали формировать саманы. Форму я изготовил сам, произвольной величины. Так наш сыночек лежал в кустах и помогал нам строить кибитку. Все лето 1948 года мы усердно трудились над своим домиком. Осенью вселились, радость какая! Теперь мы одни, никто нам не мешает. Пока Клара еще была беременная, я отказался от бригадирства и занялся бизнесом. Примерно две недели не работал. Выйти из ущелья через шлагбаум было нельзя, так как там находился постоянный конвой, можно было идти вверху, но там снег, зима. А у подножия гор жили киргизы, подножия были

покрыты фруктовыми деревьями. Вот я и пошел к ним. Каждый день ходил по 5-10 км и закупал у них кислое молоко — простоквашу за 2 рубля одну пиалу, а у нас продавал один стакан за два рубля. Большую прибыль не имел, но на жизнь хватало. Кроме этого еще иногда ходил за чечевицей и горохом. Но это еще надо было украсть. Этим я долго не занимался, ходил всего раза три.

Торговал я катыком (кислым молоком) до тех пор, пока меня не застопорили и в каталажку не бросили. Эта палата была огорожена проволокой и двумя вышками с военной охраной. Была осень или зима, ночи были уже холодные. В палатке места для лежания уже не было. Одну ночь я коротал на улице (в зоне). На следующий день Клара принесла мне передачу. Я угостил старшего по палате. Тогда он стащил одного за ноги с места и сказал, что здесь буду спать я, пока меня не выпустят. Теперь ночи я коротал уже на соломе, которая была постелена на земле.

Клара, конечно, обошла всех начальников, и они разрешили мне выйти из КПЗ. Теперь я уже не стал рисковать. У меня есть сын, которого нужно кормить и воспитывать. Я пошел работать. Попросился в геодезисты — рейку таскать, иногда съемочные работы обрабатывать, трассы на миллиметровку наложить, копировать чертежи и т.д. Здесь я работал до выезда в г. Челябинск. Клара тоже устроилась уборщицей в общежитие. В 1950 году у нас родился второй сын. Его мы назвали Александром. Он пожил всего 7 месяцев и умер. Отравили в больнице. На него напал понос, и Клару положили вместе с ним. А там медсестра и отравила ребенка. Начальник больницы уволил ее. Он спрашивал, согласны ли мы отдать ее под суд. Но, посоветовавшись, мы решили не делать этого.

Домик мы свой построили на местности, которая называется Кара-Гачь. А потом в начале 1953 года мы продали этот домик и купили другой в Новом Берлине. Так назывался поселок. Это было на 2-3 км ближе к выходу из ущелья. В 1949 году меня нашел мой брат Иван, и начал хлопотать, чтобы мы приехали к нему. А в 1953 году мы приехали всей семьей в Челябинск. Иван приготовил мне комнатку в бараке. Моя мать сразу пришла жить к нам. Вот мы и жили вчетвером на 14 кв. м, потом поменяли на 19 кв.м. на краю Металлургического района. Там я построил сарай и конюшню, купили корову, козочку и кур. Я устроился на работу в УРМА (Уралмонтажавтоматика). Вышел на работу 3.12.1953г. Клара была беременна сыном Андреем, который родился 27.02.1954 года.

Но здесь, в Челябинске, мы тоже отмечались в военной комендатуре и не имели права выехать даже из района без разрешения коменданта, несмотря на то, что это был район г. Челябинска. Реабилитировали нас только в 1956 году, но взяли с нас расписку об отказе от имущества, которое отобрали у наших родителей в 1941 году. И нам было запрещено селиться в тех местах, откуда нас выселили.

В 1962 году, будучи уже в большом возрасте, я пошел учиться в монтажный техникум, который окончил в 1966 году. В УРМА я работал на разных работах. После окончания техникума я стал работать мастером, инженером и дошел до старшего инженера. Признаться, доброта и честность мешали мне продвигаться в карьере. В 1978 году я оформлял пенсию, а в 1983 году уволился из УРМА, а затем работал на различных предприятиях до 19995 года. Трудовой стаж в райсобесе со льготными годами числился 59 лет, 9 месяцев, 12 дней.

В 1995 году я пошел к кожному врачу по поводу моей болячки на правой ноге выше колена. Она направила меня к онкологу. Это был первый раз, когда у меня подозревали рак. Всю будущую неделю стремился попасть к онкологу. Что он скажет?

У онколога мне сразу же вырезали эту болячку. После этого терапевт отправил меня к онкологу с подозрением на рак легких. К январю 1996 года я сдал все анализы и меня положили на операцию. Рак легких подтвердился. Во время операции случилось начало инсульта, но меня спасли. В этом, конечно, огромная заслуга моей жены. Врачи спасли меня своим умом, но Клара вовремя успела всех поднять и забить тревогу.

Не успел я оправиться, как вторая операция настигла меня в 1997 году. Аденома проходила еще тяжелее, чем первая. Но меня тоже спасли. Спасибо врачам, но без моей жены тоже не обошлось. Без ее усердия, я бы уже давно сгнил. Но живу и после таких мучений. ХОРОШО!

Рац Клара Константиновна (Фельк) родилась в г. Запорожье, Украинской ССР 12.12.1925 года, в семье рабочего на 1ом майском поселке, на ул. Плеханова. Мать, Мария Федоровна Рац, умерла в 1933 году. Остался отец, Рац Константин Юлиусович, с двумя дочерьми. Одной было около 8-ми лет, другой около 4-х.

В 1935 году он женился на другой женщине, и у них родилась дочь Эльвина 17.03.1936 года.

В 1938 году правительство СССР расстреляло его, как негодный элемент, вроде бы за пособничество Германии. Враг народа, так сказать. Вот сколько приписали простому слесарю. Впоследствии его реабилитировали посмертно, так как не был виновен. Правительство загладило вину, но толку не было. Трое несовершеннолетних детей остались без кормильца. В 1941 году трех девочек и их мать выселили в Кемеровскую область. Здесь в январе 1942 года мачеху взяли в трудармию. И остались девочки одни. Старшая, Клара, пошла работать на элеватор. Младшую, Эльвину, отдали в детдом. Клара носила с элеватора пшеницу, а хозяйка квартиры, где они жили, сообщила в милицию. Клару арестовали и отправили на суд. Дали ей один год, а по окончании срока отправили в трудармию. Холод и голод ее тоже хорошо испытали. Здесь она работала до посадки в вагон в 1946 году.

А дальше началось наше непростое, но совместное счастье.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ

В 80-х годах XVIII века в Россию приехали две семьи, которых потом свела судьба. Это были предки Ольги Ивановны Гришиной. Предки её отца прибыли в Россию из Швейцарии в начале 1773 года. Они сразу же заключили договор на виды деятельности: члены семьи были на государственной службе — возили почту, казну, госслужащих и гоняли вольный извоз. Потомки, Давид и Марта Гайбель, содержали ямскую в городе Балаково.

Предки матери Ольги Ивановны — выходцы из Германии, были обнищавшими землевладельцами, которые приехали в Россию в 1776 году, рассчитывая на её богатые и обширные земли. Екатерина II наградила Карла Фрейнд землёй, а через 5 лет титулом мелкопоместного дворянина.

В семье Давида и Марты Гайбель было 5 детей: Иван, Николай, Александр, Ирма и Альвина. Все они окончили 4 класса Церковной приходской школы. Николай стал бухгалтером, Александр гонял ямщину, а в 1914 был взят в армию и попал в плен, потом женился на дочери богатого землевладельца. В 1927 году он вернулся из Германии с женой и тремя детьми. В 30-х годах семья уехала на Турсиб и там сгинула. Со всеми детьми потеряна связь в 1941.

Иван, отец Ольги Ивановны, в 13 лет в 1902 году ушёл из дома и устроился дверным (открывал и закрывал двери посетителям) в фирму «Зингер», которая вела торговлю швейными машинами и импортными тканями, в основном с английской мануфактуры. Уже в 15 лет Иван самостоятельно ездил по городам и деревням, продавал машинки и ткани. В 16 лет его отправили в Женеву в экономический колледж; в 17 лет в 1905 Ивана назначили приказчиком в основном магазине фирмы в Маркштадте, а через год старшим приказчиком. В 1914 году был взят на фронт, служил в Крыму, где его полк посетил царь Николай II.

Сотрудники фирмы «Зингер» (второй сидящий справа – Иван Гайбель.

Гайбель Иван с семьёй

Гайбель Иван с женой Софьей Рот

В 1919 Иван Гайбель вернулся домой, и его сразу вызвали в ВЧКа на службу в финансовую сферу. После создания Республики Немцев Поволжья Иван был переведен на создание банковской системы в республике. Он женился на Софье Рот.

**Семья Карла Рот,
управляющего имением
Зейферт в селе
Константиновка (1915 год)**

Помещица Анна Зейферт

Предки Софьи приехали в Россию в то же время, что и предки её мужа. Её бабушка Софья Фрейнд вышла замуж за Александра Дизендорф. У них было 11 детей. Дочь Софья вышла за Рот Карла Карловича, род которого идет от потомственных управляющих имениями. Родители Карла служили у помещика Зейферта Александра, и Карл по наследству принял должность управляющего в селе Константиновка Саратовской губернии.

В 1917 году на базе имения была создана коммуна, в которой он был назначен управляющим. В доме помещика Карл открыл школу. Гражданская война внесла свои коррективы: дом разграбили, а то, что не смогли взять уничтожили. Карл бросил всё и увёз семью в г. Энгельс. Он умер в 1925 году, а его жена, прошедшая все круги ада, умерла в ссылке в 1962 г.

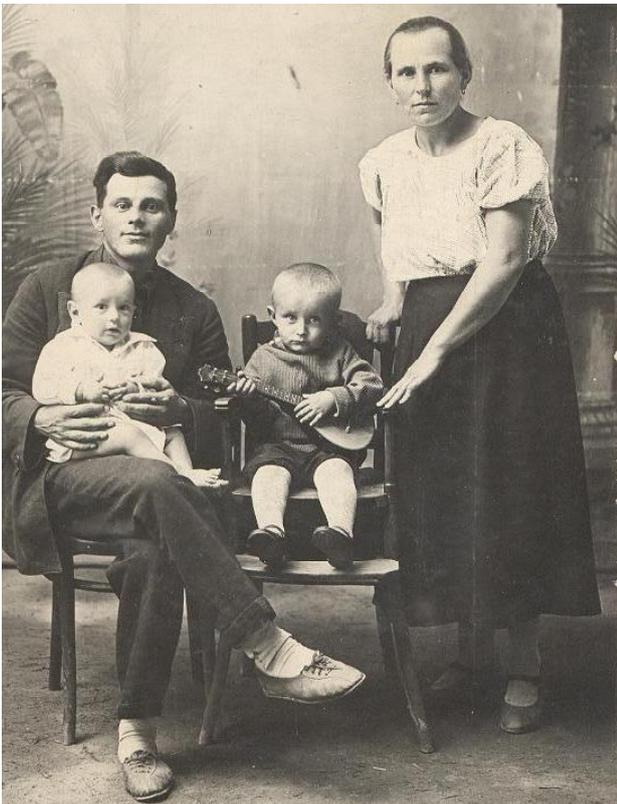
София Дизендорф с супругом

**Роот Александр, кадровый военный
в 1941 снят с фронта и отправлен
в трудовую армию**

Софья Роот с сестрой Эмилией

Роот Карл с семьёй

Роот Александр с семьёй

У Карла и Софы было 6 детей.

Сыновья Карла были в трудармии с декабря 1941г. до марта 194 г., потом жили под спецкомендатурой до марта 1956 года. Андрей — механик сельскохозяйственной техники, участник выставок ВДНХ 1935-1938 годов, воспитал 6 детей и умер в 1977г. Карл — бухгалтер в совхозе, вырастил троих детей, умер в 1974г. Александр — скрипач от бога, был кадровым военным. У него было двое детей, и умер он в 1955г. от туберкулёза.

Дочь Альвина вышла замуж за офицера царской армии Генриха Клеифер. Когда его полк отступал через Урал, он оставил жену, больную тифом, в одной из деревень. Там её выходили люди, и в 1918 году она вернулась к отцу. Альвина второй раз вышла замуж. Её мужем стал Александр Шлейнинг, зажиточный крестьянин. В 1931 году их раскулачили и сослали в город Кустанай. У Альвины и Александра родилось восемь детей, среди которых 3 учителя, 1 физик-атомщик, 2 медика, бухгалтер и воспитатель детского сада. Альвина умерла в 1952г., а муж в 1979 году.

Альвина Рот

её муж, офицер царской армии

Немцы республики, в том числе семья Гайбель, по указу Президиума Верховного Совета СССР были сосланы во все концы Сибири, на Север и в Среднюю Азию, «дабы не встречались и вырастили детей, родства не помнящих». А 29 августа 1941 года Иван Гайбель был арестован по навету одного из своих сотрудников и был приговорен к высшей мере наказания по статье №58 — «враг народа», 21 декабря 1941 его расстреляли.

Незадолго до расстрела Ивана его жена, в надежде на скорую встречу, сделала эту запись в своём дневнике.

В трудармии (Гайбель Николай – справа) 1949 год

О расстреле отца Ольга Ивановна узнала из частной беседы в 1965 году. Но её запрос остался без ответа. И только в 1992 году она получила официальное извещение о смерти отца.

Семью Гайбель сослали в Алтайский край в село Корнилово Каменского района. Софья и её дети — Ольга Ивановна, её брат Николай и сёстры Ирма и Фрида прибыли на место 17 октября 1941. Колхоз дал 5 кг муки и два мешка картошки. Софье было сказано: «Ищите квартиру». Мать с детьми поселилась у Маши Бетрищевой. Девочке было 15 лет, отца забрали на фронт, а мать умерла через месяц после этого. Дети с матерью взяли грабли, вёдра и с разрешения хозяев огородов пошли на промысел. Осень в тот год была тёплая, и через неделю у семьи Ольги Ивановны было 105 вёдер картофеля и 6 вёдер моркови. Это означало, что можно было зимовать. Осенью брата Николая вызвали в военкомат и вместо фронта отправили в трудармию в Пермскую область. Перезимовали, летом Софья и двое старших детей целыми днями работали в колхозе, все остальные на своём огороде. Зимой дети ходили в школу. Было очень голодно, но спасало молоко, которое по кружкам давали в школе.

Николай Гайбель и его семья

Ирма Гайбель, 1951 год

Дочь Ирму, 1925 года рождения, в марте 1942 её вызвали в военкомат, в 17 лет отправили на шахты в Челябинскую область. Вместе с Ирмой призвали и соседку Генш Марту, мать четырёх детей, которых комендант привёл в семью Гайбель и приказал их взять. Таким образом, у Софьи оказалось 7 детей. Отец этих ребят ушёл в трудармию вместе с Николаем в 1941 году. Пока женщин везли на работу в шахты, Марта Генш сошла с ума и умерла в поезде. Ирма написала об этом Николаю, а он дал прочитать письмо отцу тех ребятшек. Утром его нашли повесившимся. Дети остались сиротами. До 1949 года детей немцев не брали в детские дома. И только весной 1949 Софья отдала детей Генш. Связь с ними потерялась.

В 1953 году семья Гайбель уехала в Челябинск. Софья была очень сильная и духовная женщина, обращалась с детьми строго и властно: «Учиться! И работать». «Так мы пережили всё, - говорит теперь Ольга Ивановна, - поселение под надзор спецкомендатуры, ограничения в получении образования, отторжение руководящих органов. Мы всё же поднялись и выпрямили спины.»

Когда Николай вернулся из трудармии, он заочно окончил Лесотехнический Свердловский институт, стал главным инженером леспромхоза, того самого, где был на каторге. Вырастил двух сыновей и дочь.

Ирма выучилась на товароведа и до 1982 года проработала в отделе снабжения своего предприятия, где была по набору военного времени. Умерла в 2005 году.

Фрида — мать двоих сыновей, также усыновила шестерых. Закончила в 1949 году Каменское педучилище и всю жизнь проработала в школе учителем. Умерла в 2000 году.

Ольга Ивановна родила двух сыновей, замужем за Гришиным Виктором Васильевичем, чья судьба тоже не сахар. Он из семьи раскулаченных по линии матери, отец погиб на фронте. Виктор рос с матерью, дедом и бабушкой отца. В 15 лет похоронил деда и уехал из колхоза. ФЗО, стройка, армия, а в 23 года женился. Он работал на всех ударных стройках области, и в 28 лет получил орден «Знак почёта» за химзавод. В 37 лет «Дружба народов» за ракетный центр «Уралаз» и Металлургический завод города Златоуста. В 48 лет стал Заслуженным строителем СССР, и сейчас, в свои 68 лет, до сих пор работает. Проработал всю жизнь на одном месте.

Сейчас все двоюродные сёстры и братья Ольги Ивановны со своими детьми и внуками живут в Германии. Их свыше 327 человек. Ольга Ивановна не видела их с 1976 года.

Ольга Ивановна Гришина с 1991 по 2005 год — член комиссии по защите прав репрессированных при администрации г. Миасса. С октября 1989 года работала в обществе «Мемориал» в отделе реабилитации. С декабря 1992 года возглавляла Немецкий культурный центр города Миасса.

**Виктор Васильевич,
муж Ольги Ивановны**

**Виктор Васильевич
в молодости**

Ольга Ивановна Гришина

У Ольги Ивановны большая и дружная семья

Лохтачева Полина,
6 «б» класс МАОУ СОШ № 10 г. Златоуст

ТУАЛЕТНЫЙ СТОЛИК

Когда я была совсем маленькой, я часто приходила в гости к моей бабушке с дедушкой. Они творческие люди, я часто с ними рисовала и лепила. Но больше всего я любила слушать рассказы моей бабушки о том, как она жила раньше. Бабушка рассказывала мне о её родителях, о том, чем они любили заниматься. Прошло время, я выросла, и когда узнала про конкурс «Бабушкин сундучок» мне пришлось вспоминать то, что когда-то слышала от бабушки. Я долго вспоминала старые истории, которые рассказывала мне бабушка в детстве, но в голову приходили только обрывки её рассказов. Самой красочной историей из тех, что она мне рассказывала, показалась история про старый туалетный столик, который мне очень нравится. Я решила пойти к бабушке и узнать о нём поподробнее.

Когда она рассказывала мне, я решила записать рассказ и эта история звучала так

Родители моей бабушки родились в республике немцев Поволжья. Российские немцы живут в России на протяжении 250 лет. Они приехали в Россию по указу Екатерины II, которая издала манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в губерниях, которых они пожелают и о дарованных им правах».

Поэтому все предки моей бабушки жили на Волге. Моя прабабушка, Эмма Лютцов, родилась в селе Орловское, неподалёку от города Маркса. А мой прадедушка, Владимир Энгельман, родился в селе Вайценфельт. Когда началась война, немцев выслали на Урал, в Казахстан, в Сибирь. Судьбе было угодно, что бы мои прабабушка и прадедушка встретились в селе Косиха на Алтае. В этом селе и родилась моя бабушка,

а ещё позже и сам столик.

Только в 1956 году немцам разрешили куда-либо уезжать. И бабушкина семья уехала на юг Казахстана, в село Ванновка. Там моя бабушка закончила школу. После окончания школы, она уехала продолжать учёбу на Урал. Так она оказалась в Златоусте.

Большой мечтой моей прабабушки было вернуться на Волгу, что впоследствии она и сделала. Всю жизнь её работа была связана с творчеством. Она очень любила рисовать. Поэтому прабабушка не только занималась украшениями для мебели, но и разрисовывала многое другое. Бабушка рассказывала о том, что её мама разрисовывала масляными красками подушки. Прабабушка вырисовывала на них ажурные, словно живые цветы. Подушки даже можно было стирать. Если какая-то часть рисунка стиралась, она не расстраивалась, а брала и дорисовывала недостающую часть рисунка. К сожалению, эти подушки не сохранились, и я не могу рассказать о них поподробнее. Прабабушке было хорошо жить на Волге, в городе Энгельсе. Но в 1993 году она уехала жить в Германию, город Бранденбург. Счастья в Германии она не обрела, и к тому же она сильно скучала по семье и по Родине.

Когда они жили ещё в Казахстане, у них был большой дом с садом. В доме всё было аккуратно убрано и уложено. С детства прабабушка приучала детей к чистоте и красоте в доме. Мой прадедушка был не только мастером на все руки, но и творческим человеком. Он любил делать искусную мебель в дом. Прадедушка делал резные шкафы, столики, тумбочки. К сожалению не всё это сохранилось у моей бабушки, часть мебели находится у её брата. Но столик, о котором я собираюсь рассказать, стоит у бабушки и уже долгое время радует глаз.

Раньше было очень модно иметь дома туалетный столик, но стоили они очень дорого и папа моей бабушки решил сделать его сам. Когда бабушке было 10 лет, её отец купил большой фанерный ящик, в котором привозили чай в сельский магазин, и принёс его домой. Фанера, из которой он был сделан, была сухая, качественная, на ящике даже была печать «CALCUTTA» и штамп Рязанской развесочной фабрики (фото 2, 3). Забегая вперёд,

скажу, что впоследствии из этого ящика будет сделан туалетный столик с маленьким ящичком, в котором хранились документы.

Так как моя бабушка с семьёй жили в то время на юге Казахстана, фруктовых деревьев у них было много. В саду у них росла груша и большой грецкий орех. И как раз эти два дерева мешали расти розам, которые с любовью выращивала бабушкина мама. На семейном совете было решено срубить эти два дерева. Мой прадедушка спилил их, распилит на куски, высушил, а затем на токарном станке выточил красивые, аккуратные ножки для столика и уголки для его оформления. К сожалению ножки эти давно уже потрескались от времени, но всё равно на них приятно смотреть, так как форма их вроде простая и незамысловатая, но изящная, выполненная аккуратно, с большой любовью и старанием.

У столика сама столешница и небольшая стеночка сделаны из фанеры того самого чайного ящика. Дерево тогда стоило очень дорого, и было его очень мало, поэтому ящик пришёлся кстати. Моя прабабушка нарисовала эскиз будущего туалетного столика. Когда они жили в Республике немцев Поволжья, у них был большой и красивый дом на берегу Волги. В этом доме, как рассказывала бабушке моя прабабушка, было много замечательных вещей. У них была фисгармония, множество книг и старинная мебель. Кроме этого был в их доме замечательный туалетный столик, который тогда маленькой прабабушке очень нравился. Поэтому, когда решили делать столик, она нарисовала его подобный тому, из детства.

Мой прадедушка сделал из фанеры столешницу и стеночку для столика. Потом его долгое время шкурели наждачной бумагой до идеально гладкой поверхности. После того, как стол почти был готов, его захотели украсить различными орнаментами. А кроме того, на стенке столика был нарисован пейзаж с медведем, стоящим на скале. Моя прабабушка любила медведей, так как в Сибири, где раньше они жили, их было много, она решила изобразить именно этого большого, могучего зверя.

Моя прабабушка аккуратно нарисовала картину и узоры карандашом по дереву, и только тогда, когда все рисунки были готовы их стали

Печать сохранилась на задней стороне столика

А на обратной стороне туалетного ящика почти полностью сохранилась маркировка

всей семьёй обводить выжигателем. Бабушка рассказывала, как им с братом доверили выжечь орнамент на ящичке. Выжигатель не слушался, и на него нельзя было надавливать, иначе на рисунке появлялись сильные углубления, делавшие его уже не столь привлекательными, но это был

их первый опыт в оформлении мебели.

Там где выжигала их мама, рисунок был ровный, красивый, на нём не было глубоких вмятинок, а там где выжигали дети, рисунки получались менее качественными. Но сейчас это уже целая история и осталась память о детстве.

Пейзаж, выполненный выжигателем на стенке туалетного

Столик этот не очень большой. В нём всего один ящичек, на котором и выведены детской рукой орнаменты. Столешница и стенка стола были когда - то светлыми, а ножки темными. Тонировать было нечем, поэтому моя бабушка с её мамой покрыли стол марганцовкой, и он приобрёл коричневый оттенок. Выжженные рисунки на этом фоне получились ещё темнее. И когда всё это было уже готово, он был покрыт на несколько раз лаком. Он получился красивый, блестящий и совсем, словно из другого времени.

На столик, бабушка рассказывает, они ставили разные красивые флаконы с духами, вазы с цветами и на нём стояли фотографии моей бабушки и её брата в красивых, резных рамках, которые тоже сохранились до сих пор в бабушкином «сундучке». Я поинтересовалась у бабушки: «Почему стенка столика разная по цвету?» Она ответила: «В центре стола всегда стояло овальное зеркало. На стол падал свет, и дерево постепенно темнело, лак тоже менял свой цвет, а кроме этого мама его часто лакировала. В итоге столик потемнел до такого тёмного состояния от лака и солнца, а место где стояло зеркало прикрывало стеночку от падающих лучей солнца, и получилось так, что место под зер-

калом выделяется из всего стола своим более ярким цветом».

Когда моя прабабушка уезжала в Германию из России, моя бабушка попросила оставить столик ей. Прабабушка сказала, что столик ей самой нравится, и она заберёт его с собой, как добрую память о прошлом. Она планировала разобрать туалетный столик перед перевозкой, но так как он не был предназначен для того, чтобы его можно было разбирать, стол, к сожалению, изрядно поломали. В итоге все приняли решение оставить столик здесь, в России, у моей бабушки. Как хорошо, что он остался здесь и мы, внуки, можем полюбоваться на дело, которым занимались наши прабабушка и прадедушка и как им помогали их дети. А если бы она увезла столик с собой, то он сейчас был бы в Германии, и неизвестно у кого.

Прабабушки, к сожалению, уже нет в живых. Она умерла в Германии, а я её даже и не видела, но многое знаю о ней по рассказам моих близких, и я выросла среди картин, написанных ею. Я их вижу на стенах в бабушкином доме и горжусь своими талантливыми предками.

Моя бабушка - Нина Лохтачёва, занимаясь искусством гравюры, которое привезли в Златоуст

немецкие мастера, достигла огромных успехов. Она стала заслуженным художником России, имеет много государственных наград. Они с моим дедушкой- Александром Лохтачёвым, тоже заслуженным художником и скульптором создали свои творческие мастерские «ЛиК». Сейчас они не только создают шедевры искусства, но и воспитали большое количество художников.

Им удалось объединить вокруг себя всю свою семью. Оба их сына продолжают дело родителей. Денис Лохтачёв, мой дядя, возглавляет произ-

водство. Он большой мастер, отмечен многими наградами. Андрей Лохтачёв, мой отец, является генеральным директором фирмы «ЛиК» Моя мама тоже работает в «ЛиКе». Она юрист. «ЛиК» расшифровывается как Лохтачёвы и компания.

Нас, внуков, у бабушки с дедушкой шестеро. И старшая из нас, Аня теперь тоже занимает место в нашем семейном бизнесе.

А меня зовут Полина Лохтачёва, я горжусь своей фамилией. Я ещё не волшебник в мире творчества, я ещё только учусь.

Александр Моисеев

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ

В начале прошлого века только в Верхнеуральском уезде работали более 400 немцев и почти все в городке. Знаменит был завод Рейсдорпа. Он свершил в местном пивоварении настоящую революцию. До того здесь пили просто пиво, теперь же могли выбирать по вкусу, хочешь — пей мюнхенское, хочешь баварское, или бархатное, или мартовское. Трудно представить, но ячмень для солода закупался в Чехии и даже Канаде. Пивзаводчик так натащил своих мастеров, что они и без него в советское время удивляли гостей города «столичным» пивом. Каждый город был знаменит своим пивоваром-немцем непременно. В Челябинске пиво расходилось с шести складов. Но особо ценилось местного производства. С пивоваренной Венцеля.

* * *

В Троицке вошел в местную историю пивовар Яков Эрнст Леонгард Зуккер, он прибыл поить пивом троичан с самой Германии. Он соорудил здесь такой заводиче, что не только залил пивом город, но и сотни сорокаведерных бочек и ящиков с бутылками отправлял в Челябинск, Златоуст, Миасс и Кустанай. Зуккертова фирма «Восточная Бавария» стала настоящим локомотивом развития города и окрестного сельского хозяйства. Достаточно сказать, что возле пивзавода вырос целый поселок на берегу Увельки Новая Нарезка, а на селе целые поля засеивались ячменем. Слава фирмы «Восточная Бавария» дошла до самой Баварии и привела в Троицк конкурента А.П. Лоренца, назвавшего свой завод «Новая Бавария». Конкурентов развела германская война, конечно, как всех немцев, она их коснулась. До погромов у нас не доходило, но многим досталось. В Златоусте, к примеру, немецкие улицы стали славянскими, в Челябинске Болгарская — Сербской (те за немцев, эти за нас). В Миасском заводе прикрыли немецкий пивзавод (вдруг да отравит). В Троицке остановил пивзавод Лорец, от греха подальше вернулся в свою Баварию. Зуккерт остался, благополучно пережил еще и гражданскую с национализацией. Нет, никаких гонений от новой власти. Добровольно он передал ей свой завод, за что и был оставлен главным инженером. Он передал также под пионерский лагерь свою дачу и подарил городу свою библиотеку.

В первую мировую войну немцы прибывали в наш край под стражей как военнопленные. Здесь было несколько крупных лагерей, в том числе в Златоусте и Троицке в Меновом дворе, они трудились на заводах и разных работах. Причем многие из них проживали без охраны, передвигались свободно. Малую часть военнопленных Советская власть вернула на родину после Брестского мира — остальных после гражданской войны в 1921 году, в которой они участвовали на стороне красных. Остались немногие, часть из идейных побуждений — строить новую жизнь, другая — женившись, пустив здесь семейные корни.

* * *

Скажем, П.К. Клодт, известный в основном по «коням» на Аничковом мосту. Его животные — «анималистика» — отдельная глава каслинской школы. Кстати, не только местные самородки приземляли местное «кабинетное» литье. К примеру, А.Л. Обер и Н.И. Либерих создали немало моделей «народного» жанра, до сих пор отливаются в чугуне и их животные. А братья Николай и Роберт Бах всю свою творческую жизнь связали с Каслями. Оба участвовали в развитии каслинского литья, работая непосредственно на заводе. Николай Бах руководил каслинской школой художественного литья и завещал супруге похоронить его здесь. Гранитная глыба с бюстом установлена на его могиле.

Немцы Челябинского Урала преимущественно горожане. Больше всего их в трех городах, с которыми добровольно-принудительно связала их историческая судьба. Златоуст — это почетное приглашение специалистов-оружейников и металлургов, а также черная волна трудармейства в Великую Отечественную войну. Преимущественно их дети и внуки челябинские и копейские, они поднимали металлургический гигант и район, обслуживали Танкоград, рублили копейский уголек, как и в шахтах Коркино и Еманжелинска. Сельские немцы — исключение. Самый немецкий район у нас — Октябрьский. Здешние немцы — потомки колонистов Новороссии — из Херсонской и Таврической губернии, отсюда особенно много из Мелитопольского уезда. Их появление у нас состоялось в начале прошлого века в ходе Великого переселения из обжитой Европейской

России за Урал. Челябинск тогда стал именоваться Воротами Сибири, и здесь появился главный Переселенческий пункт. Через него прошли и октябрьские немцы.

* * *

Остались документальные свидетельства, откуда кто где селился. Так, немецкие колонисты из села Пришиб (ныне Запорожская область) облюбовали берега озера Барсучье Займище. Поселок получил числительное название — Восьмой. Дело в том, что, как и шесть десятилетий назад, при заселении Новолинейного района поселки закладывались под номерами, так и

переселенческие участки именовались. Позднее за немецким поселком закрепилось современное название Барсучье.

Немало октябрьских немцев уехало на историческую родину, но и в новом веке около девяти процентов населения — немцы. Они по-прежнему выделяются упорным трудом, крепкими хозяйствами. Среди них немало фермеров. Вернувшиеся признают, что в Германии нет таких условий развернуть хозяйство, как здесь. Есть немало интересных новаций. На голубом экране промелькнул сюжет со страусиной фермы. По всему видно, что дело вполне возможное, на дворе зима, а «африканцы» на свежем воздухе совсем не ежатся.

НЕМЕЦКИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(На территории современной Челябинской области)

Оргенбургская губерния

Базилеевка — заимка, Троицкий уезд.

Барсучево (Восьмое) — Челябинский у., Чудиновская волость.

Башкуровское — Челябинский у., Заманиловская в.

Башлеевка — Челябинский у., Султаевская в.

Верхнеувельская (1891) — Троицкий у.

Восмое — см. Барсучево.

Гильфер-Фроловское — Челябинский у.

Голая Сопка — хутор, Челябинский у.

Григорьевка — Челябинский у.

Гурьева (Гурова) — русско-немецкая заимка, Челябинский у., Султаевская в.

Епанешниковский — украинско-немецкий хутор, Челябинский у., Андреевская в.

Казанцевский — Челябинский у.

Караульная — заимка, Троицкий у.

Кочковатый — русско-немецкий участок, Челябинский у., Чудиновская в.

Круглая — Челябинский у., Чудиновская в.

Кузнецова — хутор, Челябинский у.

Мавлютово — Челябинский у., Сухоборская в.

Минха — хутор, Челябинский у.

Михайловский — хутор, Челябинский у.

Могильное — хутор, Челябинский у., Сарт-Калмыцкая в.

Никольский — хутор, Челябинский у.

Пауля — хутор, Челябинский у.

Прудок — хутор, Челябинский у., Сарт-Калмыцкая в.

Сапсонский — хутор, Челябинский у.

Сычевская — Челябинский у.

Трехозерка — см. Трехозерка-Моисеевка

Трехозерка-Моисеевка — Челябинский у.

Федоровская — Челябинский у., Султаевская в.

Центер — хутор, Челябинская в.

Чебурак — Челябинская в., Чудиновская в.

Шульц (1902) — хутор, Челябинский у.

Яйпак (Япак, Яйбак) — хутор, Челябинский у., Сарт-Калмыцкая в.

Янов — заимка, Челябинский у., Сарт-Калмыцкая в.

Япак — см. Яйпак

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НЕМЕЦКИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(На территории современной Челябинской области)

Оренбургская губерния

1. Антошкина — заимка, Челябинский у.
2. Байтенчерова — заимка, Челябинский у.
3. Белоусово — хутор, Челябинский у.
4. Гейгер — хутор, Челябинский у.
5. Гулянов - Челябинский у.
6. Гулянова - заимка, Челябинский у.
7. Дворянский — хутор, Челябинский у.
8. Доможирово — хутор, Челябинский у.
9. Зыково 2-е - хутор, Челябинский у.
10. Каравулка (Караульная) — заимка, Челябинский у.
11. Каспер (Kasper, Заисток) — хутор, Челябинский у.
12. Козыревка — заимка, Челябинский у.
13. Колония Клеме (Kolonie Kleme) — хутор, Челябинский у.
14. Колоскова 1-я — заимка, Челябинский у.
15. Колоскова 2-я — заимка, Челябинский у.
16. Мякутина — заимка, Челябинский у.
17. Немерова 1-я (Нимрова) — заимка, Челябинский у.
18. Николаевка - хутор, Челябинский у.
19. Ново-Мариенгем - заимка, Челябинский у.
20. Панова 1-я - заимка, Челябинский у.
21. Погудино - хутор, Челябинский у.
22. Рабушино (Рябухина) - заимка, Челябинский у.
23. Рыбальск - заимка, Челябинский у.
24. Смирнова - - заимка, Челябинский у.
25. Смолино - Челябинский у.
26. Спорная - заимка, Челябинский у.
27. Спорная- Ляга - заимка, Челябинский у.
28. Сумке — см. Сумки.
29. Сумки (Сумке — Sumke) - заимка, Челябинский у.
30. Фреликова - заимка, Челябинский у.
31. Чулошников - заимка, Челябинский у.
32. Шишминская - заимка, Челябинский у.

**«Немецкие населенные пункты в Российской империи: География и население».
Справочник, Москва, 2006.**

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы проследили путь народа, который, приезжая в Россию, еще не был окончательно сформирован в европейскую нацию. «Дозреть» ему предстояло в России, обогащаясь новыми национальными «добавками». Об этом в российском обществе забыли. Причем переселенцы из германских земель в большинстве своем направлялись в Россию не просто пережить лихолетье, а вжиться в новое государство, которое для их детей уже станет Родиной. И это получилось: немые немцы обрели в России голос.

Они сформировались под воздействием других российских народов в своеобразное национальное образование со своим узнаваемым лицом. Новый народ завоевал авторитет, и его представителей можно было встретить на всех социальных лестницах России.

Соединение понятия немец и Россия в одно целое шло непросто. Но надо сказать однозначно: немцы приняли новую Родину и стали служить ей верой и правдой. Несмотря ни на что. И так до сегодняшнего дня.

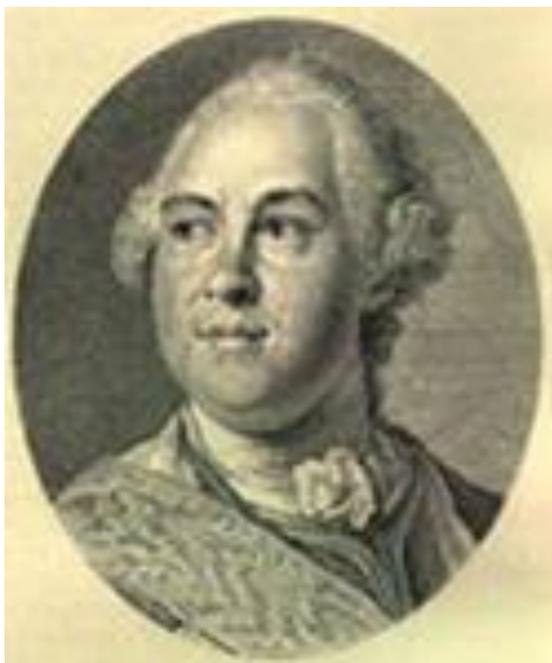
ПРИЛОЖЕНИЕ

Екатерина II

Иоганн Буркхарт Христофор Миних. Несмотря на немецкое происхождение, его военные и государственные дарования проявились в России, которой он долго и ревностно служил как своей второй родине.

Лаврентий Блюментрост, первый президент Российской академии

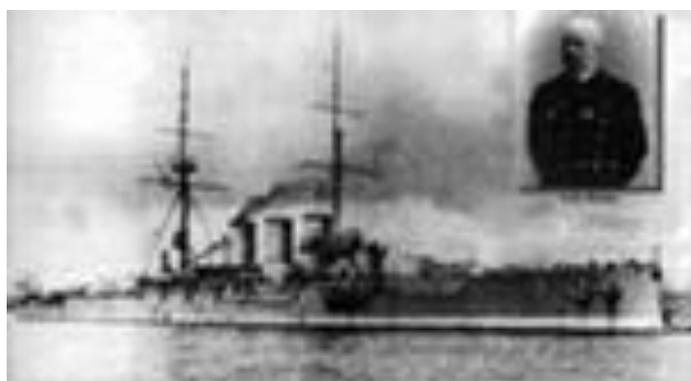
Командиръ крейсера II-го ранга „Новикъ“
капитанъ 2-го ранга Н. О. фонъ-Эссенъ.

Николай Оттович фон Эссен.

Началось строительство фрегата «Адмирал Эссен» для ВМФ России.

Флагман вице-адмирала Н.О. Эссена крейсер «Рюрик», 1911 г.

(9 июля 2011 года)

В Калининграде заложили фрегат «Адмирал Эссен»

В Калининграде 8 июля был заложен фрегат «Адмирал Эссен» - второй корабль проекта 11356. Как сообщает ИТАР-ТАСС, церемония прошла на Прибалтийском судостроительном заводе «Янтарь».

Предполагается, что фрегат будет принят на вооружение ВМФ России в 2014 году. Как и первый корабль проекта, заложенный в 2010 году фрегат «Адмирал Григорович», «Адмирал Эссен» будет нести боевую вахту на Черноморском флоте.

Кроме того, осенью 2011 года на заводе «Янтарь» будет заложен третий корабль серии - фрегат «Адмирал Макаров». В дальнейшем по проекту 11356 для ВМФ планируется построить ещё три корабля. Ещё три фрегата той же серии до конца 2011 года будут переданы ВМС Индии.

Фрегаты проекта 11356 предназначены для ведения боевых действий в океанских и морских районах против надводных кораблей и подводных лодок противника. Также корабли способны отражать атаки с воздуха.

Адмирал Николай Оттович фон Эссен, чьё имя получил новый фрегат, родился в 1860 году в Ревеле (Таллин). Во время русско-японской войны 1904 - 1905 годов командовал крейсером, затем - эскадренным броненосцем «Севастополь».

Сторожевой корабль «Адмирал Эссен» прибыл в Североморск 4 апреля, 2016 года

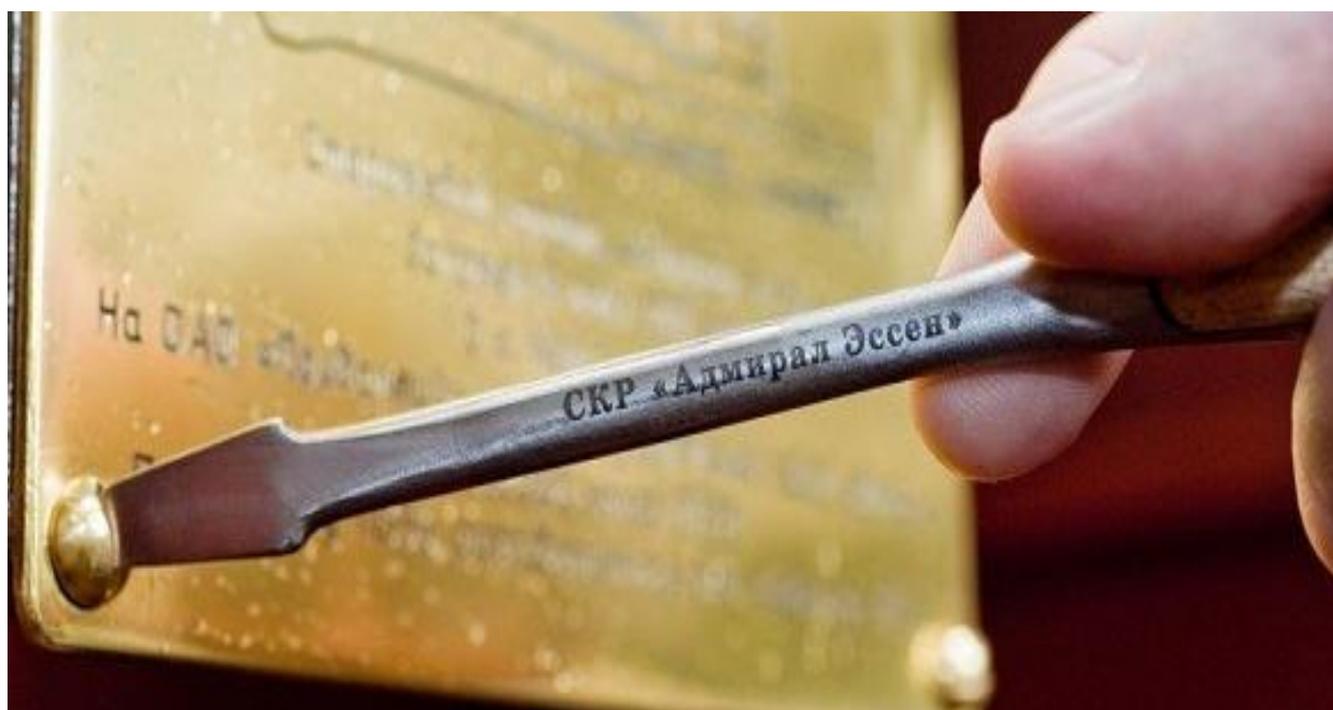
Сторожевой корабль проекта 11356 «Адмирал Эссен» прибыл в главную базу Северного флота Североморск в рамках государственных испытаний, сообщает Минобороны РФ.

«В полигонах боевой подготовки Северного флота в Баренцевом море экипажу сторожевого корабля предстоит продолжить государственные испытания оборудования и систем вооружения, в том числе, с выполнением практических стрельб из различных комплексов вооружения», – говорится в сообщении.

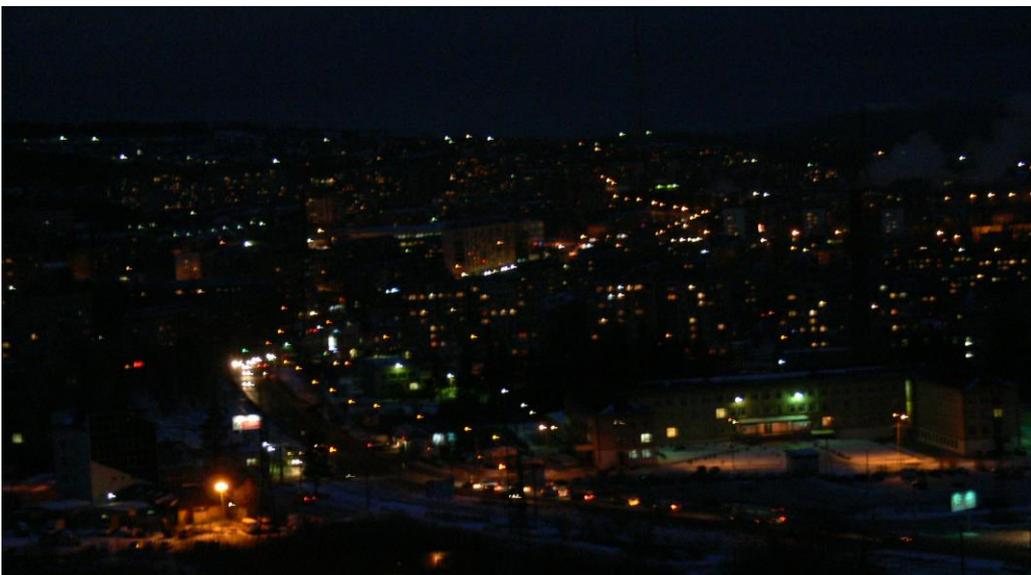
После завершения государственных испытаний на Северном флоте «Адмирал Эссен» вернется в Калининград на Прибалтийский судостроительный завод «Янтарь».

Ранее сообщалось, что передача корабля в состав ВМФ России запланирована на май 2016 года.

Сторожевой корабль проекта 11356 «Адмирал Эссен» спущен на воду в 2014 году, заводские ходовые испытания начались в октябре 2015 года. Корабль оснащен корабельным ракетным комплексом «Калибр-НК», многоканальным зенитным ракетным комплексом «Штиль-1».

Златоуст: красив во все времена

Немецкое лютеранское кладбище в Златоусте (зимой)

Изделия современных мастеров Златоуста

Морозов П.Ф. (1928-?)
Топор декоративный.

Гарьшин В.Ф. (1931-1978)
Топор декоративный. 1958 г.

Исторические реликвии

Златоустовский немецкий культурный центр

Лариса Вайцель, председатель правления

Активисты центра (слева направо): Эдмунд Берг, Владимир Шнейдер

Выставка «Трудармейцы» (Челябинск – Златоуст)

О содержании выставки рассказывает председатель правления ЧООО «Немецкий культурный центр» А.Я. Нахтигаль

В. А. Гринимайер, писатель (Магнитогорск)

**Память о первых мастерах из Золингена
сохраняет шестое поколение:
Семья Шнайдер Владимира Артуровича**

мастер Шнейдер Владимир
Леонгардович с семьёй

свидетельство о рождении 1890 года

Выписка

изъ списка рожденныхъ и крещенныхъ
Златоустовскаго Евангелическо-Лютеранскаго
прихода. Годъ 1890. № 1.

Месца восьмитаго Январскаго (1890) года, Трехъ
тридцатаго дня, въ 6 час. веч., рожденъ въ законномъ
Бранъ и окрещенъ Трехъ шестого дня т. г. по
Евангелическо-Редор патскому обряду:

Даниэль Айсбергъ (Daniel Aisberg),
сынъ Леонгарда Шнейдеръ (Leonhard Schneider) и ес-
тесны Люби, урожд. Кламмеръ (Ludia, dev. Кламме-
оба евангелическо-редорлатскаго вѣроисповѣданія
Восприимки: Карлъ Рандорфъ; Викторъ Вольфъ;
Каролина Шигеръ, ур. Нейеръ; Вильгельмина Лорхъ, ур.
Брунелеръ. —

Сие удостоверяется на основаніи метрическихъ книгъ
Еванг.-Лютер. церкви въ гор. Златоустѣ, своихъ под-
писомъ и приложеніемъ церковной печати.

№ 153

гор. Златоуста
16 аго Января 1890

А. Симонти
пасторъ Златоустовскаго
Ев.-Лут. прихода.

свидѣтельство об окончаніи училища

Свѣдѣтельство.

Дано сіе свидѣтельство сыну мѣщанину г. Златоусто
Вольдемару Феликсу-Вильгельму Шейдеру
лютеранскаго вѣроисповѣданія, родившемуся
24го Марта 1880 года, въ томъ, что онъ, какъ вы-
 бывшій изъ 3го класса 2го отдѣленія Златоустовскаго 3-хъ
 класснаго городского училища, имѣеть право, на основаніи
 ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія 29 Мая 1876 года, воспользоваться
 при отбываніи воинской повинности льготой 4 разряда. Г. Зла-

№ 256

тоусть. Августа 1897 года

Начальникъ училища Л. Васильевъ.

Законоучитель-Свѣдѣ. Николай Сидоровъ.

Преподаватели:

Александръ
г. Васильевъ
Степановъ

ответ бургомистра города Золингена на запрос Владимира Артуровича Шнейдер

Stadtarchiv Solingen Gasstraße 22b, 5650 Solingen 1

Tel. 0212/290-3630

Herr
Wladimir Schneider
Maschinostroiteley-Strasse 40-83
456213 Slatoust
UdSSR

Solingen, den 28.8.'91

Sehr geehrter Herr Schneider,

auf Ihr Schreiben vom 10.7.'91 übersenden wir Ihnen eine Sammlung von Zeitungsausschnitten und Kopien aus Adressbüchern, die etwas Aufschluss über die Gründe der Solinger, nach Rußland auszuwandern, geben.

In dieser Zusammenstellung finden sich außerdem einige Familiennamen möglicher Urahnen von Slatouster Bürgern.

Neben den Namen Wolfertz und Schneider fand sich der Name Kolfhaus. Vielleicht ist daraus, durch Übersetzungsfehler, Kolfgautsen entstanden.

Falls sich aus dem Material weitere konkrete Fragen für Sie ergeben, können Sie sich direkt an uns um Auskünfte wenden.

Mit freundlichen Grüßen, i.A.

G. Freiwald

Anlagen

Öffnungszeiten:

Mo. - Fr. 7³⁰ - 16⁰⁰

Mi. 7³⁰ - 17³⁰

Sa. 8⁰⁰ - 12⁰⁰

Di. u. Do. geschlossen

Ответ из Германии о первых переселенцах Шнейдерах

№ 1112

Французский список
о
сиротах

Упомянуто мастера Достоинство
окой Французской Франции Данни
Убийств Убийств.

Составлен по делу и
не по № 1112. Мае 1866.

здание лютеранской кирхи (церкви)

служащие оружейной фабрики 1913 г.

Solinger wollen nach Rußland auswandern.

Ein Beitrag zur Geschichte der bergischen Auswanderung im 19. Jahrhundert.

Von Dr. L. Busch, Berlin.

Bei meinen Studien zur Erforschung der bergischen Militärgeschichte im geheimen Staatsarchiv in Berlin-Dahlem stieß ich zufällig auch auf einige Akten, deren Auswertung einen willkommenen Beitrag zur Geschichte der bergischen Auswanderung im 19. Jahrhundert, aber auch zur Solinger Lokalgeschichte bieten dürfte.

So entnehmen wir den Akten, daß der ehemals im Märktischen und Bergischen tätig gewesene, zu jener Zeit aber in russischen Diensten stehende Bergrat Eversmann auf Grund seiner eigenen Kenntnisse der bergischen Industrieverhältnisse, vor allem aber unter geschickter Ausnutzung der katastrophalen Arbeitslosigkeit, die infolge der napoleonischen Wirtschaftspolitik in den letzten Jahren der französischen Fremdherrschaft das bergische Land in steigendem Maße heimlich, eine sehr lebhaft betriebene Tätigkeit für eine Auswanderung nach Rußland entfaltet hatte.

Jedoch die Ende 1813 erfolgende Befreiung des Bergischen Landes von der französischen Fremdherrschaft durch die nach der Leipziger Völkerschlacht siegreich vorrückenden preussischen und russischen Truppen und die damit erfolgende Besetzung und Verwaltung des Landes im Namen der verbündeten Regierungen mußten nicht nur die weitere Werbetätigkeit Eversmanns durchkreuzen, sondern überhaupt auch die Auswanderung der bereits Angeworbenen in Frage stellen. Der erste Gouverneur des Bergischen Landes, Justus Gruner, ein Osnabrücker in russischen Diensten, hatte der beabsichtigten Auswanderung allerdings keine Schwierigkeiten in den Weg gelegt, sondern sie sogar, wahrscheinlich in Rücksicht auf den russischen Kaiser, noch unterläßt. Aber die bergischen Gemeindebehörden setzten alle Hebel in Bewegung, um von der Regierung ein direktes Verbot jedweder Auswanderung zu erwirken. Mit Recht konnten sie darauf hinweisen, wie gerade jetzt die eben eingeführte allgemeine Wehrpflicht und nicht minder der sich infolge der großen Heeresaufträge mehr und mehr unangenehm fühlbar machende Mangel an geübten Arbeitsträften jeden männlichen Einwohner dringend benötigte. Hatte man doch schon wegen des großen Arbeitermangels in den Solinger Waffenfabriken über hundert bergische Soldaten rekrutieren müssen. Der Nachfolger Gruners auf dem bergischen Gouverneurposten, Prinz von Solms-Lich, teilte an sich diesen Standpunkt der bergischen Behörden, andererseits aber wurde er von Bergrat Eversmann mit immer ernstern Vorstellungen bestimmt, den von ihm angeworbenen Leuten die Auswanderungserlaubnis zu geben. So war er in einer etwas peinlichen Lage. Da er sich nicht für ermächtigt hielt, eine selbständige Entscheidung zu treffen, wandte er sich am 13. März 1814 mit einem ausführlichen Schreiben an den Freiherrn vom Stein, in dessen Händen die Oberleitung aller besetzten Gebiete lag, und bat diesen um nähere Verhaltensmaßregeln. Aber auch dieser wagte — in erster Linie auch seinerseits aus Rücksicht auf den Zaren — keinen sofortigen Entscheid zu treffen, sondern am 2. April 1814 antwortete er aus Dijon (Frankreich), dem damaligen Hauptquartier der verbündeten Armeen, daß er nicht eher über die von Herrn Bergat Eversmann engagierten Arbeiter etwas Positives bestimmen könne, als bis er von deren Wichtigkeit für die Fabriken vollkommen unterrichtet sei. Deswegen bat er um umgehende Mitteilung darüber,

1. wie stark die Zahl der von Herrn Eversmann engagierten Arbeiter sei.
2. wie viele davon zum Militär-Dienst verpflichtet seien.
3. mit welcher Art von Arbeit jeder von den genannten Arbeitern sich beschäftige und in wie weit jeder von ihnen für die Landesfabriken nötig und unentbehrlich sei.

Der Düsseldorf'sche Gouverneur gab nun diese Aufforderung über den Elberfelder Kreisdirektor an die diesem untergeordneten Dienststellen, vor allem an die in Frage kommenden bergischen Bürgermeister, weiter. Die Elberfelder Kreisdirektion stellte die von den Gemeinden einlaufenden Meldungen zu folgender Aufstellung zusammen.

Name	Alt. J.	Familienstand	Heimat	Beruf	Bemerk.
Beyersberg, Pet. Abr.	40	oh. 3 Kind.	Solingen	Al.-Schmied	wohl zu entb.
Reimer, Joh. Peter	53	" 6 "	Merscheid	Stahlarbeit.	" sehr im Landbl.
Wid, Benjamin	50	" 4 "	Wald	Federn.-Schm.	
Rirkendahl, Joh. Wilh.	37	" 4 "	Höhscheid	Scherebmach.	
Grab, Joh. Gottfried	35	" 5 "	"	Schleifer	
Grab, Daniel	40	" 4 "	"	Schleifer	
Dhliger, Joh. Abraham	40	" 5 "	Dorp	Schwerfischm.	
Wolter, Daniel	40	" 6 "	Solingen	"	g. Arb.
Luhn, Joh. Franz	47	" 2 "	Kemscheid	"	sehr g. Arbeit.
Dhliger, Daniel	38	" 4 "	Solingen	Reider	sehr gut. Arbeit.
Hartkopf, Abraham	48	" 4 "	"	Bergolder	
Klein, Joh. Gottfr.	37	" 3 "	Höhscheid	S.-Schmiedm.	
Ströter, David	49	" 5 "	"	Schleifer	
Rosentatmer, P. Abr.	20	— —	Wald	Federn.-Arb.	
Lauterjung, Samuel	20	— —	"	Schwerfischm.	
Dhliger, Samuel	40	oh. 5 Kind.	Dorp	Schwertichm.	
Hentels, Daniel	22	— —	Höhscheid	Schleifer	
Börter, Wilhelm	41	oh. 4 Kind.	Dorp	Schwerfeger	nicht zu entbehr.
Linder, Peter Gottfr.	36	" " "	Höhscheid	Schleifer	g. Arb.
Welshor, Joh. Wilh.	49	" " "	Solingen	Echer	
Haldach, Joh. Peter	31	oh. 4 Kind.	Kemscheid	Schweidenm.	
Hoppe, Daniel	30	— —	Dorp	"	?
Kirchhoff, Friedr. W.	28	— —	Solingen	Härter	g. Arb.
Ripper, Casper Dietr.	30	— —	Merscheid	Feilenhauer	
Schmih, Carl	44	oh. 4 Kind.	Kemscheid	Bergolder	
Höfer, Joh. Peter	36	" " "	Merscheid	Schmelzer	
Beyersberg, Fr. Wilh.	22	" 3 "	"	Feilenhauer	
Schneider, Johann	30	" 1 "	Solingen	Meßerretzer	g. Arb.
Wolfgang, Peter	33	" 3 "	Dorp	Schwert.-Arb.	
Gälein, Sebastian	55	" 8 "	Welmelsz.	Gabelmacher	1 Sohn i. Milt.
Hötz, Franz	40	" 4 "	"	Schullehrer	wohl zu entbehr.
Killing, Pet. Johann	23	— —	Höhscheid	Scherebmach.	wohl zu entbehr.
Homes, Wilhelm	51	oh. 3 Kind.	Kronenbg.	Sägenhieb	wohl zu entbehr.
Bertram Joh. Peter	50	— —	Kemscheid	Hammerichm.	entbehr.

Aus dieser Aufstellung ergibt sich, daß es sich bei den russischen Auswanderern damals um 35 Familien mit 152 Personen handelte. Die größte Zahl von ihnen stammte aus dem Solinger Industriebezirk. Außer den in der Liste aufgeführten scheinen sich aber noch weitere Bewohner der genannten Städte mit dem Gedanken getragen zu haben, nach Rußland auszuwandern. So weist z. B. der Bürgermeister von Merscheid ausdrücklich darauf hin, daß „laut einem oft bestätigten, daher sehr wahrscheinlichen Gerücht“ noch andere aus der Gemeinde auswandern wollen, ja daß diese „vielleicht den größten Teil der Angeworbenen ausmachen“. Diese hätten sich nicht gemeldet, „weil vielleicht ihre Verhältnisse oder ihr Schamgefühl ob des Unrechtes, das sie an ihrem Vaterlande begehen wollten, sie zur Geheimhaltung bei ihrem Vorhaben verleitet hätten“. Weiter hebt der Merscheider Bürgermeister aus der Reihe der von ihm gemeldeten Auswanderungslustigen zwei Personen besonders hervor, nämlich Joh. Peter Reimer und Joh. Peter Höfer. In einem ausführlichen Schriftsatz weist er darauf hin, welche wichtige Erfindung die beiden Männer auf dem Gebiete des Kupferts gemacht hätten und was für ein Schaden für die bergische Industrie und damit für das ganze Land entstehen würde, wenn diese beiden die Erlaubnis zur Auswanderung nach Rußland erhielten.

Der zusammenfassende Bericht des Elberfelder Kreisdirektors unterrichtet noch einmal diesen Hinweis des Merscheider Bürgermeisters. Ihm wäre es am liebsten, wenn die ganze Auswanderung einfach verboten würde, da sie ein Unglück für die

контракт на работу немецких оружейников
приехавших из Золингена

Bürgermeisterei Dabringhausen.

Liste Solinger
Auswanderer
nach Rußland

Dorf ist heute
ein Teil Solingens.

Hölz, Franz, Schullehrer	40 Jahre
ist wohl zu entbehren	
dessen Ehefrau, Geschäft	31 "
Kinder:	
Wilhelma	11 "
Franziska	9 "
Carl	6 "
Carolina	2½ "

Bürgermeisterei Dorp.

Abraham Ohliger, Schwertschmied	40 Jahre
Johanna Maria Ohliger, geb. Hoeh, Ehefrau	44 "
und Kinder:	
Johann Samuel	12 "
Abraham	9 "
Carl-Wilhelm	6 "
Wilhelmine	3 "
Emanuel	1½ "

→

Johann Schneider, Schwertarbeiter	30 Jahre
Anna Maria Schneider, geb. Berg, Ehefrau	27 "
und deren Sohn:	
Daniel	7 "

Joh. Wilh. Pötter, Messerschmied	45 Jahre
Anna Catharina Pötter, geb. Schaaf, Ehefrau	26 "
deren Kinder:	
Ferdinand	14 "
Daniel	11 "
Samuel	7 "

Samuel Ohliger, Messerschmied	36 Jahre
Wilhelmine Ohliger, geb. Richard, Ehefrau	36 "
und deren Kinder:	
Friedrich	12 "
Wilhelmine	10 "
Rosella	7 "
Carl	4 "
Bernhard	1 "

Daniel Hepp e, Messermacher	28 Jahre
unverheiratet	

? →

Peter Kollhaus, Gabelmacher	33 Jahre
Wilhelmine Kollhaus, Ehefrau	32 "
und deren Kinder:	
Carl	8 "
Helene	6 "
Eduard	3 "

выписка из адресной книги о тех кто уехал из
Золингена

Награждение Артура Владимировича Шнейдера

**Первый председатель правления
Златоустовского городского немецкого культурного центра Владимир Артурович Шнайдер**

Они приехали из Золингена. Семья Вольферц

Бабушка Вольферц Мина Карловна
сыновьями

Бабушка Вольферц Мина Карловна и дедушка с
Трифонов Михаил Федотович погиб в
Первую мировую войну

Петр погиб в танке

Павел

Отец Трифонов Иван Михайлович и мать Клавдия Ивановна

Юдина Людмила Ивановна, дочь Ивана

Юдина Светлана. внучка Ивана

Семья Гроо

Гроо Яков Яковлевич и Валентина Ивановна

Наследники традиций

Бабушка, Вейс Элеонора Яковлевна 1954

Бабушка, Софья Гроо (1950)

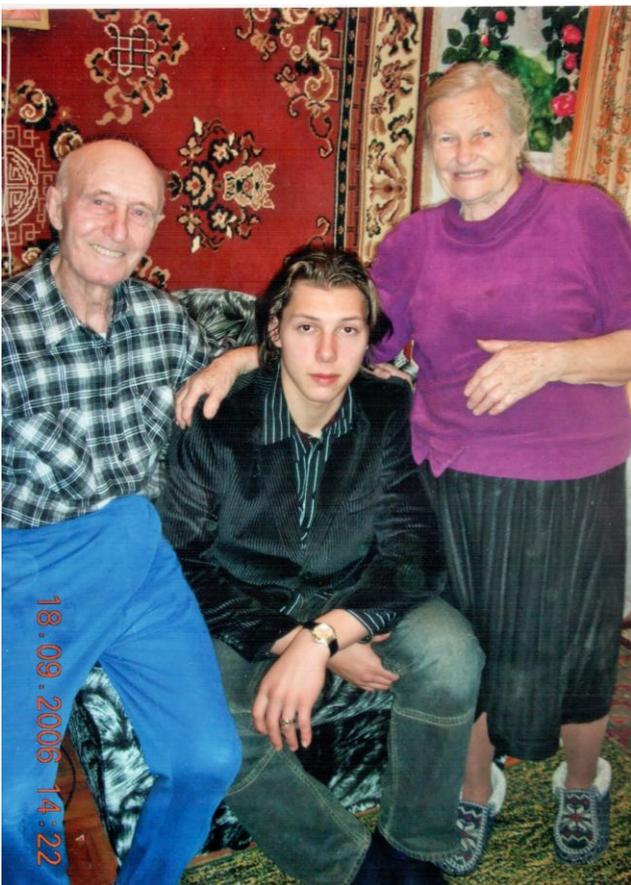

Застолье (крайний слева Гроо Яков Яковлевич (1950 г)

Механизаторы «Солнечного» (1950) второй слева сидит Гроо Я.Я.

Трудармеец Фельк Давид Генрихович

Семья

Три брат:а Иван, Давид, Владимир, Адольф 1958

Справа брат отца Иоганес Генрихович в 1912 году уехал в Йью-Йорк

Родные в Америке

Дедушка Иоганес и бабушка Фельки

В гостях

Немецкие свадьбы

(Фото из личного архива Миллера А.П.)

